

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Bruce

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ТРУДЫ**

В двух томах

Том I

Демографическая теория
и демографическая
история

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 314
ББК 60.7
В55

Вишневский А.Г.

Избранные демографические труды: В 2 т. / А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – ISBN 5-02-033775-7

Т. I: Демографическая теория и демографическая история. 368 с.
ISBN 5-02-033776-5

В том I включены труды известного российского ученого по демографической теории и демографической истории, публиковавшиеся на протяжении последних 30 лет. Центральное место занимают работы, посвященные описанию и теоретическому осмыслению одного из важнейших глобальных процессов современности – демографической революции (демографического перехода), а также вытекающим из теории демографического перехода методологическим подходам к пониманию мотивации современного демографического поведения. В работах по исторической демографии анализируется демографический переход в России, начиная с середины XIX в. Представлены также исследования по теории демографического оптимума и демографической политики. Некоторые из работ на русском языке публикуются впервые.

Для демографов, экономистов, географов.

ISBN 5-02-033775-7
ISBN 5-02-033776-5 (т. 1)

© Российская академия наук,
2005
© Вишневский А.Г., 2005
© Редакционно-издательское
оформление. Издательство
«Наука», 2005

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

* Публикуется по изданию: *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. С небольшими изменениями.

ВВЕДЕНИЕ

“Бесспорно поразителен факт малого изменения рождаемости из года в год, обнаруживающийся, если мы возьмем долгий период времени” [1: 100]. Мог ли автор этих слов, написанных на исходе прошлого столетия, предвидеть, сколь далеким от истины окажется его утверждение спустя каких-нибудь два десятка лет! Все то, что на протяжении XIX в. казалось наблюдателю демографических процессов вечным и незыблемым, в XX в. стало стремительно меняться, приводя к таким последствиям, при виде которых многих наблюдателей – и не без оснований – охватывала паника. “Поразительная неизменность” рождаемости сменилась таким быстрым и глубоким ее падением, что в период между двумя мировыми войнами в Европе всерьез говорили и писали о надвигающейся депопуляции. А резкое снижение в развивающихся странах не менявшейся тысячелетиями смертности привело к другому небывалому феномену – мировому демографическому взрыву, беспрецедентному ускорению роста населения земного шара во второй половине нашего века.

До тех пор, пока в демографической сфере не происходило существенных изменений, она не привлекала большого внимания ни общественного мнения, ни даже науки. Нет человека, который бы не был активным или пассивным участником демографического процесса, и тем не менее этот процесс может не вызывать широкого интереса. Многие ли задумываются над тем, из чего состоит воздух, которым мы дышим? Но если состав воздуха меняется, это привлекает всеобщее внимание.

Общественный интерес к демографическим проблемам постепенно рос. Оказалось, что изменения в рождаемости и смертности, которым еще недавно не придавали большого значения, меняют очень многое как в жизни отдельного человека, так и в жизни целых населений – и не всегда в желательном направлении; что эти процессы зависят от воли и деятельности людей гораздо сильнее, чем думали прежде; и в то же время, что целенаправленное обще-

ственное воздействие на демографический процесс чрезвычайно сложно и невозможно без очень глубокого понимания сущности того, что совершается в демографической сфере.

Общественный интерес к демографической проблематике вызвал к жизни науку демографию. Ученые, интересовавшиеся теми или иными аспектами воспроизводства населения, были и раньше. Но демография как особая наука возникла только в нашем столетии, когда историческое развитие породило социальный заказ, когда оно заставило увидеть в воспроизводстве населения особую, очень важную сторону жизнедеятельности общества и потребовало знания его (воспроизводства населения) законов.

Одной из первых и главных задач новой науки стало осмысление тех необычных явлений, которые достаточно ясно проявились в первые десятилетия нашего века. Сперва в поле зрения исследователей попадали лишь наиболее очевидные и впечатляющие демографические перемены, например быстрое падение рождаемости в капиталистических странах в начале XX в. Но постепенно демографы в разных странах приходили к убеждению, что речь идет не о каких-то отдельных, случайных и изолированных тенденциях, а о всеобъемлющих сдвигах, охватывающих все стороны демографического процесса.

В мировой литературе эти сдвиги обычно обозначаются терминами “демографическая революция” (*révolution démographique*, *vital revolution*) или “демографический переход” (*demographic transition*), мы будем пользоваться в основном термином “демографическая революция”¹. Эта революция имеет огромное значение для всего демографического развития населения мира в XX в. Понимание ее сущности и закономерностей дает ключ к пониманию современной демографической ситуации как в развитых, так и в развивающихся странах и во многом облегчает предвидение будущих тенденций воспроизводства населения. Поэтому вполне понятен интерес, который вызывает исследование проблем демографической революции.

Закономерности количественных изменений, совершающихся в ходе демографической революции, уже сейчас изучены неплохо, причем иногда всю суть ее сводят именно к таким количественным изменениям². Но сущность любого явления может быть до конца понята лишь в том случае, если вскрыта его качественная природа. Только если удастся показать, каковы те качественные сдвиги, которые приводят к количественным изменениям в процессе воспроизводства населения, можно осмыслить происходящий демографи-

¹ Обоснование такого выбора дано в разделах 1.2 и 4.1 этой книги.

² См., напр., [3: 627–633].

ческий переворот как органический элемент исторического процесса и понять закономерные связи демографических и социально-экономических изменений. Эта мысль не нова. “Демографическая революция, – писал З. Павлик, – очень часто бывает весьма упрощенно характеризована по своим признакам, поддающимся выражению в количественном отношении... Такая характеристика, однако, замалчивает то, что демографическая революция является составной частью комплексного исторического процесса, имеющего много сторон, причем далеко не является их пассивным продуктом, а играет во всем этом процессе свою самостоятельную и важную роль” [2: 51–52].

Чем больше мы стараемся проникнуть в глубинное содержание демографической революции, тем теснее она оказывается связанной со всеми переменами, происходящими в обществе на определенном этапе его исторического развития, тем яснее становится, что она представляет собой одну из сторон очень глубокой качественной перестройки всего общественного организма, включает в себя изменения не только интенсивности демографических процессов, но и общих условий, детерминирующих демографическое поведение людей, и механизмов, с помощью которых осуществляется эта детерминация, и того места, которое занимает воспроизводство населения в жизни общества. Такое понимание демографического переворота, в свою очередь, вызывает вопрос о том, какое место занимает он во всей демографической истории человеческого общества, насколько он уникален, какие изменения в жизни людей способны к нему привести, а какие нет, в какой мере наблюдающиеся сейчас демографические закономерности имеют всеобщий характер, а в какой действуют только на нынешней стадии развития.

Предлагаемая читателю книга содержит попытку ответа на эти вопросы. Демографическое развитие человечества схематически представлено в ней как история трех типов воспроизводства населения – архетипа, традиционного типа и современного (рационального) типа – и двух демографических революций, в результате которых совершается переход от одного типа к другому. Различные части этой схемы освещены с далеко не одинаковой полнотой. В центре внимания современная (вторая) демографическая революция, более обстоятельный анализ которой не заменяет, конечно, изучения всех остальных элементов предлагаемой схемы, тем более, что некоторые из них пока гипотетичны и потому лишь слегка намечены здесь. Но знакомство с проблемами современной демографической революции,” о которой к тому же известно сейчас гораздо больше, чем о любом другом этапе демографической истории, осмысление этих проблем позволяет по-новому взглянуть на всю историю размножения людей.

В то же время было бы неверно ограничиться только рассмотрением современной демографической революции и не попытаться хотя бы пунктиром обрисовать предшествующее развитие. Вырванные из достаточно масштабного исторического контекста современные демографические события могут восприниматься в свете конъюнктурной злободневности, а это едва ли оправдано, когда речь идет о таком неотделимом от самого существования человеческого общества фундаментальном процессе, как продолжение человеческого рода.

Автор отдает себе отчет в том, что предлагаемая схема, так же как всякая схема вообще, сильно упрощает действительность и позволяет лишь в самых общих чертах объяснить конкретные особенности воспроизводства населения в разные эпохи и у разных народов. Но зато она позволяет подняться над огромным многообразием фактов и увидеть некоторые общие закономерности демографического развития, действовавшие на протяжении всей человеческой истории или отдельных крупных исторических периодов. Автор убежден, что такая схема нужна. Для ее конструирования многое уже сделано демографами разных стран, но, пожалуй, больший путь еще предстоит пройти. Автор далек от мысли, что ему удалось значительно продвинуться на этом пути, он лишь стремился внести посильный вклад в общую работу.

Знание демографических закономерностей имеет большое практическое, прикладное значение. Но прикладные рекомендации немного стоят, если они не опираются на надежный теоретический фундамент. Процессы, происходящие в демографической сфере, заслуживают более широкого и, главное, более глубокого, чем это имеет место сейчас, теоретического интереса и не только со стороны собственно демографов, но и со стороны философов, социологов, экономистов, историков, социальных психологов — одним словом, всех тех, кто занят исследованием закономерностей жизни общества. Если эта книга будет способствовать пробуждению такого интереса, автор будет считать свою задачу выполненной.

Эта книга не была бы написана, если бы автор не ощущал постоянной помощи коллектива Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР и прежде всего В.А. Беловой, Г.А. Бондарской, А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского и Р.И. Сифман. Их благожелательная критика и высококвалифицированные советы сыграли исключительно важную роль в работе над книгой. Автор приносит им свою искреннюю благодарность. Автор глубоко признателен также Э.А. Араб-Оглы и Ю.А. Леваде, прочитавшим книгу в рукописи и сделавшим ряд весьма полезных замечаний, которые были учтены в окончательном варианте рукописи.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ

1.1. РАЗМНОЖЕНИЕ ПОПУЛЯЦИЙ ЖИВОТНЫХ И ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ

История человечества – история развития производительных сил, история войн и история идей, история классовой борьбы и социальных революций – есть в то же время и история размножения людей. Выделившиеся из животного мира сотни тысячелетий назад и жившие тогда маленькими группками на необъятных просторах люди постепенно заселили все пригодные для обитания территории земного шара, создали густонаселенные центры цивилизации. Увеличение численности людей, рассматриваемое как элемент истории человеческого общества, есть результат всего социально-экономического развития человечества, но в то же время и его необходимое условие.

В размножении можно видеть индивидуальный процесс, происходящий на уровне отдельной брачной пары. Однако, пытаясь понять закономерности того, что совершается на индивидуальном уровне, мы обнаруживаем, что индивидуальные процессы не независимы от процессов, происходящих во всем населении, и что интересующие нас закономерности могут быть поняты лишь при изучении взаимодействия индивидуального и коллективного. Это предполагает рассмотрение размножения как единства процесса возобновления поколений, изменения численности и возрастно-половой структуры всего населения, с одной стороны, и непрерывно совершающихся в нем индивидуальных актов рождения и смерти – с другой.

Размножение как процесс изменения (или поддержания неизменными) численности и структуры популяции в результате постоянного возникновения новой жизни и гибели отжившего, постоянного взаимодействия рождений и смертей свойственно, конечно, не только людям. Это – закон всего живого. Поэтому, исследуя закономерности возобновления поколений у людей, необходимо понять, какое место занимает оно во всей эволюции

форм размножения от простейших до человека. Размножение людей – высшая форма размножения, качественно отличная от всех его предшествующих форм. Но, как известно, высшее, вырастая из низшего, никогда не перечеркивает его полностью. Стало быть, если мы хотим понять качественные особенности высшей ступени эволюции, мы должны не только разобраться в сути качественного скачка, позволяющего говорить о возникновении одновременно с человеческим обществом и более высоких форм размножения, но и не упустить из поля зрения ту преемственность, которая сохраняется при переходе от размножения в дочеловеческом органическом мире к размножению в человеческом обществе.

Продолжение рода представляет собой одну из основных сторон жизнедеятельности любого биологического вида. Непрерывность процесса возобновления поколений предполагает длительное сохранение относительно устойчивого равновесия между видом и средой. В то же время, как само размножение вида, так и колебания внешних условий всегда содержат возможность нарушения этого равновесия, в частности возникновения диспропорции между численностью индивидов данного вида и теми элементами среды, с которыми он взаимодействует. Казалось бы, такое нарушение неизбежно уже хотя бы потому, что размножение вида в целом есть суммарный результат жизнедеятельности массы независимых индивидуумов, не способных учитывать непрерывно меняющийся баланс взаимодействия вида и среды. Однако длительная история всех преуспевающих видов свидетельствует о существовании механизмов, не допускающих таких нарушений этого баланса, которые ставили бы под угрозу само существование вида.

Равновесие между видом и средой обеспечивается в рамках естественных экологических систем, к которым принадлежат популяции данного вида. Известно, что “численность почти всех популяций животных колеблется непериодически и в очень ограниченных пределах. Относительная стабильность популяции обусловлена действием регулирующих факторов, которые находятся в зависимости от плотности популяции” [11: 33]. Правда, в отношении регулирующей роли факторов, зависящих от плотности, нет полного единодушия, разные авторы придают различное значение факторам внешней среды, оказывающим постоянное воздействие на популяцию, – климату, почвам, растительности и т.п., и факторам, зависящим от самой популяции (соответственно факторам, не зависящим и зависящим от плотности), – вплоть до полного отрицания влияния одной из этих двух групп факторов (см.: [25: 44; 36: 245–246]).

Все же регулирующее воздействие факторов, зависящих от плотности, признается большинством исследователей. Но сами эти факторы делятся на две группы. Факторы первой группы проявляются как прямой результат нарушения равновесия между популяцией и какими-либо элементами среды, с которыми она непосредственно взаимодействует. Например, повышение плотности популяций животных может привести к снижению обеспеченности их кормом, что, в свою очередь, может вызвать снижение рождаемости. Еще большее влияние оказывают подобные факторы на смертность. “Наиболее вероятными факторами, вызывающими высокую смертность при высокой плотности популяции и приводящими таким образом популяцию к равновесию, являются: недостаток пищи, истребление хищниками или болезнями, поскольку действие этих факторов сильнее при высокой численности животных” [11: 335].

Вторая группа факторов, зависящих от плотности, вступает в действие независимо от непосредственных взаимоотношений, которые складываются в данный момент между популяцией и средой, механизмы действия этих факторов внутренние. Такие механизмы могли выработаться в ходе эволюции, они поддерживают стабильность популяции независимо от изменений среды, подобно тому, как гомеостатические механизмы поддерживают устойчивость внутренних состояний организма. Эти механизмы могут многократно дублировать друг друга и – при длительной неизменности условий в экосистеме – обеспечивать взаимодействие популяции с другими элементами экосистемы лучше, “экономичнее”, чем механизм непосредственных реакций на изменение внешних условий, не допуская слишком резких колебаний численности популяций.

Механизмы, о которых идет речь, реагируют не на изменение внешних условий, например на недостаток пищи, а на внутреннее состояние популяции, которое может быть непосредственно не связано с какими-либо внешними условиями. “Существует некая, различная для каждого вида средняя плотность популяции, при которой неотвратимо приходит в действие таинственный регуляторный механизм, который через посредство надпочечников и гипофиза сначала подавляет, а затем полностью прекращает воспроизведение” [28: 184]. При повышении плотности популяции у некоторых видов животных усиливается агрессивность, в результате чего нарушается устойчивость внутренней структуры сообществ, приостанавливается половое созревание, повышается смертность молодняка, снижается сопротивляемость заболеваниям и рост популяции замедляется. Вообще существует огромное многообразие конкретных механизмов, обеспечивающих внут-

ренное взаимодействие между размножением популяции и размножением входящих в нее индивидуумов (см. [24: 66–71]).

Иногда процессы, зависящие от плотности, проявляются в весьма сложных реакциях животных. Например, В. Уин-Эдвардс “обнаружил совершенно своеобразное явление: оказалось, что многие животные, в особенности птицы, имеют тенденцию собираться вместе на определенных участках всегда в одно и то же время года, но не в период размножения. По образному выражению Уин-Эдвардса, на этих сборищах определяется тот процент взрослых особей, которые “имеют право” размножаться. Конечно, такая регуляция, если она действительно имеет место, осуществляется нейро-гуморальным путем” [29: 184].

При всем многообразии форм действия механизма, контролирующего размножение и приводящего реализацию биологических потенций индивидуумов в соответствие с требованиями, формирующимися на популяционном уровне, они – поскольку речь идет о мире растений и животных – имеют одинаковую природу: все они выработаны в ходе эволюции под действием естественного отбора, наследственно запрограммированы.

Правда, в последнее время обсуждается гипотеза о ненаследственной основе некоторых элементов поведения животных. Предполагается, что врожденное в поведении животных очень существенно дополняется приобретенным, причем приобретенное поведение рассматривается как самостоятельный фактор, влияющий на последующую эволюцию. “Наследственное поведение обогащается и насыщается массой индивидуальных приобретенных элементов. Однажды оказавшись полезными, они могут восприниматься последующими поколениями, минуя генетическое русло, – путем подражания, обучения” [24: 63]. В основе этой гипотезы лежит выдвинутое В. Уин-Эдвардсом положение о “групповом” естественном отборе, объектом которого оказываются не отдельные особи и их внутренняя организация, а структура и способ организации популяций и субпопуляционных образований (отдельных сообществ животных), которые могут существовать и процветать только при соблюдении особями определенных, усваиваемых каждым поколением при общении со старшими членами сообщества “правил поведения”. Само такое сообщество рассматривается как организация, способная обеспечить “конвенционную конкуренцию” между ее членами [43: 143]. Иначе говоря, в поведении животных, в том числе и в области размножения, есть много “конвенционного”, есть свои “традиции”, которые передаются из поколения в поколение и соблюдаются сообществом, охраняющим свое, по выражению В. Уин-Эдвардса, “потенциальное бессмертие”.

Среди специалистов нет единодушия в отношении гипотезы В. Уин-Эдвардса, одни относятся к ней критически, другие считают весьма плодотворной [12: 182; 23; 24]. Но даже если эта гипотеза подтвердится, она не опровергает положения о том, что механизмы, управляющие процессами, происходящими в животном мире, в том числе и процессом размножения, – результат действия естественного отбора, имеют естественную, а не общественную природу.

Каковы бы ни были механизмы, обеспечивающие стабильность популяции, – смысл их действия заключается в том, что они приводят жизнедеятельность индивидуума – в той мере, в какой она связана с размножением, – в соответствие с экологическими требованиями, предъявляемыми к популяции. Иначе говоря, они обеспечивают существование обратной связи между жизнедеятельностью индивидуального организма и размножением популяции, так что размножение популяции оказывается суммарным результатом массы не независимых индивидуальных актов рождений и смертей, ибо интенсивность последних сама в большой мере зависит от динамики численности популяции при данных внешних условиях ее существования.

В этом смысле реализация физиологически predeterminedной воспроизводительной потенции или использование отпущенного природой срока жизни отдельного индивидуума контролируется гомеостатическими механизмами, которые учитывают процессы, протекающие на популяционном уровне. В результате индивидуальное функционирование оказывается подчиненным – до известного предела, который ставится физиологическими возможностями организма, – коллективному функционированию.

Такие выработанные естественным отбором гомеостатические механизмы, обеспечивающие относительную стабильность популяции, достаточно эффективны в дочеловеческом мире, в условиях, когда сама емкость экологических систем, как правило, длительное время остается стабильной.

С появлением человеческого общества положение коренным образом меняется. В человеческой деятельности, в коллективном труде с самого начала заложены возможности изменения исходных условий экологического равновесия – вначале за счет повышения эффективности использования того, что человек находит в природе готовым, а затем за счет преобразования природы. Человеческая деятельность в относительно очень короткие сроки, хотя и не сразу, нарушает равновесие между популяцией и средой, сложившееся в природе. При этом постепенно изменяется само понятие среды, она перестает быть только естественной, становится все в большей мере социальной – идет ли речь о пре-

образованной трудом природе или о материальных, социальных либо культурных рамках, в которых протекает жизнь людей. Эта меняющаяся среда предъявляет определенные требования к процессу размножения, рассматриваемому как с точки зрения развития всего населения в целом (с позиций макроуровня), так и с точки зрения семьи или индивидуума (с позиций микроуровня).

Чтобы человеческое общество могло существовать и развиваться, должна постоянно поддерживаться внутренняя согласованность различных сторон жизнедеятельности социального организма. Все эти стороны (экономическая, социальная, демографическая и т.п.), будучи до известной степени автономными, могут предъявлять к отдельным людям и к человеческим коллективам различные, в том числе и противоречивые, требования. В результате непрерывной взаимоувязки этих требований определяются возможные границы их удовлетворения, оптимальные для данного общества условия выполнения каждой из его многочисленных функций, те условия, при которых каждая сторона жизнедеятельности общества находится в равновесии со всеми остальными. Разумеется, такая “оптимизация” – не следствие чьей-то сознательной деятельности, а объективно детерминированный и – во всяком случае, до настоящего времени – стихийный процесс.

Размножение людей – одна из важнейших сторон жизнедеятельности социального организма. Оно, разумеется, не составляет исключения из общего правила: всегда существуют объективно определенные условия равновесия между процессом размножения людей и всеми остальными протекающими в обществе процессами – условия демографического равновесия.

На разных этапах исторического развития существуют различные – но каждый раз достаточно жесткие – рамки, в пределах которых может устанавливаться указанное равновесие, существуют как демографические, так и недемографические ограничения, “узкие места”, которые не могут быть расширены при данном уровне экономического и социального развития. Типы демографического равновесия соответствуют тому или иному уровню развития общества, отражают степень контроля человека над природной и социальной средой. Однако чем выше степень этого контроля, тем шире область свободы человека и тем, казалось бы, больше опасность нарушения демографического равновесия в результате сознательных действий людей, каждый из которых, конечно, не знает о существовании объективного демографического оптимума. У животных, как мы видели, размножение регулируется гомеостатическим механизмом, имеющим биологическую природу, животные не могут вести себя иначе, чем они се-

бя ведут. А человек с самого своего появления умел перехитрить природу, и чем дальше, тем власть его над природой становится больше. Каким образом поддерживается демографическое равновесие у людей? Не становится ли оно все более хрупким?

Наш ответ на этот вопрос заключается в том, что и у людей размножение всегда протекает на основе самоорганизации, обеспечивающей поддержание демографического равновесия, то, что можно назвать демографическим гомеостазисом. Но природа этого гомеостазиса, разумеется, совсем не та, что у животных.

У животных регулирующие размножение гомеостатические механизмы выработаны в процессе эволюции и соответствуют условиям естественных экосистем, очень долгое время остающимся неизменными. Но в быстро меняющихся условиях человеческого общества эти механизмы становятся неэффективными и перестают выполнять свои функции. Самый косный человеческий коллектив несравненно динамичнее любого сообщества животных и не может развиваться, приспосабливаясь к черепащим шагам естественного отбора. Создание новых приспособительных механизмов, в частности механизма, контролирующего размножение, – одна из фундаментальных задач, решаемых человечеством в процессе его становления. Эта задача порождается самим развитием становящегося человеческого общества – развитием, которое в то же время создает условия ее решения.

Существуют различные, во многом еще не известные нам каналы, по которым в животном мире к отдельной особи поступает информация, предопределяющая ее функционирование в сфере размножения и отражающая ситуацию, складывающуюся на популяционном уровне. Природа этих каналов, как уже говорилось, естественная. Подобные информационные каналы существуют, по-видимому, и у людей (одно из свидетельств их наличия – регуляция соотношения полов среди новорожденных)³. Но в целом обратная связь “коллектив-индивидуум” у людей осуществляется по каналам, имеющим общественную природу.

Основа существования человеческого общества – совместная трудовая деятельность людей – невозможна на базе выработанных естественным отбором способов общения, закрепления, хранения и передачи информации. В процессе трудовой де-

³ Согласно одной из гипотез, соотношение полов при рождении – эволюционно сложившаяся характеристика вида. Оно обеспечивает оптимальное соотношение полов в зрелой, способной к размножению части популяции. У человека, так же как у животных, “нарушение оптимального соотношения полов взрослых особей вызывает такое изменение в соотношении полов их потомства, которое приводит к восстановлению оптимального соотношения полов в популяции в целом” [5: 191].

тельности и в связи с ней между человеком и природой, с одной стороны, и между людьми – с другой, возникают отношения гораздо более многообразные, глубокие и гибкие, чем это возможно у животных. Эти отношения и все, что с ними связано, находят свое выражение в специфически человеческом, социальном по своей природе феномене – культуре. Под культурой здесь понимается система небиологических средств и механизмов, обеспечивающих адаптацию в среде и поддержание общественной жизни. “Выработку подобного рода средств и механизмов... следует рассматривать не просто как дальнейшее усовершенствование и развитие отдельных свойств биологического типа организации, а как создание качественно особого типа организации” [13: 37–38].

Животное поступает тем или иным образом, повинаясь “инстинкту” или следуя живому примеру. Человек ведет себя в соответствии с культурными нормами. Культурные нормы вырабатываются в результате долгого движения человечества по пути проб и ошибок. В этом есть сходство с действием естественного отбора в природе. Но культурный отбор несравненно более эффективен, чем естественный. Культура обладает мощным кумулятивным действием, она позволяет непрерывно накапливать и обогащать приобретенный опыт, “учиться на ошибках”. Все это колоссально сокращает время выработки норм поведения, адекватных условиям, в которых они действуют, сообщает нормам человеческого поведения неизвестную животному миру гибкость, способность быстро приспосабливаться к меняющимся условиям. В кумулятивном действии культуры – основа экспоненциального характера развития человечества.

В то время, как животные, в лучшем случае, способны к непосредственной передаче индивидуального опыта, человеческая культура обеспечивает условия его многократного тиражирования, служит основой для возникновения совершенно новых способов хранения и передачи ненаследственной информации, в громадной степени расширяет каналы ее передачи, их емкость и надежность. Культура образует то русло, в котором протекает жизнь индивидуума в человеческом обществе. В сфере действия культуры функционирует и механизм саморегулирования размножения людей. Этот механизм через посредство культурных норм, содержащих в себе необходимую информацию об условиях размножения людей и взаимодействия человеческих коллективов со средой, диктует такое поведение каждого индивидуума, которое (в среднем и на протяжении достаточно длительных отрезков времени) обеспечивает поддержание объективно необходимого равновесия.

Иногда гомеостатическое регулирование отличают от адаптивного⁴. Если принять это различие, то можно сказать, что благодаря культуре человеческое общество в сфере размножения, как и во всех других сферах, оказывается способным к адаптивным реакциям, значение которых выходит за рамки простого поддержания гомеостаза. Оно не ограничивается сохранением неизменного равновесия в неизменной среде, а развивается как бы под девизом капитана Немо – “подвижное в подвижном”: изменяя среду, изменяется и само. Однако при достаточно широком понимании гомеостаза адаптивное поведение можно и не противопоставлять гомеостатическому, а рассматривать как частный случай последнего. Именно в таком широком смысле употребляем термин “демографический гомеостазис” и мы для обозначения свойства населения поддерживать демографическое равновесие, в том числе и за счет приспособительных изменений, когда этого требуют меняющиеся условия равновесия.

Механизмы культуры имеют общественную, а не естественную природу, их возникновение – результат действия социальных сил. Замена биологических регуляторов, обеспечивающих согласование требований, предъявляемых к процессу размножения на популяционном и на индивидуальном уровне, культурными регуляторами, совершившаяся в период становления человеческого общества, представляла собой качественный скачок, переворот в сфере размножения. Эта замена произошла в силу общей трансформации многих закономерностей развития жизни в связи с переходом на высшую ступень этого развития – к общественной жизни, и, возможно, новый механизм длительное время выполнял те же функции, что и старый (поддержание равновесия в рамках естественных экосистем). Но создание этого механизма было одной из важных составных частей подготовки перехода человечества к преобразующей внешнюю природу созидательной деятельности.

Совокупность социально-культурных регуляторов, приводящих к тому, что демографическое поведение людей обеспечивает поддержание демографического равновесия, назовем демографическим механизмом. Ранее говорилось, что определенным этапам человеческой истории соответствуют и определенные типы демографического равновесия. В свою очередь, каждому типу демогра-

⁴ О различии между гомеостатическим и адаптивным поведением см.: [13]. Э.С. Маркарян пишет, в частности: “Гомеостатическим следует считать такое поведение, при котором сохраняющие реакции системы не затрагивают присущую ей структуру и направлены на ее сохранение... Собственно адаптивное поведение начинается именно там, где в целях самоподдержания системы в ней происходят приспособительные изменения” [13: 23].

фического равновесия соответствует своя система социально-культурных регуляторов, свой демографический механизм.

Возникновение социального по своей природе демографического механизма означало появление качественно нового явления – воспроизводства населения. Под воспроизводством населения мы понимаем размножение в его высшей форме, свойственное только человеку и отличающееся от размножения в дочеловеческом органическом мире тем, что оно протекает не под биологическим, а под социальным контролем⁵. Подчеркнем еще раз, что, говоря как о размножении вообще, так и о воспроизводстве населения, мы имеем в виду единство процессов, происходящих на индивидуальном и на популяционном (“населенческом”) уровне.

1.2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Все социальное исторично. Не составляет исключения и воспроизводство населения, которое проходит в своем историческом развитии несколько ступеней, соответствующих различным типам демографического равновесия и демографического механизма. В своем единстве типы демографического равновесия и демографического механизма определяют исторические типы воспроизводства населения, адекватные исторически определенным экономическим, социальным и культурным условиям жизни общества. Смены таких типов можно рассматривать как моменты движения от низших форм к высшим. Вне этих исторических форм воспроизводство населения не существует. Воспроизводство населения вообще, так же как и производство вообще – “абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений” [15: 711]. Представляя собой специфическую сторону об-

⁵ Следует подчеркнуть отличие нашего подхода от имеющей некоторое распространение точки зрения, согласно которой и в человеческом обществе “биологическая сторона человеческой природы”, “естественный инстинкт продолжения рода” до известной степени сохраняют роль непосредственных регуляторов демографического поведения (см., например: [6: 10]). Мы не отрицаем, разумеется, значения биологического для воспроизводства населения, однако биологическое присутствует здесь в “снятом” виде, закономерности его проявления социальные. Согласно нашему пониманию, развиваемому в этой книге, демографическое поведение людей на любом этапе человеческой истории детерминируется не биологическими инстинктами (а существование “инстинкта продолжения рода” и у животных более чем сомнительно), а социально-культурными нормами, отражающими общественную потребность в непрерывности демографического процесса.

щественного бытия, воспроизводство населения имеет как черты, меняющиеся от эпохи к эпохе, так и черты, общие для всех эпох человеческой истории, а в более широком плане, как мы видели, даже черты, общие с размножением в мире растений и животных.

Демографические изменения в истории очень тесно связаны со всеми социально-экономическими изменениями – но не как их простое отражение, обязательное автоматическое следствие. Даже такие важные исторические различия, как различия общественных формаций, не всегда ведут к различиям в типе воспроизводства населения – существует несколько формаций, которые “обслуживаются” одинаковыми типами воспроизводства. Например, единый тип воспроизводства населения существует во всех докапиталистических классовых обществах.

Демографическому развитию, так же как и любому другому, свойствен диалектический характер. Длительные периоды существования неизменного типа воспроизводства, во время которых происходит медленное накопление подспудных количественных изменений, постепенное назревание внутренних противоречий, сменяются “перерывами постепенности”, возникновением нового качества, нового исторического типа воспроизводства населения. Такие скачкообразные переходы от одного типа воспроизводства к другому логично рассматривать как демографические революции.

По поводу использования нами термина “демографическая революция” необходимо сделать несколько замечаний. Этот термин применительно к современным демографическим изменениям был введен крупным французским демографом А. Ландри, которому принадлежит видная роль как одному из первых исследователей проблемы возникновения современного типа воспроизводства населения. Заслуга А. Ландри заключается в том, что он ввел понятие “демографического типа” (“régime démographique”), рассматривал различные демографические типы, т.е. то, что мы называем типами воспроизводства населения, в историческом контексте и понимал демографическую революцию как смену таких типов. “Всякое изменение типа (régime) в демографической области, как и в любой другой, – писал он, – можно рассматривать как революцию” [39: 54]. Хотя наше понимание исторических типов воспроизводства населения очень во многом не совпадает с пониманием “демографических типов”, которое мы находим у А. Ландри, его стремление видеть в демографической революции принципиальный качественный сдвиг кажется нам правильным.

Впоследствии предложенный А. Ландри термин получил широкое распространение, но, разумеется, не все, кто пользуется

этим термином, вкладывают в него одинаковый смысл. Очень часто в западной литературе подчеркиваются чисто количественные аспекты происходящих демографических изменений, а слово “революция” трактуется не как научный термин, а как описательное, образное выражение. Вот пример такого словоупотребления. «Если ускорение в приросте в более развитых районах после 1850 г. можно назвать революцией, то более сильная формулировка, по-видимому, будет подходящей к описанию гораздо большего ускорения примерно с 1950 г. прироста населения менее развитых районов. Фактически более сильный термин “демографический взрыв” получил широкое распространение, и это не должно вызывать удивления, поскольку беспрецедентный масштаб этого нового явления действительно поражает воображение» [21: 9].

Для марксистской литературы характерно понимание демографической революции как исторического этапа в развитии населения, как качественного скачка, приводящего к замене одного типа воспроизводства населения другим. “Демографическая революция – всеобщий процесс, при котором примитивные способы воспроизводства населения заменяются современным способом воспроизводства, существующим у нас или в большинстве европейских стран и в экономически развитых странах других континентов” [41: 38] (см. также [22: 382]). Аналогичная точка зрения развивается и в настоящей книге.

Хотя правомерность термина “демографическая революция” казалась нам несомненной, использование его в статье на эту тему [4] неожиданно вызвало критику со стороны ряда авторов, которые усматривали в нем указание на “самодовлеющую природу демографических процессов”, на отрыв демографического развития от социально-экономического и т.п. [1; 7: 87].

Нам кажется, что эта критика основана на недоразумении. Термин “революция” употребляется нами в обычном диалектико-материалистическом смысле. Марксистская философская концепция развития не сводима к “ходячей идее эволюции”, в частности потому, что она рассматривает всякое развитие как “скачкообразное, катастрофическое, революционное” [9: 55]. Как писал В.И. Ленин, только такая концепция жизненна, только она «дает ключ к “самодвижению” всего сущего; только она дает ключ к “скачкам”, к “перерыву постепенности”, к “превращению в противоположность”, к уничтожению старого и возникновению нового» [10: 317]. Отнюдь не случайно классики так широко пользовались термином “революция” применительно к самым различным областям жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс писали не только о социальной и политической революциях, но и про-

мышленной революции, аграрной революции, о “великих революциях в торговле”, о философской революции, о “религиозной революции” и т.п. [17: 365; 30: 256]. В наш язык прочно вошли такие выражения, как “культурная революция”, “научно-техническая революция”.

Нам кажется, было бы неверным демографические процессы, демографическое развитие исключать из ряда “всего сущего”. И для их понимания недостаточно “ходячей идеи эволюции”, и их следует рассматривать в свете общей марксистской концепции развития. Обсуждение вопроса о качественном скачке в демографическом развитии кажется нам вполне естественным. Демографическое развитие – не исключение из общего правила. Нельзя рассматривать его как простое изменение количественных показателей, как циклические колебания, как повторение того, что уже было (дескать, в Древнем Риме было то же, что в современной Франции). Одна из задач этой книги, показать, как в наше время на глазах нескольких поколений вся система демографического регулирования пережила полное качественное обновление, стала принципиально иной по сравнению с тем, что существовало, в неизменном виде тысячелетиями. Иначе, как революцией, эту перемену не назовешь.

Подобно тому, как воспроизводство населения не существует вне определенных исторических форм, так оно не существует и вне постоянного взаимодействия двух конкретных демографических процессов: рождаемости и смертности. Оно проявляется всегда как результат этого взаимодействия, но было бы неверно рассматривать его только как результат, ибо рождаемость и смертность тоже не существуют самостоятельно вне воспроизводства. Правильнее говорить, что воспроизводство населения – единство процессов рождаемости и смертности и что, при всей их относительной самостоятельности, развитие этих противоположных по смыслу процессов возможно только в рамках указанного единства. Тем не менее воспроизводство всегда проявляется как готовый итог, тогда как рождаемость и смертность – реально наблюдаемые процессы, складывающиеся из множества вполне конкретных элементарных актов рождений и смертей.

Именно в рождаемости и смертности проявляются непосредственные результаты взаимодействия демографического процесса со всеми другими протекающими в обществе процессами и лишь через взаимную согласованность рождаемости и смертности реализуется демографическое равновесие в целом. В ходе взаимодействия рождаемости и смертности с недемографической областью и между собой объективно детерминируется цель социального контроля над каждым из этих двух процессов и средства

такого контроля. Тем самым определяются основные качественные черты рождаемости и смертности (в той мере, разумеется, в какой эти черты зависят не от биологических, а от экономических и социально-культурных факторов), а вследствие этого и их основные количественные характеристики, иначе говоря, исторический тип рождаемости и смертности. Но так как рождаемость и смертность суммируются в воспроизводстве населения, то исторические типы рождаемости и смертности определяют в конечном счете и исторический тип воспроизводства населения.

Попытаемся теперь окинуть общим взглядом основные типы воспроизводства, встречавшиеся на протяжении человеческой истории, и демографические революции, приводившие к замене одного типа воспроизводства населения другим.

1.3. АРХЕТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Человечество начинает свой исторический путь в условиях исходного экологического равновесия, унаследованного им от прошлого. Люди – даже если говорить только о неоантропах, *Homo sapiens*, появившихся 35–40 тыс. лет тому назад, – далеко не сразу изменили окружающий их мир. Долгое время, подобно животным, они ничего не привносили в природу, ничего не преобразовывали в ней, а имели в своем распоряжении только те средства существования, которые можно было найти в природе готовыми. Поэтому даже выделившись из животного мира, люди, как и животные, должны были оставаться в постоянном равновесии со всеми элементами тех естественных экологических систем, к которым они принадлежали.

Исходному экологическому равновесию должно было соответствовать и исходное демографическое равновесие, условия жизни первобытного человека, вероятно, долгое время не давали основы для принципиальных изменений качественных и количественных характеристик рождаемости и смертности.

Палеоэкономические расчеты, археологические и этнографические материалы показывают, что населения, жившие в условиях присваивающей экономики, могли существовать только при очень низкой плотности – порядка нескольких человек на 100 км². Чтобы плотность населения длительное время не выходила за эти пределы, не должны были существенно изменяться ни численный состав общины, ни общее количество общин, обитающих на данной территории. Одним из регуляторов плотности населения была миграция, но главную роль, вероятно, все же играло то, что постоянно сохранялись такие уровни рождаемости и

смертности, при которых значительный рост населения был просто невозможен.

Соответствие уровней рождаемости и смертности экологическим требованиям, предъявляемым к воспроизводству населения в целом, отчасти обеспечивалось автоматически, отражая естественную согласованность функционирования различных частей одного социального организма, имеющего единую основу развития – крайне примитивную экономику, неразвитые общественные отношения, сильную зависимость от природы и т.п. Однако эта внутренняя согласованность не гарантировала полностью демографического равновесия. Ведь человек – даже и ранний собиратель – нарушал господствующий в природе автоматизм, он постоянно расширял область своей свободы, мог взять у природы больше, чем любое животное, мог искусственно ограничить рождаемость и т.п. Одного лишь естественного автоматизма для поддержания демографического равновесия теперь было недостаточно. Нужны были специальные механизмы, которые вводили бы демографическое поведение людей в рамки, диктуемые общественной потребностью.

Конкретное рассмотрение этих механизмов не входит сейчас в нашу задачу. Здесь необходимо только подчеркнуть, что они не были биологическими. Возможности целенаправленного воздействия на демографические процессы у первобытного человека были очень небольшими, но в той мере, в какой они существовали, поведение людей было не инстинктивным, а определялось социально-культурными нормами. Как писал У. Ле Гро Кларк, “имеется достаточно данных, свидетельствующих о том, что за долгие годы существования первобытнообщинного строя люди приобрели смутное, но в основных чертах правильное представление о связи между занимаемой ими территорией, обычным прожиточным минимумом и численностью популяции... Они стремились ограничить рост численности либо такими грубыми, но эффективными мерами, как аборт, детоубийство или пожизненное вдовство, либо посредством различных табу, запрещающих половые сношения в определенное время года. Стихийные бедствия, вредители и болезни брали у людей свою дань, но в целом узаконенное детоубийство, аборты и табу всегда давали древнему человеку способ регулировать рост популяции” [Цит. по: 26: 414.].

В последнее время интерес к изучению механизмов поддержания демографического равновесия у первобытных населений повысился; дальнейшие исследования позволят нарисовать картину более глубокую и более подробную, чем та, которая содержится в приведенных словах Ле Гро Кларка. Полагают, в частно-

сти, что демографическое равновесие на ранних стадиях человеческой истории обеспечивалось несколькими сложными, дублирующими друг друга механизмами, которые действовали на разных уровнях (племени, общины, семьи), порождая сложную иерархическую организацию человеческих сообществ [33].

Социально-культурный механизм приводил рост численности населения в соответствие с границами, которые предписывала природа, – таков главный отличительный признак того типа воспроизводства населения, который пришел непосредственно на смену размножению животных. В дочеловеческом мире природа не только ставит эти границы, но и заботится об их соблюдении. На более поздних этапах развития человеческого общества социальный контроль над воспроизводством населения развивается параллельно расширению границ роста численности человеческих популяций в результате производственной деятельности людей. Но первые шаги на историческом пути человечество делает с таким типом воспроизводства населения, который формируется “между двух миров”: цели демографического регулирования ставятся природой, средства даются обществом. Этот исходный тип будем называть архетипом⁶ воспроизводства населения.

Свойственный архетипу воспроизводства населения демографический механизм выполнял, по существу, старые функции, которые в животном мире выполнялись биологическим механизмом. Но он содержал в себе потенциальные возможности приспособления процесса размножения к иным условиям равновесия, возможности, которые сыграли огромную роль в последующие исторические эпохи.

Архетип воспроизводства населения изучен слабо. Сам факт его существования – не более, чем гипотеза, в пользу которой сейчас имеется лишь ограниченное количество доводов. До тех пор пока не выявлены существенные качественные различия в основных демографических процессах – в рождаемости и смертности, свойственных архетипу и пришедшему ему на смену типу воспроизводства населения (а этого не сделано), все соображения, относящиеся к исторической специфике архетипа, остаются гипотетическими. Тем не менее было бы нецелесообразно в ожидании надлежащей проверки отказаться от гипотезы о существовании архетипа, поскольку она позволяет объяснить некоторые трудно объяснимые явления, в частности “демографический взрыв” эпохи неолита.

⁶ Термин “архетип” был введен в демографию Д. Ачади и Я. Немешкери, но только применительно к смертности древнейшего человека [32].

Архетип воспроизводства населения был неразрывно связан с палеолитической экономикой и с теми общественными отношениями, которые могли развиваться на ее чрезвычайно узкой базе. Характер производства и социальных отношений со времени появления *Homo sapiens* в основных чертах сохранялся неизменным на протяжении десятков тысячелетий, а вместе с ними сохранялся неизменным и характер воспроизводства населения, повсеместное господство его архетипа.

Однако и в самую раннюю эпоху человеческой истории производительные силы не стояли на месте, и условия жизни людей очень медленно эволюционировали, шло длительное накопление прогрессивных изменений в материальных условиях и социальной организации жизни и деятельности людей. Разумеется, эффект каждого отдельно взятого изменения мог быть лишь очень незначительным и не способен был привести к изменению экономической и социальной системы первобытного общества. Но по мере того, как таких изменений накапливалось все больше и больше, возникали и распространялись элементы новой экономики, которые вступали в противоречие со старой хозяйственной системой и подрывали ее основы.

Со своей стороны и демографическое развитие сыграло важную роль в назревании кризиса старой хозяйственной системы. Социально-экономический прогресс подтачивал основы демографического равновесия, свойственного обществу, основанному на присваивающей экономике. Демографическая стабильность постепенно уступила место пусть очень медленно, но неуклонному росту численности палеолитических населений и, что самое главное, их плотности. Если присваивающая экономика не подготовлена к коренным переменам, повышение плотности населения может привести к катастрофе, но когда элементы новых экономических отношений уже достаточно созрели, рост плотности может оказаться одним из сильнейших стимулов перехода от присваивающей экономики к производящей. Так, возможно, и было во многих случаях. Например, В.М. Массон пишет, что “скорее всего именно относительно густая заселенность верхнепалеолитической и мезолитической Европы была одной из предпосылок победного шествия по этой территории производящей экономики в VI–IV тысячелетиях до н.э.” [20: 135].

Кризис всей системы отношений, базировавшихся на присваивающем хозяйстве первобытных собирателей, охотников и рыболовов, и вызвал в конечном счете устранение этих отношений и замену их новыми. Перемены охватили все стороны жизни че-

ловческого общества, в частности, они привели к замене архетипа воспроизводства населения его новым историческим типом – к первой демографической революции.

1.4. ПЕРВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Смена архетипа новым типом воспроизводства населения произошла, по-видимому, в далекие времена неолита и была неразрывно связана с грандиозным социально-экономическим переворотом, получившим название неолитической революции⁷. Сущность этого переворота заключалась в переходе от присваивающей экономики к производящей. Прежде люди лишь совершенствовали способы добывания того, что они находили в природе готовым, – теперь человек научился лучше использовать в своих интересах животных и растения, имевшиеся в природе, создал сельское хозяйство. Это было революцией в развитии производительных сил, огромным шагом в овладении силами природы. Отныне люди гораздо меньше, чем прежде, зависели от неконтролируемых стихийных сил. Они научились – до известного предела, конечно, – предвидеть и планировать свою хозяйственную деятельность. Более эффективные и надежные способы получения продовольствия, расширение знаний об окружающем мире (что было тесно связано с нуждами сельского хозяйства), улучшение жилищ и тому подобные изменения преобразовали материальные условия жизни первобытного общества и в то же время имели глубокие социальные последствия.

Важнейшее из них – появление прибавочного продукта, а значит, и возможности присваивать чужой труд. Скачок в производительности труда нес с собой возможность расширения сферы личной собственности и превращения семьи в самообеспечивающуюся хозяйственную единицу, имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком – всего того, что в конечном счете должно было подорвать сами основы первобытного общества. Но этот результат неолитической революции сказался не сразу. Непосредственно после того, как она совершилась, “общества, одержавшие эту одну из величайших в истории человечества побед, пожинали плоды достигнутых успехов в рамках первобытнообщинного строя. Можно без преувеличения оказать, что именно с неолитической революцией наступает пора его наивысшего, хотя и финального расцвета” [20: 159].

⁷ Этот термин принадлежит Гордону Чайлду.

Первые очаги неолитической революции возникли, по-видимому, в X–VIII тысячелетиях до н.э. Начавшись в каком-либо районе мира, она занимала многие столетия, а в целом на земном шаре длилась тысячелетия. Например, до Европы она докатилась только в VI–IV тысячелетиях до н.э., отдельные же группы населения Земли оставались на стадии присваивающей экономики до наших дней.

Возникновение сельского хозяйства и его превращение в главную сферу производственной деятельности людей сделали возможным существование на тех же территориях во много раз более многочисленных, чем в донеолитическое время, населений. В свою очередь новые методы ведения хозяйства и соответствовавшие им формы общественной жизни прямо требовали иной, чем прежде, пространственной концентрации людей, а значит, и иной, гораздо большей их численности. В то же время и под влиянием тех же факторов исторического развития произошли глубокие изменения и в организации частной жизни людей, в их быту, в условиях, в которых происходило рождение и воспитание детей и т.п., в конечном счете, в условиях рождаемости и смертности.

Сейчас качественные и количественные различия в рождаемости и смертности до и после неолитической революции изучены недостаточно, и именно эта недостаточная изученность обязывает к большой осторожности, когда речь идет об архетипе как об особом историческом типе воспроизводства населения. Очень может быть, что когда этот вопрос станет предметом специального исследования, уже имеющийся археологический и этнографический материал позволит без большого труда установить наличие или, наоборот, отсутствие таких – и притом принципиальных – различий. Мы попытаемся лишь с помощью небольшой иллюстрации показать, о каких различиях, с нашей точки зрения, может идти речь.

Известно, что важным элементом демографического регулирования у многих, если не у всех, народов, находящихся на стадии собирательства, было детоубийство (инфантицид). Это явление многократно описано в этнографической литературе (см., например: [35: 158–159]), приведем выдержки из одного из самых последних свидетельств, относящихся к середине нашего века. “У бушменов мать кормит ребенка грудью до трех-четырех лет, когда можно будет найти подходящую для него пищу... Часто второй ребенок или даже несколько детей рождаются, когда мать еще кормит грудью первого. Но молока матери не хватает на всех детей, да и больше одного ребенка она не смогла бы носить на далекие расстояния, которые проходит в поисках пищи. Поэ-

тому нередко последнего новорожденного убивают сразу после появления на свет... Выжить могут только ребенок или дети, родившиеся после того, как первый новорожденный будет отнят от груди” [3: 115].

Следует обратить внимание на своеобразный автоматизм действия этого механизма. Он естественным образом учитывает уровень рождаемости, младенческой и детской смертности, существующий независимо от инфантицида. Если предыдущая беременность по той или иной причине не привела к рождению живого ребенка, или ребенок родился живым, но вскоре умер, следующему ребенку не угрожает умерщвление. Если же предыдущий ребенок родился живым и его жизнь удалось сохранить, появляющимся сразу после него детям грозит смерть. Таким образом, выживающие дети следуют один за другим с большим интервалом, что не может не оказывать весьма существенного ограничивающего воздействия на рост населения.

Переход к производящей экономике несет изменения сразу во многих сферах. С одной стороны, “дети – тяжелая обуза для охотников – в хозяйстве, основанном на производстве пищи, могут уже в раннем возрасте быть использованы для прополки полей или для присмотра за скотом” [27: 55]. С другой стороны, оседлый образ жизни, более надежная база питания, в частности возможность использования молока домашних животных и т.п., неолитические нововведения устраняют жестокую необходимость детоубийства. У африканских племен, отошедших от собирательства, детоубийство практиковалось не столь широко и диктовалось главным образом качественными, а не количественными соображениями; как правило, убивали детей, которых считали неполноценными (см., например [2: 373]). У бушменов же, как пишет Й. Бьерре, все решает арифметика: первого ребенка, даже и уродя, мать будет воспитывать, второго, пусть и полноценного, но появившегося до того, как первый поставлен на ноги, умертвит [3: 115].

На более высоких стадиях развития под влиянием как экономических, так и социальных сдвигов детоубийство становится все более и более редким. Хотя пережитки инфантицида сохраняются очень долго, постепенно он перестает быть культурной нормой и утрачивает свое значение одного из важнейших демографических регуляторов.

Этот пример показывает, как изменение объективных условий жизни людей делает возможным совершенно иное, чем прежде, демографическое поведение индивидуума, ведущее в данном случае к снижению смертности. Более низкая смертность, которая прежде, возможно, привела бы к катастрофе, теперь оказы-

вается элементом поддержания нового демографического равновесия. Условия размножения всего населения и условия появления и сохранения индивидуальной жизни изменились не сами по себе, а во взаимодействии со всеми другими социальными изменениями, поэтому согласованность между демографическим и социально-экономическим не нарушилась. Но это уже новая согласованность, новое демографическое равновесие.

В новых условиях женщина может уже не убивать каждого второго из родившихся у нее детей, но может и убивать, повинаясь древнему обычаю. Поэтому изменений только в объективных условиях демографического равновесия недостаточно. Надо, чтобы утратили силу и уступили место новым старые культурные нормы, которые приводили поведение людей в соответствие со старыми условиями демографического равновесия. Так и происходит в действительности. Постепенно совершается отбор и фиксация культурных норм, отвечающих новым условиям, они канонируются, становятся общеобязательными. В результате складывается новый демографический механизм, система культурных регуляторов, обеспечивающих гомеостатичность воспроизводственного процесса, длительное поддержание нового демографического равновесия. С того момента, как демографический механизм приходит в соответствие с новыми условиями демографического равновесия, можно говорить о возникновении нового исторического типа воспроизводства населения, о завершении первой демографической революции.

Первая демографическая революция сыграла огромную роль в истории человечества. Ее разностороннее влияние на жизнь посленеолитического общества еще ждет своего исследователя, мы кратко коснемся лишь вызванного ею ускорения роста населения.

Как писал Г. Чайлд, “вероятность того, что новая экономика сопровождалась увеличением численности населения, априори очень высока. Тот факт, что население действительно росло очень быстро, кажется, установлен археологией. Только так можно объяснить очевидную внезапность, с которой крестьянские общины возникают в районах, до того времени пустынных или населенных только очень редкими группами собирателей” [37: 70].

Быстрый рост населения отмечается уже в древнейших очагах неолитической революции, например на Ближнем Востоке. “По сути дела это был первый демографический взрыв, и недаром мы видим, как рано земледельческие поселки заполняют археологическую картину Ближнего Востока” [20: 141]. Впоследствии, по мере “неолитизации” и другие районы земного шара вступали в полосу стремительного умножения числа поселений.

Неолитические и посленеолитические поселения были не только более многочисленными, но и более многочисленными. В условиях присваивающей экономики люди жили небольшими общинами. Численность примерно в 25 человек иногда рассматривают даже как некую константу, оптимальную величину, при приближении к которой обеспечивались наилучшие условия существования локальной группы собирателей и охотников [33: 235]. В большинстве случаев, по-видимому, численность общины действительно колебалась в пределах от десятка до нескольких десятков человек.

После завершения неолитической революции стала возможной значительно большая концентрация людей, и людность поселений стала быстро возрастать. В это время повсюду наблюдается быстрое повышение плотности населения и его общей численности в пределах отдельных районов. Например, в Южной Туркмении, на территории Джейтунской культуры, в VI тысячелетии до н.э. сразу после завершения неолитической революции жило около 3 тыс. человек (при плотности 140 человек на 100 км²). В IV тысячелетии, в эпоху раннего энеолита, на той же территории обитало 12–14 тыс. человек (660 человек на 100 км²) [20: 142]. На территории современной Франции, по некоторым оценкам, в IV тысячелетии до н.э. жило 200–300 тыс. человек, в III тысячелетии – примерно 5 млн человек [40: 213]. Население Двуречья при его относительно небольшой территории в III тысячелетии до н.э. насчитывало уже примерно полмиллиона человек [34: 28–29], впоследствии же оно увеличилось до 4–5 млн человек [42: 25]. Сходная картина наблюдалась и в других центрах древнейших цивилизаций. Население Египта в середине I тысячелетия до н.э. по разным оценкам составляло от нескольких миллионов до нескольких десятков миллионов человек [38: 308]. Хотя подобные оценки могут быть лишь приблизительными, сам факт существования густонаселенных зон (наряду с зонами, населенными крайне слабо) не вызывает сомнений.

Распространение по земному шару зон с высокой численностью и плотностью населения заняло, вероятно, несколько тысячелетий. Оценивая этот срок, надо иметь в виду, что периоду демографического подъема предшествовали десятки тысячелетий существования человека современного вида в условиях чрезвычайно низкой плотности и исключительно медленного роста численности населения. По имеющимся оценкам, к началу неолита на всей Земле насчитывалось не более 5–10 млн человек, численность населения в палеолите увеличивалась на 3–8% за тысячелетие. В неолите же рост численности населения резко ускорился

(до 40% за тысячелетие), и к концу неолита население достигло примерно 50 млн человек [19: 236].

Факт неолитического “демографического взрыва” не вызывает сомнений. Он может рассматриваться и в качестве веского довода в пользу изложенной выше гипотезы, согласно которой резкое ускорение роста населения было количественным результатом качественных изменений в воспроизводстве населения, смены его исторического типа, первой демографической революции. В целом, однако, эту гипотезу еще рано считать научно подтвержденной, она нуждается в тщательной проверке на большом фактическом материале.

1.5. ТРАДИЦИОННЫЙ ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Новый тип воспроизводства населения, возникший во времена неолита, безраздельно господствовал во всем мире вплоть до XVIII в., а у значительной части населения мира далеко не полностью изжит еще и сегодня. Основные черты этого типа воспроизводства неразрывно связаны с аграрной экономикой и соответствующими ей общественными отношениями и культурой.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграло в человеческой истории возникшее в эпоху неолита сельское хозяйство. Оно составляло экономическую основу всех классовых докапиталистических способов производства. На базе аграрной экономики сложились блестящие цивилизации древности, расцвел античный мир Греции и Рима, созрело европейское Возрождение. На протяжении многих тысячелетий сельское хозяйство было той почвой, на которой произрастали все достижения человечества, идет ли речь о торговле или мореплавании, о накоплении научных знаний или о создании шедевров искусства, о возникновении новых культур или о смене социально-экономических формаций.

Тем не менее, подчеркивая глубокую прогрессивность аграрной экономики по сравнению с экономикой присваивающих обществ, необходимо сразу же указать на историческую ограниченность, узость тех рамок, которые создает эта экономика для развития производительных сил и изменения условий жизни людей.

Несмотря на бесспорный прогресс производительных сил на протяжении существования всех аграрных обществ, их материально-техническая база остается развитой крайне слабо. Совершенствование орудий производства и улучшение агрикультуры несколько повышали производительность сельско-

хозяйственного труда, но они не избавляли сельское хозяйство от сильнейшей зависимости от природных условий – и в средневековой Европе оно также страдало от засухи, как в Древнем Египте в годы, когда воды Нила стояли слишком низко. Существование отдельных центров торговли и торговых путей не в состоянии было нарушить замкнутость, изолированность жизни основной массы населения в условиях почти исключительно натурального хозяйства. Быт, жилища, весь жизненный уклад подавляющего большинства населения менялись очень мало. Тяжелый труд и полуголодное существование были основными чертами образа жизни земледельца и в Древней Индии, и в античном Риме, и в феодальной Европе. Ни в одном из аграрных обществ не существовало предпосылок для изменения условий демографического равновесия, и если бы каким-то чудом удалось изменить некоторые условия жизни людей независимо от общих социально-экономических условий и тем повлиять на рождаемость или смертность, вызвав ускоренный рост населения, то нельзя было бы согласовать этот более быстрый рост с возможностями аграрной экономики, соответствующих ей социальных институтов и т.п.

“Аграрному” типу демографического равновесия соответствовала и система культурных регуляторов, обеспечивающих поддержание этого равновесия. По сравнению с демографическим механизмом времен архетипа, эти регуляторы были гораздо более “тонкими”, более совершенными. Но с позиций более высоких форм демографического механизма они были весьма грубыми и примитивными и не могли быть иными, поскольку возможности их развития ограничивались относительной неразвитостью всех общественных отношений, свойственных аграрным обществам. Эта неразвитость – естественное следствие низкого уровня развития производительных сил и всего связанного с ними образа жизни людей. Разумеется, нельзя ставить на одну доску уровень развития общественных отношений при всех основанных на эксплуатации докапиталистических способах производства, которые, как известно, суть “прогрессивные эпохи экономической общественной формации” [16: 7], ступени на пути исторического движения от низшего к высшему. Но при всех – часто весьма важных – различиях добуржуазным общественным организмам свойственны очень существенные общие черты, предопределяющие во многом сходное положение индивидуума в обществе, одинаково узкие рамки развития человеческой личности. Все добуржуазные общества – “традиционные”, т.е. такие, в которых поведение людей, их отношения между собой, вся их жизнь регла-

ментируются принимаемой на веру и не требующей рационального истолкования традицией, ориентированы на повторение неизменных, унаследованных с незапамятных времен образцов. Воспроизводство заранее данных отношений отдельного человека и коллектива, предопределенность его отношений к условиям труда, своим соплеменникам и т.д. – не второстепенная черта, а, как писал К. Маркс, основа развития всех обществ, в которых земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя [18: 475]. “Незрелость индивидуального человека” [17а: 89] – одна из важнейших черт таких обществ. Человек в них “выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому...” [15: 710], он “обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса” [18: 486]. Но до тех пор, пока такое обособление не произошло (т.е., согласно К. Марксу, до XVIII в.), в самых различных областях своей жизни человек ведет себя в соответствии с окаменевшими правилами, с определенной схемой, которая не предусматривает его личного волеизъявления, его свободного выбора, рационального осмысления его действий. Все вопросы, которые сейчас каждый взрослый человек решает для себя сам: чем добывать свой хлеб, где жить, как одеваться, с кем и когда вступать в брак и т.д., еще не так давно повсюду в мире очень жестко разрешались за индивидуума традицией, обычаем, родителями, сувереном и т.п. Накладывая на человеческий разум “рабские цепи традиционных правил” [14: 135], традиционные формы жизни “подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств... превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, предопределенный природой рок...” [14: 136].

Таким образом, с одной стороны, на протяжении всего периода господства аграрной экономики оставались в основном неизменными условия демографического равновесия, те объективные требования к процессу воспроизводства населения, которые вытекали из социально-экономических особенностей функционирования аграрных обществ. С другой – оставался в основном однотипным социально-культурный механизм, с помощью которого поведение индивидуума приводилось в соответствие с объективной общественной потребностью. Этот механизм регулировал поведение людей во всех сферах их жизни, не составляла исключения и область воспроизводства населения. Демографический механизм был частью всего “традиционного” механизма, регулировавшего поведение каждого отдельного человека, он, стало быть, тоже был “традиционным”. Это дает основание на-

звать “традиционным”⁸ тот тип воспроизводства населения, который характеризуется “аграрным” типом демографического равновесия (в отличие от “собираательского” его типа в донеолитическое время) и “традиционным” демографическим механизмом. В такой терминологии есть, правда, некоторая непоследовательность, так как, с точки зрения принципа действия демографический механизм, свойственный архетипу, – тоже традиционный. Эту непоследовательность, возможно, удастся устранить, когда будут лучше исследованы различия между архетипом и традиционным типом воспроизводства населения.

Конкретные особенности традиционного типа воспроизводства населения, о котором сейчас известно гораздо больше, чем об архетипе, рассматриваются в последующих главах книги. Задача этого параграфа заключалась в том, чтобы подчеркнуть генетическую и функциональную связь традиционного типа воспроизводства с определенным этапом социально-экономического развития человеческого общества и, следовательно, его исторически преходящий характер. Когда исторический процесс подводит черту под долгим периодом существования аграрных обществ, он тем самым предопределяет и скорое исчезновение традиционного типа воспроизводства населения.

1.6. СОВРЕМЕННЫЙ (РАЦИОНАЛЬНЫЙ) ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Преодоление традиционного типа воспроизводства населения и замена его новым историческим типом, иначе говоря, вторая демографическая революция, были подготовлены всем долгим развитием человечества. Непосредственные же условия, приведшие к началу демографической революции, созрели в процессе разложения феодального общества в Западной Европе. Эта революция – один из многих переворотов, происходивших на протяжении последних столетий, тесно взаимодействовавших между собой и имевших одну общую исходную основу – развитие капиталистического способа производства.

Становление капитализма было обусловлено прежде всего развитием производительных сил. Прогрессивные изменения в агротехнике, развитие торговли и промышленности, успехи мо-

⁸ Этот термин кажется нам более точным, чем введенный А. Ландри и широко распространенный (в том числе и в советской литературе) термин “примитивный тип воспроизводства населения”, которым пользовался ранее и автор настоящей книги.

реплавания, накопление естественнонаучных знаний — все это шаг за шагом подводило к возникновению нового, невиданного ранее типа производства. Однако чтобы капитализм победил, одних только изменений непосредственно в производстве было недостаточно. Должна была произойти цепная реакция, которая распространилась на все стороны жизни общества и постепенно привела к созданию совершенно новой культуры и нового человека.

Подобная смена экономического базиса и политической, идеологической и других надстроек происходила и раньше, в частности при замене рабовладельческого способа производства феодальным. Однако переворот, связанный с утверждением капитализма, был во многих отношениях более глубоким. Он знаменовал конец аграрной экономики как основы хозяйственной жизни человека и замену ее промышленной экономикой. Это в свою очередь означало огромное скачкообразное расширение материально-технической базы развития человеческого общества и вело к кардинальным переменам в общественных отношениях.

Переворот в экономических и социальных условиях жизни человечества начался в Западной Европе примерно в середине нашего тысячелетия. Революции в торговле, в науке, в сельском хозяйстве, в промышленности, наконец, политические революции, приведшие буржуазию к политической власти везде, где она до этого победила экономически, на протяжении столетий разрушали старую хозяйственную систему, старую социальную структуру, старую идеологию, отделяя все большую часть населения “от земледелия и от связанных с этим последним вековых традиций патриархальной жизни” [8: 541]. Узость производственной базы, на которой покоилась аграрная экономика докапиталистических обществ, была преодолена. Новые знания и новая техника, все время совершенствуясь, давали в руки людям все более мощные и экономически эффективные орудия и средства сознательного контроля над неподвластными ему ранее стихийными силами природы. В конечном счете, все эти изменения необратимо нарушили старое демографическое равновесие и привели к замене его новым.

Далеко не всякий переворот в социально-экономической сфере способен подорвать демографическое равновесие. Надо, чтобы был непосредственно затронут “демографический блок” социальной системы, нарушена его внутренняя согласованность, единство рождаемости и смертности. Этого, по-видимому, не было никогда за всю историю аграрных обществ, даже крушение Римской империи и возникновение на ее обломках европейского

феодализма не внесло принципиальных изменений в ход демографических процессов. Но теперь такие изменения произошли. Как будет показано в следующей главе, в XVIII–XIX вв. социально-экономическое развитие привело к коренному изменению причин смерти, а тем самым и к ее резкому снижению, в результате чего и нарушилось демографическое равновесие.

Само по себе нарушение равновесия еще ни о чем не говорит, демографический гомеостазис заключается не в том, что равновесие никогда не нарушается, а в том, что, в случае его нарушения, социальная система стремится к восстановлению нарушенного равновесия. Важно то, как происходит такое восстановление.

Если допустить, что снижение смертности произошло при неизменности прочих (демографических, экономических, социальных и т.п.) условий, то оно привело бы к очень быстрому росту населения. Следствием такого роста населения, скажем, в средневековой Европе была бы неминуемая катастрофа. С одной стороны, быстро растущее население невозможно было бы просто прокормить в условиях аграрной экономики и застойной техники. С другой стороны, у средневекового общества не было таких мощных внутренних мотивов развития (например, таких, каким стало впоследствии стремление капитала к самовозрастанию), которые могли бы сыграть роль целевой доминанты в процессе оптимизации функционирования всей социальной системы с учетом новых условий смертности и вызвать прекращение роста населения путем соответствующих изменений в рождаемости. Поэтому рост населения продолжался бы до тех пор, пока нехватка продовольствия и ухудшение санитарных условий из-за растущей скученности населения и неумения оздоровить среду обитания не привели бы к грандиозным вспышкам голода и эпидемий и к возвращению смертности на прежний очень высокий уровень. Демографическое равновесие было бы восстановлено, но это было бы прежнее равновесие, существовавшее до снижения смертности, причем, что важно подчеркнуть, качественно прежнее, по структуре своей соответствующее оставшимся неизменными экономическим и социальным условиям.

Другое дело, когда смертность снижается в процессе развития капитализма. Здесь создаются совершенно иные условия восстановления нарушенного равновесия и его постоянного поддержания. И дело не в том, как иногда думают, что теперь колоссально развившиеся производительные силы позволяют обеспечить средствами существования сколь угодно большое население – это как раз, вероятно, не так, особенно если учесть, что речь должна идти не о простом прокормлении, а об обеспечении гораздо более высокого, чем прежде, качества жизни миллионам

людей. Но уже при капитализме у господствующего класса появляется главная цель, которая низводит все остальные цели до положения средств, способствующих достижению этой главной. Стремление к получению как можно большей прибыли и к непрерывному накоплению капитала как целевая доминанта капиталистического общества предполагает, что воспроизводство населения должно быть таким, которое наилучшим образом соответствует достижению этой цели. Если бы она была достижима вообще без людей, то, может быть, воспроизводство населения вовсе прекратилось бы. Но так как в действительности без людей никакое производство и никакое общество существовать не может, то и при капитализме должна надежно обеспечиваться непрерывность продолжения человеческого рода. Однако, коль скоро это требование соблюдено, продолжение рода должно занимать в жизни общества как можно меньше места, чтобы не отвлекать его внимание, время, ресурсы от его главной функции — накопления капитала.

Капитализм, таким образом, требует свести уровень воспроизводства населения к его нижней допустимой границе — почти до простого воспроизводства — но не путем возврата к прежней смертности. Новая смертность — порождение новых условий жизни, без которых немыслимо само капиталистическое общество. Капитализм создает иной путь — путь приспособления характера и уровня рождаемости к изменившимся характеру и уровню смертности. В результате складывается новое демографическое равновесие, качественно новое. Многие количественные его характеристики могут оставаться прежними (и, скорее всего, должны оставаться прежними). Скажем, темп роста населения или значения нетто-коэффициента воспроизводства могут и при старом и при новом демографическом равновесии колебаться в одних и тех же пределах. Но структура этого равновесия, пути, которые ведут к его установлению, — совершенно иные, чем прежде, они соответствуют новым экономическим условиям, более того, они детерминированы ими.

Переход к индустриальной экономике изменил не только условия демографического равновесия, но и механизм его поддержания. Старый демографический механизм был пригоден в традиционном обществе, где вся система поведения человека была ориентирована на слепое повторение заданных образцов. Но новое время создало новый исторический тип личности, нового человека, в поведении которого оказались так или иначе отражены и запечатлены главные черты новых общественных отношений. “В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т.д., кото-

рые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата” [15: 709]. Человек впервые оказывается способным вести себя не в соответствии с жесткой программой, не как несамостоятельная частица муравейника или пчелиного роя, а реагируя непосредственно на все внешние воздействия, вытекающие из функционирования общества. Более того, теперь он не может вести себя иначе. Впервые “различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость” [15: 710]. Взаимодействие индивидуума с общественной средой стало более сложным и более гибким, потенциально многовариантным, основанным на относительной свободе индивидуального выбора.

Отсутствие разделения труда и торговли, экономическая, культурная и территориальная замкнутость – характерные черты жизни большинства населения традиционного общества. Перед человеком не было никакого выбора, никакого пути – экономического, социального, культурного – отличного от пути отцов и дедов. Развитие капитализма подорвало материальные и социальные основы, на которых держалась ненужность выбора в прошлые эпохи. Оно несло с собой невиданную ранее дифференциацию человеческой деятельности, сфер приложения и характера труда, типов расселения, образа жизни, культурных стандартов и т.д. Оно породило огромное многообразие и доступность материальных и духовных благ, ранее неизвестных или мало кому доступных, что вело, в свою очередь, к непрерывному возникновению и развитию разносторонних потребностей, которых люди не знали раньше, и, в значительной степени, делало эти потребности удовлетворимыми. Оно создало мир, который был во многом прямо противоположен прежнему, качественно ограниченному миру – миру узких материальных возможностей, неразвитых общественных и индивидуальных потребностей, миру канонизированного и строго регламентированного поведения. Теперь каждому решению, каждому поступку должен предшествовать выбор одной из многих конкурирующих между собой возможностей, для отдельного человека и для всего общества должна существовать определенная свобода выбора.

Утверждение такой свободы во всех областях человеческой жизни полностью соответствует логике исторического развития капитализма. Капиталистическое производство, «превратив все в товары..., уничтожило все исконные, сохранившиеся от прошлого отношения, на место унаследованных обычаев, исторического права оно поставило куплю и продажу, “свободный” договор. Но заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно

располагать своей личностью, поступками и имуществом и равноправны по отношению друг к другу. Создание таких “свободных” и “равных” людей именно и было одним из главнейших дел капиталистического производства» [31: 82]. “Свобода выбора” утверждается не только в экономических отношениях, но распространяется на все стороны жизни людей: “право свободного личного выбора бесцеремонно вторгалось в сферу церкви и религии” [31: 83]; была признана известная степень свободы выбора в области брака [31: 82] и т. д.

Но человек, которому приходится делать выбор, не может в своих поступках ориентироваться на окаменевшие нормы поведения, не считающиеся с возможными изменениями внешних условий. Поведение, основанное на непреложном следовании традиционному образцу, уступает место поведению, в основе которого лежит рациональная мотивация каждого поступка.

А поскольку такая смена типа поведения происходит во всех сферах человеческой жизни, постольку традиционное поведение не может сохранить свое бывшее значение и в демографической сфере. И здесь все большее место занимает рационально мотивированное поведение, сознательно ориентированное на достижение тех или иных, тоже рационально осмысленных целей. В последующих главах этой книги (см., в частности, 4.3) мы попытаемся показать, как такое поведение, на первый взгляд, совершенно не учитывающее общих интересов, может все-таки лежать в основе гомеостатического регулирования демографического процесса и обеспечивать поддержание демографического равновесия. Сейчас заметим только, что индивидуальную свободу выбора целей, равно как и средств для их достижения, не следует понимать в том смысле, что каждый может делать и делает, что хочет. Обстоятельства могут диктовать и, как правило, диктуют необходимость того или иного выбора, но эта необходимость не такая жесткая, как прежде, и, главное, смысл влияния внешних обстоятельств осознается, тогда как в традиционном каноне никто и не ищет рационального смысла.

Таким образом, с переходом к индустриальной экономике были подорваны условия старого демографического равновесия, разрушен старый демографический механизм и сложились новое демографическое равновесие и новый демографический механизм. Этот переворот, в ходе которого демографические процессы сложно взаимодействовали с социально-экономическими, а также между собой, и составляет содержание второй демографической революции. Ее результатом было возникновение нового

исторического типа воспроизводства населения, который мы, за неимением более удачного термина, будем называть *современным*⁹, или *рациональным*. Последующие главы посвящены подробному рассмотрению того, как происходило становление нового типа воспроизводства населения.

1.7. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Размножение животных совершается по естественным законам, размножение людей – воспроизводство населения – социально управляемый процесс. Воспроизводство населения всегда представляет собой диалектическое единство рождаемости и смертности. Основные черты рождаемости, смертности, а значит, и воспроизводства в целом детерминированы объективными условиями демографического равновесия и демографическим механизмом, с помощью которого это равновесие поддерживается. Демографическое равновесие и демографический механизм меняются на протяжении истории. В своем единстве они определяют исторический тип воспроизводства населения.

При всем многообразии конкретных условий, в которых протекало воспроизводство населения в разные исторические эпохи, пестроте регулирующих его социально-культурных норм и довольно широком диапазоне количественных характеристик этого процесса можно выделить три основных исторических типа воспроизводства населения.

Первый из них – исходный тип человеческого размножения, который мы предлагаем называть архетипом воспроизводства населения. Он характерен для доклассового общества, живущего в условиях присваивающей экономики. На этой стадии человеческой истории размножение людей находится уже под социальным контролем, но сфера действия последнего сильно ограничена, демографический механизм приводит воспроизводство населения в соответствие с возможностями естественных экологических систем, к которым все еще принадлежат первобытные человеческие популяции.

В результате первой демографической революции на смену архетипу приходит второй исторический тип воспроизводства – традиционный. Он господствует в доиндустриальных обществах, хозяйственную основу которых составляет аграрная экономика. Возникновение и развитие сельского хозяйства и основанных на

⁹ Этот термин принадлежит А. Ландри [39: 47].

нем экономики и форм общественной жизни существенно изменили условия рождаемости и смертности людей, резко увеличили возможности роста населения и в то же время сделали более многочисленное население необходимым, что и вызвало к жизни традиционный тип воспроизводства населения и обеспечило его сохранение до тех пор, пока сохранялась доминирующая роль аграрной экономики.

Наконец, современный, или рациональный, тип воспроизводства возникает в связи с новым скачком в развитии производительных сил, с превращением преимущественно аграрной экономики в преимущественно индустриальную. Этот скачок создает материальную основу новых условий демографического равновесия и требует приведения демографического механизма в соответствие с ними.

Переход от традиционного типа воспроизводства населения к его современному типу составляет содержание второй демографической революции, рассмотрению которой посвящены следующие главы этой книги.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТИПА СМЕРТНОСТИ

2.1. СУЩНОСТЬ ПЕРЕВОРОТА В СМЕРТНОСТИ

Смертность современного типа, характерная сегодня для всех экономически развитых стран и все более распространяющаяся по всему земному шару, еще совсем недавно не была известна нигде в мире. Она – результат важнейшего демографического переворота, который назревал на протяжении нескольких столетий, начался примерно в середине прошлого века и не завершился на большей части территории Земли еще и теперь.

Сущность переворота в смертности заключается в коренном изменении структуры причин, от которых умирают люди. До переворота подавляющее большинство людей умирало от причин, связанных с внешними условиями жизни, – от голода или неправильного питания, эпидемий, инфекционных или паразитарных заболеваний, от туберкулеза, насильственной смерти и т.п. Все эти так называемые *экзогенные* причины смерти – внешние с точки зрения естественных процессов, происходящих в человеческом теле, не имманентны развивающемуся организму и не связаны с его врожденными пороками.

Две важнейшие черты характерны для экзогенной смертности. С одной стороны, эта смертность наиболее опасна, потому что она затрагивает людей во всех возрастах, в том числе и тогда, когда потенциальная жизнеспособность организма далеко не исчерпана, особенно же, когда организм еще не окреп – в младенческом и детском возрастах. Следовательно, экзогенная смертность *преждевременна*. С другой стороны, раз экзогенная смертность не вытекает из самого развития организма человека, его можно, в принципе, оградить от этой смертности, преобразовав материальные и социальные условия его существования. Иными словами, экзогенная смертность *устранима*.

Однако устранение экзогенной смертности отнюдь не означает устранения смертности вообще. Бессмертия не существует.

Максимальная продолжительность индивидуальной жизни, свойственная человеческому виду, обусловлена биологически и составляет примерно 100 лет или несколько больше¹. В каких бы условиях ни происходило развитие человеческого организма, в конце концов приходит старость (если жизнь не оборвалась до ее наступления), жизнеспособность организма исчерпывается, что и приводит к его неизбежной гибели. Старение – естественный этап развития организма, оно внутренне обусловлено, *эндогенно*. Правда, сами процессы старения, при всей их эндогенности, не совсем независимы от влияния внешних факторов: характера и условий труда, образа жизни, среды обитания и т.п. Эти факторы, имеющие в основном социальную природу, могут до известной степени замедлять или, наоборот, ускорять сам процесс старения, несколько корректируя его биологическую программу. Но в целом, как отмечает В.И. Давыдовский, было бы неверно утверждать, что социальные условия – ведущий фактор геронтогенеза человека, такое утверждение означало бы отрицание примата инволюционных процессов в ходе геронтогенеза, общих для всего живого [8: 272].

Некоторое количество эндогенных смертей, не связанных со старением, а обусловленных какими-либо другими причинами (наследственными болезнями, врожденными пороками и т.п.), наступает в младших, часто в ранних детских возрастах. Те же эндогенные причины, которые связаны со старением, в условиях преобладания экзогенной смертности в большинстве случаев не успевают проявиться, потому что лишь небольшая доля родившихся доживает до пожилых и старческих возрастов. Но если экзогенная смертность сокращается, то на первое место выступают эндогенные причины смерти, связанные со старением.

Ведущие к смерти заболевания пожилых и старых людей могут быть самыми различными, но в настоящее время резко преобладают две группы заболеваний: сердечно-сосудистые болезни и злокачественные новообразования. В этих, так же как и в других болезнях пожилых и старых людей, переплетается влияние эндогенных факторов, таких, как естественный процесс снижения жизнеспособности организма или поздно проявляющиеся наследственные пороки, и экзогенных факторов – среды, условий работы, питания, отдыха и т.п. Но каково бы ни было влияние экзогенных факторов на заболеваемость и смертность в старших возрастах, если большинство смертей приходится на эти возраста, можно утверждать, что эндогенные процессы создают ту поч-

¹ Имеются разные оценки этой величины. В.В. Фролькис, например, оценивает ее в 120–130 лет (см.: [27: 35]).

ву для действия экзогенных факторов, без которой сами по себе эти факторы бессильны. В этом смысле сердечно-сосудистые и раковые заболевания могут рассматриваться как основные по преимуществу эндогенные причины смерти в противовес таким экзогенным ее причинам, как инфекционные заболевания, болезни органов дыхания, различного рода травмы и т.п.

Рассматриваемый в этой главе переход от традиционного типа смертности к современному заключается в том, что экзогенная смертность была поставлена под контроль, и люди стали умирать преимущественно от эндогенных причин. Принципиальное демографическое значение этих перемен определяется тем, что замена экзогенной смертности эндогенной тождественна замене смертности в ранних возрастах, особенно в младенческих и детских, смертностью в пожилых и старческих возрастах, а значит, равносильна увеличению средней продолжительности жизни.

2.2. СМЕРТНОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА

Эффективный контроль над смертностью долго был недоступен человеку. Одно дело – теоретическая возможность устранения экзогенной смертности, другое – ее реальное устранение. На протяжении большей части человеческой истории такая смертность, неразрывно связанная с примитивными условиями существования людей, была практически неустранима.

Во всех традиционных аграрных обществах – и при азиатском, и при античном, и при феодальном способах производства – основная масса населения жила в условиях крайней бедности, бесправия и невежества, а для всего населения было характерно безоговорочное следование традиционному стереотипу. В этих обстоятельствах невозможны были никакие методы борьбы со смертностью, которые предполагали бы другие социальные условия (поскольку они были объективно невозможны) или требовали бы какого-либо избирательного индивидуального поведения со стороны каждого.

Разумеется, неолитическая революция создала возможности резкого усиления контроля людей над смертностью. Скачок в развитии производительных сил и переворот в экономических условиях жизни общества впервые в истории раздвинули узкие рамки, очерченные для роста населения самой природой, и уже одно это создало серьезные предпосылки снижения смертности. Реализации этих предпосылок должно было способствовать важнейшее социально-экономическое следствие возникновения аграрной экономики – появление прибавочного продукта, которое

привело к изменению экономической ценности человека. Человек стал экономически “рентабельным”, превратился в элемент богатства. Новая социально-экономическая ситуация должна была вести к формированию в обществе нового отношения к жизни и смерти людей, что, в соединении с изменившимися материальными условиями их жизни, могло иметь своим результатом расширение контроля над смертностью.

Речь, разумеется, идет не о какой-то системе мер, сознательно выработанных и кем-то внедряющихся. Основу расширения контроля над смертностью составлял просто возросший контроль людей над природными условиями и своим общественным бытием. Но этому соответствовала новая культура, новая этика, впитавшие в себя и новое отношение к человеческой жизни, которое постепенно было закреплено в разного рода законодательных актах, писаных и неписаных этических или религиозных правилах, регламентирующих отношения между людьми да и всю их жизнь вообще.

Значение контроля, установленного на этой стадии развития и бывшего для своего времени огромным шагом вперед, ни в коем случае не следует переоценивать. С точки зрения наших сегодняшних достижений, это – весьма примитивный контроль, он осуществлялся полусознанно и не мог быть ни последовательным, ни всеобъемлющим, ни достаточно эффективным, не мог полностью искоренить прежнее отношение к человеческой жизни. У всех народов надолго сохранились самые варварские обычаи доисторических времен (например, обычай детоубийства). Меры по контролю над смертностью простирались не дальше, чем это допускал антагонистический характер укрепляющегося классового общества с его жестокой эксплуатацией трудящихся масс, задавленных нуждой и тяжелейшим трудом. Невежественное, нищее и подневольное население не в состоянии было вести активную борьбу со смертностью. Да и уровень развития производительных сил обуславливал узость материально-технической базы, на которой могла вестись такая борьба.

Смертность традиционного типа складывалась из двух компонентов: из “нормальной” смертности, наблюдавшейся в относительно благоприятные периоды при отсутствии каких-либо пертурбационных событий, и катастрофической смертности, свойственной периодам особо неблагоприятным, годам “демографических кризисов”.

Катастрофические подъемы смертности были результатом раздельного или совместного действия трех губительных пертурбационных факторов: голода в неурожайные годы, эпидемий и войн.

Сельское хозяйство обеспечивало базу питания гораздо более многочисленного населения, чем собирательство, но в то же время оно ставило людей в полную зависимость от урожая возделываемых ими культур. Засухи, наводнения и другие неконтролируемые стихийные явления периодически приводили к гибели значительной части урожая, и тогда массы людей оказывались обреченными на голодную смерть. Вспышки голода иногда охватывали огромные территории, иногда – лишь отдельные районы той или иной страны, но в целом они повторялись с высокой частотой и регулярностью. В Китае, например, за 1800 лет (со 108 по 1911 г.) зарегистрировано 1829 таких более или менее локализованных вспышек [9: 58], иначе говоря, почти не было года, чтобы какая-либо часть этой огромной страны не страдала от острого голода. В Западной Европе с 1000 до 1855 г. отмечено 450 вспышек голода [48: 51]. На протяжении всей истории человечества неурожай и голод неотвратимо вели к частым и резким подъемам смертности.

Второй главной причиной катастрофических подъемов смертности были эпидемии, косившие население мира на протяжении тысячелетий. Иногда они, подобно “Черной смерти” XIV в., охватывали целые континенты, иногда имели более ограниченное распространение. Как и голод, они были постоянными спутниками человечества на протяжении всей его истории. В нашем тысячелетии они оказывали огромное влияние на уровень смертности населения Европы. Чума, сыпной тиф, оспа и другие “моровые болезни” свирепствовали среди европейского населения, производя огромные опустошения, унося миллионы и миллионы жизней, охватывая огромные территории. “Не токмо во единой Руси бысть гнев божий мором, – повествует летопись об одной из эпидемий XIII в., – но и в Ляхах; то же зимы и в Татарах изомре все, кони и скоте и овце, все изомре, не остася ниче-соже” (Цит. по: [5: 36]. Точное число жертв эпидемий, разумеется, неизвестно, но, судя по свидетельствам современников, относящимся к разным периодам и частям Европы, оно бывало огромным. Считают, например, что “Черная смерть” унесла не менее четверти населения Европы.

Наиболее острые демографические кризисы, наиболее крутые “пики” смертности в прошлом наблюдались в периоды совместного действия голода и эпидемий. Истощенное голодом население особенно легко становилось жертвой повальных болезней, которые в свою очередь вносили дезорганизацию в хозяйственную жизнь, приводили к ухудшению экономического положения, росту цен на хлеб и в конечном счете затрудняли преодоление голода.

К губительному влиянию голода и эпидемий присоединялось действие постоянно возникавших войн. Военные действия приводили не только к прямой гибели масс людей, участвовавших в сражениях (эти потери могли быть как раз не особенно большими), но неизбежно усугубляли действие факторов, вызывавших неурожаи, а значит, и голод, а концентрация войск в одном месте и их передвижения служили причинами возникновения и распространения эпидемий.

Резкие подъемы смертности во время демографических кризисов означали своего рода срывы контроля над смертностью, который в разной форме был установлен, вероятно, еще во времена неолита и расширения которого человечество медленно и постепенно добивалось на протяжении тысячелетий. Эти периодические срывы воскрешали жестокую действительность времен детства человечества. Человек опять оказывался бессильным перед лицом стихии, на время переставали действовать общепринятые социально-культурные нормы, жизнь человека теряла всякую цену, и даже людоедство порой вновь появлялось на исторической арене.

Такие срывы контроля над смертностью, систематические демографические кризисы были неотъемлемой чертой традиционного типа смертности. Но все же они представляли собой из ряда вон выходящие события, нарушавшие обычные, “нормальные” условия, в которых протекали демографические процессы, находившиеся под определенным социальным контролем.

В обычных условиях подавляющее большинство людей умирало не насильственной смертью и не от полного отсутствия средств существования, как это бывало в голодные годы. Главной причиной “нормальной” смертности были болезни, причем не “моровые” болезни, не эпидемии, которые возникали в одном месте, а затем распространялись на огромные территории, а болезни, ежедневно и ежечасно порождавшиеся самими условиями существования людей: плохим питанием, тяжелым трудом, антисанитарным состоянием жилищ, отсутствием правильных санитарно-гигиенических представлений и т.п.

Даже в относительно более благоприятные периоды, когда удовлетворительные урожаи позволяли избежать острого голода, питание людей всех прошлых эпох оставалось крайне неполноценным. Аграрная экономика, даже когда она обеспечивает достаточное количество продуктов питания (для большинства населения, как правило, – минимально достаточное), зачастую не может обеспечить необходимого разнообразия пищевого рациона, который оказывается плохо сбалансированным с точки зрения качественного состава, что приводит к различным видам скрытого голодания (белкового, минерального, витаминного).

Малое количество потребляемых продуктов питания в сочетании с их неудовлетворительным качеством означает хроническое недоедание, которое представляет собой постоянную черту питания большинства населения на протяжении тысячелетий. Хроническое недоедание – одно из главных препятствий повышения эффективности социального контроля над смертностью; оно подрывает здоровье людей, служит одной из причин огромной детской смертности и преждевременной смертности взрослых. Характеризуя роль голода в истории Китая, Жозуэ де Кастро пишет: “Не будет преувеличением сказать, что около 50% смертей в Китае прямо или косвенно вызывается хроническим недоеданием. Недоедание оказывает незаметное влияние на организм, ослабляя и доводя его до такого состояния, при котором теряется иммунитет к опасным заболеваниям... Во всякий данный период времени число жертв хронического недоедания, или эндемического голода, в десятки раз превышает число жертв во время вспышек стихийного, эпидемического голода” [9: 58] (речь идет о Китае до образования КНР).

Хроническое недоедание и несбалансированность пищевого рациона вызывают специфические болезни (квашиоркор, пеллагра, рахит, цинга, бери-бери и др.), которые могут служить непосредственными причинами смерти, но, кроме того, они резко снижают сопротивляемость организма и делают человеческую жизнь легкой добычей таких опаснейших врагов, как малярия, туберкулез, тиф, детские инфекции и т.п.

Антисанитарные условия существования людей, связанные отчасти с чрезвычайно низким уровнем жизни большинства населения, отчасти с отсутствием правильных гигиенических представлений и навыков, также выступают в качестве одной из главных причин возникновения и распространения тяжелых, часто смертельных болезней. Скученность в тесных и непроветриваемых жилищах, грязь, непонимание необходимости или невозможность избежать контактов с заразными больными, использование зараженных продуктов питания и источников водоснабжения, неумение бороться с паразитами, попадающими к человеку из окружающей среды, в частности от домашних и диких животных, отсутствие культуры ухода за новорожденными – таков очень далекий от полноты перечень причин огромной распространенности желудочно-кишечных, венерических, детских инфекционных и других заболеваний. Если голод был уделом трудящихся, которые составляли большинство населения, то антисанитарные условия жизни были характерны для всех его слоев. Очень высокая смертность, в том числе детская, даже среди самых привилегированных групп населения, не страдавших от го-

лода и бедности, – свидетельство того, что неумение человека бороться за оздоровление макро- и микросреды, в которой он жил, было одним из главных оснований, на которых покоилось тысячелетнее господство традиционного типа смертности. К этому следует добавить, что человек не только не мог уберечься от болезней, но и не умел их лечить – до самого недавнего времени медицина была бессильна против большинства болезней, приводивших человека к смерти.

Вероятно, немалую долю в прошлом составляли насильственные смерти (помимо смертей во время военных действий). Жизнь рабов или крепостных находилась в полной зависимости от воли их владельцев, жизнью детей часто неограниченно распоряжались их родители, жизнью жен – мужа. Нравы были суровыми, а отношения между людьми – далеко не идиллическими, законы до известной степени охраняли человеческую жизнь, но нарушение законов само очень часто каралось смертью. В порядке вещей было разрешение спорных вопросов с помощью оружия. Явное или тайное детоубийство широко практиковалось у многих народов.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что социально-экономические и санитарно-гигиенические условия жизни людей во всех аграрных обществах позволяли лишь немногим из них доживать до того возраста, когда исчерпывалась естественная жизнеспособность человеческого организма. Большинство людей погибало от внешних причин, которые при других жизненных условиях могли бы быть устранены, смертность прошлых эпох была почти исключительно экзогенной.

Эта главная качественная особенность смертности традиционного типа предопределяла ее количественные характеристики, ее чрезвычайно высокий уровень и соответственно крайне низкую среднюю продолжительность жизни.

Приведем некоторые оценки средней продолжительности жизни (e_0) для различных эпох. Согласно палеодемографической таблице смертности, составленной Дж. Эйнжелом для жившего 5 тыс. лет назад неолитического населения в районе Хирокитии на Кипре, средняя продолжительность жизни составляла 22,1 года. Палеодемографические таблицы смертности, относящиеся к двум захоронениям бронзового века на территории современной Венгрии (Тишаполгар-Басатанья и Алсонеменди), дают e_0 , равное соответственно 36,4 и 28,9 года, причем авторы таблиц Д. Ачади и Я. Немешкери считают первую величину завышенной в силу неполного учета детских смертей и допускают ее корректировку в сторону уменьшения до 28–29 лет. Таблица смертности, построенная по материалам надписей на мумиях, собранным М. Омбером и

К. Прео и относящимся к Древнему Египту римского периода (III в. до н.э. – IV в. н.э.), дает e_0 , равное 28,7 года. Оценки средней продолжительности жизни по материалам надгробных надписей для различных провинций Римской империи, выполненные разными авторами, колеблются от 14,5 года для Лациума до 42,9 года (мужчины) и 40,7 года (женщины) для Африки. Палеодемографическая таблица смертности, составленная по материалам аваро-франкского могильника IX в., дает e_0 , равное 26,7 года. Согласно обобщенной палеодемографической модели Д. Ачади и Я. Немешкери, отражающей условия смертности населения средневековой Венгрии (X–XII вв.), $e_0 = 28,7$ года. По таблицам смертности Дж. Рассела для средневековой Англии (XIII–XV вв.), составленным по материалам регулярных посмертных записей (*inquisitions post mortem*), средняя продолжительность жизни колебалась в пределах от 17,3 года в 1346–1375 гг. (на этот период пришлось страшная эпидемия чумы – “Черная смерть”) до 35,3 года во второй половине XIII в. [30: 188, 203, 205, 220, 225–226, 250, 256, 276, 302, 308].

Все эти оценки можно рассматривать лишь как сугубо приближительные. Чтобы судить о смертности современных людей, демографы используют огромный массовый статистический материал, да и то нередко высказываются сомнения в точности и достоверности полученных результатов. Историческая же демография неизбежно имеет дело с крайне скудными, отрывочными, часто противоречивыми материалами. Сама возможность использования некоторых из приведенных выше оценок, в частности основанных на надгробных надписях, не раз ставилась под сомнение².

Тем не менее большое количество подобных историко-демографических оценок, накопленных к настоящему времени и, в известной степени, контролирующихся данными о смертности и продолжительности жизни современных населений, находящихся на ранних стадиях демографического развития, дает основания полагать, что во все предшествующие нашему времени эпохи смертность населения оставалась чрезвычайно высокой, а величина средней продолжительности жизни, как правило, колебалась в пределах от 20 до 30 лет и, во всяком случае, почти никогда не превышала 35 лет.

Второй важный вывод из историко-демографического анализа смертности заключается в том, что в динамике смертности на протяжении тысячелетий нельзя увидеть какой-либо определенной тенденции. В Европе XVII в. смертность была столь же высокой, а средняя продолжительность жизни – столь же низкой, как в Древнем Риме или в Древнем Египте.

² См., например: [38: 327–329; 40: 245–264].

Несколько лет тому назад во Флоренции была найдена датированная 1526 г. таблица, содержащая “основанную на опыте оценку времени, которое людям предстоит прожить”, и оказавшаяся почти точной копией таблицы, составленной в начале III в. н.э. римским юристом Ульпианом, описанной Эмилием Мацером и включенной в Дигесты Юстиниана (VI в.). Эта таблица содержит, по-видимому, оценку медианной (вероятной) продолжительности жизни для различных возрастов (т.е. числа лет, в течение которых умрет половина лиц, доживших до данного возраста). Таблица Ульпиана, так же как и таблица, найденная во Флоренции, использовалась, вероятно, для практических целей (для исчисления размеров пожизненной ренты и т.п.) и потому должна была отражать – пусть и приблизительно – реальный процесс вымирания поколения. Ж. Дюпакье, воспользовавшись типовыми таблицами смертности С. Ледермана, аппроксимировал значение медианной продолжительности жизни из таблицы Ульпиана кривой, соответствующей таблице смертности со средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, равной 22,4 года [34: 1068].

Такой результат интересен сам по себе, но мы хотим подчеркнуть здесь в первую очередь то, что таблица Ульпиана, просуществовав более тысячи лет, не утратила своей пригодности для практических целей. Это говорит об отсутствии значительных изменений в смертности на протяжении всего этого времени.

О том же свидетельствуют и первые современные таблицы смертности, которые начали составляться с конца XVII в. Хотя они строились без знания возрастной структуры всего населения, что снижало их точность, они все же дают представление об уровне смертности того времени. Даже в XVIII в. показатели смертности не отличались принципиально от тех, которые, по имеющимся ретроспективным оценкам, наблюдались за тысячами лет до этого (табл. 2.2.1).

Даже у наиболее привилегированной части населения, например у высшей европейской аристократии, средняя продолжительность жизни к середине XVIII в. не достигала 35 лет, хотя у этих слоев населения смертность была наиболее близка к “нормальной”, потому что они не страдали от голода и, по-видимому, в наименьшей степени страдали от эпидемий (табл. 2.2.2).

Таким образом, в течение по крайней мере нескольких тысячелетий в мире существовал один и тот же традиционный тип смертности, который характеризовался огромным преобладанием экзогенных причин смерти и вытекающими из этого

**Средняя продолжительность предстоящей жизни
при рождении по первым таблицам смертности**

	Период таблицы	Средняя про- должительность жизни, в годах
Таблица Галлея для Бреслау	1687–1691	33,5
Таблица Прайса для Нортгемптона	1735–1780	30
Таблица Бартон для части Филадельфии	1782	25
Таблица Вигглсворта для Массачусетса и Нью-Гемпшира	до 1789	35,5
Таблица Морга для Монпелье	1772–1792	23,37 (мужчины) 27,35 (женщины)
Таблица Дювийяра для различных час- тей Франции	до 1789	28,76

Источник: [33: 35].

Таблица 2.2.2

**Средняя продолжительность жизни в английских королевских
и герцогских семьях (в годах)**

Поколения родив- шихся в годы	Для всех умерших		Для умерших насильственной смертью	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1330–1479	24,0	32,9	31,0	33,0
1480–1679	27,0	33,1	30,1	33,9
1680–1729	33,0	33,6	34,7	33,7

Источник: [39: 358 – 359].

чрезвычайно быстрым вымиранием поколений и очень низкой средней продолжительностью жизни. Традиционный тип смертности был неразрывно связан с условиями жизни людей в аграрных обществах. Теперь мы попытаемся показать, что исчезновение этих обществ сделало необходимым исчезновение сложившегося на их базе типа смертности и одновременно создало предпосылки возникновения ее нового исторического типа.

2.3. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕВОРОТА В СТРУКТУРЕ ПРИЧИН СМЕРТИ

Развитие капитализма на протяжении нескольких столетий после Великих географических открытий изменяло как материальные условия существования европейского общества, так и характер социальных отношений внутри него, создавая тем самым предпосылки перемен в типе смертности. Но только появление на исторической сцене промышленного капитализма создало необходимые материальные, культурные и социальные предпосылки для глубокой перестройки причин смерти людей. С этого момента и начался, собственно, переворот в смертности, смена ее исторического типа, которая в мировых масштабах продолжается еще и сегодня.

В развитых западных странах смертность нового типа имеет самую долгую историю, и в них существует самая ранняя статистика смертности. Поэтому возникновение и утверждение нового типа смертности с наибольшей полнотой может быть рассмотрено на примере именно этих стран.

Условия смены исторического типа смертности, создаваемые капитализмом, крайне противоречивы. Хотя рост богатства капиталистического общества, его промышленность и наука все время создают новые огромные возможности расширения контроля человека над враждебными ему факторами среды и снижения экзогенной смертности, использование этих возможностей вовсе не есть что-то само собой разумеющееся. Социальные цели и приоритеты капитализма таковы, что многие пути борьбы со смертностью оказываются неиспользованными, элементы контроля над неблагоприятным воздействием среды сочетаются с бесконтрольной, вредной для здоровья и жизни человека ее эксплуатацией, а успехи в деле продления человеческой жизни нередко сменяются попятным движением.

Но и при капитализме условия жизни большинства населения складываются не произвольно, а отражают объективные закономерности развития этого противоречивого общественного строя. Сам рост производительных сил, развитие агротехники, промышленности, торговли, городов, путей сообщения, а позднее и прогресс науки вели к беспрецедентно быстрому росту богатства общества, а тем самым расширяли его возможности в борьбе со смертью. Разумеется, в действительности реализация этих возможностей очень сильно ограничивалась антагонистическим характером общества и неравным распределением богатств, жестокой эксплуатацией трудящихся. Однако всегда существует некоторая граница, которая не может быть

перейдена даже при самом сильном давлении капитала на условия жизни трудящихся без того, чтобы под угрозой не оказалось само существование капитализма. С одной стороны, эта граница определяется борьбой трудящихся за свои жизненные права. С другой же стороны, само развитие капитализма предъявляет такие требования к количеству, качеству, воспроизводству и сохранности рабочей силы, которые заставляют все время пересматривать стандарты “минимально допустимых” жизненных условий в сторону их повышения.

Поэтому появляется на свет фабричное законодательство – “столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф” [15: 500] – которое ограничивает продолжительность рабочего дня, возраст начала трудовой деятельности, определенным образом регулирует условия труда и т.п. Поэтому буржуазное государство вынуждено до известной степени контролировать жилищные условия, заботиться о минимально необходимом оздоровлении городской среды, а затем и об охране природной среды вообще, о развитии медицины и здравоохранения. Поэтому на известном этапе обязательным становится всеобщее образование и повышение культурного уровня населения, что само по себе есть важное условие успешной борьбы со смертью.

Характеризуя социальные условия, в которых происходило становление нового типа смертности при капитализме, не следует забывать, что при всех своих отрицательных чертах этот строй был более высокой ступенью развития общества по сравнению с предшествующими. Капитализм принес с собой весьма радикальные изменения для своего времени, в целом прогрессивные, которые затронули не только материальные условия существования людей, но и их духовный облик.

Ф. Энгельс писал, что промышленная революция превратила Англию в страну “с трудолюбивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности и которое состоит из совершенно других классов, мало того – составляет совершенно другую нацию с другими нравами и с другими потребностями, чем раньше” [29: 256].

Все эти изменения не только материально, но и духовно подготовили население Западной Европы к наступлению на преждевременную смертность.

Человек традиционного общества не осознавал связи между высокой преждевременной смертностью и примитивными условиями своего существования по той простой причине, что он не представлял себе ни другой смертности, ни других усло-

вий существования. И то, и другое казалось ему данным от века, соответствующим раз и навсегда установленному божественному порядку. Сопряженное развитие производительных сил, общественных связей и индивидуального самосознания, о котором говорилось в первой главе, подорвало веру в незыблемость всего сущего, породило мир, в котором все менялось и каждое изменение влекло за собой множество других, пробудило веру человека в свои силы, в свою способность изменять мир в своих собственных целях.

В вопросах, касающихся охраны своего здоровья и своей жизни, так же как и во всех других, человек традиционного общества ведет себя неизбирательно. Он подчиняется некоторым переходящим из поколения в поколение и обязательным для всех правилам, регламентирующим, скажем, способы ухода за младенцами, особенности питания и т.п., не задавая себе вопроса о том, вредны они для здоровья или полезны. Среди этих правил могут быть и рациональные с точки зрения борьбы со смертностью, но каждый отдельный человек выполняет их, не осознавая их рационального смысла. Вот интересное свидетельство Дж. Неру, относящееся к современной Индии: “Идея обрядовой чистоты чрезвычайно сильна среди индусов... Но... стремление к чистоте не основано на науке, и человек, который купается дважды в день, будет не задумываясь пить грязную воду, зараженную микробами... Люди держат свой дом в относительной чистоте, но выкидывают все отбросы на деревенскую улицу, прямо перед домом соседа... Чистота соблюдается не ради нее самой, а в силу требования религии. Если это требование религии отпадает, уровень чистоплотности снижается” [20: 266–267].

Борьбу со смертью в традиционном обществе вел собирательный, коллективный человек. Охрана человеческой жизни – крайне несовершенная – была функцией общества в целом, осуществлялась через посредство определенных социальных институтов (например, церкви, освящавшей те или иные нормы поведения авторитетом религии), индивидуум же оставался пассивным. По словам известного русского гигиениста Г.В. Хлопина, “сознание, что здоровье есть общественное благо, подлежащее защите общества или государства, явилось прежде, чем каждый член общества из развитого чувства самосохранения научился ценить здоровье для себя лично” [28: 4].

На протяжении истории господствовала “идея, что здоровье граждан есть общественное достояние, и забота о нем должна лежать на государстве” [28: 7]. Современному человеку трудно понять смысл различия, проводимого между коллективной и индивидуальной заботой о здоровье человека, и даже известное про-

тивопоставление одного другому. Но на определенном этапе исторического развития такое противопоставление было оправданно. Понадобилась сила исторического процесса, чтобы человек получил объективную возможность бороться за свою собственную жизнь или за жизнь своих детей и осознал ее. Всего два столетия назад знаменитый энциклопедист Ж. Даламбер писал по поводу инокуляции оспы: "Слишком смешивают интерес, который может видеть в инокуляции государство в целом, с интересом, который могут в ней найти частные лица... В то время как для каждого индивидуума на первом месте стоят интересы личного самосохранения, государство, напротив, рассматривает граждан, не делая между ними различия. Когда оно жертвует одного из 5, его мало интересуется, кто именно будет этой жертвой, лишь бы остальные четверо были сохранены. Но я спрашиваю, вправе ли какой-либо законодатель обязать граждан инокулироваться, исходя из предположения (столь выгодного для государства), что один из пяти погибнет, а четверым, которые избегнут смерти, будет обеспечена жизнь до ста лет?" [32: 37–38].

Иногда Ж. Даламбера критикуют за содержащееся в этих словах противопоставление индивидуума и общества (См. [23: 212]. Даламбер спорил с Д. Бернулли, доказывавшим полезность инокуляции оспы, и в этом споре был неправ. Но цитированные слова могут рассматриваться в более широком, выходящем за рамки этого спора историческом контексте. Пафос противопоставления Даламбера заключается, как нам кажется, в стремлении подчеркнуть неограниченное право индивидуума самому решать свою судьбу.

До тех пор пока человек считает, что его судьба решается на небесах, а свое земное существование рассматривает лишь как временное пребывание в юдоли скорби, успешная борьба со смертностью невозможна. Необходимо было преодолеть пассивность индивидуума перед лицом смерти, неверие в возможность спасти каждую отдельную жизнь, провозгласить человеческую жизнь высшей ценностью и бросить вызов божественному промыслу. Это и стало возможным благодаря формированию нового духовного облика европейского населения, благодаря проникновению в сознание европейского общества революционных, гуманистических и атеистических идей, которое началось еще в эпоху Возрождения и резко усилилось в период решительной борьбы с силами феодализма.

Таков тот социальный фон, на котором происходили великие изменения соотношения сил человека и смерти.

В самих этих изменениях можно выделить два этапа. Вначале удалось поставить под контроль только причины экстраординар-

ной, катастрофической смертности, ограничить губительное действие демографических кризисов. Это – предыстория перехода к новому типу смертности. На втором же этапе произошла коренная перестройка структуры причин смерти, действующих в “нормальных” условиях, совершился переворот, приведший к полной замене традиционной смертности смертностью нового типа.

2.4. ОГРАНИЧЕНИЕ КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ

Традиционный тип смертности безраздельно господствовал во всем мире вплоть до XVIII в. Несмотря на немалый экономический, социальный и культурный прогресс, достигнутый к этому времени шедшими по капиталистическому пути странами Западной Европы, и здесь люди все еще оставались бессильными перед лицом смерти. По замечанию А. Сови, XVII в. “благоприятствовал некоторым незначительным улучшениям. Но как в отношении нормальной смертности, так и в отношении исключительной сверхсмертности это столетие, в котором было столько блеска, оставалось удивительно мрачным” [45: 4]. До исторического переворота в смертности оставалось совсем недолго, но, по словам французского историка П. Губера, «люди до 1740 г. и особенно люди классического XVII в., которые постоянно трепетали перед тремя традиционными и почти каноническими бедствиями – “*A peste, fame et bello, libera nos Domine*”, – эти люди не представляли себе, не могли вообразить подобных изменений, подобной “революции”» [35: 106]. И лишь примерно с середины XVIII в. население Западной Европы ощутило ветер надвигающихся перемен.

Именно в этот период началась та глубокая трансформация структуры причин смерти, которая привела в конечном счете к возникновению совершенно нового типа смертности. В первую очередь обращает на себя внимание ослабление силы причин, вызывавших катастрофическую смертность в периоды демографических кризисов – голода и эпидемий.

Голод отступал медленно. “Вспышки голода потрясали Европу весь XVIII в., и во второй половине этого века казалось, что все враждебные силы без исключения сговорились удерживать этот континент в состоянии хронического голодания”, – пишет Жозуэ де Кастро [9: 295]. Даже и XIX в. не был полностью свободен от вспышек смертоносного голода. В конце 40-х годов в результате неурожая картофеля в Ирландии голодной смертью погиб миллион человек, а еще большее количество ирландцев, гонимых голодом, эмигрировали из страны.

Но все же развитие производительных сил и постепенный рост капиталистических отношений, по-видимому, не могли не оказать влияния на питание населения. Вспышки голода стали повторяться реже, и сила их понемногу ослабевала. Этому способствовали, в частности, совершенствование методов ведения сельского хозяйства (переход от трехполья к более интенсивной плодосменной системе, заготовка на зиму корма для скота, большую часть которого еще в конце XVII в. просто забивали осенью, и т.п.), развитие торговли и средств сообщения (в средневековой Европе отдельные районы были почти не связаны друг с другом, и если в каком-нибудь из них производство продовольствия почему-либо сокращалось, помощи ждать было неоткуда) и т.д. Роль голода и хронического недоедания как причин высокой смертности начала идти на убыль.

Эпидемии также долго сохраняли свою грозную силу. Даже в XVIII в. Европа знала три крупные вспышки чумы: в 1720, 1743 и 1759 гг. и несколько более мелких. Страшным бичом в Европе в XVIII в. была оспа. Современники считали, что среди достигших 30-летнего возраста почти не было людей, не перенесших оспы, причем из заболевших оспой умирал каждый седьмой или восьмой, а среди маленьких детей – каждый третий [23: 256–257]. Немалые опустошения производили эпидемии тифа. В Скандинавских странах, например, во второй половине XVIII в. ежегодно оспой и тифом было обусловлено не менее 10% всех смертей, а в каждом втором году на долю этих болезней приходилось, по крайней мере, 20% всех смертей [48: 52].

Но все-таки к XVIII в. произошли некоторые изменения, появилось лучшее понимание природы эпидемий, характера их распространения, и люди научились если не бороться с ними, то по крайней мере принимать некоторые меры предосторожности, в частности, устанавливать карантин, изолировать заболевших и т.п. Были предприняты первые попытки международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями (в 1792 г. был создан первый международный карантинный совет в Танжере), сказались и результаты общего экономического и культурного развития европейского общества. Наконец, не исключено, что, как полагают некоторые исследователи, определенную роль сыграли “естественные” факторы: ослабление вирулентности возбудителей некоторых болезней, не связанное с совершавшимися в обществе изменениями, а происшедшее потому, что вирулентность микроорганизмов вообще подвержена колебаниям [42].

Правда, если последний фактор вообще может иметь значение, то его действие должно было обнаруживаться и в другие исторические периоды. Так, возможно, и было на самом деле. Пола-

гают, в частности, что действием этого фактора могут быть объяснены два демографических подъема в Европе в нашем тысячелетии – с середины XI до конца XIII в. и с середины XV до конца XVI в. Не исключено, что такой же подъем, связанный со снижением смертности под действием “естественных” факторов, происходил и в XVIII в., вначале независимо от влияния социально-экономических изменений. Впоследствии, однако, это влияние присоединилось к действию “естественных” факторов, оказавшись гораздо более мощным, так что начавшееся снижение смертности не сменилось ее новым повышением, как это бывало прежде, а приобрело устойчивый и необратимый характер [37: 86].

Так или иначе, но население Европы уже не становится такой легкой добычей эпидемий, какой оно было в прошлые века. “В XVII в. исчезает проказа... Сифилис, после периода страшного усиления в конце XV и в начале XVI в., теряет свой эпидемический характер. В XVIII в. уменьшаются эпидемии кровавого поноса, до того производившие огромные опустошения” [13: 14]. Чума “перестает уже играть в жизни общества ту страшную роль, которая была ей присвоена в XIV–XVI, даже в XVII веках” [5: 81]. На протяжении XVIII в. распространяется, по крайней мере, среди некоторых слоев населения инокуляция оспы (прививка здоровым человеческой оспы, что создавало риск тяжелого заболевания и даже смерти от оспы, но у большинства инокулированных приводило к выработке пожизненного иммунитета).

В то время как отступление голода и эпидемий несло с собой снижение катастрофической смертности, третья ее причина – войны – только набирала силу. Боевые действия в прошлом были не столь кровопролитны, как в XIX в. и особенно в XX в., но все же военные потери были не такими незначительными, чтобы ими можно было пренебречь, и к XVIII в. они сильно возросли. Так, по оценке Б.Ц. Урланиса, потери армий в Европе за весь XVI в. исчислялись сотнями тысяч человек, в XVII в. составили 3,3 млн человек, в XVIII в. – 5,4 млн. человек [26: 42, 404]. Кроме того, возросшие масштабы военных действий не могли не сказаться отрицательно на экономике европейских стран.

И все же суммарное действие причин катастрофической смертности к XVIII в. явно ослабело, и их роль среди других причин смерти стала гораздо более скромной. В результате в Западной Европе почти прекратились кризисные подъемы смертности. Впервые в истории человечества катастрофическая, экстраординарная смертность была поставлена под контроль. Разумеется, это был еще весьма несовершенный контроль, но все-таки он стал главным фактором начавшегося в ряде западноевропейских стран снижения смертности. «В XVIII в. “пики” смертности

почти исчезают: срезанием этих “пиков” и объясняется падение смертности» [25: 228], “все материалы по всем странам и городам показывают падение ее в XVIII в.” [25: 227], отступление смерти во второй половине XVIII в. не вызывает сомнений.

Ограничение действия причин катастрофической смертности еще не дает оснований говорить о появлении на исторической арене принципиально нового типа смертности. В нормальные, некризисные периоды люди продолжали умирать по законам, присущим традиционному типу смертности. Но демографические кризисы, сопровождающиеся катастрофическими подъемами смертности, – неотъемлемая черта традиционного типа смертности. Коль скоро они прекращаются, уже нельзя считать, что этот тип смертности сохраняется в неизменном виде. Поэтому в устранении систематических “пиков” смертности можно видеть первый шаг к устранению самого традиционного типа смертности.

2.5. ПЕРЕВОРОТ В СТРУКТУРЕ ПРИЧИН СМЕРТИ

Можно думать, что уже в XVIII в., когда впервые было значительно ограничено действие причин катастрофической смертности, намечались и первые перемены в структуре причин “нормальной” смертности в спокойные, некризисные годы. Они должны были естественно вытекать из всех перемен в экономических и социальных условиях жизни западноевропейского общества, которые к XVIII в. стали уже достаточно ощутимыми. Мы не располагаем данными о структуре причин смерти до середины XIX в., но знаем, что еще и к этому времени смертность оставалась преимущественно экзогенной. Следовательно, те перемены в соотношении причин смерти, которые могли совершиться в XVIII в., а до этого и подавно, могли быть очень небольшими, не менявшими сущности типа смертности. Тем не менее они медленно и постепенно подвели к качественному скачку, к возникновению нового исторического типа смертности.

Этот скачок начался примерно в середине XIX в., в период, когда к действию общих социально-экономических факторов, порожденных развитием буржуазного общества, добавилось действие некоторых специфических факторов, влияющих на здоровье и длительность жизни людей непосредственно и даже, до известной степени, независимо от уровня их благосостояния. Речь идет прежде всего о новых санитарно-гигиенических условиях и новой роли медицины, вытекавших из особенностей развития промышленного капитализма и связанного с ним научно-технического и культурного прогресса.

В XIX столетии ускорились начавшиеся еще в XVII–XVIII вв. изменения в личной гигиене. Поддержание чистоты тела, одежды или посуды, элементарная гигиена питания, умение бороться с насекомыми-паразитами и тому подобные вполне обычные в наше время вещи очень молоды. Еще в начале XVII в. англичанин Т. Кориат, путешествуя по Италии, был поражен тем, что “итальянцев нельзя заставить есть руками: они исходят как бы из того, что не у всех руки чисты” [13: 26]. На протяжении XVII–XVIII вв. обычаи не есть руками, ежедневно умываться, менять белье и другие постепенно распространялись среди богатой части населения европейских стран, но только в XIX в. они стали прочно входить в быт народа. Этому способствовали, с одной стороны, преодоление замкнутости сельской жизни и ускорившееся распространение новых культурных навыков, с другой – серийное производство более рациональной и гигиеничной одежды, дешевых товаров массового потребления (белья, посуды), доступных гигиенических средств (мыла и пр.), медикаментов и т. п.

XIX в. был периодом стремительного роста крупных городов, которые, при прежнем уровне требований к коммунальной гигиене, должны были бы превратиться в опаснейшие очаги эпидемий. Однако новые экономические и технические возможности позволили в значительной степени нейтрализовать эту опасность. Развитие крупной промышленности сделало возможным техническое переустройство жизни людей, строительство более благоустроенных жилищ, развитие санитарной техники и оздоровление населенных мест. Уже в начале XIX в. стали осуществляться первые мероприятия по реконструкции городов, созданию централизованных систем водоснабжения, канализации, очистки. Впоследствии они принесли плоды в виде резкого сокращения смертности от таких болезней, как сыпной тиф, чума, холера, дизентерия и другие желудочно-кишечные заболевания. Большое значение имели новые методы обеззараживания питьевой воды, стерилизации пищевых продуктов, отопления и освещения жилищ и производственных помещений, постепенное изменение условий труда, развитие техники безопасности и т. д.

Огромную роль в борьбе с экзогенной смертностью сыграл прогресс медицины, который в значительной степени базировался на связанных с развитием промышленности успехах химии и биологии. Еще в конце XVIII в. Э. Дженнер открыл метод создания надежного иммунитета против одной из самых страшных болезней – оспы, что не только сделало возможной полную ликвидацию этой болезни, но впервые показало огромную эффективность принципа, которому суждено было стать одним из краеугольных камней профилактической меди-

цины,— принципа индивидуальной защиты человеческого организма. Применение этого принципа в борьбе с оспой оставалось исключением в медицинской практике до последней трети XIX в., когда, прежде всего благодаря работам Л. Пастера, была создана бактериологическая теория болезней и указан принципиальный путь борьбы с ними. Этот путь вел не только к надежной профилактике инфекционных заболеваний путем вакцинации, но, как показало развитие микробиологии уже в XX в., и к чрезвычайно эффективному лечению многих из них. Важное место в истории борьбы с болезнями и смертностью от них на протяжении последних ста лет занимает разработка современных методов антисептики, рентгенодиагностики и ряд других достижений медицинской науки. Исследования и открытия Л. Пастера, Р. Коха, И. Земмельвейса, Дж. Листера, Э. Беринга, К. Рентгена, И.И. Мечникова, П. Мэнсона, П. Эрлиха, А. Флеминга и их последователей позволили, начиная с конца прошлого века, развернуть победоносную борьбу против эпидемических и инфекционных заболеваний, таких, как сыпной тиф, холера, брюшной тиф, малярия, желтая лихорадка, туберкулез, сифилис, детских (скарлатины, дифтерии, кори, коклюша) и многих других болезней, которые еще в недавнем прошлом уносили тысячи и тысячи жизней, сейчас же почти полностью поставлены под контроль.

О том, насколько успешной была эта борьба, можно судить, прослеживая судьбу некоторых причин смерти с середины прошлого века. Хорошее представление о происшедших изменениях дает табл. 2.5.1, относящаяся к одному из штатов США и к Англии и Уэльсу, по которым имеется наиболее ранняя статистика причин смерти.

Причины смерти, названные в таблице, в значительной степени, а во многих случаях почти полностью утратили свое значение, в то время как еще в середине прошлого века на их долю приходилось 50–60%, а то и более всех смертей. Это не могло не изменить коренным образом всю структуру смертности по причинам. Изменение структуры причин смерти за длительный срок в более общем виде покажем на примере Англии и Уэльса (табл. 2.5.2).

Разумеется, и к 1861 г., для которого приведены самые ранние данные, структура причин смерти существенно изменилась по сравнению с XVIII в.: к этому времени заметно сказались уже изменения в условиях жизни населения Англии, связанные с промышленной революцией, и стало ощутимым снижение смертности. Но все же первый столбец таблицы характеризует относительно ранний этап изменений в структуре причин смерти, отра-

Снижение смертности от некоторых причин

Причины смерти	Массачусетс (США)			Англия и Уэльс		
	Число умерших на 100000 жителей		Сниже- ние, %	Число умерших на 100000 жителей		Сниже- ние, %
	1856–1865	1945		1851–1860	1945	
Все причины	1794,7*	1222,3	31,9	2216,5	1261,3	43,1
в том числе:						
тиф и паратиф	92,5	0,1	99,9	39,0**	0,1	99,7
дифтерия	86,1	0,3	99,7	52,0*	1,8	96,5
корь	17,1	0,2	98,8	41,2	1,9	95,4
скарлатина	101,3	0,2	99,8	80,6*	0,2	99,8
коклюш	23,8	0,5	97,9	50,5	1,8	96,4
оспа	11,0	—	100,0	22,2		100,0
диарея и энтериты	165,9**	4,3	97,4	...	13,9	—
туберкулез	446,4	39,3	91,2	347,6	61,5	82,3
пневмония	107,4	48,7	54,7	...	52,1	...

* 1856–1860 гг. **1869 г.

Источник: [33: 164].

жает ситуацию накануне “пастеровской революции” и вступления медицины в бактериологическую эру.

В условиях смертности 1861 г. большинству родившихся предстояло умереть от экзогенных причин, прежде всего от таких, как туберкулез, другие инфекционные и паразитарные заболевания, пневмония и т.п. В то же время только примерно 140 человек из каждых 1000 родившихся умирали от двух основных эндогенных причин: сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований. За последующие же сто лет произошел колоссальный сдвиг в структуре причин смерти, и в начале 60-х годов нашего века от этих причин умирало примерно 700 из каждых 1000 родившихся.

Столетний период, характеризуемый столь значительными изменениями, был очень коротким по сравнению с многими тысячелетиями, на протяжении которых структура причин смерти не менялась. За сто лет совершился поистине стремительный скачок, имевший огромное значение для всего последующего развития. За этим скачком, как уже говорилось, лежит перемещение подавляющего количества смертей в стар-

**Число умирающих от различных причин из 1000 родившихся;
Англия и Уэльс, мужчины**

Причины смерти	1861	1881	1901	1921	1940	1951	1960	1964
Инфекционные и паразитарные болезни	229,7	209,4	165,3	108,8	69,3	37,4	12,9	9,8
в том числе туберкулез органов дыхания	109,5	98,1	77,4	59,3	40,2	26,1	8,1	5,9
Новообразования	14,0	26,1	52,3	104,4	118,8	161,2	192,8	201,1
Сердечно-сосудистые заболевания	124,3	174,2	181,5	253,4	348,7	462,5	504,8	497,4
Грипп, пневмония, бронхиты	132,2	170,9	165,2	174,0	163,2	149,4	119,2	132,5
Несчастные случаи, отравления и случаи насильственной смерти	49,4	52,2	48,9	42,8	86,0	40,8	45,0	45,8
Прочие и неустановленные причины	450,4	367,2	386,8	316,6	214,0	148,7	125,3	113,4

Источник: [44: 225–269].

шие возрастные группы, громадное снижение смертности в младших возрастах и увеличение средней продолжительности жизни.

Англия, к которой относятся приведенные выше данные, была не единственной страной, в которой коренная перестройка структуры причин смерти началась уже в XIX в. Тогда же по этому пути шло большинство промышленно развитых стран Западной Европы, а также некоторые заокеанские страны, заселенные выходцами из Европы. Как и в Англии, в них неуклонно сокращалась доля экзогенных причин смерти и на первое место среди других причин все больше выходили сердечно-сосудистые и раковые заболевания, причем во второй полови-

**Число умирающих от сердечно-сосудистых заболеваний
и новообразований из 1000 родившихся в некоторых странах
в начале и в середине XX в.**

Страна	Год	Муж- чины	Жен- щины	Год	Муж- чины	Жен- щины
Австралия	1911	320,3	372,1	1964	713,2	768,0
Англия и Уэльс	1901	233,8	294,5	1964	698,5	737,0
Италия	1901	193,9	222,9	1964	637,2	692,1
Новая Зеландия	1901	324,8	335,3	1964	694,6	720,6
Норвегия	1910	245,5	244,5	1964	691,8	705,5
США	1900*	224,3	260,1	1964	725,8	783,8
Швеция	1911	262,0	278,8	1964	727,2	752,5
Япония	1899	176,7	165,1	1964	581,0	567,6

*Штаты, нмевшие регистрацию причин смерти.

Источник: [44: 225–269].

не XIX в. эта перестройка совершалась относительно медленно, в первой же половине XX в. она заметно ускорилась. Еще в начале века вероятность того, что человек умрет от болезней сердечно-сосудистой системы или рака, даже в странах с самой низкой смертностью была невысока. К середине же XX в. перестройка структуры причин смерти во многих странах продвинулась уже очень далеко, и при огромном снижении риска смерти от наиболее опасных в прошлом экзогенных причин резко увеличилась вероятность умереть от главных эндогенных причин – сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований.

Оценивая изменения, показанные в табл. 2.5.2 и 2.5.3, следует учитывать как совершенствование статистического учета смертности по причинам, так и улучшение диагностики, например, распознавания рака внутренних органов, смертность от которого прежде могла относиться на счет каких-либо иных причин. Внесение соответствующих поправок может сократить разницу в доле смертей от раковых и сердечно-сосудистых заболеваний прежде и теперь. Но оно, конечно, не может поколебать общего вывода о том, что структура причин смерти коренным образом изменилась, и доля смертей от эндогенных причин небывало возросла. Эти изменения оказали решающее влияние на уровень смертности всего населения и его отдельных возрастных групп.

2.6. СНИЖЕНИЕ ПОВОЗРАСТНОЙ СМЕРТНОСТИ И ИЗМЕНЕНИЕ КРИВЫХ ДОЖИТИЯ

По отношению ко всему населению выражение “снижение смертности” неточно. Смертность не становится более низкой: сегодня, как и тысячи лет назад, умирают все родившиеся. Но в отдельных возрастных группах смертность действительно может снижаться, так что все большее число людей, доживших до определенного возраста, не умирает в данной возрастной группе, а переходит в следующую. Разумеется, возможности таких изменений больше в младших возрастах, в пожилых и старческих возрастах они ограничены тем, что именно на эти возрасты перемещаются смерти, которые удастся предотвратить в детстве, молодости или в зрелом возрасте. Тем не менее снижение смертности затрагивает все возрастные группы, вплоть до самых старших.

Динамику повозрастной смертности покажем на примере Швеции. Как следует из табл. 2.6.1, снижение возрастных коэффициентов захватило все возрастные группы лишь после 1800 г. С этого времени и до середины XX в. это снижение продолжалось непрерывно, хотя в разных возрастах протекало по-разному. Различия в темпах снижения смертности в разные периоды и в разных возрастах представляют большой интерес, но их подробный анализ выходит за рамки нашей темы. Отметим только, что в возрастах до 50 лет смертность снижалась наиболее быстро уже в нашем столетии, что же касается более поздних возрастов, то в них снижение смертности было наиболее быстрым во второй половине прошлого века, в нашем столетии оно явно замедлилось.

Но общее снижение смертности во всех возрастах за полтора-два столетия после 1800 г. было огромным. Именно в нем нашли количественное проявление те коренные перемены в структуре причин смерти, которые были описаны в предыдущем параграфе.

Снижение повозрастной смертности тождественно увеличению в каждом поколении доли людей, доживающих до все более старших возрастов. Это увеличение также можно проследить на материалах Швеции, памятуя о том, что Швеция не представляет какого-либо исключения: большинство стран Западной Европы и некоторые заокеанские страны, заселенные выходцами из Западной Европы, в XVIII–XX вв. в своем демографическом развитии прошли в основных чертах тот же путь, что и Швеция.

**Изменение возрастных коэффициентов смертности населения Швеции
за 1751–1945 гг.**

Возраст- ные группы	Коэффициенты смертности, ‰					Увеличение (+) или уменьшение (–) коэффициентов смертности, %				
	1751–1760	1801–1810	1851–1860	1901–1910	1941–1945	1801–1810 к 1751–1760	1851–1860 к 1801–1810	1901–1910 к 1851–1860	1941–1945 к 1901–1910	1941–1945 к 1801–1810
0–1	204,6	198,7	146,0	84,5	31,0	– 2,9	–26,5	–42,1	–63,3	–84,4
0–4	83,8	78,9	60,5	28,4	9,3	– 5,8	–23,4	–53,0	–67,3	–88,2
5–9	12,6	12,1	10,9	4,1	1,1	– 3,7	– 9,9	–62,9	–74,1	–91,3
10–14	6,4	7,2	5,5	3,2	0,9	+12,4	–23,3	–42,6	–72,2	–87,7
15–19	6,4	7,5	5,5	4,6	1,7	+16,8	–27,2	–14,9	–62,7	–76,9
20–24	8,0	9,5	6,8	6,0	2,6	+19,3	–28,6	–11,1	–56,4	–72,3
25–29	9,4	10,4	7,6	6,1	2,4	+9,8	–26,5	–19,9	–60,2	–76,6
30–34	11,6	11,7	9,2	6,1	2,5	+0,9	–21,5	–33,5	–59,3	–78,7
35–39	11,5	13,5	10,9	6,7	2,9	+17,9	–18,6	–38,5	–57,1	–78,8
40–44	16,1	16,3	13,2	7,6	3,7	+1,9	–19,4	–42,0	–51,5	–77,3
45–49	17,0	19,2	15,8	9,0	5,2	+12,2	–18,0	–42,7	–42,2	–72,8
50–54	21,7	26,5	20,3	11,4	7,7	+22,2	–23,5	–43,8	–32,8	–71,1
55–59	27,4	34,2	26,9	14,8	11,4	+24,6	–21,2	–45,0	–22,7	–66,5
60–64	38,3	49,2	38,3	21,3	17,7	+28,4	–22,2	–44,3	–17,3	–64,1
65–69	50,0	65,9	55,8	33,0	28,4	+31,7	–15,4	–40,8	–13,9	–56,9
70–74	82,6	102,5	86,2	53,6	47,4	+24,2	–15,9	–37,8	–11,6	–56,8
75–79	119,8	155,8	129,7	87,5	81,2	+30,0	–16,8	–32,6	– 7,2	–47,9
80 и старше	208,2	263,5	211,1	179,7	166,8	+26,5	–19,9	–14,9	–7,2	–36,7

Источник: [47: 73].

Доля доживающих до определенного возраста в различных поколениях населения Швеции
(в процентах к общему числу родившихся)

Возраст	Поколения, родившиеся в годы							
	1776–1780	1796–1800	1816–1820	1836–1840	1856–1860	1876–1880	1896–1900	1916–1920
Мужчины								
1	80,3	77,3	80,5	82,3	85,2	86,8	89,1	94,5
5	67,2	66,9	70,3	74,5	75,6	78,3	83,5	89,7
10	62,1	64,1	68,2	71,2	72,1	75,1	81,8	88,7
20	58,2	59,2	64,8	67,5	69,0	72,2	79,0	87,0
30	53,3	54,3	59,8	62,8	64,6	67,6	74,0	84,6
40	46,1	47,1	53,4	57,1	60,2	63,7	71,0	83,1
50	38,3	39,1	46,7	51,3	54,8	59,1	67,6	80,6
60	27,6	29,4	37,5	43,6	47,5	52,5	61,7	74,1
70	15,6	18,7	26,3	31,7	36,0	40,8	48,7	58,4
80	4,5	6,4	11,5	14,8	17,5	21,2	25,3	30,3
Женщины								
1	82,3	79,8	83,0	84,8	87,3	88,9	91,0	96,1
5	69,3	69,5	73,3	77,3	78,0	80,5	85,6	91,4
10	64,5	66,5	71,2	74,3	74,8	77,3	83,8	90,5
20	61,1	61,8	68,0	70,8	71,6	74,1	80,8	88,8
30	56,6	57,6	63,6	66,9	67,8	69,9	76,6	87,0
40	49,8	51,8	57,9	61,6	63,3	65,9	73,6	85,9
50	13,6	45,5	52,2	56,4	58,4	61,5	70,7	84,0
60	34,4	36,8	44,3	49,7	52,2	55,4	66,1	79,4
70	21,8	25,0	32,8	38,4	41,1	44,9	56,5	67,9
80	7,5	10,2	15,6	19,6	21,0	25,3	33,3	40,0

Источник: [41: 604–639].

Из табл. 2.6.2 отчетливо видно, как от поколения к поколению менялась доля доживающих до различных возрастов. Конечно, и поколения, родившиеся в 1776–1780 гг., жили уже не в условиях традиционной смертности, к концу XVIII в. эти условия во многом изменились. Но все же и тогда примерно 20% новорожденных не доживало до 1 года и около 40% не доживало до 20 лет. В поколениях, родившихся менее чем через полтора года лет, к 50-летнему возрасту вымирала меньшая доля, чем из числа родившихся в конце XVIII и начале XIX в. погибала на первом году жизни. Эти поистине колоссальные изменения привели к невиданному росту средней (ожидаемой) продолжительности жизни – обобщающего показателя, в котором наиболее полно отражаются повозрастные уровни смертности.

2.7. РОСТ СРЕДНЕЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Для приведенных в табл. 2.6.2 поколений населения Швеции изменение средней продолжительности жизни новорожденного дано в табл. 2.7.1.

К сожалению, по большинству стран мы не располагаем данными за столь длительный период, как по Швеции. Кроме того, лишь по немногим странам можно получить показатели средней продолжительности жизни, относящиеся к реальным поколениям. Как правило, приходится довольствоваться показателями, характеризующими условные поколения, т.е. поколения, искусственно образованные из живущих в один и тот же момент представителей различных реальных поколений, находящихся в это время в разных возрастах. В периоды, когда смертность быстро меняется (а именно так было

Таблица 2.7.1

Средняя продолжительность жизни населения Швеции (в годах)

Пол	Поколения, родившиеся в годы							
	1776– 1780	1796– 1800	1816– 1820	1836– 1840	1856– 1860	1876– 1880	1896– 1900	1916– 1920
Мужчины	34,4	35,5	40,8	44,2	46,5	49,8	55,7	63,8
Женщины	37,9	39,4	44,7	48,2	49,5	52,3	59,3	67,9

Источник: [41: 604–639].

**Средняя продолжительность предстоящей жизни для новорожденного
в некоторых капиталистических странах,
1765–1865 гг. (в годах) ***

Страны	Пол	1765	1795	1825	1835	1845	1855	1865
Англия и Уэльс	мужчины	—	—	—	—	40	—	—
	женщины	—	—	—	—	42	—	—
Дания	мужчины	—	—	—	43	41	—	44
	женщины	—	—	—	45	44	—	46
Нидерланды	мужчины	—	—	29	—	35	36	37
	женщины	—	—	35	—	38	38	39
Норвегия	мужчины	—	—	45	42	45	45	47
	женщины	—	—	48	46	48	48	50
Франция	мужчины	—	23	38	—	—	—	39
	женщины	—	27	41	—	—	—	41
Швеция	мужчины	33	—	39	—	42	41	43
	женщины	36	—	44	—	47	45	46

* Показатели таблиц смертности, исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице.

Источник: [33: 346–351].

в XIX–XX вв.), показатели, относящиеся к условным поколениям, рисуют картину, несколько искажающую действительность. Однако искажения не таковы, чтобы этими показателями нельзя было пользоваться для наших целей, т.е. для того, чтобы показать общую динамику средней продолжительности жизни населения ряда стран за последние 150–200 лет.

Приведенные в табл. 2.7.2 и 2.7.3 показатели не нуждаются в комментариях. Сейчас во всем мире едва ли можно найти такие низкие показатели средней продолжительности предстоящей жизни при рождении, которые всего два столетия назад были нормой в самых развитых, самых цивилизованных странах того времени. Если за всю предыдущую историю человечества – до XVIII в. – средняя продолжительность жизни оставалась практически неизменной, а при весьма оптимистических допущениях увеличилась самое большее на 10–15 лет, то за последние 200 лет она выросла – пусть пока только у части населения Земли – на 35–40, а то и более лет. Трудно представить себе скачок более стремительный и в то же время более важный!

Таблица 2.7.3

**Динамика средней продолжительности предстоящей жизни новорожденного в некоторых капиталистических странах,
1875–1975 гг. (в годах)***

Страна	Пол	1875	1885	1895	1905	1915	1925	1935	1945	1955	1965	1975***
Австралия	мужчины	—	47	51	55	—	59	63	66	67	68	70
	женщины	—	51	55	59	—	63	67	71	73	74	77
Австрия	мужчины	31	—	37	39	—	—	55	—	62	66	68
	женщины	34	—	39	41	—	—	59	—	67	74	75
Англия и Уэльс	мужчины	41	44	44	49	52	56	60	66	68	68	69
	женщины	45	47	48	52	55	60	64	71	73	74	75
Бельгия	мужчины	—	44	45	—	—	56	—	62	—	68	69
	женщины		47	49			60		67		74	75
Германия**	мужчины	36	37	41	45	47	56	60	58	65	68	68
	женщины	38	40	44	48	51	59	63	63	68	73	74
Дания	мужчины	46	47	50	55	56	60	62	66	70	70	71
	женщины	47	49	53	58	59	62	64	68	73	75	77
Италия	мужчины	—	35	—	44	47	49	54	—	66	68	70
	женщины	—	36	—	45	47	51	56	—	70	73	76
Нидерланды	мужчины	38	43	46	51	55	62	66	69	71	71	72
	женщины	41	45	49	53	57	64	67	72	74	76	77
Новая Зеландия	мужчины	—	—	55	58	61	64	65	—	68	68	69
	женщины	—		58	61	63	67	68	—	73	74	75

Таблица 2.7.3 (окончание)

Страна	Пол	1875	1885	1895	1905	1915	1925	1935	1945	1955	1965	1975
Норвегия	мужчины	48	49	50	55	56	61	64	68	71	71	72
	женщины	51	51	54	58	59	64	68	72	75	77	78
США	мужчины	–	–	–	48	50	56	61	64	67	67	69
	женщины	–	–	–	51	54	59	65	70	73	74	77
Финляндия	мужчины	–	41	43	45	43	51	54	55	63	66	68
	женщины	–	44	46	48	49	55	60	61	70	74	76
Франция	мужчины	41	–	45	46	48	52	56	62	65	68	69
	женщины	43	–	49	49	52	56	62	67	71	75	77
Швейцария	мужчины	41	43	46	59	51	58	61	63	66	69	72
	женщины	43	46	49	52	54	61	65	67	71	75	78
Швеция	мужчины	45	49	51	55	56	61	63	67	70	72	72
	женщины	49	51	54	57	59	63	65	70	73	76	78
Япония	мужчины	–	–	–	44	44	42	47	24	64	68	72
	женщины	–	–	–	45	45	43	50	38	68	73	77

* Показатели таблиц смертности, исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице.

** Начиная с 1945 г. приведены данные по ФРГ.

*** Данные за 1975 г. в издании 2005 г. обновлены по более поздним источникам.

Источник: [33: 344–353; 49a: Table 29; 49b: Table 34; 49c: Table 18].

2.8. ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ ТИПУ СМЕРТНОСТИ

Процесс эволюции структуры причин смерти – длительный и, вероятно, непрерывный. Но революционный этап этой эволюции, качественный скачок имеет начало и конец. Точно указать момент начала этого скачка, как мы видели, довольно сложно из-за полного отсутствия до второй половины XIX в. статистики причин смерти, условно его можно отнести к середине XIX в. Пока не просто судить и о его окончании, несмотря на наличие в наше время богатых статистических материалов.

Как следует из рис. 1, стремительный рост доли умирающих от сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований в странах с низкой смертностью, начиная примерно с 50-х годов XX века, замедлился, и обнаружилась даже тенденция к стабилизации этой доли. Если отмеченная тенденция закрепится, то можно будет, вероятно, говорить о завершении переворота в структуре причин смерти.

Относительная стабилизация доли основных эндогенных причин смерти вполне естественна. Ликвидация устранимых, экзогенных причин не может длиться без конца, рано или поздно они должны потерять свою прежнюю роль, хотя говорить о возможности их полного исчезновения пока нет оснований. Нельзя, например, ожидать резкого сокращения доли смертей, связанных с транспортным травматизмом, в условиях возрастающей автомобилизации. В эволюции структуры причин смерти наступает такой момент, когда все или почти все поддающиеся устранению экзогенные причины ликвидированы и соотношение экзогенных и эндогенных причин более или менее стабилизируется.

Это, конечно, не значит, что прекращается всякое изменение структуры причин смерти, равно как и процесс оттеснения смертности к старшим возрастам. Сейчас мало кто умирает просто от старости. “В наши дни основной причиной смерти людей остаются различные заболевания, приобретающие в старости губительное течение. Многие морфологи ставят под сомнение возможность смерти от старости или же пишут о чрезвычайной редкости этого в наше время...” [27: 21]. “Старость только подводит человека к пропасти, куда сбрасывают его болезни” [27: 21].

В нашу задачу не входит рассмотрение специального вопроса о соотношении эндогенного и экзогенного влияния на возникновение и течение таких заболеваний, как раковые или сердечно-сосудистые. Хотя в их этиологии преобладают эндогенные факторы, нет сомнения, что имеются возможности дальнейшего ограничения воздействия болезнетворных экзогенных факторов и еще большего оттеснения смертности от этих заболеваний к

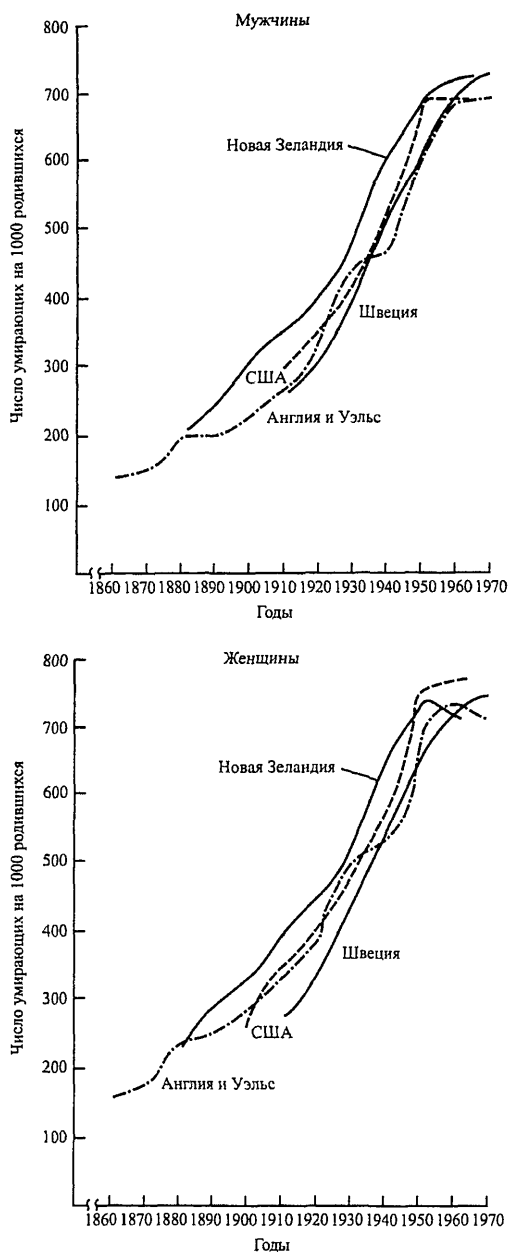

Рис. 1. Рост вероятности умереть от главных эндогенных причин (сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований) в некоторых странах
Источники: [44; 50: 818–819].

старшим возрастам. Самые большие достижения в этой области будут естественным завершением того переворота, который привел к установлению контроля над экзогенной смертностью и который в наиболее развитых в демографическом отношении странах в основном уже произошел.

Иначе обстоит дело с эндогенными причинами смерти, которые пока слабо поддаются контролю со стороны человека. Разумеется, в делении причин смерти на экзогенные и эндогенные есть немалая доля условности. Нельзя абсолютизировать “неустранимость” эндогенных причин. Ж. Буржуа-Пиша, который первым широко использовал деление причин смерти на эндогенные и экзогенные в демографическом анализе, писал: “Борьба со смертью содержит две различные задачи неодинаковой сложности. Можно сравнить смертность с участком земли, состоящим из двух пород разной твердости. Эрозия воздействует сначала на более мягкую из них, обнажая контур твердой породы. Исчезновение более мягкой породы как раз и происходит на протяжении вот уже двух столетий. Такое развитие не может служить доказательством невозможности победить упорно сохраняющиеся причины смерти. Но мы видим, что это совсем иная проблема. Тогда как до сих пор речь шла о том, чтобы благоприятствовать естественному ходу вещей, устраняя нарушающие его факторы, теперь речь идет об изменении самого этого естественного хода вещей” [31: 393–394].

Быть может, настанет время, когда люди научатся преодолевать сопротивление самой твердой породы. Но это потребует, вероятно, нового переворота в смертности, последствия которого трудно предугадать. Современный же этап эволюции смертности связан прежде всего с углублением и расширением тех завоеваний, которые принес с собой уже совершившийся переворот, со все более эффективным устранением тех негативных влияний среды, которые мешают “естественному ходу вещей”.

Каково в этом свете ближайшее будущее человеческой смертности и средней продолжительности жизни человека?

Еще в начале 1950-х годов Ж. Буржуа-Пиша попытался, отталкиваясь от наиболее благоприятных достигнутых в то время показателей смертности, отделить эндогенную смертность от экзогенной и на базе показателей эндогенной смертности подойти к определению “биологических” пределов снижения смертности в каждой возрастной группе. По его оценке, при условии снижения смертности до определенных им биологических пределов средняя продолжительность жизни мужчин может достигнуть 76,4 года, женщин – 78,7 года. Казалось бы, достижения конца 40-х годов, на которые опирался в своих расчетах Ж. Буржуа-Пиша, а следовательно, и его оценки биологических пределов снижения смертности должны бы-

Наименьшие фактические вероятности смерти в различных возрастах и предельные минимальные вероятности Ж. Буржуа-Пиша (q_x 100 000)

Возрастные группы	Мужчины			Женщины		
	наименьшие фактические вероятности	предельные вероятности Буржуа-Пиша	гр. 1 к гр. 2	наименьшие фактические вероятности	предельные вероятности Буржуа-Пиша	гр. 4 к гр. 5
А	1	2	3	4	5	6
0	1550	1300	1,2	1200	900	1,3
1-4	286	13	22,0	211	11	19,2
5-9	231	26	8,9	153	21	7,3
10-14	186	43	4,3	116	35	3,3
15-19	354	71	5,0	159	57	2,8
20-24	508	117	4,3	187	94	2,0
25-29	496	193	2,6	215	155	1,4
30-34	555	318	1,7	307	256	1,2
35-39	741	524	1,4	517	421	1,2
40-44	1210	862	1,4	794	693	1,1
45-49	1920	1417	1,4	1220	1139	0,1
50-54	3190	2326	1,4	1870	1871	1,0
55-59	5230	3809	1,4	3040	3067	1,0
60-64	8780	6213	1,4	5100	5013	1,0
65-69	14000	10070	1,4	8800	8150	1,1
70-74	21000	16147	1,3	15600	13138	1,2
75-79	32500	25442	1,3	24600	20885	1,2
80-84	46700	38954	1,2	38000	32440	1,2
85-89	63000	56913	1,1	58100	48518	1,2
90-94	7970	77162	1,0	75200	68263	1,1

Источник: [43: 858].

ли быстро устареть – ведь контроль человека над смертностью все время расширялся. Этого, однако, не произошло².

Французские демографы А. Низар и Ж. Валлен составили таблицу наименьших вероятностей умереть в том или ином возрасте, достигнутых в промышленно развитых странах к середине 60-х годов, и сопоставили эти вероятности с оценкой Ж. Буржуа-Пиша.

Табл. 2.8.1 ясно показывает, что уровни смертности, которые Ж. Буржуа-Пиша считал нижним биологическим пределом, к се-

² Позднее эти пределы все-таки были превышены. В 2000 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин в Японии составила 77,7 года, женщин – 84,6 года. К этому времени предельный уровень, обозначенный Ж. Буржуа-Пиша для мужчин был достигнут и превышен, по крайней мере, в 5 странах, для женщин – в 23.

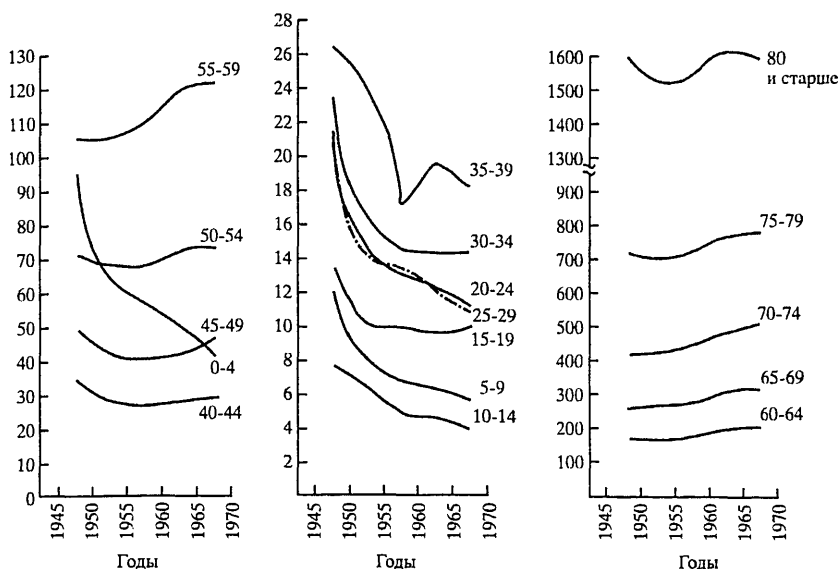

Рис. 2. Возрастные коэффициенты смертности мужчин в Норвегии (число умерших на 1000 мужчин соответствующего возраста)

Источник: [46: 27].

редине 60-х годов были достигнуты только в немногих возрастных группах (преимущественно у женщин) и то лишь в отдельных странах и ни в одном случае не были превзойдены. Средняя продолжительность жизни по таблице смертности, построенной на базе наименьших фактических вероятностей смерти, равнялась 72,2 года для мужчин и 76,8 года для женщин, т.е. была существенно меньше, чем предельная “биологическая” (76,4 и 78,7 года). Более того, в этот период обнаружилась явственная тенденция к увеличению смертности во многих возрастных группах, особенно у мужчин, и, стало быть, к удалению от предельных “биологических” вероятностей. Это увеличение происходило в старших возрастах и в целом перекрывалось снижением смертности в младших возрастах, так что средняя продолжительность жизни все же росла. Однако в некоторых случаях рост смертности захватил такое количество возрастных групп и стал столь значительным, что средняя продолжительность жизни перестала увеличиваться и даже обнаружила тенденцию к снижению. Проиллюстрируем это явление примером одной из стран с самой низкой смертностью – Норвегии.

Как видно из рис. 2, в Норвегии коэффициенты смертности мужчин в возрасте 55 лет и старше в большинстве случаев увели-

**Средняя продолжительность предстоящей жизни мужчин;
Норвегия, 1946–1970 гг. (в годах)**

Возраст	1946–1950	1951–1955	1956–1960	1961–1965	1966–1970
0	69,25	71,11	71,32	71,03	71,09
1	70,70	71,95	71,94	71,42	71,22
5	67,30	68,40	68,29	67,74	67,51
10	62,63	63,65	63,50	62,94	62,69
20	53,25	54,11	53,93	53,34	53,08
30	44,22	44,81	44,57	43,93	43,61
40	35,16	35,54	35,19	34,58	34,22
50	26,43	26,60	26,21	25,62	25,32
60	18,39	18,52	18,12	17,60	17,33
70	11,43	11,60	11,38	11,04	10,87

Источник: [46: 27].

чиваются, начиная примерно с 1946 г., а в 1956–1960 гг. это увеличение распространилось и на возрастные группы от 35 до 55 лет. Сейчас увеличивается также смертность юношей в возрасте 15–19 лет. Несмотря на то, что смертность в остальных возрастных группах продолжает снижаться, возникла тенденция к снижению средней продолжительности предстоящей жизни, которая до этого времени непрерывно росла. Эта тенденция обнаружилась после 1955 г. во всех возрастах, кроме возраста 0 лет, в следующем же пятилетии распространилась и на новорожденных (табл. 2.8.2).

Причины современного повышения смертности не изучены, и не ясно даже, имеют ли они эндогенную или экзогенную природу.

Исходя из представления о том, что экзогенные причины смерти в основном подавлены, можно, казалось бы, думать, что наблюдающееся в настоящее время повышение смертности имеет эндогенную природу, что часть экзогенных смертей просто замещается эндогенными, но кажущимися преждевременными. Например, высокая детская смертность – в основном экзогенна. Но не оказывают ли влияние на ее уровень и эндогенные факторы, так что при высокой детской смертности действует своеобразный естественный отбор, в результате которого заболевают и погибают менее жизнеспособные? Если это так, то многие жизни, спасенные в результате успехов медицины в детском возрасте, оборвутся все же раньше других в силу меньшей жизнеспособности организма, что в период достижения соответствующими поколениями старших возрастов должно повысить повозрастные коэффициенты смертности от эндогенных причин. С таким повышением смертности бо-

**Возможный прирост продолжительности жизни при условии
устранения указанных причин смерти (в годах)**

Страна	Сердечно-сосудистые заболевания		Злокачественные новообразования		Несчастные случаи	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
США	12,5	16,0	2,3	2,6	1,8	0,8
Англия и Уэльс	8,1	12,4	2,8	2,8	1,0	0,5
Швеция	9,1	10,0	2,3	2,6	1,2	0,5
Япония	5,9	6,3	2,2	2,1	1,5	0,6
Франция	4,3	5,0	2,8	2,5	1,8	0,9

Источник: [36: 291].

роться трудно. С другой стороны, не исключено, что повышение смертности вызвано какими-либо внешними причинами, например неблагоприятными экологическими факторами, ростом производственного или бытового травматизма и т.п. Некоторые из этих факторов, может быть, и не устранимы в ближайшее время, как не устранимы автомобиль или самолет, городской образ жизни и т.п., но в принципе с их отрицательным влиянием можно бороться. Возможно также комбинированное действие факторов как первой, так и второй группы.

Но даже если исходить из самых оптимистических гипотез и предположить, что современное замедление роста средней продолжительности жизни обусловлено факторами, которые в обозримом будущем можно устранить, и что удастся полностью поставить под контроль главные эндогенные причины смерти (что мало вероятно), не следует ожидать слишком большого увеличения средней продолжительности жизни, сопоставимого с тем, которое было достигнуто за последние 150–200 лет.

Приведем данные о возможном увеличении средней продолжительности жизни в некоторых странах с низкой смертностью при условии устранения ее главных причин. Эти данные получены из так называемых гипотетических таблиц смертности, построенных с учетом полного устранения отдельных причин смерти. В качестве исходного взят уровень смертности 1967 г. (табл. 2.8.3).

Таким образом, даже если бы удалось полностью устранить смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, от которых сейчас в странах с низкой смертностью погибает, как правило, половина и даже более всех умерших, то выигрыш в средней продолжительности жизни составил бы в среднем не более 10–15 лет, а уст-

ранение смертности от рака принесло бы выигрыш в 2–3 года. В действительности же на полную ликвидацию смертности от этих причин рассчитывать пока не приходится, так что реальный прирост средней продолжительности жизни будет гораздо меньшим. Напомним, что только с конца XVIII в. средняя продолжительность жизни увеличилась не менее чем на 35–40 лет.

2.9. НОВЫЙ ТИП СМЕРТНОСТИ В СССР

До сих пор речь шла о сравнительно небольшой группе государств Западной Европы и отдельных неевропейских странах, которые раньше других вступили на путь перехода к новому типу смертности и уже к началу XX столетия намного опередили на этом пути весь остальной мир. Но на эти страны в 1970 г. приходилось всего около 20% мирового населения. Как изменялись условия смертности остальных 80% – большей части населения мира?

Проникая в самые отдаленные уголки земного шара, колонизируя целые континенты, капитализм неизбежно подтачивал устои существовавших там традиционных общественных отношений и закладывал материальные основы нового общества, а тем самым и нового типа смертности. Но изменения происходили не сразу, и даже в тех вовлекаемых в орбиту капитализма странах, в которых его позиции были уже достаточно сильны, тип смертности, а следовательно, и ее уровень долгое время могли оставаться без изменений.

Таким было, в частности, положение в дореволюционной России. К началу XX в. капитализм в России достиг уже значительной степени развития, однако влияние этого развития на смертность было небольшим. Буржуазные отношения тесно переплетались с феодальными, патриархальные устои старой России не были окончательно подорваны, что также тормозило перестройку структуры причин смерти и становление нового типа смертности. “Русская смертность, – писал известный демограф С.А. Новосельский, – в общем типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношениях стран” [21: 179].

Еще в 1926 г. структура причин смерти населения СССР была исключительно неблагоприятной. На одном из первых мест стоял туберкулез, от которого погибало свыше 10% всех умиравших в городских поселениях европейской части РСФСР, Украины и Белоруссии, причем смертность от туберкулеза была наибольшей в возрастах от 20 до 40 лет. Еще выше была смертность от пневмонии – одной из главных причин детской смертности: 70–80% умерших от этой болезни имели возраст до 10 лет, а

**Доля смертей от сердечно-сосудистых заболеваний
и злокачественных новообразований в общем числе смертей
в некоторых возрастных группах населения СССР (в процентах)**

Возрастные группы	1926				1971– 1972
	Москва	Ленин- град	прочие города РСФСР с насе- лением 50 тыс. чело- век и более	города УССР с населением 50 тыс. чело- век и более	все на- селение СССР
40–49	25,6	28,2	26,0	25,4	46,3
50–59	35,2	37,9	36,3	33,9	62,9
60 лет и старше	38,6	39,0	35,8	31,8	80,3

Источники: [10: табл. 6; 4а: 81, 83; 16б: 30].

40–50% – до 1 года. Огромное количество детей погибало от инфекционных желудочных заболеваний и других детских болезней, только на долю кори и скарлатины приходилось свыше 5% всех умерших. В то же время на долю причин смерти, выдвигающихся на первый план после достижения человеком 40-летнего и особенно 50-летнего возраста, – болезней сердца, рака и причин, которые классифицировались как старческая дряхлость, – приходилось не более 15–17% всех смертей [10: 25–27].

Послереволюционные преобразования, охватившие все стороны жизни советского общества, привели к очень быстрой перестройке структуры причин смерти, в результате чего смертность в СССР за несколько десятилетий приобрела качественно новые черты. Качественные сдвиги в свою очередь обусловили резкое изменение количественных характеристик смертности, ее стремительное снижение во всех возрастах и увеличение средней продолжительности жизни.

Изменения в структуре причин смерти населения СССР шли в направлении непрерывного сокращения доли основных экзогенных причин, главным образом инфекционных и паразитарных заболеваний, и нарастания доли смертей от сердечно-сосудистых и раковых заболеваний, в этиологии которых очень велика эндогенная составляющая. Некоторое изменение структуры причин смерти наметилось давно, еще в XIX в., но решающий скачок произошел за 4–5 десятилетий уже при Советской власти. В 1926 г. даже в старших возрастах на долю основных эндогенных причин приходилось не более трети всех смертей, к настоящему же времени удельное значение этих причин резко выросло (табл. 2.9.1).

Возрастные коэффициенты смертности населения СССР
(в промилле)

Возрастные группы	1896–1897	1926	1938–1939	1958–1959	1964–1965	1972–1973
0–4	133,0	78,9	75,8	11,9	7,2	7,2
5–9	12,9	7,3	5,5	1,1	0,8	0,7
10–14	5,4	3,1	2,6	0,8	0,6	0,5
15–19	5,8	3,7	3,4	1,3	1,0	1,0
20–24	7,6	5,5	4,4	1,8	1,6	1,6
25–29	8,2	6,1	4,7	2,2	2,0	2,1
30–34	8,7	6,3	5,4	2,6	2,5	2,8
35–39	10,3	7,5	6,8	3,1	3,1	3,6
40–44	11,8	9,0	8,1	4,0	3,8	4,8
45–49	15,7	10,9	10,2	5,4	5,0	6,2
50–54	18,5	14,0	13,8	7,9	7,8	8,6
55–59	29,5	18,1	17,1	11,2	10,8	12,5
60–64	34,5	24,7	24,5	17,1	17,2	18,0
65–69	61,6	36,5	35,1	25,2	24,4	27,2
70 и старше	89,0	79,5	78,9	63,8	64,2	75,5

Источники: [19: 141; 16а: 44].

Повышение доли смертей от сердечно-сосудистых и раковых заболеваний в данном случае – показатель огромного сокращения смертности от других, в основном экзогенных причин. Установление контроля над экзогенной смертностью естественно вело к оттеснению большинства смертей к старшим возрастам и к снижению смертности во всех возрастных группах (табл. 2.9.2).

Возрастные коэффициенты смертности 1896–1897 гг. настолько высоки, что не позволяют предположить существования ясно выраженной тенденции к снижению смертности в России конца XIX в. В возрастах от 15 до 30 лет они выше, чем были в Швеции в 1851–1860 гг., а в возрастах до 10 лет – выше, чем в Швеции 1751–1760 гг.

В свое время С.А. Новосельский и М.В. Птуха произвели оценку динамики возрастных коэффициентов смертности населения европейской части России и Украины за 10–12 лет после переписи 1897 г. Полученные ими результаты дают основание утверждать, что даже в первом десятилетии нашего века тенденции этой динамики были противоречивыми, снижение смертности в некоторых возрастах сочеталось с повышением ее в других возрастах, особен-

Рис. 3. Возрастные вероятности смерти мужчин в СССР в 1964–1965 гг. и наименьшие возрастные вероятности смерти мужчин, достигнутые в мире к середине 60-х годов

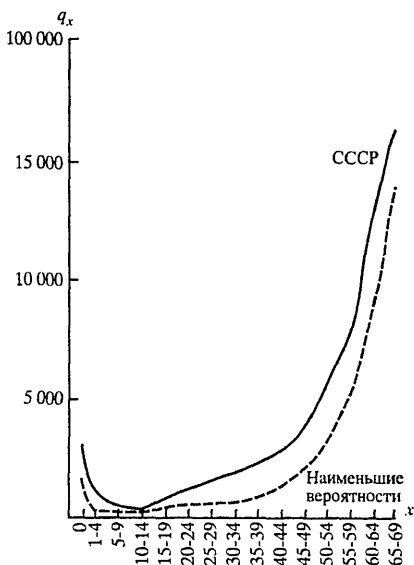
Источники: [16а: 45; 43: 858].

но у мужчин [24: 362]. К 1926 г. снижение смертности во всех возрастных группах стало уже фактом, не вызывающим сомнений, однако в полную силу этот процесс развернулся в последующие десятилетия.

По мере приближения к завершению стремительной перестройки структуры причин смерти снижение повозрастных коэффициентов смертности замедляется и даже в ряде возрастных групп, особенно у мужчин, сменяется их некоторым ростом. Самые благоприятные показатели смертности мужчин в большинстве возрастных групп в СССР были зафиксированы в 1964–1965 гг. или несколько ранее. На рис. 3 показаны возрастные вероятности смерти для мужчин СССР в 1964–1965 гг. в сравнении с наименьшими вероятностями, приведенными в табл. 2.8.1. Ясно видно, что самые низкие показатели смертности мужчин СССР, по достижении которых во многих возрастах наметилась тенденция к повышению смертности, были выше показателей, которые в некоторых странах были достигнуты в 60-е годы.

Это указывает на необходимость внимательного изучения новейших тенденций в динамике смертности, во многом неясных. Возникновение этих тенденций порождает много вопросов. С точки зрения нашей темы очень важно было бы выяснить, связаны ли они с особенностями перехода от старого типа смертности к новому или отражают плохо изученные закономерности динамики смертности нового типа. К сожалению, сейчас приходится воздержаться от ответа на этот вопрос.

Остановимся, наконец, на динамике средней продолжительности жизни. Определенное представление об этой динамике в предреволюционный период дают таблицы смертности православного населения Европейской России (которое составляло 84% всего населения Европейской России в 1897 г.).

**Средняя продолжительность предстоящей
жизни новорожденного. Православное
население России (в годах)**

	Мужчины	Женщины
1874–1883 гг.	26,31	29,05
1896–1897 гг.	30,07	31,90
1907–1910 гг.	31,90	33,98

Источник: [22: 290].

Таблица 2.9.3

**Средняя продолжительность предстоящей жизни
для новорожденного в России и СССР (в годах)**

Годы	Мужчины	Женщины	Оба пола
1896–1897*	31,43	33,36	32,34
1926–1927**	41,93	46,79	44,35
1938–1939	43,99	49,69	46,92
1958–1959	64,42	71,68	68,59
1968–1971	64,56	73,53	69,50

* 50 губерний Европейской России. ** Европейская часть СССР.

Источники: [11: 260; 22: 292; 16с: 637; 4б: 94–95]. Данные за 1938–1939 гг. в настоящем издании уточнены по [6: 88].

Если и можно говорить об увеличении средней продолжительности жизни в десятилетия, предшествовавшие революции, то лишь об очень небольшом. Даже и в 1907–1910 гг. средняя продолжительность жизни большей части населения Европейской России оставалась чрезвычайно низкой, характерной для традиционного типа смертности, но никак не для современного.

Первой таблицей смертности, зафиксировавшей явный отрыв от традиционного уровня смертности и значительное увеличение средней продолжительности жизни, была таблица 1926–1927 гг. для европейской части СССР, а уже таблица смертности 1958–1959 гг., построенная для всего населения СССР, свидетельствовала о том, что показатели, свойственные традиционному типу смертности, оставлены далеко позади (табл. 2.9.3).

Показатели таблицы смертности 1926–1927 гг. принято обычно сравнивать с показателями таблицы 1896–1897 гг. В обоих случаях речь идет о населении европейской части страны. Следует, однако, заметить, что в 1926 г. в границы СССР не входили многие западные районы, находившиеся в составе России во время всеобщей переписи 1897 г. При этом отпали как раз те рай-

оны, в которых была наибольшей доля неправославного населения. Поэтому не лишено оснований сопоставление показателей 1926–1927 гг. с приведенными ранее показателями для православного населения Европейской России. Такое сопоставление позволяет утверждать, что скачок в динамике средней продолжительности жизни начался не после 1896–1897 гг., а позднее, по крайней мере после 1910 г. Учитывая годы войн и разрухи, которые едва ли благоприятствовали снижению смертности, можно предположить, что таблица смертности 1926–1927 гг. отразила достаточно ранний этап стремительного роста средней продолжительности жизни, начавшегося при Советской власти. Переход от крайне низких показателей средней продолжительности жизни, которые были свойственны населению дореволюционной России, к современным потребовал чрезвычайно короткого срока – примерно четырех десятилетий. К концу 50-х годов средняя продолжительность жизни населения СССР достигла уровня экономически развитых капиталистических стран, от которых еще в первом десятилетии нашего века она отставала на 15–20 лет.

2.10. СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ТИПА СМЕРТНОСТИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Иначе развивались события в тех странах, которые до середины XX в. прямо или косвенно входили в колониальную систему капитализма и которые теперь образовали “Третий мир” – мир развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. В большинстве этих стран и сейчас еще не изжит традиционный тип смертности.

Влияние колониализма на смертность колониальных народов было не однозначным. Колониализм никогда не ставил своей целью систематическую последовательную борьбу со смертностью в колониальных и зависимых странах. Отдельные благоприятные изменения в условиях смертности возникали здесь скорее как исключение из общего правила и были лишь побочным результатом каких-либо мероприятий, необходимых самим колонизаторам. Общие предпосылки снижения смертности, так же как и других прогрессивных изменений в жизни колониальных и зависимых стран, связанные с проникновением в них капитализма, развивались очень медленно и непоследовательно и не могли в должной мере реализоваться до тех пор, пока сохранялось колониальное господство. Это предвидел еще К. Маркс, который писал в середине прошлого века о будущих результатах британского владычества в Индии: “Население Индии не сможет пожать

плодов созревания тех элементов нового общества, которые посеяла среди него британская буржуазия, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго” [14: 228–229].

Но в то же время капитализм не мог осуществлять свое господство над колониями, не создавая в них материальных предпосылок развития производительных сил и изменения условий жизни населения, не подготавливая тем самым колониальные страны к движению по тому же пути борьбы с экзогенной смертностью, по которому шел сам капиталистический мир. Более того, в некоторых случаях капитализм должен был проявлять инициативу в этой борьбе. Высокая смертность рабочей силы в далеких заморских странах тормозила рост прибылей, “тропические болезни” косили тысячи людей, согнанных на плантации, рудники или стройки, угрожали жизни самих колонизаторов и обрекали на неудачи “цивилизаторские” начинания капитализма. Поэтому и здесь капитализм вынужден был, следуя своим экономическим и политическим интересам, принять определенные меры по борьбе со смертностью. Прибыльное использование ценных сырьевых ресурсов и дешевого труда колоний предполагало затрату определенных усилий и средств на эту борьбу. “Такая тенденция в основном возникла еще до начала этого столетия, вместе с первоначальным расцветом империализма в восьмидесятых годах прошлого века. Не случайно Мэнсон, отец тропической медицины, пользовался покровительством Джозефа Чемберлена; не случайно первые широкие мероприятия по борьбе с желтой лихорадкой были проведены во время испано-американской войны 1897 года, а их успех сделал возможным строительство Панамского канала” [3: 463–464].

К середине XX в. смертность в странах Третьего мира в целом мало отличалась от смертности традиционного типа. Здесь все еще сохраняли смертоносную силу такие причины экстраординарной, катастрофической смертности, как голод и эпидемии. В то время как в Западной Европе последняя сильная вспышка голода произошла в середине прошлого века (в Ирландии), Азия, Африка и Латинская Америка оставались, а в значительной степени остаются и сейчас, районами, в которых не устранена опасность массовой смерти от голода. По некоторым оценкам, в Китае в XIX в. голодной смертью умерло около 100 млн человек, лишь в одном 1877 г. в северных провинциях Китая от голода погибло 4–6 млн человек. В Индии в XIX в. было более 30 вспышек голода, за последние 30 лет минувшего столетия от голода погиб-

ло 20–25 млн человек. Во время голода 1918–1919 гг., сопровождавшегося эпидемией гриппа, в Индии погибло более 15 млн человек, а во время последнего крупного голода в Бенгалии в 1943 – 1944 гг. – около 4 млн человек [9: 33, 223; 12: 209.]. Долгое время оставалась высокой и смертность от наиболее опасных эпидемических болезней. Например, только с 1894 по 1937 г. в Индии от чумы умерло не менее 12,5 млн человек [1: 7].

Однако едва ли не большую угрозу жизни населения развивающихся стран несут голод и болезни в их “нормальной”, эндемической форме. Питание большинства населения развивающихся стран остается неудовлетворительным как с точки зрения количества, так и с точки зрения сбалансированности пищевого рациона. Производство продовольствия в этих странах в целом растет примерно такими же темпами, как в развитых странах, но в расчете на душу населения этот рост намного меньше. В 1962–1972 гг. производство пищевых продуктов на душу населения в развитых странах ежегодно увеличивалось на 1,7%, в развивающихся – на 0,3%. Хотя в целом рост производства продовольствия в развивающихся странах в 50–60-е годы опережал стремительный рост населения, в нескольких десятках стран положение было обратным, население росло быстрее, чем производство продуктов питания [17: 5–6]. По среднесуточному потреблению калорий на душу населения многие развивающиеся страны уступают развитым более чем в 1,5 раза, по потреблению белка – вдвое, а по потреблению белка животного происхождения – иногда в 10 и более раз [17: 444–445]. По оценке ФАО от калорийного голодания страдает 20%, а от белкового и других специфических видов голодания – 60% населения развивающихся стран. Всего в 60-е годы от голода и недоедания в мире страдало не менее 1 млрд человек [17: 442]. Недостаточное питание получали около половины всех детей развивающегося мира; по мнению некоторых исследователей, и сейчас еще более половины смертей в возрасте до 5 лет – прямое или косвенное следствие недостаточного питания [18: 10–11].

Все еще сохраняют роль одной из главных причин смерти в развивающихся странах инфекционные и паразитарные заболевания. До сих пор ежегодно в мире регистрируется 2–3 млн новых случаев заболевания туберкулезом и 1–2 млн смертей от этой болезни, причем подавляющее большинство смертей приходится на развивающиеся страны. Громадный урон здоровью населения развивающихся стран наносит малярия, различные паразитарные заболевания (шистоматоз, филяридоз, анкилостомидоз, аскаридоз), от которых страдают сотни миллионов людей. Остается очень высокой смертность, особенно детская, от желудочно-

кишечных и других инфекционных заболеваний [7: 147–148, 191, 203–204].

Разумеется, в настоящее время экономический и социальный прогресс в развивающихся странах, забота правительств молодых национальных государств о здоровье их населения, успехи медицины и усилия международных организаций привели к существенным сдвигам в состоянии здоровья и в причинах смерти населения Третьего мира. В результате массовой вакцинации населения против наиболее опасных болезней, борьбы с их переносчиками, широких санитарно-гигиенических мероприятий, развития карантинной службы и других специальных мер, осуществляемых в более благоприятных, чем прежде, экономических и социальных условиях, удалось одержать полную или частичную победу над многими, недавно еще непобедимыми причинами преждевременной смерти людей.

Резко пошла на убыль смертность от конвенционных (карантинных) болезней: чумы, холеры, оспы, желтой лихорадки, сыпного и возвратного тифа. Эти болезни еще не побеждены полностью, но их смертоносная сила значительно ограничена. Если в начале века в одной только Индии от чумы умирало ежегодно 400–500 тыс. человек [1: 25], то в начале 1960-х годов во всем мире регистрировалось менее полутора тысяч случаев этой болезни. Все еще десятки тысяч людей ежегодно заболевают холерой и оспой, но все же это не сотни тысяч, как прежде. Число случаев сыпного и возвратного тифа во всем мире составляет несколько тысяч в год, а число заболевших желтой лихорадкой не превышает обычно нескольких сот [2: 88]. Ведется успешная борьба с туберкулезом, малярией, фрамбезией и другими инфекционными болезнями, хотя пока еще быстрое продвижение в борьбе с болезнями в развивающихся странах сильно тормозится пережитками колониализма в их экономике и ее общей слабостью, низким культурным уровнем населения, отсутствием квалифицированных кадров и т.д. Не хватает врачей и другого медицинского персонала, не хватает медикаментов, не хватает больниц, недостаточно развита медицинская профилактика. Даже относительно простые и в то же время эффективные санитарно-гигиенические меры во многих случаях ждут еще своего осуществления.

Борьба со смертью в развивающихся странах наталкивается также и на живучесть многих пережитков прошлого в сознании людей. Третий мир – последний оплот традиционного общества, и хотя социально-экономические основы этого общества почти везде подорваны, традиционный уклад жизни и быта, традиционные формы жизни все еще сохраняют немалую силу. Патриархальный консерватизм, слепое следование религиозному канону,

неверие в человеческие возможности и вытекающая из него пассивность в борьбе со смертью, сохранение многих вредных для здоровья и жизни человека обычаев – все это далеко еще не изжито и сильно препятствует полному преодолению основных черт, свойственных смертности традиционного типа, в частности высокой экзогенной смертности.

В результате структура причин смерти населения развивающихся стран еще и сейчас отражает взаимодействие двух групп факторов: тех, которые способствуют ее перестройке и постепенному ослаблению роли экзогенных причин, и тех, которые этому препятствуют. Разумеется, смертность в большинстве стран Третьего мира – это уже не традиционная смертность в ее изначальном виде. Сейчас нигде нет такой структуры причин смерти, которая существовала во всем мире еще в XVIII в., а в развивающихся странах – и в начале XX в. Современная структура причин смерти населения Третьего мира многими чертами напоминает ту переходную структуру, которая была характерна для промышленно развитых стран на рубеже XIX и XX столетий.

Различные развивающиеся страны находятся сейчас на разных стадиях перехода к новому типу смертности, чем объясняется неодинаковая вероятность умереть от различных причин в этих странах. Но ни одна из них, как видно из табл. 2.10.1, не приблизилась по рассматриваемым показателям к развитым странам, где новый тип смертности давно уже прочно утвердился. В то время как в Англии или США из каждой 1000 новорожденных 700 и более имеют шансы умереть от сердечно-сосудистых и раковых заболеваний (а эти болезни, как мы знаем, поражают людей преимущественно в старших возрастах), в Гонконге вероятность умереть от этих причин составляет лишь 444 на 1000, а в Таиланде – всего 70. Соответственно увеличивается риск смерти от других причин, которые гораздо меньше связаны с возрастом и часто вызывают смерть детей или взрослых в расцвете сил. Например, в Мексике из 112,2 тыс. человек, умерших в 1970 г. от инфекционных и паразитарных заболеваний, 40,3% умерли в возрасте до 1 года, 29,0% – в возрасте от 1 до 4 лет и еще 12,8% – в возрасте от 5 до 34 лет. Таким образом, на долю людей в возрасте до 35 лет пришлось 82,1% всех умерших от этой причины. В то же время из 69,5 тыс. человек, умерших от сердечно-сосудистых заболеваний и рака, в этом возрасте погибли всего 12,7% [50: tables 5.2.1, 5.3.1, 5.4.1].

Не удивительно, что при нынешней структуре причин смерти развивающиеся страны все еще значительно отстают от развитых по уровню смертности и средней продолжительности жизни,

Таблица 2.10.1

**Число умирающих от различных причин из 1000 родившихся
в некоторых странах и территориях, мужчины**

Причины смерти	Венесу- эла 1970	Мексика 1970	Сянган (Гонконг) 1970	Таиланд 1970	Англия и Уэльс 1901	США 1900*	Япония 1899	Англия и Уэльс 1964	США 1964	Япония 1964
Инфекционные и паразитарные болезни	72,2	129,9	90,8	67,8	165,3	167,9	123,4	9,8	10,7	35,0
Новообразования	116,1**	54,3**	164,9**	24,6**	52,3	33,7	25,8	201,1	157,0	162,9**
Сердечно-сосудистые заболевания	289,9	178,9	279,5	45,4	174,2	190,6	150,9	497,4	568,8	447,0
Болезни органов ды- хания	67,7	167,5	158,8	38,6	165,2	136,4	92,3	132,5	36,9	89,5
Несчастные случаи, отравления и случаи насильственной смерти	93,0	95,8	51,5	59,0	48,9	65,7	35,1	45,8	76,9	71,4
Прочие и неустанов- ленные причины	361,1	373,6	254,5	764,6	386,8	405,7	572,5	113,4	149,7	194,2

* Штаты, имевшие регистрацию причин смерти. ** Только злокачественные новообразования.

Источники: [44; 50: 818–819].

**Средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного
в некоторых развивающихся странах в XX в. (в годах)***

Страна	Пол	1905	1915	1925	1935	1945	1955	1965
Аргентина	мужчины	—	45	—	—	57	63	64
	женщины	—	48	—	—	61	69	70
Бирма	мужчины	—	—	31	—	—	41	—
	женщины	—	—	31	—	—	44	—
Бразилия	мужчины	39		41	40	39	—	61
	женщины				45	46	—	
Гайана	мужчины		30	34	40	49	53	59
	женщины		32	36	43	52	56	63
Египет	мужчины	—	—	31	36	41	—	52
	женщины	—	—	36	41	47	—	54
Индия	мужчины	23	—	27	—	32	42	—
	женщины	23	—	27	—	32	41	—
Мексика	мужчины	27	27	31	39	44	52	61
	женщины			33	42	45	55	64
Пуэрто-Рико	мужчины	30	38	38	40	45	66	67
	женщины	31	39	39	41	47	70	72
Филиппины	мужчины	12	25	—	45	49	—	—
	женщины	14	26	—	48	53	—	—
Чили	мужчины	—	—	31	39	41	50	54
	женщины	—	—	32	42	43	54	60
Шри Ланка	мужчины	—	—	38	—	47	58	62
	женщины	—	—	31	—	45	57	61
Ямайка	мужчины	—	39	36	—	51	56	63
	женщины	—	41	38	—	55	59	67

* Показатели таблиц смертности, исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице.

Источники: [49a: table 29; 49b: table 34].

хотя разрыв постепенно сокращается. Данные о динамике средней продолжительности жизни за относительно длительный период (несколько десятилетий) можно привести лишь по некоторым странам, потому что существование статистики смертности, как правило, — не менее убедительное свидетельство определенного, достаточно высокого уровня экономического и культурного развития, чем само снижение смертности. Имеющиеся данные собраны в табл. 2.10.2.

Из табл. 2.10.2 видно, что охарактеризованные выше изменения условий смертности в развивающихся странах не прошли даром. Средняя продолжительность жизни в этих странах

медленно увеличивалась и примерно в четвертом десятилетии прошлого столетия во многих из них подошла к тому уровню, который был зафиксирован в развитых капиталистических странах в середине XIX века. В последующие три-четыре десятилетия рост средней продолжительности жизни ускорился, что свидетельствует о постепенном утверждении в Третьем мире современного типа смертности. Но, как уже отмечалось, переход к новому типу смертности в развивающихся странах еще далек от завершения, что находит отражение в низких показателях дожития населения этих стран. Если в некоторых из них, преимущественно латиноамериканских, средняя продолжительность жизни превысила уже 60 лет, то для большинства населения развивающегося мира о таких достижениях говорить рано. Ряд государств Азии (среди них такие крупные, как Индия, Индонезия, Бирма) имеет среднюю продолжительность жизни существенно ниже 50 лет, во многих же странах Африки, в том числе в крупнейших государствах с африканским населением (Нигерии, Эфиопии, Заире), средняя продолжительность предстоящей жизни не достигла еще и 40 лет [49b: table 34].

2.11. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Подведем краткие итоги сказанному в этом разделе. За какие-нибудь 150–200 лет смертность населения значительной части земного шара претерпела огромные изменения. Смерть осталась смертью, она неотвратимо настигает всех родившихся. И сегодня даже и в экономически развитых странах есть люди, которые умирают от тех же причин, что и жители Древнего Египта, античные греки или подданные Римской империи. И сегодня есть младенцы, которые не переживают нескольких часов или нескольких дней после своего рождения. Но смертность – явление, присущее не одному человеку, а всему населению, – теперь уже не та. В результате резко возросшего контроля над враждебными здоровью и жизни человека факторами биологической и социальной среды подавляющее большинство людей стало умирать не от тех причин и не в том возрасте, как прежде, и средняя продолжительность человеческой жизни увеличилась более чем вдвое. Глубина совершившихся перемен и стремительность, с которой они произошли, позволяют говорить о революционном перевороте в смертности, в результате которого возник ее новый исторический тип.

В мировом масштабе этот переворот еще далек от завершения. Большая часть населения мира все еще живет в переходных условиях, когда смертность сочетает в себе элементы старого и нового типов, причем в разных странах соотношение этих элементов различно. Но общая историческая тенденция заключается в том, что старый тип смертности отступает. Каковы бы ни были препятствия социального и экономического порядка, тормозящие полный и окончательный переход к смертности нового типа в развивающихся странах, история не стоит на месте, она устранит эти препятствия, а вместе с ними и традиционный, давно уже ставший анахронизмом тип смертности.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТИПА РОЖДАЕМОСТИ

3.1. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РОЖДАЕМОСТИ: ПЛОДОВИТОСТЬ И ПОВЕДЕНИЕ

Рождаемость – процесс рождения детей в населении. Одна из наиболее точных мер интенсивности этого процесса – число детей, рождаемых в среднем женщиной в каждом поколении. Измеряемую таким образом рождаемость можно представить как результат взаимодействия двух групп факторов, в самом общем виде обозначенных в заголовке этого параграфа как плодовитость и поведение.

Плодовитость. Средняя *потенциальная* плодовитость человека – биологическая константа, определяющаяся физиологическими особенностями вида *Homo sapiens*. Несмотря на то что многие из этих особенностей хорошо изучены, оценить потенциальную плодовитость довольно сложно. Даже при условии регулярных половых отношений зачатие – случайное событие, наступление которого характеризуется некоторой статистической вероятностью. Сейчас оценить эту вероятность можно только путем эмпирических наблюдений над реальными человеческими популяциями. Но таких популяций, в которых вероятность зачатия определялась бы одними лишь физиологическими факторами, в человеческом обществе не существует, отделить же влияние физиологических факторов от социальных очень трудно. Принято считать, что среднее число детей, которое может родить одна здоровая женщина, состоящая в браке на протяжении всего репродуктивного периода (примерно от 15 до 50 лет), равно 10–12. Эта величина получена в результате изучения населений, у которых наблюдалась самая высокая рождаемость. Как правило, это население европейского происхождения (например, французское население Канады XVIII в. или секта гуттеритов в США в XX в.¹),

¹ Гуттериты – небольшая религиозная секта, ведущая свое происхождение от анабаптистов, – возникла в 1528 г. в Моравии и названа по имени Якоба Гуттера, сожженного на костре в 1536 г. Гуттериты, часто подвергаясь преследова-

**Возрастные коэффициенты брачной рождаемости
и коэффициент суммарной брачной рождаемости у некоторых населений,
не прибегающих к внутрисемейному регулированию рождаемости**

	Число родившихся на 1000 замужних женщин в возрасте, лет							Кoeffи- циент сум- марной брачной рождаемо- сти
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	
Французы в Канаде (браки 1700-1730 гг.)	492	510	496	484	411	231	30	13,27
Гуттериты (браки, заключенные до 1921 г.)	—	475	452	425	374	205	29	—
Гуттериты (браки 1921-1930 гг.)	300	550	502	447	406	222	61	12,44
"Естественная плодовитость" по Л. Анри	—	435	407	371	298	152	22	—
"Минимальная естественная рождаемость" по В.А. Борову	—	400	377	349	279	155	31	—

Источники: [1: 21; 61: 73; 63: 629].

не прибегающие ни к каким методам ограничения рождаемости и в то же время живущие в относительно благоприятных, "нетрадиционных" экономических и санитарно-гигиенических условиях. Предполагается, что при таком сочетании влияющих на уровень рождаемости факторов потенциальная плодовитость наиболее полно реализуется в рождаемости, вследствие чего назван-

ниям, переселялись из страны в страну. С 70-х годов XVIII в. по 70-е годы XIX в. жили в России, затем в связи с отказом освободить их от военной службы (гуттериты не признают ношения оружия) эмигрировали в США.

ную величину – 10–12 детей – можно считать оценкой потенциальной плодовитости средней женщины.

Приведем несколько примеров такой высокой рождаемости, отождествляемой с потенциальной, или “естественной” плодовитостью женщины (табл. 3.1.1).

От потенциальной плодовитости, которая свойственна человеческому виду и, по-видимому, не меняется на протяжении истории, следует отличать *реальную* плодовитость, уровень которой зависит от возможностей людей управлять своим здоровьем или от того, что можно назвать социальным контролем над плодовитостью. В частности, как было показано в предыдущей главе, современные условия жизни, от которых в огромной степени зависит состояние здоровья населения, а значит, и достижимость приведенных в табл. 3.1.1 показателей, – завоевание двух-трех последних столетий. Реальная плодовитость – это среднее число детей, которое может родить женщина, состоящая в браке на протяжении всего репродуктивного периода своей жизни и не прибегающая ни к каким методам ограничения рождаемости, при данном исторически определенном уровне здоровья населения.

Поведение. Реальная плодовитость, т.е. исторически детерминированная способность средней женщины родить то или иное число детей, – лишь один из факторов, определяющих уровень рождаемости, то число детей, которое в действительности рождает такая средняя женщина. Рождаемость ни в коем случае не может быть выше реальной плодовитости, но она вполне может быть ниже ее. Отличие рождаемости от реальной плодовитости обуславливается поведением людей. Реальная плодовитость для каждой эпохи и для каждого общества – величина данная, отдельный человек почти не может повлиять на нее своим поведением. Рождаемость же, будучи ограничена сверху реальной плодовитостью, зависит от специфических видов поведения людей, а именно от их брачного, полового и репродуктивного поведения. В дальнейшем нас будет прежде всего интересовать поведение женщины, как имеющее наибольшее значение с точки зрения рождаемости. Но поведение мужчины, равно как и брачной пары в целом, также представляет самостоятельный интерес и не должно оставаться вне поля зрения демографа.

Брачное поведение. Брачное поведение людей – это их поведение в связи с заключением и прекращением браков. Его важнейшие характеристики: возраст вступления в первый брак, частота разводов и повторных браков, степень окончательного безбрачия. Все они определяются главным образом культурными нормами и в этом смысле находятся под социальным контролем.

Поскольку во всех обществах подавляющее большинство детей рождается в социально санкционированном браке, с точки зрения рождаемости большое значение имеет длительность времени, прожитого в браке женщиной репродуктивного возраста. Она, в свою очередь, может быть намного меньше, чем длительность репродуктивного периода жизни женщины, и зависит от брачного поведения людей. Условно можно разделить это поведение на активное, ведущее к вступлению в брак, и пассивное – воздержание от вступления в брак по тем или иным причинам.

Половое поведение. Брак создает рамки, в которых протекают отношения полов в человеческом обществе. Однако в различных обществах эти рамки различны и всегда обладают известной – иногда большей, иногда меньшей – эластичностью. Даже при одинаковых характеристиках брачного поведения интенсивность половой жизни женщины – в той мере, в какой она определяется культурными нормами, – может быть различной и в большой степени зависит от отношения к добрачным и внебрачным половым связям, а также от норм, регламентирующих половое поведение в браке. Половое поведение, как и брачное поведение, может быть активным, т.е. предполагающим регулярную половую жизнь, и пассивным, имеющим своим следствием временное или постоянное воздержание от половых отношений. Разделение полового поведения на активное и пассивное интересует нас здесь, разумеется, лишь в той мере, в какой оно вытекает из культурной регламентации, из свойственного данному обществу социального контроля над половым поведением.

Репродуктивное поведение. Под репродуктивным поведением мы будем понимать поведение, имеющее непосредственное отношение к зачатию и вынашиванию плода, независимо от того, как тесно связано оно с половым поведением. Его основные характеристики – распространенность искусственных аборт и контрацепции. Репродуктивное поведение также можно разделить на активное и пассивное, хотя здесь условность такого деления особенно велика. Пассивное репродуктивное поведение означает полное невмешательство в естественный процесс производства потомства, рассматриваемый как неизбежное следствие нормальных половых отношений. В противоположность этому активное репродуктивное поведение есть не предусмотренное природой вмешательство в этот процесс, действия, направленные на то, чтобы так или иначе разорвать естественную связь между половым актом и рождением ребенка.

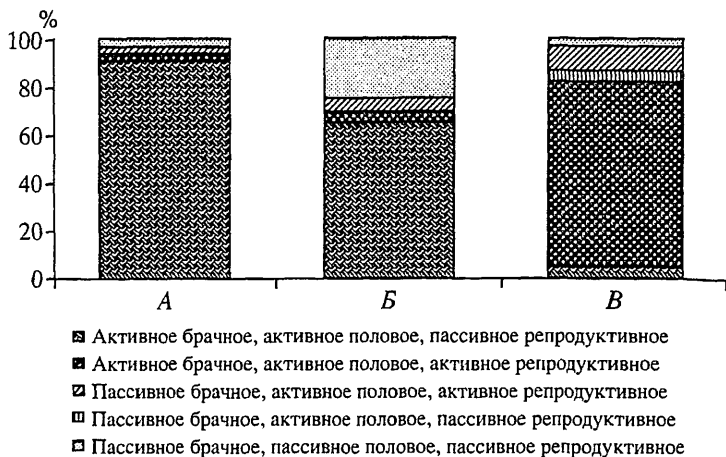

Рис. 4. Структуры демографического поведения

Только репродуктивное поведение можно считать специфически демографическим, неразрывно связанным с рождаемостью. Что же касается брачного и полового поведения, то они имеют демографическое значение лишь в той мере, в какой они слиты с репродуктивным поведением, и утрачивают это значение, когда такая слитность нарушается. Но так как эта слитность никогда не нарушается настолько, чтобы всякая связь между тремя видами поведения исчезла, то все они могут рассматриваться как виды демографического поведения. Соотношение между брачным, половым и репродуктивным поведением с точки зрения их влияния на рождаемость образует *структуру демографического поведения*².

Схемы на рис. 4 содержат попытку наглядно представить различные типы структур демографического поведения. В первом случае (схема А) активное половое и активное брачное поведение, как правило, слиты между собой (половая жизнь женщины протекает в основном в браке). Все другие комбинации этих двух видов поведения возможны только в виде санкционированных или несанкционированных исключений из общего правила: слитное пассивное брачное и половое поведение (монашеский целибат), пассивное брачное и активное половое (проституция) и даже – в отдельных случаях – активное

² Точнее, структуру демографического поведения, влияющего на рождаемость, потому что существует также демографическое поведение, влияющее на смертность.

брачное и пассивное половое, когда пребывание в браке по той или иной причине не ведет к нормальной половой жизни. В то же время активное репродуктивное поведение не играет большой роли, оно только в некоторых случаях сочетается с активным половым поведением (как в браке, так и особенно вне брака), с тем чтобы воспрепятствовать появлению детей. Но по общему правилу активное половое поведение сочетается с “невмешательством”, с пассивным репродуктивным поведением, это сочетание ведет к рождению детей.

Различия между схемой *Б* и схемой *А* не принципиальны. Расширяется зона слитного пассивного брачного и полового поведения за счет откладывания браков и даже полного безбрачия, что влечет за собой почти такое же сокращение зоны слитного активного брачного и полового поведения, вследствие чего рождаемость, естественно, снижается. Но это не предполагает распространения активного репродуктивного поведения, оно по-прежнему остается запретным и находит прибежище только в специфической среде или проявляется в особых случаях (добрачное зачатие, которое надо скрыть, и т.п.).

Схема *В* более существенно отличается от двух предыдущих. Здесь слитность активного брачного и полового поведения, с одной стороны, и пассивного репродуктивного – с другой, нарушена, а активное репродуктивное поведение в сочетании с активным брачным и половым – не редкое исключение, оправдываемое только особыми обстоятельствами, а массовая практика. При этом расширяется и зона сочетания активного полового и репродуктивного поведения с пассивным брачным.

В следующих разделах этой главы будет показано, что сущность переворота в рождаемости в ходе современной демографической революции заключается в изменении структуры демографического поведения, в переходе от схемы *А* к схеме *В* иногда через промежуточную схему *Б*. Приведенные схемы не претендуют на количественную оценку происходящих изменений, а имеют своей целью показать сущность главного качественного сдвига. Он заключается в том, что пассивное и сцепленное с брачным и половым репродуктивное поведение уступило место активному и автономному репродуктивному поведению.

Именно в структуре демографического поведения, равно как и в структуре и методах социального контроля над ним, произошел подлинный переворот, который и привел к возникновению и утверждению нового типа рождаемости.

3.2. РОЖДАЕМОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА

Традиционный тип рождаемости, так же как и традиционный тип смертности, был теснейшим образом связан с теми экономическими и социальными условиями, в которых жили люди во всех докапиталистических классовых обществах. Этим обществам были свойственны формы и методы социального контроля над рождаемостью, которые сейчас в основном преодолены во всех экономически развитых странах. Однако они вполне соответствовали своей эпохе, более того, было время, когда они играли прогрессивную роль, вытесняя менее эффективные и более варварские методы демографического контроля.

Контроль над плодovitостью, поскольку он сводился к контролю над здоровьем населения, характеризовался теми же основными чертами, что и описанный в предыдущей главе контроль над смертностью. Расширение этого контроля было отражением общих успехов человека в овладении законами своего общественного бытия, усиления его господства над природой и улучшения условий его существования. Все, что было сказано ранее об ограниченности контроля над смертностью во всех аграрных обществах, полностью сохраняет свое значение и в отношении контроля над плодovitостью.

Нет сомнения, что реальная плодovitость во всех добуржуазных обществах, как правило, была намного ниже потенциальной (10–12 детей в среднем на одну женщину). На протяжении большей части человеческой истории люди жили в условиях, гораздо менее благоприятных для здоровья, чем в наше время в экономически развитых странах. Постоянно действовавшими факторами, снижавшими плодovitость женщины, были широко распространенные болезни – венерические, малярия и др., частые выкидыши из-за недоедания, тяжелого труда, нарушения элементарных гигиенических требований во время беременности, последствия родов, произведенных в антисанитарных условиях, слишком раннее начало половой жизни, возможно, неблагоприятные генетические последствия длительного существования небольших изолятов и т.д. Даже некоторых из этих факторов достаточно для того, чтобы очень сильно снизить плодovitость. Так как их действие не было везде одинаковым, уровень реальной плодovitости мог сильно колебаться от эпохи к эпохе и от района к району в зависимости от достигнутого уровня социально-экономического развития, от экологической обстановки и от других условий, влияющих на состояние здоровья населения.

В свою очередь, уровень рождаемости неизбежно был ниже уровня реальной плодovitости, потому что достижение этого

уровня предполагает соблюдение таких зависящих и не зависящих от поведения людей условий (пребывания женщины в непрерывном фактическом браке на протяжении всего репродуктивного периода ее жизни, полное отсутствие практики ограничения рождаемости и т.п.), которые никогда не могли выполняться во всех случаях.

Различия в уровнях реальной плодовитости и рождаемости решающим образом определялись демографическим поведением людей, которое подчинялось некоторым единым для данного общества правилам. Обычай, традиции, религиозные заповеди или светские законы предписывали людям, как следует вести себя во всех случаях жизни, в частности, они регламентировали их брачное, половое и репродуктивное поведение. Конкретное содержание этих предписаний могло во многом различаться у различных народов и в разные исторические эпохи, но были и общие черты, настолько существенные, что они позволяют говорить о едином типе такого регулирования на протяжении целого огромного этапа человеческой истории.

Брачное поведение³. Подчеркнем прежде всего, что речь идет о поведении, с которым связаны характеристики брачности, а не формы брака и семьи. Последние во многом различались у разных народов и в разные эпохи. Но со времени возникновения института брака всем традиционным обществам при разных формах брака была свойственна брачность, обладающая многими сходными чертами. Важнейшие из них и в то же время представляющие наибольший интерес для демографа – раннее вступление в брак подавляющего большинства женщин и очень низкая доля женщин, вообще не вступающих в брак. Такой тип брачности сохранился до нашего времени у многих народов, весьма далеких друг от друга в этническом, культурном или религиозном отношениях (табл. 3.2.1).

Как видим, в странах с традиционной брачностью уже к 25 годам, а иногда и к 20 почти не остается не вступивших в брак женщин, а к 40–50 годам доля их становится совершенно ничтожной. Это резко контрастирует с картиной, наблюдавшейся в последние столетия в европейских странах (для примера в табл. 3.2.1 приведены данные по Швеции).

Раннее и почти всеобщее вступление в брак создает возможность для подавляющего большинства женщин давать потомство сразу после достижения репродуктивного возраста. Однако оно

³ В более поздних работах я использовал термин «матримониальное поведение», который, как мне кажется, более точно отражает смысл того, о чем здесь идет речь (все, что касается заключения и расторжения брака). – *Авт.*

Характеристики брачности женщин в некоторых странах

Страна и год	Возраст, к которому заключается половина всех браков, в годах	Доля никогда не состоявших в браке, в %, в возрасте				
		20 лет	25 лет	30 лет	40 лет	50 лет
Алжир (мусульманское население)	18,2	31,9	12,4	6,3	2,8	2,3
Гвинея, 1955	16,3	1,8	0,7	0,3	—	—
Египет, 1947	18,1	28,0	8,7	3,4	1,3	0,8
Египет, 1960	19,2	41,7	9,6	3,6	1,7	0,5
Индия, 1901	17,1	5,1	3,0	2,2	1,4	1,1
Индия, 1961	17,2	5,9	1,9	1,0	0,6	0,5
Китай, 1956	20,3	52,6	10,1	1,6	1,4	0,9
Марокко (коренное население), 1952		8,3	3,3	1,8	1,9	1,9
Пакистан, 1961	17,1	5,8	2,5	1,5	1,0	0,7
Турция, 1955	18,0	20,6	6,5	5,4	2,3	2,0
Корея (Южная), 1955	20,2	45,0	5,5	0,4	0,3	0,1
Швеция, 1900	26,0	90,1	62,5	39,9	23,7	18,5

Источник: [49: 317–324].

не гарантирует длительного пребывания в браке, так как в обществах, в которых господствует смертность традиционного типа, очень велика вероятность прекращения брака из-за смерти одного из супругов. Некоторое представление о роли, которую может играть этот фактор, дает статистика Индии. В 1911–1921 гг., когда в смертности населения Индии не намечалось еще принципиальных сдвигов, доля вдов среди женщин в возрасте 30–34 года составляла 22%, в возрасте 35–39 лет – 29%, в возрасте 40–44 года – 43%. Потери “репродуктивного” времени в связи с овдовением составляли в это десятилетие в среднем 9,9 года на одну женщину (28,4% средней длительности репродуктивного периода) [45: 13–14], что, конечно, должно было вести к существенному снижению рождаемости.

Демографическое влияние раннего овдовения во многих культурах в значительной степени нейтрализовалось повторными браками вдов, часто почти обязательными. У различных народов с полигамной формой брака существовал обычай левирата, по кото-

рому на вдове должен был жениться брат или другой близкий родственник умершего мужа. В других случаях, наоборот, культурные нормы закрепляли демографический эффект частого овдовения. Индуизм, конфуцианство, а иногда и ислам отрицательно относились к повторным бракам вдов, которые поэтому были очень редкими в таких странах, как Индия или Китай.

Половое поведение. Какими бы ни были нормы брачного поведения людей в традиционных обществах, они всегда определяют такой важнейший фактор рождаемости, как среднее время пребывания в браке женщины репродуктивного возраста. Однако само по себе совершение брачного обряда не ведет автоматически к фактическому браку, равно как отсутствие официальных брачных уз ему не препятствует. В традиционном обществе существует тесная связь между половым поведением женщины и ее брачным состоянием, которая достаточно надежно обеспечивается средствами культурной регламентации.

С одной стороны, культурные нормы обычно осуждают добрые и внебрачные половые связи девушек и женщин. Нарушение этих норм рассматривается как недопустимое отклонение от общепринятой морали и в классических традиционных обществах сурово карается. Единственным основанием для “законных” отношений полов, особенно когда речь идет о представителях женского пола, служит вступление в брак. Хотя такие нормы могут, разумеется, нарушаться, причем иногда даже в социально санкционированной форме (например, узаконенная проституция), в целом они соблюдаются большинством населения. Автономного полового поведения женщины в доиндустриальных обществах никогда не существовало в массовых масштабах. Половое поведение всегда было элементом брачной жизни, т.е., в конечном счете, следствием брачного поведения.

С другой стороны, культурные нормы предписывали неукоснительное выполнение “супружеских обязанностей”, причем рождавшиеся в браке дети рассматривались как свидетельство соблюдения этих норм, как источник социального престижа, которого во многом лишались бездетные супруги. Нормативное регулирование полового поведения супругов не ограничивалось только общими установками, а нередко регламентировало его очень детально, поощряя или, наоборот, запрещая физическую близость супругов в зависимости от определенных, часто внешних условий. Пример такой регламентации дает Индия, где религия и обычай предписывали супругам воздерживаться от половых отношений “в дни моления определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии и в 11-й день лунного цикла (*ecadishi*), при лунном и солнечном затмении, при подготовке к религиозным

праздникам, 2–3 дня после прекращения месячных, 4–6 месяцев после рождения ребенка и т.д.” [13: 147]. (В.И. Козлов приводит также много других примеров регламентации полового поведения брачных пар.) И сейчас еще подобные ограничения у сельского населения Индии охватывают до 120 дней в году.

Репродуктивное поведение. Не отрицая возможности разного рода отклонений от норм, различных исключений из общего правила, особенно в отношении социально привилегированной части населения, можно сказать, что в целом период половой жизни женщины и даже ее интенсивность в огромной степени зависели от принятых в данном обществе культурных норм, регулировавших брачное и половое поведение людей. Но влияние этих норм на рождаемость могло быть решающим только в том случае, если одновременно не было распространено автономное репродуктивное поведение, которое позволяло бы добиться хотя бы некоторой независимости репродуктивной активности от половой, разорвать автоматическую связь между половым поведением и рождаемостью и избежать рождения ребенка как естественного следствия полового акта.

Вероятно, во все времена были известны различные формы такого поведения, которые позволяли воспрепятствовать либо зачатию при совершении полового акта (контрацепция), либо вынашиванию плода до его естественного исхода (искусственный выкидыш, аборт). Уже в племенных обществах широко пользовались самыми различными методами контрацепции – от простейших, таких, как прерванное сношение, до разного рода снадобий как внутриматочного, так и перорального применения, хотя в качестве средств демографического регулирования “более распространенные способы – аборт, детоубийство и половые табу – были, конечно, более эффективными” [67: 55].

Аборт и контрацепция были известны всем крупным цивилизациям древности, имеются данные об их использовании в древних Египте, Иудее, Индии, Китае, Японии, в Греции и Риме, у арабов-мусульман и в средневековой Европе. Но анализируя все имеющиеся данные, касающиеся практики абортов и контрацепции в прошлом, исследователи приходят к выводу, что влияние ее на рождаемость никогда не было значительным. Это относится даже к древним Греции и Риму, где знания о контрацепции действительно достигли, по-видимому, высокого уровня [67: 98–101; 47: 139]. “По всей видимости, в античности знания о контрацепции были достоянием главным образом ограниченного круга медицинских энциклопедистов, небольшого числа врачей и ученых. Средний гражданин был, вероятно, весьма невежествен в этой области” [67: 100]. Представления о том, что Римская империя

пала в результате депопуляции, вызванной распространением среди римских граждан практики ограничения рождаемости, скорее всего, очень далеки от действительности.

Судя по всему, хотя аборт и контрацепция были всегда известны, как правило, к ним прибегала систематически лишь очень ограниченная часть населения, социальная верхушка, которая использовала их с достаточной эффективностью. Что же касается народных представлений о контрацепции, то они “до нового времени были в основном связаны с магией. Хотя в литературе по народной медицине отмечаются и более рациональные методы и хотя *coitus interruptus*, вероятно, существует почти столь же давно, как и групповая жизнь людей, по-настоящему эффективные методы оставались редкостью” [67: 184]. Не оспаривая авторитетного мнения Н. Хаймса, заметим, однако, что нам кажется неверным, говоря об ограниченной роли контрацепции в прошлом, сводить все к недостатку знаний и к малой эффективности применявшихся методов. Пожалуй, большее значение имели социальные факторы, препятствовавшие превращению практики контрацепции в массовую. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Суммируя изложенное, можно сказать, что для рождаемости традиционного типа характерно отсутствие автономного репродуктивного поведения как формы массового поведения. Непосредственным объектом социального контроля служат брачное и половое поведение, но так как они слиты с репродуктивным поведением, то сами превращаются в компоненты демографического поведения.

По общему правилу, традиционные культурные нормы охраняют слитность, “сцепленность” репродуктивного поведения с брачным и половым и препятствуют выделению репродуктивного поведения в самостоятельный вид поведения и установлению над ним непосредственного контроля, независимого от контроля над брачным и половым поведением. Такова вообще природа культурных норм традиционного общества, для них характерны комплексность, многофункциональность, недифференцированность. Как замечает Ю.А. Левада, именно передача из поколения в поколение «целостных отрезков прошлой деятельности представляет основную культурную функцию “примитивных” общественных организмов» [14: 112]. Каждая из таких “комплексных” культурных норм имеет множество корней, уходящих в почву того общества, в котором она возникла, в ее разные слои, каждая отшлифована историей и отражает внутреннюю согласованность многих сторон жизнедеятельности людей в данных исторических и географических условиях. Позволяя решать сразу комплекс стоящих перед

обществом задач, эти нормы обычно не пригодны для независимого решения какой-либо одной из них. В эпоху быстрых и неравномерных изменений, охватывающих различные стороны жизни общества, монолитность, “неразъемность” традиционных норм очень сильно ограничивает гибкость и динамизм социального организма, что и приводит в конце концов к изживанию этих норм. Но многовековой и даже тысячелетней стабильности аграрных обществ эти нормы соответствуют как нельзя лучше. Когда же эти общества оказываются на пороге гибели, в защиту исчезающей недифференцированности демографического поведения, против отделения репродуктивного поведения от брачного и полового выступают выросшие на традиционной почве мыслители даже самого крупного масштаба – будь то Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой или М. Ганди. Даже таким людям, вносящим огромный вклад в разрушение старого общества, мысль о непосредственном контроле женщиной или супружеской парой своего репродуктивного поведения кажется кощунственной и противоестественной. Супруги, сознающие свою ответственность, писал М. Ганди, “никогда не вступят в половую связь только для удовлетворения своей похоти, а лишь из желания иметь потомство. Думать, что половой акт – самостоятельная функция в такой же степени необходимая, как сон и еда, по-моему, есть величайшее невежество” [7: 195].

Недифференцированность форм демографического поведения и соответственно целей и методов социального контроля над ним – первая важнейшая черта традиционного типа рождаемости. Вторая его важнейшая черта – жесткость социального контроля над демографическим поведением, общеобязательность действующих в этой области культурных норм. Раннее вступление в первый брак, повторный брак после овдовения или, наоборот, пожизненное вдовство и т.п. предписываются обычаем, освещаются авторитетом религии, одобряются общественным мнением. Все эти поступки не требуют волеизъявления индивидуума и совершаются почти автоматически по достижении определенного возраста или при возникновении определенной ситуации.

Ни в коем случае не следует идеализировать этот автоматизм действия культурных норм. Он был неразрывно связан с полным попранием прав отдельной личности, а точнее – с отсутствием представления о существовании таких прав, особенно у женщин. Всякое нарушение норм каралось дикими, варварскими методами, да и сами нормы были зачастую дикими и варварскими. С глубокой симпатией повествует просвещенный римлянин К. Тацит о чистых нравах германцев. Прелюбодеяния у них крайне редки, а “наказывать их дозволяется незамедлительно и самим мужьям: обреза́в изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родст-

венников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне” и т.п. [32: 361]. А чего стоили, например, брачные обычаи индийцев, дожившие почти до наших дней. В брак вступали дети, женщины жили в строгом затворничестве, вторичное замужество запрещалось, и “несчастные женщины, возраст которых ко времени смерти мужа иногда не превышал десяти лет, предпочитали страшный обычай сати (самосожжения) жалкому существованию индийской вдовы” [17: 295]. Понятно, что эти и подобные им нормы могли существовать только на определенном, достаточно раннем этапе развития общества и должны были исчезнуть с завершением этого исторического этапа.

Иногда полагают, что традиционные нормы всегда были безудержно популяционистскими и создавали условия для как можно более высокой рождаемости. В действительности это не совсем верно. Многие нормы брачного и полового поведения содержали в себе элементы контроля над рождаемостью, направленного на ее некоторое ограничение. В частности, упоминавшиеся индуистские правила, запрещавшие повторное замужество вдов или предписывавшие периодическое воздержание от половых отношений в браке, несомненно, вели к тому, что уровень рождаемости был существенно ниже уровня реальной плодовитости. Исследователи неоднократно отмечали, что рождаемость в Индии заметно ниже, чем в других странах, находящихся на такой же ступени демографического развития. Очень может быть, что индийские или подобные им нормы брачного, полового или репродуктивного поведения отражают специфику демографической ситуации в том или ином районе мира.

Но если неверно утверждать, что социально-культурный контроль в традиционных обществах всегда был ориентирован на достижение *самого* высокого из всех возможных уровней рождаемости, то все же нет сомнений, что он, как правило, обеспечивал высокий ее уровень – достаточно высокий для того, чтобы, несмотря на высокую смертность, население не вымирало. Существовала неразрывная связь между качественными и количественными характеристиками рождаемости традиционного типа. Жесткость и общеобязательность норм брачного, полового и репродуктивного поведения обеспечивали высокую рождаемость, но сами эти жесткость и общеобязательность диктовались необходимостью постоянно поддерживать именно такую высокую рождаемость, были ответом на не менее жесткое давление смерти, против которой люди оставались бессильными.

Попытаемся составить представление об уровне рождаемости традиционного типа. В табл. 3.2.2 приведены возрастные и суммарный коэффициенты *общей* рождаемости, которые наблюда-

Таблица 3.2.2

**Возрастные коэффициенты рождаемости и коэффициент суммарной рождаемости
соответствующие ее традиционному типу**

Страна	Период, годы	Число родившихся на 1000 женщин в возрасте							Коэффициент суммарной рождаемости	Средняя продолжитель- ность жизни женщин, в годах
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49		
Россия (европейская часть)	1896-1897	30	309	334	331	219	130	59	7,06	33,4
в том числе Украина	1896-1897	32	328	355	352	232	138	63	7,50	36,9
Болгария	1901-1905	24	302	356	303	219	129	58	6,57	40,3 (1899-1902)
Алжир	1954	103	281	301	248	208	89	27	6,29	35* (1948)
Верхняя Вольта	1960-1961	151	297	259	220	155	84	19	5,92	31,1* (1960)
Габон	1960-1961	171	190	173	127	98	43	27	4,15	45
Гвинея	1954-1955	239	334	311	246	171	69	31	6,98	28 (1955)
Дагомея	1961	197	335	306	254	166	86	29	6,86	37,3*
Египет	1947	49	264	347	277	167	32	...	5,68	47,0 (1946-1949)
	1960	32	211	348	366	195	56	19	6,14	53,8
Камерун	1964-1965	135	294	260	200	116	48	31	5,42	37,2
Конго	1960-1961	136	251	219	177	132	74	30	5,09	37*
Кувейт	1965	173	257	370	296	220	62	...	6,88	53,8 (1960)
Марокко	1962	93	300	317	289	184	106	92	6,91	49,6* (1960)
Нигер	1960	197	341	306	260	191	99	47	7,20	37,1* (1959-1960)
Сенегал	1961	158	242	243	204	153	47	26	5,37	37* (1957)

Сингапур	1957	78	303	355	289	195	81	12	6,56	66,5
Тунис	1965	61	311	354	304	208	113	47	6,99	51,7* (1965–1970)
Центральноафрикан- ская Республика	1959–1960	60	296	252	189	90	27	10	4,62	36
Чад	1963–1964	162	268	218	159	121	60	39	4,74	31*
Южно-Африканская Республика (цветное население)	1961	123	331	307	240	178	82	21	6,41	54,3 (1959–1961)
Япония	1925	49	239	269	237	182	79	13	5,34	43,2 (1921–1925)
Гипотетический максимум по Ф. Лоримеру		180	340	340	290	210	100	30	7,45	

* Для обоих полов.

Источники: [49: 570–577; 55: 33–48; 71: 213; 72: 28; 81: 73; 80: 53].

лись в наше время у населений, живших в основном в традиционных демографических условиях, т.е. в условиях сравнительно высокой смертности, почти всеобщей ранней брачности и отсутствия внутрисемейного регулирования рождаемости. Следует иметь в виду, что таким демографическим условиям, как правило, соответствует примитивное состояние демографического учета, так что приведенные в таблице данные нельзя считать абсолютно надежными. Но приблизительное представление о пределах, в которых могут изменяться показатели рождаемости, они дают. Показатели, относящиеся к Европейской России и Украине, представляют собой оценку Р. Кучинского, сделанную косвенным путем. Если эта оценка верна, то на Украине в конце прошлого века был достигнут один из самых высоких показателей рождаемости, возможных в рамках традиционного типа воспроизводства населения, правда, уже на исходе его существования. Сделанная Ф. Лоримером оценка гипотетического максимума показателей рождаемости близка к указанной оценке Р. Кучинского.

Наиболее низкие из приведенных в таблице показателей относятся к некоторым странам Африки. Коэффициент суммарной рождаемости в африканских странах колеблется в широких пределах, но, за одним исключением, не опускается ниже 4600 рождений на 1000 женщин.

Отталкиваясь от этих данных, можно грубо определить диапазон колебаний этого коэффициента в пределах от 4500 до 7500 рождений на 1000 женщин. Но едва ли можно думать, что на протяжении большей части человеческой истории этот показатель часто приближался к своему верхнему пределу. Как видно из табл. 3.2.2, средняя продолжительность жизни у всех рассмотренных населений была существенно выше, чем во времена безраздельного господства традиционного типа смертности, а это не могло не сказаться на показателях рождаемости. В той же Африке, по данным обследований, проведенных в разных странах, большей частью в конце 1950-х годов, среднее число детей, фактически рожденных женщиной к возрасту 45–49 лет, колебалось от 3 в Камеруне до 6,4 в одном из районов Берега Слоновой Кости [80: 56–57]. Эти показатели сформировались в традиционных условиях жизни африканского населения, в то время как коэффициенты табл. 3.2.2 отражают уже значительные изменения этих условий. Сейчас мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы с уверенностью судить об уровне рождаемости у различных народов в различные исторические эпохи, но вероятнее всего, что большинство встречавшихся значений укладывалось в пределах от 4 до 6 рождений на одну женщину, дожившую до конца репродуктивного периода.

3.3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕВОРОТА В РОЖДАЕМОСТИ. ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Впервые в мировой истории объективные основы существования рождаемости традиционного типа были подорваны во второй половине нашего тысячелетия в Западной Европе. Это было результатом всего социально-экономического развития, которое воздействовало на традиционную систему демографического регулирования сразу по многим направлениям. Исторический процесс одновременно поставил под вопрос прежнюю цель демографического регулирования в области рождаемости и прежние методы такого регулирования и в конечном счете сделал необходимым переход к демографическим отношениям нового, совершенно иного, чем прежде, типа.

Посмотрим вначале, что произошло с целью демографического регулирования. Речь, разумеется, идет не о такой цели, которая ясно осознается всеми участниками демографического процесса, они могут о ней ничего и не знать. Здесь имеется в виду объективная цель, отраженная в культурных нормах и воспринятая неосознанно. Поскольку речь идет о рождаемости, такой целью всегда была *высокая рождаемость*.

Высокая рождаемость была обусловлена высокой смертностью, служила единственной гарантией того, что население не вымрет. Как будет подробнее показано в следующей главе (см. 4.4), огромная доля родившихся становилась жертвой высокой смертности до того, как они могли полностью заменить своих родителей в деле продолжения рода, так что даже при высокой рождаемости традиционного типа едва обеспечивалось простое возобновление поколений. Так было на протяжении тысячелетий.

Систематическое снижение смертности создало совершенно новую ситуацию. При увеличении средней продолжительности жизни с 25 до 40 лет доля детей, доживающих до 20-летнего возраста, увеличивается примерно на 40%, при достижении средней продолжительности жизни в 50 лет — на 65%. Одновременно со снижением смертности повышается реальная плодовитость, удлиняется время брачной жизни женщины, в силу чего обнаруживается тенденция к росту среднего числа рождений. Совместное действие всех этих факторов может привести к тому, что число становящихся взрослыми детей как во всем населении, так и в средней семье увеличивается в 1,5–2 раза, свидетельствуя о резком нарушении былой согласованности рождаемости и смертности.

Может ли долго сохраняться новое соотношение рождаемости и смертности? Едва ли ответ на этот вопрос следует искать в анализе воспроизводства населения как такового. Объективные критерии целесообразности демографического развития лежат вне собственно демографической сферы. Нарушение согласованности рождаемости и смертности, о котором идет речь, приводит к необратимому нарушению традиционного демографического равновесия, порождает конфликт между воспроизводством населения и другими сторонами воспроизводства социального организма (воспроизводством общественного продукта, социальной структуры и т.п.). Именно этот конфликт указывает на кризис старой системы демографического регулирования, дает толчок к ее преодолению и замене новой и в процессе развития ведет к установлению того демографического равновесия, которое должно обеспечиваться гомеостатическими механизмами в новых условиях.

Как в действительности развивался такой конфликт?

Медленный рост населения и малодетность средней семьи хорошо согласовывались с особенностями экономического и социального быта аграрного общества. Ограниченность земельных ресурсов и застойная техника не позволяли увеличивать объем сельскохозяйственной продукции, поступавшей в распоряжение всего общества, сельской общины или отдельной семьи. Даже если земля внутри общины перераспределялась “по едокам”, такое перераспределение могло иметь смысл лишь при условии, что многодетность одних семей компенсировалась малодетностью других. В противном случае наделы непрерывно уменьшались бы и в конце концов прокормиться, возделывая их, стало бы невозможно. Если бы снижение смертности произошло в эпоху феодализма, увеличение числа наследников сразу вступило бы в противоречие с общепринятыми формами сохранения незыблемости социальной структуры, с фидеикомиссом, с принципом неделимости лена, с надельной системой крестьянского землепользования и т.п. Как отмечал К. Маркс, рассматривая формы, предшествующие капиталистическому производству, “там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким-то количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствие” [20: 483].

Но первые признаки снижения смертности – у высшей аристократии и средневековой буржуазии – появились тогда, когда феодальное общество в Европе было уже накануне гибели, массовым же оно стало уже после победы буржуазного способа производства. Соответственно и относительная многодетность в достаточно крупных масштабах могла стать реальным

фактом не раньше, чем утвердилось буржуазное общество. Разумеется, и в этом обществе можно без труда увидеть некоторые основания отрицательного отношения к многодетности, аналогичные тем, которые существовали в прошлые эпохи. В частности, увеличение числа выживающих детей угрожало целостности накопленных состояний, грозило дроблением мелкой земельной собственности и потому особенно ощущалось крестьянством в тех странах, где существовала частная собственность на землю.

Однако постепенно отказ от многодетности распространился на все слои населения, в том числе на городское население, не связанное с землей, на наемных работников, не имеющих состояний, и т.п. Чем объяснить этот универсальный феномен, играющий такую большую роль в жизни современных людей?

Казалось бы, наемные работники, и прежде всего рабочие, представляют собой ту часть населения, у которой новые демографические тенденции не должны были вести ни к какому конфликту. Дети рабочих ничего не наследуют, и с этой точки зрения число детей для рабочей семьи безразлично. Больше того, на ранних этапах развития промышленного капитализма, когда был широко распространен ранний труд детей, многодетность семей даже стимулировалась "той премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация" [19: 657].

Этот этап развития оказался, однако, преходящим. Прогрессирующая техника постепенно стала предъявлять такие требования к качеству рабочей силы, которые уже не могли быть удовлетворены при применении детского труда. Да и подготовка взрослых рабочих уже не могла осуществляться прежними способами. Чтобы рабочие смогли функционировать в качестве важнейшего элемента современных производительных сил, должны были измениться все условия их воспроизводства как работников, что, в свою очередь, потребовало изменений в условиях жизни рабочего класса. Эти изменения охватили различные стороны жизни как отдельного человека, так и семьи, распространились на весь образ жизни людей, на условия их труда, быта и использования досуга, на уровень их образования, строй потребностей, круг интересов, формы общения, на их классовое и гражданское сознание.

Столь глубокая перестройка условий жизни основной массы населения происходила в течение очень короткого времени, имела характер взрыва и требовала огромного напряжения всех сил и средств. Едва ли не в первую очередь это напряжение ощущалось семьей, которая по-прежнему должна была

выполнять свои функции по воспроизводству людей нужного социального качества. Разумеется, в наше время семья в гораздо большей степени, чем прежде, делит эти функции с обществом, создающим – пусть и несовершенные при капитализме – системы просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и т.п. Тем не менее семья сохраняет свои функции, которые даже усложняются. Теперь от человека требуется несравненно более высокий уровень образования и общей культуры, лучшее здоровье и более длительное сохранение работоспособности, усвоение гораздо более сложных социальных норм и т.д. Подготовка такого человека в огромной мере ложится на плечи семьи, требует от нее больших по сравнению с прошлым материальных и духовных ресурсов, неизбежная ограниченность которых приводит социальную функцию семьи в противоречие с ее демографической функцией. Социальная задача семьи заключается в повышении интенсивности процесса социального воспроизводства, в концентрации всех усилий на подготовке людей, как можно более соответствующих определенным социальным и производственным требованиям, увеличение же числа детей в семье толкает на экстенсивный путь, на снижение качества за счет увеличения количества.

Этот же конфликт воспроизводится и в масштабах всего общества. Ускоренный рост населения требует соответствующего роста “демографических инвестиций” в ущерб “экономическим инвестициям”, накоплению капитала и росту прибыли.

Разрешение этого конфликта, на каком бы уровне он ни рассматривался, представляет собой компромисс демографического и социально-экономического. Нетрудно видеть объективные основания приоритета второго перед первым. Как уже говорилось ранее (см. 1.6), у капитализма есть более важные цели, чем ускоренный рост населения, и они диктуют сведение интенсивности воспроизводства населения до минимально необходимого или близкого к нему уровня (простое или слегка расширенное воспроизводство). При высокой смертности высокая рождаемость – средство достижения этой цели, но когда смертность снижается, высокая рождаемость превращается в помеху. Новые условия демографического равновесия требуют снижения рождаемости. Низкая рождаемость (но не сколь угодно низкая, а такая, которая в сочетании с низкой смертностью надежно обеспечивает непрерывность процесса возобновления поколений) превращается теперь в средство достижения более общей демографической цели (простого или слегка расширенного воспроизводства), а тем самым – в цель регулирования рождаемости.

3.4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕВОРОТА В РОЖДАЕМОСТИ. НЕОБХОДИМОСТЬ НОВЫХ МЕТОДОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Уже изменение цели демографического регулирования в области рождаемости потребовало изменения методов такого регулирования. Ускорившийся рост населения и становившаяся массовой реальная многодетность семей вступили в конфликт вначале с условиями отмиравшего уже феодального строя, а позднее – и в гораздо большей степени – с условиями развивавшегося капиталистически европейского общества и сделали необходимым снижение рождаемости. Естественно, что такое снижение не могло быть осуществлено с помощью старых традиционных методов демографического контроля, которые были приспособлены к решению противоположной задачи – поддержанию высокой рождаемости. Нужно было либо видоизменить эти методы, либо полностью заменить их.

Были, однако, и другие, не менее, а, может быть, и более важные основания для отказа от старых методов контроля. Они вытекали из всего социально-экономического развития и не зависели от изменений, происходивших в собственно демографической области.

Старые методы контроля рождаемости, как уже отмечалось, соответствовали всему характеру общественных отношений в доиндустриальных обществах. Но эти отношения были уничтожены или подорваны развитием капитализма, что выбило почву из-под ног традиционных методов контроля человеческого поведения. Постепенное устранение всех форм личной зависимости, всех видов территориальной, интеллектуальной, духовной замкнутости, вовлечение женщины в общественное производство, рост образования и многие другие преобразования, связанные с развитием буржуазного способа производства, делали невозможным старый тип поведения, основанного на прямом принуждении или на слепой вере.

Капиталистические преобразования, о которых идет речь, протекали далеко не гладко, им были свойственны противоречивость, непоследовательность и неравномерность. Когда они охватывали широкие слои населения, они нередко осуществлялись насильственным путем, обрекали целые поколения на физические и нравственные страдания. Тем не менее в конечном счете они вели к вполне определенному историческому результату. Так было во всех областях жизни, так было и в той ее сфере, которая наиболее тесно связана с рождаемостью. “Как ни ужасно и

ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, — писал К. Маркс, — тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами” [19: 500].

Крушение феодализма означало одновременно и крушение этических и религиозных догм, скреплявших незыблемость традиционных культурных норм. Уже европейское Просвещение произвело полный пересмотр принципов средневекового догматического мышления. Идеи передовых мыслителей, конечно, не сразу и не без труда проникали в толщу народных масс и оказывали влияние на их поведение. Однако сами эти идеи были отражением перемен, охватывавших все стороны жизни общества, и по мере того, как экономические, социальные и политические перевороты меняли лицо европейского населения, исчезала почва, порождавшая традиционные нормы, и созревали условия для возникновения новых норм, принцип действия которых был совершенно иным.

Преодоление феодализма и его пережитков в разных странах Западной Европы происходило неравномерно. Даже в XIX в. Западная Европа в социально-экономическом и культурном отношении была далеко не однородна. Судьба феодализма как общественного строя была уже решена, но его традиции не были искоренены полностью и в разных странах с разной силой влияли еще на жизнь общества.

Наиболее радикальной борьба с основами феодального мира была во Франции. Французский абсолютизм долго противился всяким переменам, упорно не желая замечать зревшие в стране силы капитализма, он не желал идти ни на какие компромиссы, пока, наконец, не настал момент, когда любые компромиссы стали невозможны. Французская буржуазная революция нанесла всему “старому режиму” удар огромной силы, прогнившие отношения, институты, традиции были уничтожены так основательно, как ни в какой другой стране. Другим странам понадобилось немало времени, чтобы догнать в этом отношении Францию. “...Весь XIX век... прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...” [16: 367].

Социально-экономическое развитие на протяжении по крайней мере пяти последних столетий постепенно подготавливало европейское общество ко многим изменениям, в том числе и к из-

менениям методов демографического контроля. Однако долгое время такая подготовка шла медленно, и первоначально общество оказалось способно лишь на видоизменение старых методов, но не на полный разрыв с ними. Только после французской революции, причем сперва только во Франции, смогли получить распространение совершенно новые методы социально-культурного регулирования рождаемости.

В большинстве же западноевропейских стран буржуазное развитие шло путем компромиссов с не отступающими без боя силами феодализма, борьба буржуазии не была до конца последовательной. Постепенно утрачивая свою революционность, буржуазия проникалась духом охранительного консерватизма и сама начинала оберегать многие сохранившиеся от феодальной эпохи порядки. Благодаря этому и до нашего времени во многих развитых странах сохранили свое влияние традиционная мораль, религия и т.п. Этим влиянием и определялось долгое время, а в известной мере определяется и сейчас, специфика развития современных методов контроля рождаемости в разных странах.

Сравним, например, Францию с ее ближайшей соседкой – Швейцарией. Еще в 50-е годы XIX века Ф. Энгельс характеризовал Швейцарию как страну со множеством традиционных путей и допотопным состоянием общества, страну, которая, по его словам, не пережила еще ни революции в промышленности, ни переворота в традиционном образе мышления [42: 93, 94]. Швейцария была не только географической соседкой Франции, во второй половине XIX в. она была ближе к ней, чем большинство других стран, по уровню рождаемости (см. табл. 3.7.2.). Может показаться, что демографическое развитие этих стран было сходным. В действительности же между ними существовало глубокое различие, отражавшее разницу в степени социальной зрелости их населения. “Допотопное” швейцарское общество пользовалось и допотопными методами контроля рождаемости.

Так, впрочем, долгое время было и почти во всех остальных европейских странах.

До относительно недавнего времени в Европе параллельно развивались и, в известном смысле, соревновались между собой два пути контроля рождаемости. Оба они вели к одной и той же цели – к снижению рождаемости и в этом смысле оба отвечали историческим требованиям. Но методы воздействия на рождаемость каждому пути были присущи свои: в одном случае объектом воздействия была брачность, снижение рождаемости было следствием нового, нетрадиционного брачного поведения людей. В другом случае к тому же результату вело новое, нетрадиционное репродуктивное поведение. История решила этот спор в

пользу второго пути (“французского”), что и дает основания называть первый путь “допотопным”. Но на определенном историческом этапе он сыграл свою роль, и становление современного типа рождаемости началось именно с него.

3.5. ИЗМЕНЕНИЯ В БРАЧНОМ ПОВЕДЕНИИ

Первоначально, в той мере, в какой коллизия, вызванная увеличением числа выживающих детей в семье, стала ощущаться семьей и обществом, разрешения ее пытались искать в рамках традиционных, хотя и несколько модифицированных методов контроля над рождаемостью. Важнейшую роль сыграло изменение норм брачного поведения.

Насколько можно судить по имеющимся отрывочным сведениям, в средневековой Европе брачность имела все черты, характерные для ее традиционного типа. Браки были очень ранними. Говоря о Европе XI–XV вв., Б.Ц. Урланис пишет: “Можно считать установленным, что средний брачный возраст... был очень низким вследствие большого количества браков, заключенных в чрезвычайно раннем возрасте. Венчались не мужчины и женщины, а скорее девочки и мальчики” [37: 104]. Об этом же говорит Дж. Хаджнал: “В средние века обручение детей и браки очень молодых подростков были широко распространены среди всего населения (а не только среди дворянства)” [59: 120]. С ранней брачностью сочеталась низкая доля женщин, вообще остающихся вне брака. Еще в XVII в. у высшей английской аристократии, у женевской буржуазии доля женщин, не вступивших в брак к 50 годам, не превышала 6–7% [69: 364; 64: 52]. Правда, и 6–7% остающихся вне брака женщин – это немало по сравнению с тем, что можно наблюдать во многих странах с традиционной брачностью в середине нашего века (см. табл. 3.2.1). Возможно, эта особенность традиционной брачности в Европе была связана с распространенностью здесь монашеского celibата. Однако, исследуя изменения в брачном поведении европейского населения, 6–7% женщин, остававшихся вне брака в XVII в. и ранее, надо сравнивать с 20 и даже 30% незамужних женщин у тех же английских аристократов и женевской буржуазии в XVIII–XIX вв.

Примерно с середины второго тысячелетия в Западной Европе стал распространяться новый, отличный от традиционного тип брачности, названный Дж. Хаджналом “европейским” [59]. Причины и ранние этапы развития такой брачности изучены недостаточно, но в XVIII в. мы находим “европейский” тип брачности, для которого характерны поздние браки, растянутый во вре-

мени процесс вступления в брак каждого поколения женщин и высокая доля женщин, вообще остающихся вне брака, уже вполне сформировавшимся.

В новых, неписанных, но получивших всеобщее признание нормах брачного поведения содержалось немалое отступление от традиции. Но западноевропейское общество после Великих географических открытий не было уже безоговорочно традиционным, оно подвергалось глубокой трансформации и постепенно созревало для перемен. В то же время воздействие на рождаемость через брачность путем отсрочки вступления в брак или даже воздержания от брака могло распространяться постепенно, не вступая в открытое противоречие с духом христианской традиции, которая поощряла монашеское безбрачие и вообще считала умерщвление плоти богоугодным делом. Попытки же супругов управлять своим репродуктивным поведением, прибегнуть к искусственному предотвращению зачатия или прерыванию беременности, были бы открытым вызовом христианской морали, всегда осуждавшей подобные действия. Время для этого еще не настало.

Вступление в брак всегда в гораздо большей степени считалось делом человеческим, нежели создание новой жизни, рассматривавшееся как сфера компетенции бога. Еще во второй половине XVIII в. М. Мессанс писал: "...Брак зависит от воли людей и их характера; их вкусы в этом отношении никогда нельзя будет подчинить воле законодателя; плодovitость браков зависит от причин, совершенно независимых от воли даже тех, которые одни могут этому способствовать, и пребывает вследствие этого выше всяких людских законов" [Цит. по: 26: 229]. А на рубеже XVIII и XIX столетий Т.Р. Мальтус не только считал возможным влияние на рождаемость через брачность, но пытался обосновать правомерность такого пути ссылками на священное писание [18: 91].

Правда, Мальтус в отличие от Мессанса верил в волю законодателя. Он хотел осуществить предлагаемое им воздействие на брачность, используя типичный традиционный механизм прямого принуждения. "Мы не вправе утверждать, что в деле супружества каждому человеку может быть предоставлен свободный выбор", — писал он [18: 105]. Но в действительности свободный выбор уже вторгся в сферу брачности; в традиционных нормах, тысячелетиями регулировавших брачное поведение людей, была пробита брешь, что само по себе было важнейшим сдвигом, сыгравшим немалую роль в разрушении всего традиционного уклада жизни и оказавшим огромное влияние на последующее демографическое развитие. Сцепленность трех видов демографического поведения, влияющего на рождаемость, еще не была нарушена с возникновением нового типа брачности, благодаря чему последний и вписал-

ся в рамки традиционных правил, не потребовав никакой ломки. Однако объективная основа указанного триединства, существовавшая с незапамятных времен, была уже подорвана. Брачность нового типа не просто подчинила брачное и половое поведение людей соображениям, связанным с производством потомства (это было и раньше), но сделала это таким образом, что ограничила удовлетворение естественных человеческих потребностей (чего прежде в массовых масштабах не было). Уже в этом содержались семена внутреннего конфликта, предрекавшего ограниченность и недолговечность регулирования рождаемости через брачность.

XIX в. был в целом веком господства “европейского” типа брачности во всех странах Западной Европы и в заокеанских странах европейского заселения, хотя уже в этом веке зародилась новая тенденция – к снижению возраста вступления в первый брак и сокращению безбрачия. Правда, с очевидностью эта тенденция обнаружилась повсеместно лишь в самое последнее время – во второй половине XX столетия. Еще в 30-е годы нельзя было с уверенностью утверждать, что вековая тенденция изменилась, хотя некоторые признаки таких изменений были.

Как видно из табл. 3.5.1, еще в 30-е годы XX столетия в Западной Европе огромная доля женщин выходила замуж лишь после 25 и даже после 30 лет, а от 15 до 25% всех женщин старших поколений оказывались вообще не вступившими в брак до окончания репродуктивного периода. Но в некоторых странах (Дания, Нидерланды, Франция, Швеция) уже в это время доля женщин, не вступивших в брак до 30 лет, была несколько ниже, чем во второй половине XIX века. Последующее развитие закрепило и усилило эту тенденцию и распространило ее на все страны.

Изменения в брачности интересуют демографа прежде всего с точки зрения того влияния, которое они оказывают на длительность времени, прожитого в браке женщиной репродуктивного возраста. Приводимая ниже табл. 3.5.2 дает представление об использовании репродуктивного периода жизни женщины в типичных для Западной Европы условиях.

Как видим, “европейский” тип брачности вел к тому, что репродуктивный период жизни женщины использовался далеко не полностью. Женщина в среднем проводила в замужестве чуть больше половины того периода своей жизни, когда было возможно рождение детей. Главной причиной этого было позднее вступление женщин в первый брак, так что основные потери “репродуктивного времени” приходились на самые плодовитые возрасты.

В результате при очень высокой брачной рождаемости в возрасте 20–29 лет уровень общей рождаемости у женщин этого возраста в XVIII–XIX вв., а в тех странах, где долго сохранялась “евро-

Таблица 3.5.1

Доля женщин, никогда не состоявших в браке, в некоторых возрастах (в процентах)

Страна	Год	Возрастные группы			Страна	Год	Возрастные группы		
		20–24	25–29	45–49			20–24	25–29	45–49
Великобритания	1851	70	41	14	Ирландия	1861*	76	49	14
	1871	66	37	13		1891	86	59	17
	1911	76	44	17		1936	86	64	25
	1931	74	42	17		1941	88	64	26
	1951	53	22	16		1951	82	55	34
	1966	42	14	9		1966	75	38	20
Дания	1787	64		9	Нидерланды	1830	81	49	14
	1801	63		9		1849	87	57	15
	1840	70		9		1879	78	43	14
	1880	64		12		1909	78	42	16
	1901	59		15		1930	75	38	15
	1930	55		16		1967	53	15	9
	1935	68	35	16					
	1967	45	13	7					

Таблица 3.5.1 (окончание)

Страна	Год	Возрастные группы			Страна	Год	Возрастные группы		
		20–24	25–29	45–49			20–24	25–29	45–49
Норвегия	1801	64		15	Швейцария	1860	83	55	20
	1875	67		17		1880	77	44	20
	1910	64		22		1910	78	43	8
	1930	67		23		1930	82	48	9
	1930	81	52	23		1970	55	22	2
Франция	1970	46	16	8	Швеция	1750	73	43	0
	1881	60	32	13		1800	78	48	2
	1901	58	30	12		1850	84	51	2
	1911	55	27	11		1870	84	54	6
	1936	49	23	13**		1910	80	52	2
—	1949	54	22	11**		1930	80	52	3
	1954	57	23	10		1970	60	23	8
	1968	56	18	9					

*Включая Северную Ирландию. ** 40–49 лет.

Источники: [60: 83; 82a: table 7; 82d: table 12; 82f: table 26].

Распределение числа лет, прожитых в репродуктивном возрасте, по брачному состоянию; Дания, женщины, достигшие 50 лет (в процентах)

Поколения	Замужние	Вдовы	Разведен- ные	Замужние до вступле- ния в брак	Никогда не состоявшие в браке	Всего
1840–1844	53,7	3,5	0,4	30,4	12,0	100,0
1850–1854	53,7	3,6	0,3	29,0	13,4	100,0
1860–1864	53,8	3,4	0,3	27,6	14,9	100,0
1870–1874	54,4	2,9	0,4	26,4	15,9	100,0
1880–1884	55,1	2,7	0,6	25,5	16,1	100,0
1890–1894	55,7	2,3	1,1	25,3	15,6	100,0
1900–1904	57,2	1,8	1,5	25,8	13,7	100,0
1910–1914	61,3	1,5	2,2	25,5	9,5	100,0
1920–1924	65,9	1,2	2,9	23,4	6,6	100,0

Источник: [73: 67].

пейская” брачность (Ирландия), и в XX в. был весьма скромным, вполне сопоставимым с тем, который наблюдается в странах с низкой рождаемостью в наше время. После достижения 30 лет, т.е. в тех возрастах, в которых основная масса женщин оказывалась замужем даже и при поздней брачности, это сходство исчезает. Зато появляется разительное сходство с показателями, свойственными современным странам с высокой, “неконтролируемой” рождаемостью.

Табл. 3.5.3 помогает понять, почему общий уровень рождаемости в большинстве западноевропейских стран, даже если в них и сохранилась высокая брачная рождаемость (этого не было во Франции), не мог быть столь высоким, как у населений с традиционным типом брачности. Вопрос о динамике показателей рождаемости будет рассмотрен несколько ниже (см. 3.7), здесь отметим только, что регулирование рождаемости через брачность в Западной Европе оказалось эффективным и позволило существенно снизить уровень рождаемости.

Чтобы в полной мере оценить возможности этого пути снижения рождаемости, надо познакомиться с единственным в своем роде демографическим опытом Ирландии. В этой стране “европейский” тип брачности развился намного сильнее и держался намного дольше, чем в любой другой стране. Еще в начале 40-х годов нашего столетия в Ирландии свыше 63% женщин в возрасте 25–29 лет оставались не замужем, и даже среди достигших 45–49 лет было 26% никогда не состоявших в браке! Ускоренное развитие “европейского” типа брачности в Ирландии началось не

Таблица 3.5.3

Брачная и общая рождаемость в некоторых возрастных группах
(число родившихся на 1000 женщин)

Возрастные группы	Швеция		Ирландия 1961	Нидерланды 1963	США 1960	Франция 1963	Венесуэла 1961
	1791–1800	1871–1880					
Брачная рождаемость							
20–24	469	474	478	321	354	342	463
25–29	396	389	392	264	222	226	371
30–34	336	333	299	172	123	125	254
35–39	228	266	202	93	62	61	194
Общая рождаемость							
20–24	123	106	108	137	258	176	336
25–29	216	209	217	215	197	187	322
30–34	234	233	210	152	113	112	242
35–39	178	204	152	82	56	55	189

Источники: [78:131, 82с: tables 14, 25].

ранее второй половины XIX в. До середины прошлого столетия (до экономической катастрофы конца 40-х годов) браки здесь были даже более ранними, а рождаемость – более высокой, чем, например, в Англии [52: 30, 39]. Но к концу XIX в. Ирландия по распространенности поздних браков и уровню безбрачия превзошла все европейские страны и до середины нашего столетия не знала тех новых тенденций в брачности, которые ощущались повсюду. Несмотря на то, что в отличие от других европейских стран Ирландия до самого последнего времени сохраняла очень высокую брачную рождаемость, на протяжении всего периода, за который имеются данные (начиная с 60-х годов прошлого века), она принадлежала к числу стран с самыми низкими общими коэффициентами рождаемости. По уровню падения этого показателя с Ирландией долгое время могла соперничать только Франция (см. табл. 3.7.2).

Ирландский опыт убеждает в огромных возможностях воздействия на рождаемость через брачность. Он дает основание утверждать, что в принципе снижение рождаемости, необходимое с точки зрения восстановления нарушенного равновесия рождаемости и смертности, могло быть повсеместно осуществлено именно этим путем. Тем не менее Ирландия осталась демографическим исключением, а ирландский путь регулирования рождаемости превратился со временем в анахронизм. Все остальные страны пошли по другому пути. Как уже отмечалось, изменения в брачности, связанные с развитием ее “европейского” типа, вели к сокращению времени брачной жизни, следствием чего было существенное снижение рождаемости. Но примерно со второй половины XIX в., а кое-где, возможно, и раньше, под влиянием различных изменений, происходивших в Европе, сокращение числа лет, прожитых в замужестве, стало сменяться его увеличением.

Это увеличение происходило, во-первых, благодаря снижению смертности. Если бы женщины вообще не умирали после вступления в репродуктивный возраст, то время, прожитое в этом возрасте (от 15 до 50 лет) каждой женщиной, равнялось бы 35 годам. В действительности еще в первой половине прошлого века даже в наиболее развитых странах оно было намного меньше, но по мере того, как снижалась смертность, неуклонно увеличивалось.

Одновременно с увеличением времени жизни в репродуктивном возрасте постепенно менялась и структура использования этого времени. Отчасти это также было связано со снижением смертности – на этот раз мужчин – и с более редким или более поздним овдовением женщин. Однако главное значение имело увеличение времени, прожитого в браке, благодаря тенденции к снижению возраста вступления в первый брак и сокращению безбрачия.

Таблица 3.5.4

**Увеличение среднего числа лет, прожитых женщиной
в репродуктивном возрасте, в некоторых странах**

	Число лет, прожитых между 15 и 50 годами				То же в % к максимально возможному числу лет (к 35 годам)			
	1840	1870	1900	1930	1840	1870	1900	1930
Англия и Уэльс	20,77	22,31	23,99	30,03	59,3	63,7	68,5	85,8
Нидерланды	19,04	20,14	24,00	30,31	54,4	57,5	68,6	86,6
Франция	20,27	21,36	23,98	27,69	57,9	61,0	68,5	79,1
Швеция	23,35	23,57	25,56	29,89	66,7	67,3	73,0	85,4

Примечание: Данные относятся: по Англии и Уэльсу – к 1838–1854, 1871–1880, 1890–1900 и 1933 гг.; по Нидерландам – к 1840–1851, 1870–1879, 1890–1899 и 1921–1930 гг.; по Франции – к 1840–1859, 1877–1881, 1898–1903 и 1925–1927 гг.; по Швеции – к 1841–1845, 1871–1880, 1891–1900 и 1921–1930 гг.

Источник: [71: 216–217].

**Среднее число рождений на одну женщину, достигшую 50 лет,
по поколениям; Дания**

Поколения	Женщины, когда-либо состоявшие в браке	Добрачные рождения	Женщины, никогда не состоявшие в браке	Все женщины
1840–1844	4,528	0,342	0,921	4,394
1850–1854	4,662	0,322	0,876	4,436
1860–1864	4,461	0,289	0,799	4,162
1870–1874	4,083	0,262	0,730	3,771
1880–1884	3,581	0,261	0,666	3,332
1890–1894	2,854	0,252	0,558	2,709
1900–1904	2,340	0,206	0,440	2,259
1910–1914	2,323	0,175	0,462	2,304
1920–1924	2,346	0,177	0,530	2,391

Источник: [73: 105].

Влияние новых тенденций на увеличение доли времени, прожитого в замужестве, можно видеть на примере Дании (см. табл. 3.5.2). Эти тенденции особенно усилились в Дании в конце прошлого века, так что женщины, родившиеся в начале 20-х годов XX столетия, проводили в замужестве не чуть больше половины, как их бабушки в середине XIX в., а две трети репродуктивного периода своей жизни.

В омоложении брачности Дания опередила многие европейские страны, где показатели, характерные для “европейского” типа брачности, устойчиво удерживались, по крайней мере, до начала нынешнего столетия. Пример такого развития дает Швеция, в которой на протяжении прошлого века возраст вступления в первый брак и доля не вышедших замуж женщин даже несколько увеличивались. Но в целом среднее число лет, прожитых в замужестве, либо уже не сокращалось существенно, либо даже возрастало.

В этих условиях при сохранении прежнего репродуктивного поведения супругов можно было ожидать увеличения рождаемости, роста среднего числа рождений на одну женщину. Такой рост мог быть даже более чем пропорциональным росту числа лет, прожитых в браке, благодаря происходившему в это же время улучшению здоровья женщин, а значит, и росту их реальной плодovitости. На самом же деле, как следует из табл. 3.5.5, число детей, рожденных одной женщиной, увеличивалось только у самых старших из рассматриваемых поколений. У поколений, родив-

шихся во второй половине 50-х годов прошлого века, наметилось уменьшение числа рождений, которое из поколения в поколение нарастало.

Подобная динамика среднего числа рождений на одну женщину при увеличении среднего числа лет брачной жизни женщины может иметь только одно объяснение: изменение репродуктивного поведения супругов.

3.6. ИЗМЕНЕНИЯ В РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ СУПРУГОВ

Переход к репродуктивному поведению современного типа начался в Европе не ранее XVII в. Вначале внутрисемейное регулирование рождаемости затронуло лишь социальную верхушку европейского населения, причем и здесь в XVII в. ограничение числа рождений у замужних женщин не было массовой практикой. Как свидетельствуют данные, относящиеся к английской и французской аристократии и к женевской буржуазии, снижение рождаемости в браке и у этих групп населения явственно обозначилось лишь в конце XVII—начале XVIII вв. [48: 5]. Более широкое распространение нового репродуктивного поведения началось несколько позднее и вначале только во Франции. В XVIII в. еще существовал большой разрыв в уровнях брачной рождаемости большинства французского населения и французской аристократии.

Приведенные в табл. 3.6.1 коэффициенты брачной рождаемости сельского населения (они представляют собой усредненные показатели, относящиеся к ряду сельских приходов в разных частях Франции XVIII в.) свидетельствуют о том, что в это время французская деревня не знала массовой практики внутрисемейного регулирования рождаемости. Это не значит, правда, что оно оставалось совершенно неизвестным сельскому большинству французского населения. Имеется ряд данных, свидетельствующих о том, что внутрисемейное регулирование рождаемости постепенно проникало в толщу населения, по крайней мере, с середины XVIII в. [64: 1001; 66: 916]. Мало-помалу внедряясь в практику французской крестьянской семьи, оно подтачивало традиционные нормы демографического поведения и исподволь подготавливало нацию к тому перелому в демографическом поведении семьи, который произошел на рубеже XVIII и XIX вв.

Общественное мнение нелегко смирилось с новыми демографическими веяниями. Представления о “естественности” для женщины рождать много детей, о том, что это ее главное призва-

Различия возрастных коэффициентов брачной рождаемости населения Франции (браки, заключенные в возрасте до 30 лет)

	Возрастные группы					
	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Сельское население, ‰	420	412	369	282	144	13
Пэры (браки, заключенные в 1700–1795 гг.), ‰	226	167	63	8	6	–
Рождаемость в семьях пэров по отношению к рождаемости сельского населения, %	54	40	17	6	4	0

Источник: [65: 451].

ние, главная цель брака, были еще очень сильны, равно как и представления о греховности каких-либо мер, направленных на ограничение рождаемости в браке. “Можно ли сомневаться, что религия способствует процветанию населения? – писал в 1778 г. Моо. – ...Ее заветы благоприятствуют поддержанию воспроизводства рода человеческого... Она проникает в тайну супружества и запрещает любой акт наслаждения, который не ведет к производству потомства” [75: 50].

Большинству современников ограничение рождаемости в браке казалось проявлением прискорбного падения нравов, делом противоестественным и аморальным. “Как! – восклицал Ж.Ж. Руссо. – Основываясь на том, что существует какая-нибудь сотня больших городов, где женщины, ведя распушенный образ жизни, производят на свет мало детей, вы утверждаете, что для женщины естественно иметь мало детей! Но что стало бы с вашими городами, ежели бы удаленные от них деревни, где женщины ведут более чистую жизнь, не возмещали ущерб в народонаселении, наносимый бесплодными дамами?... Разве для женщины не естественно быть матерью? И разве материнство не охраняется основными законами природы и существующими обычаями?” [28: 552]. Моо, который разделял нравственную оценку, даваемую внутрисемейному регулированию рождаемости Руссо, не разделял его оптимизма. “Богатые женщины, для которых наслаждение – высшее благо и единственное занятие, не одни, кто смотрит на продолжение рода как на заблуждение старых времен. Пагубные секреты, не известные никаким живым существ-

вам, кроме человека, проникли уже в деревню. Природу обманывают, и это дошло до деревни” [75: 102].

Однако были слышны и другие голоса. Вольтер, не столь благочестивый, как Моо, и менее сентиментальный, чем Ж.Ж. Руссо, писал в 1764 г.: “Вот уже несколько лет много говорят о населении. Я отважусь высказать одно соображение. Наша главная забота заключается в том, чтобы люди, которые живут, были счастливы настолько, насколько это позволяет человеческая природа и огромное различие между разными положениями в жизни. Но если мы не смогли еще обеспечить это счастье людям, к чему так стремиться к увеличению их числа? Не для того ли, чтобы создать новых несчастных? Большинство отцов семейств опасаются иметь много детей, тогда как правительства хотят умножения народа” [83: 219].

Так или иначе, но ко времени Великой Французской революции новое репродуктивное поведение не было чем-то совершенно незнакомым или казавшимся абсолютно недозволенным даже широким слоям населения страны. Обобщая имеющийся статистический материал и все более многочисленные упоминания о новом отношении семьи к деторождению в литературе XVIII в., А. Сови приходит к следующим выводам: а) в XVII в. забота о предотвращении рождений должна была существовать в некоторых дворянских или буржуазных семьях. Хотя эффективность этой практики и нельзя недооценивать, она была все же очень ограниченной; б) в XVIII в. эта практика распространяется достаточно широко, что привлекает внимание различных авторов начиная с 1750 г.; в) примерно с 1775 г. результаты этой практики обнаруживаются в национальной статистике. Выборочная и ограниченная статистика, относящаяся к правящим классам, указывает на такие результаты еще раньше [47: 381–382].

Долгое время Франция как страна массового распространения внутрисемейного регулирования рождаемости оставалась единственным исключением в Западной Европе да и во всем мире. Французское Просвещение и французская буржуазная революция, разорвавшие “традиционные пути” во Франции, в конечном счете способствовали освобождению от них всей буржуазной Европы. Но на это потребовалось время, первоначальное же непосредственное воздействие французской революции и ее идей, по крайней мере в некоторых областях, могло быть даже обратным. Так было, например, в Англии, в которой бурное развитие промышленной революции сочеталось с реакционным консерватизмом в области этики и религии. «Когда высшие классы увидели, что их привилегиям и имуществу угрожают якобинские доктрины с противоположного берега Ла-Манша, тогда сильное от-

вращение к французскому “атеизму и деизму” подготовило благоприятную почву для большей “серьезности” джентри. Индифферентизм и веротерпимость в вопросах религии казались теперь мятежными и непатриотичными, соответствующие изменения произошли также и в нравах – распушенность или веселость сменились лицемерием или добродетелью» [36: 498].

Понадобились многие десятилетия экономического и социального развития, напряженной политической и идейной борьбы, чтобы английская семья смогла, – более того, оказалась вынужденной – увидеть свое демографическое поведение в новом свете. Еще “семидесятые и восьмидесятые годы были периодом не только больших семей, но и пуританизма в области этических и сексуальных идей” [36: 561]. Только к самому концу XIX в. борьба рабочего класса и его идеология, движение за эмансипацию женщины, успехи естественных наук подточили здание традиционной морали, ослабили влияние религии и сделали невозможным дальнейшее сохранение старых форм демографического контроля.

В западной литературе существует традиция связывать распространение внутрисемейного регулирования рождаемости в Англии с неомальтузианской пропагандой, которую вели на протяжении XIX в. Ф. Плэйс, Р.Д. Оуэн, Ч. Ноултон, Э. Безант, Ч. Брэдлоу, Ч. Драйсдель и их последователи. Вероятно, действительно эта пропаганда сыграла известную роль в “просвещении” английского населения в отношении методов контрацепции. Надо, однако, объяснить, почему английскому населению пришлось так долго и настойчиво втолковывать вещи, которые намного раньше без всякого труда и без всякой пропаганды усвоили французы. В те времена, когда применение контрацепции ограничивалось лишь некоторыми узкими слоями населения, осведомленность англичан в этой области отнюдь не уступала осведомленности французов. Знаменитый венецианский авантюрист XVIII в. Д. Казанова пишет в своих мемуарах о презервативе как об английском изобретении (“английское одеяние, которое вносит покой в душу”) [67: 195]; выражение “*capote anglaise*” – французское название презерватива, известное с 30-х годов XIX в., не случайно. Есть данные о том, что сельское население Англии прибегало к некоторым мерам внутрисемейного регулирования рождаемости уже в XVII в., т.е. может быть даже раньше, чем во Франции [84: 82–109]. Видимо, в XIX в. дело было не в незнании средств контрацепции, а в неподготовленности английского общества к широкому распространению того, что англичане называют “birth control”. Эта неподготовленность в Англии, так же как и в большинстве других западноевропейских стран, имела глубокие исторические корни, она была следствием тех compro-

миссов буржуазного и феодального, в рамках которых столетиями развивался европейский капитализм. Традиционная культура средневековья почти нигде не была уничтожена полностью, она лишь трансформировалась таким образом, чтобы не мешать жизненно важным функциям капитализма в сфере экономики и политики. Буржуазия же охотно платила за это уступками в менее важных для нее областях, проявляя преувеличенную верность традиционным нормам в интеллектуальной или нравственной сфере. Более того, знаменитое ханжество английских пуритан да и вообще протестантская бюргерская “добропорядочность” играли существенную охранительную роль, весьма полезную с точки зрения оказавшейся у власти буржуазии. Благодаря этому элементы “допотопного состояния общества” долгое время сохранялись не только в отставшей Швейцарии, но и в передовой Англии, несмотря на огромное революционизирующее влияние промышленного переворота.

Тем не менее и здесь развитие, особенно по мере назревания общего кризиса капитализма, постепенно подрывало основу сохранения традиционных норм, в том числе и норм демографического поведения. Неомальтузианская пропаганда и, в частности, связанные с ней драматические моменты (например, громкий судебный процесс Э. Безант и Ч. Брэдлоу в 1878 г.) были лишь эпизодами этого развития, притом далеко не первостепенными.

Вернемся еще раз к точке зрения Н. Хаймса относительно роли средств контрацепции в распространении нового репродуктивного поведения. В своей книге он неоднократно подчеркивает, что человек всегда хотел контролировать свою рождаемость, но не мог этого делать из-за несовершенства бывших в его распоряжении средств. “Ново не желание предотвратить зачатие, а эффективные и безвредные средства, позволяющие добиться этого в больших масштабах” [67: 185]. Нам же кажется, что ново как раз стремление контролировать свою рождаемость, — но не просто стремление отдельного человека, готового пойти на нарушение культурной нормы, а *стремление общепринятое, социально одобренное*. Это — результат не технического, а социального прогресса.

Когда необходимый уровень социального развития достигнут, массовое распространение контрацепции возможно даже при отсутствии современных эффективных средств. Пример этому дает Франция, население которой перешло к внутрисемейному регулированию рождаемости задолго до вулканизации резины, а тем более до появления современных пероральных и внутриматочных контрацептивов. Если необходимый уровень соци-

Возрастные коэффициенты брачной рождаемости населения Швеции
(в промилле)

Возрастные группы	1751–1760	1801–1810	1851–1860	1881–1890	1891–1900	1906–1915	1926–1935	1963
20–24	467	456	470	447	462	417	284	270
25–29	401	374	378	374	367	321	187	182
30–34	338	307	327	321	302	247	131	100
35–39	235	220	258	255	238	189	88	44
40–44	128	117	148	146	133	106	42	12
45–49	31	26	25	22	18	12	5	1

Источники: [78: 121; 50: 84; 82d: table 25].

ально-культурного развития не достигнут, никакие, даже самые совершенные, средства не находят спроса, несмотря на якобы извечное стремление к контролю над рождаемостью, о котором писал Н. Хаймс.

Даже в наиболее развитых капиталистических странах Западной Европы (мы не говорим о Франции) поворот массового демографического сознания в сторону внутрисемейного регулирования рождаемости произошел не ранее последних десятилетий прошлого века, что и нашло свое отражение в изменении демографического поведения. До этого времени коэффициенты брачной рождаемости не обнаруживали никакой тенденции к снижению. В этом можно убедиться на примере Швеции, по которой имеются оценки брачной рождаемости с середины XVIII в.

Явные признаки снижения брачной рождаемости обнаружались впервые только в последнем десятилетии прошлого века, но последующие события развивались с чрезвычайной стремительностью. За какие-нибудь четыре десятилетия Швеция проделала путь, который у Франции занял более ста лет.

Швеция не была исключением, подобным Франции или Ирландии, ее демографическое развитие типично для многих западноевропейских стран. Во второй половине XIX в. все эти страны имели показатели брачной рождаемости, сходные со шведскими.

Как видно из табл. 3.6.3, на протяжении всего XIX в. и первых десятилетий XX в. Франция резко выделялась низким и все время снижавшимся уровнем брачной рождаемости. Все же остальные страны почти до самого конца прошлого столетия по показателям брачной рождаемости мало отличались одна от другой и

Таблица 3.6.3

Изменения брачной рождаемости в странах Западной Европы
(число родившихся на 1000 замужних женщин в возрасте 15–49 лет)

Страна	1846– 1855	1856– 1865	1866– 1875	1876– 1885	1886– 1895	1896– 1905	1906– 1915	1916– 1925	1926– 1935	1940	1950	1963
Австрия	...	...	...	246	250	242	216 ¹	114 ²	87	...	84 ³	116 ⁴
Англия и Уэльс	242	244	252	250	229	203	161 ⁵	131	98 ⁶	...	90	108 ⁷
Бельгия	252	276	270	264	236	213	172 ¹	...	103	...	104 ⁸	...
Германия	...	...	...	268	258	243	192	...	100	...	96 ⁹	113 ⁹
Дания	...	228	225	244	235	217	191	153	120	105	105	103
Ирландия	...	...	...	...	...	...	244 ¹⁰	219 ¹¹	211	...	...	196 ⁴
Испания	...	...	...	...	...	230	208	203	...	...	...	142 ¹²
Италия	...	...	...	248	249	232	225	211 ¹³	169	154 ¹⁴	120 ³	...
Нидерланды	...	...	294	293	286	272	233	198	160	187 ⁸	154	138
Норвегия	262	262	242	262	259	247	223	196	134	147 ¹⁵	121	110 ¹²
Финляндия	...	...	...	259	246	245	231	196	161	123	155	120
Франция	179	172	172	167	150	134	115 ¹	120 ¹⁶	98	124 ¹⁵	116 ³	119
Швейцария	...	...	...	...	...	224	184	148	123	115 ¹⁷	120	117 ¹²
Швеция	241	248	235	240	231	219	194	155	105	115 ¹⁵	94	87

¹ 1906–1913 гг. ² 1914–1920 гг. ³ 1951 г. ⁴ 1961 г. ⁵ 1906–1910 гг. ⁶ 1931–1935 гг. ⁷ 1964 г. ⁸ 1947 г. ⁹ ФРГ. ¹⁰ С Северной Ирландией. ¹¹ 1921–1925 гг. ¹² 1960 г. ¹³ 1924–1925 гг. ¹⁴ 1936 г. ¹⁵ 1946 г. ¹⁶ 1920–1924 гг. ¹⁷ 1941 г.

Источники: [29: 80–81; 82c: table 12; 82d: table 25].

не обнаруживали никакой тенденции к их снижению. Эта тенденция наметилась лишь в последние два-три десятилетия XIX в., причем тогда еще не могло быть полной уверенности в ее устойчивости, некоторые колебания брачной рождаемости случались и прежде. Но XX в. устранил все сомнения. Уже в 20–30-е годы монополия Франции перестала существовать. Большинству западноевропейских стран, как Швеции, понадобилось не более четырех-пяти десятилетий, чтобы догнать Францию, опередившую их не менее чем на сто лет. Впоследствии падение брачной рождаемости в основном прекратилось, продолжалось лишь дальнейшее нивелирование ее во всех странах Западной Европы за счет снижения этого уровня в тех странах, где в начале века оно шло более медленно. Только Ирландия все еще продолжала оставаться исключением.

Аналогичные изменения происходили в капиталистических странах и за пределами Западной Европы: в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и некоторых других странах. Позднее других развитых индустриальных государств на путь снижения брачной рождаемости встала Япония. Это объясняется гораздо более поздним началом здесь капиталистических преобразований (с конца 60-х годов прошлого века) и длительным сохранением многочисленных пережитков феодализма в жизни японского общества. По оценкам японских демографов, переход к внутрисемейному регулированию рождаемости начался здесь лишь в конце эпохи Мэйдзи (начало XX века) [54: 3], но оно распространялось очень медленно. По показателям брачной рождаемости в довоенный период и в первые послевоенные годы Япония была близка к Ирландии. В конце 40-х – начале 50-х годов наступил резкий перелом, и брачная рождаемость стала быстро снижаться.

Изменения брачной рождаемости в Японии
(число родившихся на 1000 замужних женщин в возрасте 15–49 лет)

1906–1915 гг.	233,4	1950 г.	172,8
1916–1925 гг.	237,5	1955 г.	127,3
1926–1935 гг.	197,8	1960 г.	107,4

Источники: [29: 80.; 82b: table 13; 82c, table 12; 82d: table 25].

В течение первой половины XX века капитализм в Японии создал необходимые условия для перехода населения к прямому контролю над своим репродуктивным поведением. Долгое время искусственно культивируемые феодальные пережитки,

консервативные традиции сдерживали такой переход, нетрадиционное демографическое поведение не вписывалось в бережно охранявшийся кодекс средневековых правил и норм. Но как только эти помехи были устранены (главным образом, благодаря военному, политическому и идеологическому краху милитаристской Японии и лишь во вторую очередь в связи со специальными мерами в демографической области), традиционное демографическое поведение лишилось какой бы то ни было опоры.

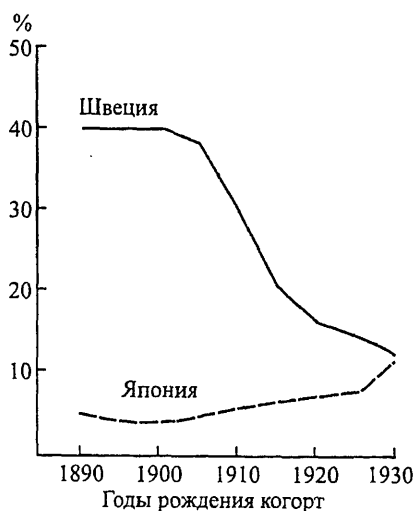
Резкое снижение брачной рождаемости в условиях, когда время, прожитое женщиной в браке, имеет тенденцию к увеличению, указывает на огромные перемены в структуре демографического поведения. Массовое репродуктивное поведение обособилось от полового и брачного, стало автономным, превратилось в объект непосредственного социально-культурного контроля. Дифференциации видов демографического поведения, естественно, сопутствовала и функциональная дифференциация культурных норм, а также изменения в механизме их действия. Социальный контроль рождаемости принимает теперь форму ее внутрисемейного регулирования, с макроуровня, на котором он осуществлялся всегда (одинаковые для всех, общеобязательные нормы демографического поведения), он переходит на микроуровень, на уровень семьи. Человек осознает, а общество признает за ним право самому решать, сколько и когда иметь детей, свое поведение в этой области он соотносит не с унаследованным от прошлого неизменным образцом, а со своими жизненными обстоятельствами.

В этом и заключается революционный переворот, который позволяет говорить о возникновении нового исторического типа рождаемости. До тех пор, пока общество, само того не сознавая, пыталось приспособиться к новым условиям, используя старые демографические методы, и в частности испытанное воздействие на рождаемость через брачность, традиционный тип рождаемости не был изжит. Это был, если здесь допустима столь грубая аналогия, “мануфактурный” период становления рождаемости нового типа. Он длился несколько столетий и дал временное решение возникших перед обществом демографических проблем. Когда же сами эти проблемы развились и обострились, потребовалась коренная ломка, полная замена старых демографических методов новыми. Эта ломка совершилась очень быстро. В большинстве капиталистических стран в считанные десятилетия был создан новый механизм, который сделал ненужными старые методы демографического контроля.

Рис. 5. Доля никогда не состоявших в браке в возрасте 30 лет в когортах женщин Швеции и Японии

Источник: [49: 318, 322].

В частности, теперь уже не было необходимости, вступая в брак, учитывать также и репродуктивные соображения, и в брачном поведении населения развитых капиталистических стран возникли новые тенденции. “Европейский” тип брачности стал постепенно исчезать. Речь, конечно, не идет о полном возврате к традиционной брачности с ее сверххранними браками и почти полным отсутствием безбрачия, но очень поздняя брачность и очень высокий уровень безбрачия исчезают. Интересно отметить, что те страны, которые вступили на путь сокращения рождаемости в более позднее время (например, Япония), в своем демографическом развитии минуют стадию “европейской” брачности. В Японии произошел несомненный отход от традиционной брачности, японские и современные европейские показатели брачности сближаются (см. рис. 5), но Япония не повторяет всего пути, проделанного Европой, а переходит непосредственно к тому типу брачности, который складывается в развитых капиталистических странах сейчас. Воздействие же на рождаемость осуществляется путем прямого контроля над репродуктивным поведением.

3.7. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРАНАХ

В табл. 3.7.1 и 3.7.2 приведены данные о динамике общего коэффициента рождаемости в некоторых странах Западной Европы со второй половины XVIII в. Общий коэффициент рождаемости, как известно, грубая мера, поскольку он испытывает влияние изменений в возрастной структуре населения. Но другим показателем за длительный период времени мы не располагаем, а долговременную тенденцию динамика общего коэффициента отражает в целом правильно.

**Общий коэффициент рождаемости
в некоторых странах Западной Европы, 1736–1840 гг.
(в промилле)**

Годы	Дания	Норвегия	Финляндия	Франция	Швеция
1736–1740		30,0			
1741–1745	–	29,0	–	–	–
1746–1750	–	31,5	–	–	35,1*
1751–1755	–	34,4	45,3	–	37,1
1756–1760	–	34,3	44,5	–	34,3
1761–1765	–	35,3	43,7	–	34,6
1766–1770	–	33,5	41,7	–	33,8
1771–1775	–	29,4	38,8	38,6	31,3
1776–1780	–	30,8	41,3	38,1	34,7
1781–1785	–	29,9	40,4	37,5	31,8
1786–1790	–	30,7	37,5	36,4	32,1
1791–1795	–	33,5	41,1	35,9	33,9
1796–1800	29,9**	32,3***	39,2	34,8	32,8
1801–1805	32,3	28,2	38,4	32,3	31,4
1806–1810	30,3	26,8	34,3	31,6	30,4
1811–1815	30,8	27,1	37,0	31,8	32,9
1816–1820	32,4	32,7	37,7	31,9	33,7
1821–1825	32,2	33,7	38,7	31,4	35,8
1826–1830	29,9	32,9	37,8	30,5	33,5
1831–1835	30,8	31,2	34,2	29,6	32,4
1836–1840	29,9	28,1	32,6	28,4	30,6

* 1749–1750 гг. ** 1800 г. *** 1796–1799 гг.

Источники: [70 : 6; 46: 41].

С гораздо большей точностью характеризует происходящие во времени изменения коэффициент суммарной рождаемости реального поколения, который элиминирует влияние случайных факторов на распределение рождений во времени внутри репродуктивного периода жизни женщины (см. рис. 6).

Приведенные таблицы и график не нуждаются в особых комментариях, поскольку они согласуются с описанием происходивших в области рождаемости процессов, данным в предыдущих параграфах. Несмотря на, то что переход к массовому внутрисемейному регулированию рождаемости в Западной Европе и в заокеанских странах европейского заселения произошел, исключая Францию, не ранее конца XIX в., уже в XVIII в. все показатели рождаемости во многих западноевропейских странах были намного ниже максимально возмож-

Таблица 3.7.2

Общий коэффициент рождаемости в некоторых странах Западной Европы, 1841–1969 гг. (в промилле)

Год	Англия и Уэльс	Бельгия	Германия ¹	Дания	Ирландия	Нидер- ланды	Норвегия	Фин- ляндия	Франция	Швей- цария	Швеция
1841–1845	32,3	32,3	36,8	30,1	–	34,4	30,4	35,5	28,1	–	31,3
1846–1850	32,8	28,6	35,8	30,7	–	31,7	30,9	35,4	26,7	–	30,9
1851–1855	33,9	28,9	34,9	31,9	–	33,3	32,5	36,3	26,0	–	31,8
1856–1860	34,4	31,1	36,3	32,9	–	33,0	33,3	35,6	26,6	–	33,7
1861–1865	35,1	31,3	37,0	30,9	25,0 ²	35,3	31,9	37,0	26,7	–	33,2
1866–1870	35,3	32,1	37,8	30,6	26,8	35,2	29,9	31,8	21,6 ³	29,8 ⁴	29,7
1871–1875	35,5	32,4	38,9	30,8	27,2	36,1	30,3	37,0	26,6 ⁵	30,2	30,7
1876–1880	35,3	32,0	39,2	32,0	25,8	36,4	31,6	36,9	25,7	31,3	30,3
1881–1885	33,5	30,9	37,0	32,4	23,9	34,8	31,0	35,5	24,9	28,7	29,4
1886–1890	31,4	29,4	36,5	31,4	22,8	33,6	30,5	34,5	23,3	27,5	28,8
1891–1895	30,5	29,1	36,3	30,4	23,0	32,9	30,1	31,8	22,6	27,7	27,4
1896–1900	29,3	29,0	36,0	30,0	23,3	32,2	30,0	32,6	22,2	28,4	26,9
1900–1904	28,2	27,9	34,3	29,0	23,1	31,5	28,5	31,3	21,2	28,2	26,4
1905–1909	26,7	25,1	32,3	28,4	22,7	30,0	26,7	31,0	20,1	26,4	25,6
1910–1914	24,3	22,5	28,2	26,4	22,7	28,2	25,3	28,2	19,0	23,8	23,7
1915–1919	20,9	13,6	16,0	23,8	20,6	25,7	24,0	23,3	11,4	18,9	20,8
1920–1924	21,3	21,1	23,1	22,6	20,5	26,7	23,5	25,4	19,9	20,0	20,3
1925–1929	17,1	18,9	19,1	19,8	20,3	23,4	18,5	22,8	18,5	17,8	16,3

Таблица 3.7.2 (окончание)

Год	Англия и Уэльс	Бельгия	Германия ¹	Дания	Ирландия	Нидер- ланды	Норвегия	Фин- ляндия	Франция	Швей- цария	Швеция
1930–1934	15,3	17,6	16,3	17,9	19,5	21,7	15,7	20,0	17,2	16,7	14,4
1935–1939	14,9	15,5	19,4	17,9	19,4	20,3	15,0	20,2	15,1	15,4	14,5
1940–1944	15,5	13,8	17,4	20,3	20,9	21,8	17,7	20,1	14,7	17,9	17,7
1945–1949	18,0	17,3	16,9	21,6	22,5	25,9	20,8	27,0	20,3	19,4	19,0
1950–1954	15,5	16,7	16,1	17,9	21,4	22,1	18,7	22,8	19,5	17,3	15,5
1955–1959	15,9	17,0	16,9	16,8	21,1	21,3	18,1	19,9	18,4	17,5	14,5
1960–1964	17,9	17,1	18,3	17,0	21,9	20,9	17,3	18,1	18,0	18,5	14,5
1965–1969	17,3	15,4	16,8	16,6	21,5	19,2	17,7	16,0	17,1	17,7	15,0

¹ После 1945 г. – ФРГ. ² 1864–1865 гг. ³ 1866–1869 гг. ⁴ 1870 г. ⁵ 1872–1875 гг.

Источники: [46: 41; 71: 104–105; 76а: 390–391; 81:66].

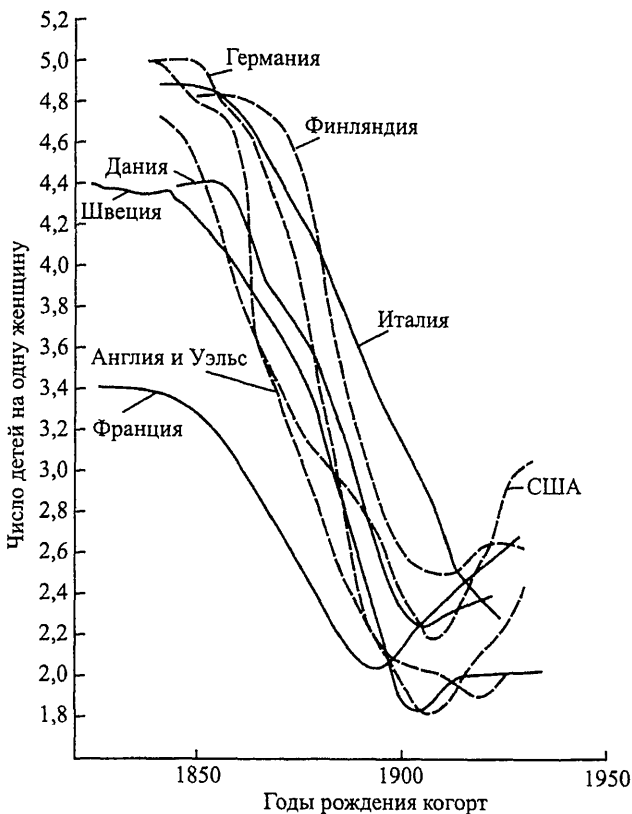

Рис. 6. Среднее число детей, рожденных одной женщиной, в различных когортах

Источники: [57: 257–262; 58: 65–68; 68: 105; 79: 40].

ных. Это можно проиллюстрировать сравнением показателей рождаемости Швеции конца XVIII в. и России конца XIX в. (табл. 3.7.3).

Насколько можно судить по показателю средней продолжительности жизни, состояние здоровья женщин и уровень их смертности в России в конце прошлого века были не лучше, чем в Швеции за сто лет до этого, следовательно, и реальная плодовитость не должна была быть выше. Показатели же рождаемости в Швеции значительно ниже, чем в России. Главная причина этих различий – специфическая “европейская” брачность. Только в конце XIX столетия (во Франции – раньше), с переходом к внутрисемейному регулированию числа и сроков рождений, главным фактором снижения уровня рождаемости стало ее ограничение в браке.

**Показатели уровня рождаемости населения Швеции
в конце XVIII в. и России в конце XIX в.**

Показатель	Швеция	Россия	Примечание
Общий коэффициент рождаемости, ‰	32,8	49,5	Швеция – 1796–1800 гг., Россия (европейская часть) – 1896–1900 гг.
Среднее число рождений на одну женщину в условном поколении	4,41*	7,06	Швеция – 1796–1800 гг., Россия (европейская часть) – 1896–1897 гг. (по оценке Р. Кучинского)
Среднее число рождений на одну женщину в реальном поколении	4,49*	5,79**	Швеция – поколение, родившееся в 1785–1786 гг.; Россия – поколения, родившиеся в 1889 г. и ранее (данные выборочного обследования 1960 г.). По оценке Ю. Янсона, в России в 1881–1890 гг. на одну женщину, состоявшую в браке, произошло 5,91 рождения
Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении для женщин, лет	35,70	33,36	Швеция – 1755–1776 гг. По таблице смертности за 1816–1850 гг. $e_0 = 43,56$ года; Россия (европейская часть) – 1896–1897 гг.

* Крещения.

** Включая мертворожденных.

Источники: [27: 168; 31: 14; 43: 210; 53: 351; 68: 42; 71: 213].

Э. Коул построил систему индексов, позволяющих оценить относительный вклад обоих основных факторов – изменений в брачности и в брачной рождаемости – в общее снижение рождаемости по сравнению с ее максимально возможным уровнем (рождаемостью гуттеритов, вступивших в брак в 1921–1930 гг. – см. табл. 3.1.1). Примем следующие обозначения:

f_i – число рождений в i -м возрастном интервале на одну женщину;

g_i – число рождений в i -м возрастном интервале на одну замужнюю женщину;

w_i – число всех женщин в i -м интервале;

m_i – число замужних женщин в i -м интервале;

F_i – повозрастное число рождений, принятое за стандарт (брачная рождаемость гуттеритов в браках 1921–1930 гг.).

$I_f = \sum f_i w_i / \sum F_i w_i$ – индекс общей рождаемости, показывающий отношение фактической рождаемости к гипотетическому максимуму;

$I_g = \sum g_i m_i / \sum F_i m_i$ – индекс брачной рождаемости, показывающий, каким было бы это отношение, если бы данное население отличалось от гуттеритов только брачной рождаемостью;

$I_m = \sum F_i m_i / \sum F_i w_i$ – индекс доли женщин, состоящих в браке⁴, показывающий, каким было бы указанное отношение, если бы оно отличалось от максимально возможного при брачной рождаемости гуттеритов только за счет доли женщин, состоящих в браке в каждом возрастном интервале.

Если пренебречь внебрачной рождаемостью, то $I_f = I_g I_m$.

В 1870 и даже в 1900 гг. во всех странах, кроме Франции, меньшим из двух сомножителей, определявших снижение рождаемости по сравнению с ее гипотетическим максимумом, был индекс доли женщин, состоящих в браке, I_m , и только после 1900 г. положение стало быстро меняться. Этот индекс обнаружил тенденцию к повышению, зато индекс брачной рождаемости стремительно падал, увлекая за собой и индекс общей рождаемости. Именно в это время происходила перестройка репродуктивного поведения населения западноевропейских стран и быстрое снижение показателей рождаемости, которые до этого, хотя и не были особенно высокими, на протяжении долгого времени не изменялись или изменялись незначительно.

Длившееся несколько десятков лет небывало быстрое снижение рождаемости было настолько тесно связано с изменениями в репродуктивном поведении брачных пар, что, в глазах общественного мнения и многих исследователей, происходившие сдвиги свелись к их чисто количественной стороне. Стало казаться, что чем шире распространится внутрисемейное регулирование рождаемости и чем полнее станет свобода выбора супругов в области рождаемости, тем *ниже* будет становиться последняя, что нет никакого объективного предела ее снижению. Отрицательная оценка слишком резкого и глубокого снижения рождаемости нередко переносилась на процесс качественной перестройки структуры демографического поведения. Неверие в социальную обусловленность индивидуального поведения подкреплялось, казалось бы, очевидными количест-

⁴ В первом издании использовалось выражение “индекс брачной структуры”, менее точно отражающее оригинальный термин (index of the proportion married).

Индексы общей и брачной рождаемости и доли женщин, состоящих в браке, по Э. Коулу для некоторых стран за 1870–1960 гг.

Страна	I_f			
	1870	1900	1930	1960
Австралия	—	0,29	0,19	0,28
Англия и Уэльс	0,37	0,27	0,15	0,22
Ирландия	0,29	0,23	0,24	0,29
Португалия	0,34*	0,35	0,30	0,26
США	0,37	0,29	0,20	0,28
Франция	0,28	0,24	0,19	0,22
Швеция	0,33	0,30	0,15	0,17
Япония	—	—	0,37	0,17
Гуттериты			0,70	

* 1878

Источники: [51 : 209; 77 : 10].

венными соображениями (“рождаемость катастрофически падает!”), смыкалось с верностью традиционной морали и не раз побуждало к попыткам повернуть вспять или приостановить путем всякого рода запретов развитие нового типа демографических отношений.

Между тем для отождествления снижения рождаемости и перехода к ее новому типу нет никаких оснований. Первое — важный количественный результат второго, но сущность указанного перехода заключается в *качественной* перестройке демографического поведения. Важно не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей и время их рождения суть результат ее (или обоих супругов) *сознательно принятого решения*. Совсем не обязательно, чтобы у населения, полностью контролирующего свое репродуктивное поведение, и степень намеренного ограничения брачной рождаемости была наибольшей. Об этом, собственно, свидетельствует описанная выше динамика рождаемости. Как согласованно показывают все данные, период стремительного падения рождаемости в связи с переходом к новому ее типу почти во всех развитых капиталистических странах окончился примерно в период между двумя мировыми войнами. Затем наступила стабилизация, причем стабилизировался, разумеется, не какой-то конкретный, определенный для каждой страны уровень, а тот диапазон, в котором показатели рождаемости могут изменяться в новых условиях. Но это, конеч-

I_s				I_m			
1870	1900	1930	1960	1870	1900	1930	1960
—	0,58	0,33	0,38	—	0,47	0,54	0,71
0,68	0,54	0,29	0,29	0,51	0,48	0,50	0,71
0,67	0,74	0,66	0,60	0,42	0,31	0,35	0,47
0,64	0,68	0,54	0,41	0,45*	0,46	0,47	0,56
—	0,49	0,31	0,36	—	0,58	0,63	0,75
0,48	0,38	0,30	0,31	0,54	0,57	0,58	0,67
0,71	0,64	0,30	0,24	0,42	0,41	0,42	0,63
—	—	0,51	0,29	—	—	0,68	0,58
		1,00				0,70	

но, не означает ни того, что произошел возврат к демографическому поведению старого типа, ни даже того, что прекратилось или замедлилось распространение нового демографического сознания и нового демографического поведения как вширь, так и вглубь.

3.8. НОВЫЙ ТИП РОЖДАЕМОСТИ В СССР

Развитие капитализма в России, как и везде, разрушая социально-экономические основы традиционного общества и подтачивая его культуру, готовило переворот в рождаемости. Однако в силу исторической специфики развития российского капитализма процесс становления нового типа рождаемости у населения дореволюционной России сделал лишь самые первые робкие шаги.

Вплоть до революции у большей части населения России преобладали традиционные методы контроля над рождаемостью. Общепринятой была ранняя брачность, контрацепция практически не была известна, аборт считался тяжким преступлением. Характер контроля над рождаемостью, как и следовало ожидать, находил отражение в ее количественных характеристиках. Уровень рождаемости был очень высоким. По 50 губерниям Европейской России в среднем за 1861–1913 гг. общий коэффициент рождаемости составлял 48,9‰ [27: 168].

В то же время весь период быстрого капиталистического развития России (после 1861 г.) характеризовался снижением рождаемости. В целом по Европейской России оно было небольшим: с 50,7‰ в 1861–1865 гг. до 43,9‰ в 1911–1913 гг. Но в различных частях страны динамика общего коэффициента рождаемости была далеко не одинаковой. Наряду с губерниями, в которых этот показатель снижался незначительно и даже увеличивался, были и такие, в которых его падение за 50 лет составило 30–40% и даже более [27: 168].

В результате к концу прошлого века в России сильно возросла территориальная дифференциация рождаемости. С одной стороны, здесь были районы с на редкость высоким общим коэффициентом рождаемости. В 1896–1900 гг. в 19 губерниях из 50 этот показатель превышал 50‰. С другой стороны, уже в это же время в северо-западной части страны было три губернии (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская), в которых общий коэффициент рождаемости опустился ниже 30‰ и был вполне сопоставим с аналогичными показателями в ряде передовых по тому времени капиталистических стран. К 1911–1913 гг. зона относительно низкой рождаемости (ниже 30‰) несколько расширилась, в нее вошли еще Ковенская и С.-Петербургская губернии, кроме того, еще в трех губерниях (Полтавской, Гродненской и Витебской) общий коэффициент рождаемости опустился ниже 35‰ [27: 170].

Нет сомнения, что отмеченное снижение рождаемости было следствием воздействия капитализма, причем не только и даже не столько прямого экономического воздействия, хотя, конечно, и оно имело немалое значение, сколько влияния через капиталистическую городскую культуру, через реформированную в буржуазном духе религию и т.п.

Объясняя снижение рождаемости в дореволюционной России, Б.Ц. Урланис писал, что “в тех губерниях, в которых коэффициент рождаемости был менее 40‰, уже в ту пору имела место практика сознательного регулирования числа детей в семье” [39: 87]. Говоря о Прибалтике, Ш. Шлиндман и П. Звидриньш добавляют: “Регулирование числа детей осуществлялось также путем откладывания браков” [41: 7]. Нам кажется, что акценты в этих объяснениях расставлены не совсем верно. На примере многих западноевропейских стран мы видели, что снижение общего коэффициента рождаемости значительно ниже 40‰ вполне может быть достигнуто без сокращения брачной рождаемости и, следовательно, без сознательного регулирования числа детей в семье только за счет воздействия на рождаемость через брачность. Почти до самого конца XIX в. основным для Западной Европы был именно этот путь. Можно предположить, что населе-

Таблица 3.8.1

**Уровень рождаемости в зависимости от доли браков,
заключенных женщинами в возрасте до 20 лет, 1910 г.**

Доля невест, вступивших в брак в возрасте до 20 лет, %	Число губерний	Общий коэффициент рождаемости, ‰
60 и более	17	50,4
50–60	8	46,5
40–50	9	40,6
30–40	11	38,3
20–30	5	26,2

Источник: [27: 176].

ние прибалтийских районов России, исторически имевшее много общего с экономикой, культурой, религией стран Западной Европы, и в демографическом развитии следовало за этими странами. Но едва ли можно думать, что оно шло впереди них.

В западных районах России, так же как в Европе и по тем же причинам, воздействие на рождаемость первоначально осуществлялось в основном через брачность. Еще в 1910 г. существовали очень большие различия между губерниями в распространенности ранних браков, причем уровень рождаемости находился в тесной связи с долей ранних браков [38: 18–19].

Пять губерний с самой поздней брачностью – это как раз и есть упоминавшиеся уже Лифляндская, Курляндская, Эстляндская, Ковенская и С.-Петербургская губернии, шедшие в авангарде снижения рождаемости. В начале нашего века, вероятно, известную роль играло уже и внутрисемейное регулирование рождаемости, однако его широкое распространение до первой мировой войны кажется нам мало вероятным.

Специальные историко-демографические исследования могут показать, какое развитие получил в дореволюционной России “европейский” тип брачности, но и сейчас ясно, что его распространение было небольшим и охватывало лишь незначительную часть населения страны.

Табл. 3.8.2 показывает лишь незначительные изменения в сторону некоторого “постарения” брачности. В целом данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения России перед революцией жило в условиях традиционной брачности: 80–85% браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля может еще повыситься. Соответствующий показатель

**Распределение женщин, вступивших в брак, по возрасту
в Европейской России в 1867–1910 гг. (в процентах)**

Возрастные группы	1867– 1871	1872– 1876	1877– 1881	1890– 1894	1895– 1898	1910
20 лет и моложе	57,3	57,7	59,0	55,3	54,7	54,5
21–25 лет	26,3	26,8	27,0	30,4	31,7	31,0
26–30 лет	7,1	7,0	6,7	7,3	7,1	7,3
30 лет и старше	9,3	8,5	7,3	7,0	6,5	7,2

Источник: [27: 173–174].

для Швеции во второй половине прошлого века, как правило, был ниже 45 [78: 115].

Если воздействие на рождаемость через брачность в дореволюционной России не получило значительного развития, то роль активного репродуктивного поведения была еще меньшей. Предубеждение против такого поведения в русском обществе было очень велико, а чрезвычайно высокая рождаемость в дореволюционной России – неоспоримое свидетельство того, что ни аборты, ни контрацепция не проникли еще по-настоящему в толщу населения, были мало знакомы крестьянскому большинству. Но городскому населению, судя по всему, они были уже достаточно хорошо известны. Все более частые упоминания в литературе о прямом контроле над репродуктивным поведением, жаркие споры вокруг связанных с этим проблем говорили о том, что неизбежность традиционной системы контроля над рождаемостью была нарушена и она переживала острый кризис⁵.

В условиях старой России разрешение этого кризиса должно было затянуться на многие десятилетия, порождая промежуточные, паллиативные формы такого контроля. Изживание традиционного типа рождаемости шло бы мучительно медленно и долго, проходя через многочисленные компромиссы между патриархальной культурой Домостроя и культурой российского капитализма, неспособного решительно порвать с феодальным прошлым.

Революция и последовавшие за ней социально-экономические преобразования коренным образом изменили условия демографического развития страны. Прежние формы контроля над рождаемостью, предполагавшие высокую детскую смертность,

⁵ Подробнее об этом см.: настоящий том, с. 236–237 и 274–276.

всеобщую раннюю брачность женщин, их бесправное положение, отсутствие свободы индивидуального выбора в сфере брачности и рождаемости и многие другие столь же архаичные черты жизненного уклада, были несовместимы с новым строем жизни и должны были исчезнуть. Уже в 1920 г. В.И. Ленин говорил в беседе с К. Цеткин: "...Старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу... Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционируются чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит, и обязанностями личности проводятся новые разграничения... Все это касается и области половых отношений, брака, семьи... В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции" [40: 482–483]. Естественно, что в обстановке такой всеобщей коренной ломки был обречен на слом и старый механизм демографического контроля.

Отход от традиционных форм контроля над рождаемостью, едва наметившийся в дореволюционной России, заметно ускорился уже в 20-е годы. Наиболее быстро изменения охватили население европейской части страны, в особенности городское – здесь сказалась "подготовка", проведенная капитализмом в эпоху его интенсивного развития в пореформенной России. В азиатской части СССР, в Закавказье к 1917 г. значительную прочность сохраняли еще докапиталистические – феодальные, а кое-где даже и дофеодальные – порядки, поэтому и перестройка демографических отношений в этих районах шла медленнее.

Очень быстро стала отступать традиционная ранняя брачность.

Уже к 1926 г. обнаружилась тенденция к снижению доли ранних браков в общем их числе, но все же в это время преобладала ранняя и почти всеобщая брачность, близкая к традиционной. Доля женщин, никогда не состоявших в браке, уже к возрасту 20–24 года снижалась до 27,9%, а к 25–29 годам – до 8,9% [6: 2]. После 1926 г. "постарение" брачности значительно усилилось.

Табл. 3.8.3 отражает динамику брачности в целом по СССР. Для большей части населения страны до 1959 г. было характерно повышение возраста вступления в брак, после 1959 г. появились признаки противоположной тенденции. Но в некоторых районах СССР, особенно в Средней Азии, традиционная брачность и до настоящего времени медленно уступает свои позиции, в них сокращение доли ранних браков продолжается.

Отход от традиционной брачности мог сыграть определенную роль в снижении рождаемости в СССР. Следует, однако, иметь в виду, что откладывание браков у нас никогда не было

**Доля женщин, состоявших в браке
в некоторых возрастных группах, по данным
Всесоюзных переписей населения (в процентах)**

Возрастные группы	1926	1939	1959	1970
16–17 лет	5,4	4,0	2,9	2,6
18–19 лет	28,9	25,0	17,1	18,6
20–24 года	68,6	61,4	50,1	55,9

Источники: [6: 2; 11: табл. 18; 12: табл. 6].

столь значительным, как в странах с развитым “европейским” типом брачности. Поэтому и влияние изменений в брачности на рождаемость в целом по СССР могло быть ограниченным.

Исследователи уже в 1920-е годы пришли к выводу, что население СССР очень быстро переходило к прямому контролю над своим репродуктивным поведением. При этом вначале основным путем такого контроля был аборт.

Аборт в СССР был легализован в 1920 г. и очень быстро превратился в широко распространенный метод ограничения рождаемости. В Ленинграде, например, с 1924 по 1928 г. годовое число аборт на тысячу жителей увеличилось с 5,5 до 31,5, в то время как число родов сократилось с 26,4 до 22,9 [24: 311]. Сходная картина наблюдалась и во многих других городах страны, распространенность аборта среди сельского населения была в то время значительно меньшей [10: 15]. Анализируя влияние аборта на рождаемость в Ленинграде, В.В. Павевский писал в конце 20-х годов, что в то время, как за границей аборт играли второстепенную роль в ограничении рождаемости по сравнению с противозачаточными средствами, в Ленинграде, по-видимому, преобладающая роль принадлежала аборту, а практика противозачаточных мероприятий не получила широкого развития [24: 340]. Можно думать, что подобная ситуация тем более была характерна для других городов и районов страны, в которых развивалось внутрисемейное ограничение рождаемости.

Тем не менее контрацепция должна была и тогда уже получить некоторое развитие. Легализация и широкое распространение аборта означали снятие традиционного запрета с внутрисемейного контроля над репродуктивным поведением и давали толчок к использованию различных доступных методов такого контроля. Вопрос этот изучен слабо, но имеются некоторые указания на то, что уже в 1920-е годы значительная часть женщин, в том числе

Таблица 3.8.4

Возрастные коэффициенты брачной рождаемости женщин в СССР (оценка)

Возрастные группы	1926–1927	1938–1939	1958–1959	1969–1970
20–24	378	349	324	293
25–29	317	293	217	156
30–34	264	224	142	103
35–39	219	165	92	58
40–44	119	90	39	19
45–49	33	28	9	4

Источники: [3: 75; 6: 2; 11: 73; 12: 263; 21: 42; 25: 86].

и крестьянок, применяла различные методы предотвращения зачатия, чаще всего coitus interruptus [34: 196, 220].

Дальнейшее развитие событий не было абсолютно последовательным. В течение почти 20-летнего периода (с 1936 по 1955 г.) аборт был снова запрещен законом, а производство современных средств контрацепции и до сих пор отстает от потребности в них и от возможностей, которые создает наука. В этом смысле переход к прямому контролю над репродуктивным поведением внутри семьи до известной степени сдерживался. Однако гораздо более важные процессы, происходившие в социально-экономической области, непрерывно создавали объективные предпосылки для все более полного преодоления традиционного механизма контроля над рождаемостью и для ускоренного повсеместного распространения ее внутрисемейного регулирования.

О том, что внутрисемейное регулирование рождаемости действительно получало все более широкое распространение, свидетельствует динамика брачной рождаемости (табл. 3.8.4). Хотя мы не располагаем точными данными о показателях брачной рождаемости, приблизительная (вероятно, несколько завышенная) их оценка может быть сделана на основе данных о возрастных коэффициентах общей рождаемости и доле женщин, состоявших в браке в различных возрастных группах (см. [38: 45–47]).

Именно снижение брачной рождаемости, за которым стоят коренные перемены в репродуктивном поведении людей, определило общий характер динамики рождаемости в СССР. Изменения в брачности также имели некоторое значение, но, как показали специальные исследования, они невелики [5: 177; 2: 40–47; 30: 64]. Об этом же свидетельствует динамика индексов рождаемости и доли женщин, состоящих в браке (табл. 3.8.5).

Индексы рождаемости и доли женщин, состоящих в браке, для населения СССР по Э. Коулу и В.А. Борисову

1896–1897**	I_f	I_g	I_m	I_g
	по методу Э. Коула			по методу В.А. Борисова*
1896–1897**	0,55	0,77	0,70	—
1926–1927	0,42	0,63	0,67	0,84
1938–1939	0,40	0,53	0,75	0,68
1958–1959	0,24	0,39	0,61	0,53
1969–1970	0,19	0,28	0,67	0,37

* Индекс брачной рождаемости по методу В.А. Борисова построен так же, как соответствующий индекс Э. Коула, но на базе не гипотетического максимума, а гипотетического минимума рождаемости. Соответствующие коэффициенты – величины F_i – см. табл. 3.1.1. ** Европейская Россия.

Источники: [2: 7, 69; 51]. Расчеты на основе данных Всесоюзных переписей 1926, 1959 и 1970 гг.

Таблица 3.8.6

Индексы брачной рождаемости (I_g) населения союзных республик по В.А. Борисову

	1958– 1959 гг.	1969– 1970 гг.		1958– 1959 гг.	1969– 1970 гг.
РСФСР	0,49	0,31	Литовская ССР	0,51	0,31
Украинская ССР	0,43	0,31	Молдавская ССР	0,59	0,40
Белорусская ССР	0,55	0,35	Латвийская ССР	0,37	0,31
Узбекская ССР	0,73	0,81	Киргизская ССР	0,66	0,71
Казахская ССР	0,74	0,50	Таджикская ССР	0,54	0,83
Грузинская ССР	0,48	0,41	Армянская ССР	0,78	0,50
Азербайджанская ССР	0,80	0,72	Туркменская ССР	0,74	0,84
			Эстонская ССР	0,36	0,35

Источник: [2: 42].

Индексы Э. Коула указывают на то, что вклад изменений доли женщин, состоящих в браке, в снижение рождаемости никогда не был в СССР большим (сравним с другими странами – табл. 3.7.4), а между двумя последними переписями даже уменьшался. Главным фактором было падение брачной рождаемости, индекс которой и по Э. Коулу и по В.А. Борисову в послевоенный период был очень низким и продолжал снижаться, с неоспо-

римостью свидетельствуя об очень широком распространении внутрисемейного регулирования рождаемости. Правда, с помощью этих же индексов можно показать, что в нашей стране все еще имеется ряд районов, в которых контроль рождаемости современного типа развит слабо.

В республиках Средней Азии и в Азербайджане индекс брачной рождаемости все еще остается настолько высоким, что не дает оснований говорить о массовом переходе населения этих республик к новому типу рождаемости. Но в этих республиках в 1970 г. проживало немногим более 10% населения страны. Еще некоторая часть населения живет в республиках, в которых падение индекса брачной рождаемости началось недавно (Армения, Казахстан), а его величина, по-видимому, отражает состояние перестройки демографического поведения либо, как это, вероятно, имеет место в Казахстане, наличие в составе населения очень разнородных в демографическом отношении групп. Большая же часть населения СССР – примерно 80% – живет в районах с низким индексом брачной рождаемости, что свидетельствует о преобладании в этих районах ее нового исторического типа.

3.9. СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ТИПА РОЖДАЕМОСТИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

К середине XX в. новый тип рождаемости прочно утвердился в экономически развитых странах. Но Третий мир, особенно если говорить о крестьянском большинстве его населения, к этому времени оказался совершенно не подготовленным к восприятию нового типа контроля над рождаемостью ни с демографической, ни, что особенно важно, с социально-экономической и культурной точек зрения. Тем не менее подспудные изменения и в демографических, и в экономических, и в социальных условиях жизни населения Третьего мира совершались уже давно и к этому времени все более и более явственно давали о себе знать. В последние два-три десятилетия все эти изменения резко ускорились. В частности, как мы видели, повсеместно начался переход населения к новому типу смертности, который и представляет собой демографическую подготовку перехода к новому типу рождаемости.

Оказалось, однако, что распространение новых методов контроля над смертностью в развивающихся странах было делом намного более простым, чем распространение новых методов контроля рождаемости, ибо последнее требовало гораздо более глубоких изменений в традиционных культурных нормах, нежели первое. Эти изменения, пронизывающие всю культурную си-

Общий коэффициент рождаемости в некоторых районах мира
(в промилле)

Страна	1950–1955	1955–1960	1960–1965	1965–1970
Африка	47	47	47	46
Карибская Америка	38	38	37	35
Центральная Америка	46	45	44	43
Тропическая Южная Америка	45	43	40	39
Восточная Азия (без Китая и Японии)	37	42	39	36
Южная Азия	46	46	45	44
Меланезия, Микронезия и Полинезия	43	43	43	43

Источник: [56: 4].

стему, подтачивающие и разрушающие ее столетиями и тысячами стоявшее здание, предполагают такие экономические и социальные преобразования, которые повсеместно совершаются при переходе к индустриальной экономике, но через которые не прошло еще и до сих пор население большинства развивающихся стран. Традиционное общество и его культура еще очень сильны в Третьем мире, и это служит главным препятствием проникновения в массы населения новых демографических отношений.

Современный уровень рождаемости и ее динамика в развивающихся странах сами по себе говорят о том, что в них все еще господствует традиционное демографическое поведение. В табл. 3.9.1 показано изменение общего коэффициента рождаемости в районах мира, где преобладают эти страны, по оценкам ООН.

Снижение рождаемости в Третьем мире лишь едва-едва намечилось, да и то не во всех его частях. Лишь в некоторых странах, как правило, имеющих небольшую численность населения, обозначилась явственная тенденция к снижению показателей рождаемости, что, вероятно, связано с начавшейся в них перестройкой демографического поведения.

Показатели, приведенные в табл. 3.9.2, свидетельствуют о том, что рождаемость в некоторых развивающихся странах нача-

**Брутто-коэффициент воспроизводства в некоторых
развивающихся странах**

Страна	1955	1950	1967
Сингапур	3,2	2,9	2,0
Малайзия	3,1*	2,9	2,6
Шри Ланка	2,5	2,5	2,3**
Маврикий	2,8	2,9	2,2
Пуэрто-Рико	2,4	2,3	1,7**
Коста-Рика	3,2***	3,6	2,9
Чили	2,2	2,3	1,9

* 1955–1959 гг. ** 1966 г. *** 1956 г.

Источники: [82d: table 30; 82e: table 31; 76 b: 1974, N 2, p. 383].

ла снижаться, и это снижение идет довольно быстро. Однако до сих пор оно практически не затронуло основную массу населения Третьего мира, не зафиксировано в крупных странах, с населением в десятки и сотни миллионов человек. Насколько можно судить по имеющимся данным, в них все еще сохраняется высокая, а иногда и повышающаяся рождаемость.

Высокие возрастные коэффициенты, приведенные в табл. 3.9.3, типичны для традиционного типа рождаемости и неопровержимо свидетельствуют о его прочных позициях в Третьем мире. Общество развивающихся стран, по-видимому, все еще не готово к воздействию на рождаемость ни через брачность, ни непосредственно путем индивидуального контроля над репродуктивным поведением. Правда, в течение последних десятилетий наблюдались некоторые изменения в брачности населения развивающихся стран. Наиболее важное среди них – повышение возраста вступления в первый брак, особенно в тех странах, где были распространены сверххранние детские браки. Тем не менее, как мы уже видели в табл. 3.2.1, возраст вступления в брак в развивающихся странах остается, как правило, низким, так что нет оснований говорить об исчезновении в них традиционной брачности и об изменении самого ее типа, как это было в свое время в Западной Европе.

До настоящего времени изменения в брачности, происходившие в развивающихся странах, могли оказать лишь очень ограниченное воздействие на рождаемость. Их влияние в значительной степени перекрывалось влиянием снижения смертности, повышения реальной плодовитости и других факторов. В Индии,

Таблица 3.9.3

Возрастные коэффициенты рождаемости в некоторых странах
(в промилле)

Страна	Год	Возрастные группы						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Мексика	1929–1933	114	232	250	198		55	
	1960	105	299	314	271	200	74	21
Колумбия	1951	77	232	253	200	139	55	17
	1964	34	255	282	229	179	73	24
Венесуэла	1950	54	276	278	217	145	52	20
	1961	143	333	322	248	188	65	18
Алжир	1954	103	281	301	248	208	89	27
	1966	118	296	302	253	197	120	13
Египет	1947	49	264	347	277	168	32	...
	1960	32	211	348	366	195	56	19
Тунис	1960	62	311	354	304	208	113	47
	1967	36	277	344	324	240	135	55

Источники: [50: 83; 55: 33, 48; 82с: table 12; 82е: table 18].

например, несмотря на значительное повышение среднего возраста вступления в брак, длительность пребывания в браке в репродуктивном возрасте существенно увеличивается. Если еще в начале века из-за раннего овдовения индийские женщины теряли 25–30% (8–10 лет) средней возможной продолжительности репродуктивного периода, то к середине нашего столетия (к 1951–1960 гг.) эти потери сократились до 5,5% (1,9 года) [45: 14]. Хотя средний возраст вступления в брак поднялся с 13 лет в 1901–1911 гг. до 15,4 года в 1941–1945 гг., средняя длительность пребывания в браке в репродуктивном возрасте увеличилась с 23,5 до 27,1 года [44].

Роль нетрадиционной брачности как фактора ограничения рождаемости в развивающихся странах не везде одинакова. Об этом свидетельствует, в частности, оценка индекса доли женщин, состоящих в браке, Э. Коула (I_m). Для различных районов мира.

**Индекс доли женщин, состоящих в браке,
для развивающихся стран
по крупным регионам**

Африка к югу от Сахары	89
Северная Африка	77
Азия	81
Латинская Америка	62

Источник: [77: 27].

В странах Латинской Америки брачная структура населения, вероятно, оказывает понижающее влияние на рождаемость, хотя следует иметь в виду, что индекс, рассчитанный для Латинской Америки, видимо, преуменьшен из-за неполноты учета консенсуальных браков. В Азии же и в Африке индекс доли женщин, состоящих в браке, остается очень высоким, а, следовательно, влияние сдвигов в брачности на рождаемость невелико.

Конечно, возникновение новых тенденций в динамике брачности населения развивающихся стран не исключено, однако появление здесь типа брачности, схожего с “европейским”, маловероятно. История уже сделала свой выбор между двумя альтернативными путями воздействия на рождаемость в новых социальных и демографических условиях. Контакты между странами в современном мире достаточно тесны для того, чтобы любое общество в тот момент, когда оно вообще окажется подготовленным к смене типа рождаемости, учло исторический опыт и пошло по более простому и более эффективному пути. Не отрицая полностью влияния изменений в брачности на рождаемость в странах Третьего мира, следует

сказать, что, по-видимому, путь контроля рождаемости через брачность, сыгравший немалую роль в демографическом развитии Европы, здесь не имеет больших перспектив. Скорее можно предположить, что в эволюции брачности эти страны повторяют путь Японии, которая, как уже отмечалось, миновала этап “европейской” брачности.

Нет сомнения, что будущее рождаемости в Третьем мире, как и везде, связано с ее внутрисемейным регулированием. Но пока и внутрисемейное регулирование рождаемости не получило сколько-нибудь широкого распространения в развивающихся странах, несмотря на немалые усилия их правительств и разного рода неправительственных, в том числе и международных, организаций, направленные на ускорение перехода к новому типу демографического поведения.

Задержка с переходом к новому типу рождаемости в развивающихся странах чревата очень серьезными экономическими и социальными последствиями – это хорошо осознают и государственные деятели, и ученые, и общественное мнение во всем мире. Но нельзя перепрыгнуть через исторически неизбежные этапы развития. Пока не достигнут некоторый необходимый уровень социально-экономического развития, демографическая политика, направленная на ускорение перехода к новому типу рождаемости, оказывается мало эффективной. Разумеется, неверно вообще отрицать полезность этой политики, даже если она проводится среди экономически и социально не подготовленного населения. Но, как писал индийский демограф А. Митра, она может лишь ослабить “чудовище” (слишком быстрый рост населения), необходимо “поднять армию экономического и социального развития, которая в конце концов убьет его” [74: 6].

Конечно, сейчас, во второй половине XX в., Третий мир не стоит на месте. Развитие национальной экономики, социальные реформы, индустриализация, рост городов, всеобщее обучение, подготовка собственных кадров специалистов – таков далеко не полный перечень того нового и прогрессивного, что появляется в странах Третьего мира, особенно после завоевания ими независимости, и противостоит условиям жизни традиционного общества. Голод и нищета, патриархальная замкнутость, невежество народных масс, власть религии, бесправное положение женщины, архаичные обычаи и быт – все это понемногу отступает под воздействием экономических и социальных преобразований. Но сами эти преобразования в развивающихся странах в силу многих исторических причин совершаются относительно медленно.

3.10. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Начиная примерно с середины второго тысячелетия, в Западной Европе совершался переход к новому историческому типу рождаемости. До этого времени здесь, как и во всем мире, существовал традиционный тип рождаемости. Репродуктивное поведение людей не было автономным, оно было слито, “сцеплено” с их брачным и половым поведением и регулировалось посредством культурных норм, которые, как правило, предполагали и определенным образом регламентировали активное брачное и половое поведение, но не допускали активного репродуктивного поведения. Эти нормы были общеобязательными и исключали избирательное поведение людей в демографической сфере, свободный индивидуальный выбор.

Традиционный тип рождаемости соответствовал тем историческим условиям, в которых он возник и долгое время существовал, относительно низкому уровню экономического и социального развития аграрных обществ. Исчезновение этих условий влечет за собой исчезновение традиционного типа рождаемости.

Историческое развитие подрывает как демографические (благодаря снижению смертности), так и социальные (благодаря изменению всей системы социального регулирования человеческого поведения) основы существования традиционного типа рождаемости и требует возникновения ее нового исторического типа. Постепенное развитие современного типа рождаемости, вытеснение им ее предшествующего типа и его повсеместное утверждение составляют один из наиболее существенных элементов демографической истории на протяжении нескольких последних столетий. На ранних этапах этого процесса общество пыталось приспособиться к новым условиям без коренной ломки механизма демографического регулирования. Долгое время – во Франции до конца XVIII в., в других западноевропейских странах до конца XIX в. – изменения в рождаемости обеспечивались в значительной степени путем некоторого изменения норм брачного поведения, главным образом, путем откладывания браков. При этом сохранял силу традиционный запрет, накладываемый на автономное и активное репродуктивное поведение.

Новое брачное поведение представляет собой стихийную попытку преодолеть кризис старой системы демографического регулирования, не устраняя самой этой системы, тип социального контроля рождаемости при этом не меняется. По мере демографического и социального развития внутренняя противоречивость, непоследовательность и малая эффективность этого пути становятся все более очевидными, необходимость поставить под

сознательный контроль непосредственно связь между брачным и половым поведением, с одной стороны, и рождением ребенка, с другой – все более настоятельной.

В конце концов, происходит переворот в демографическом поведении людей, который заключается в возникновении автономного активного репродуктивного поведения как формы массового, всеобщего поведения. Социальный контроль рождаемости принимает форму ее внутрисемейного регулирования. Супружеская пара приобретает свободу демографического выбора, ее репродуктивное поведение становится избирательным, соотносящимся с конкретными условиями жизни индивидуума, семьи и общества. Глубина перестройки механизма регулирования рождаемости и темпы ее осуществления заставляют говорить о качественном скачке, о революции в рождаемости.

Этот чрезвычайно глубокий переворот, создавший принципиально новый, неизвестный ранее тип регулирования рождаемости, долго назревает, но начавшись в том или ином населении, совершается очень быстро. Однако в масштабах всего мира он растягивается на столетия.

ПЕРЕХОД К СОВРЕМЕННОМУ ТИПУ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

4.1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД, ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

Во второй и третьей главах этой книги был рассмотрен исторический процесс перехода от традиционного типа смертности и рождаемости к их современному типу. При этом оба основных элемента процесса воспроизводства населения анализировались порознь. Такой отдельный анализ был оправдан, потому что в своей эволюции рождаемость и смертность обладают известной самостоятельностью и могут взаимодействовать с различными факторами социально-экономического развития независимо друг от друга, но только до известного предела. Ибо в действительности рождаемость и смертность представляют собой две стороны одного процесса – воспроизводства населения и в конечном счете не могут эволюционировать вне рамок этого единства. Отсюда вытекает ограниченность отдельного анализа изменений в рождаемости и смертности.

В свою очередь замена типа воспроизводства населения не сводится просто к замене исторических типов рождаемости и смертности, потому что она включает в себя весьма важные изменения, которые не вытекают из изменений в рождаемости и смертности, взятых в отдельности, а могут быть поняты только при анализе взаимодействия этих параллельных изменений. Следовательно, необходимо осмыслить эти изменения как две стороны единого процесса – перехода от старого к новому типу воспроизводства населения.

Прежде всего возникает вопрос, как протекал и протекает этот процесс в исторической реальности, в конкретных условиях различных стран и районов мира. В какой мере действительно можно говорить о единстве изменений смертности и рождаемости, в чем оно проявляется? Попытаемся дать обобщенный ответ на эти вопросы с помощью понятий *демографический переход*, *демографическая революция* и *демографический взрыв*. В лите-

ратуре первые два термина, а иногда и все три используют как равнозначные. Не отказываясь ни от одного из них, уточним смысл каждого термина в соответствии с различными явлениями, наблюдающимися в процессе замены старого типа воспроизводства населения новым.

Такая замена требует немалого времени. Она охватывает целый исторический период, на протяжении которого формируются условия нового демографического равновесия, переживает кризис старая система демографического регулирования, и общество стихийно вырабатывает, опробует и принимает или отбрасывает (если они не выдерживают исторической проверки) элементы его новой системы, — период *демографического перехода*. Пока длится демографический переход, в одном и том же населении сосуществуют элементы старого и нового типов воспроизводства как в чистом виде (у одних групп населения — еще старые, у других — уже новые), так и в виде промежуточных, паллиативных форм, неизвестных до начала перехода и не доживающих до его конца.

Сам демографический переход складывается из различных стадий. На ранних его стадиях элементы старой системы демографического регулирования не заменяются полностью, а подвергаются некоторой модификации. Яркий пример такой модификации — возникновение “европейской” брачности. Модифицированные формы и нормы демографических отношений позволяют в течение некоторого времени решать проблемы, которые ставит историческое развитие и с которыми уже не в состоянии справиться классический традиционный механизм. Их распространение постепенно расшатывает старую систему демографического регулирования, но не может устранить ее полностью, потому что сами модифицированные отношения не образуют целостной новой системы, способной заменить прежнюю. Они несут с собой преимущественно количественные изменения, в качественном же отношении больше принадлежат прошлому, чем будущему, все еще действуют в рамках традиционной системы управления поведением человека. Вместе со всей этой системой они движутся от одного кризиса к другому, обнаруживая все большее несоответствие новым историческим задачам, пока не подводят к кульминационному пункту демографического перехода — *демографической революции, или демографическому перевороту*.

В отличие от предшествующих стадий демографического перехода демографическая революция представляет собой коренной качественный скачок, разрыв со старыми методами демографического регулирования. Задача этой главы рассмотреть важнейшие новые качественные черты, которые приобретает вос-

производство населения при переходе от традиционного к рациональному типу. Все эти черты развиваются только после демографической революции; будучи ее результатом, они не могли возникнуть на базе более ранних изменений в процессе воспроизводства, ибо для этого не было достаточной качественной основы. Ранние стадии демографического перехода – это всего лишь промежуточный этап, подготовка демографической революции.

Демографический переход в Западной Европе начался, вероятно, не позднее XVI столетия – эпохи зарождения капиталистических отношений в недрах феодального общества. Вначале демографические изменения были очень незначительными, неглубокими, затрагивали узкие слои социальной верхушки и, на первый взгляд, не оказывали на жизнь основной массы европейского населения никакого влияния. Но постепенно они углублялись, охватывали все новые социальные группы, все больше преобразовывали демографическое бытие и демографическое сознание людей, все теснее переплетались с другими – экономическими и социальными – изменениями в их жизни. Существовал несомненный параллелизм демографического и социально-экономического развития. Эпоха между Великими географическими открытиями и промышленной революцией в Англии была переходной, подготовившей превращение западноевропейского общества из преимущественно аграрного и сельского в преимущественно индустриальное и городское. Такую же роль она сыграла и в подготовке перехода к повсеместному и всеобщему распространению современного типа воспроизводства населения.

Эта подготовка закончилась примерно к концу XVIII–середине XIX в., когда и начались решающие сдвиги в структуре причин смерти и в структуре демографического поведения и быстро пошли на убыль неконтролируемая экзогенная смертность и неконтролируемая “изнутри”, т.е. самой семьей, рождаемость, что и знаменовало собой начало демографической революции. Для этого периода совершенно справедливы слова Зд. Павлика: “Промышленной революции в экономическом развитии соответствует демографическая революция в развитии населения” [42: 38].

И исторически, и логически демографический переход начинается с изменений в смертности. Поскольку в механизме регулирования воспроизводства населения традиционного типа ключевая роль принадлежала смертности, именно ранние изменения в структуре причин смерти должны были послужить тем первым толчком, тем внутренним импульсом, с которого началась перестройка всего демографического механизма. В дальнейшем эта перестройка долгое время шла несинхронно, изменения в смерт-

ности, как правило, опережали изменения в рождаемости, и во всех странах уже к началу демографической революции обнаруживался более быстрый рост населения. В Европе XVIII в. был веком небывалого по тем временам роста населения.

С началом демографической революции отмеченная несинхронность демографического развития, как правило, усиливается. Чтобы отразить эту несинхронность, в литературе иногда пишут о переходе к новому типу смертности и к новому типу рождаемости как о различных этапах или фазах демографической революции. Скорость прохождения населения через каждую из этих фаз, их взаимодействие между собой, последовательность их распространения на различные слои общества зависит от многих конкретных исторических условий. Поэтому и сама демографическая революция в разные периоды и в разных странах протекала и протекает по-разному.

Первая фаза демографической революции – переворот в смертности, вторая – переворот в рождаемости. Каждая из этих фаз заключается в принципиальных качественных сдвигах в системе социального контроля над смертностью и рождаемостью и в соответствующих количественных изменениях, а именно в снижении уровня того и другого. В большинстве случаев вторая фаза начинается спустя более или менее длительное время после первой. В течение же этого времени снижающейся смертности соответствует высокая рождаемость, в результате чего рост населения резко убыстряется даже по сравнению с тем ускоренным ростом, который часто предшествует демографической революции. Это убыстрение продолжается до тех пор, пока не начинается вторая фаза демографической революции. Тогда ускорение роста населения прекращается, и по мере того как снижение рождаемости “догоняет” снижение смертности (а иногда даже обгоняет его), рост населения замедляется. Дальнейшая динамика численности населения (после завершения демографической революции) зависит от факторов, не связанных с переходом к воспроизводству населения современного типа, а подчиняется законам, свойственным этому последнему.

Разновременность начала и несинхронность развития обеих фаз демографической революции приводит к тому, что в течение относительно очень короткого времени население переживает *демографический взрыв*, небывало быстрый рост его численности, которая за столетие может вырасти гораздо больше, чем за всю предшествующую историю. Впрочем мощность такого взрыва может быть различной и зависит от конкретной ситуации, в которой осуществляется демографическая революция.

Исторический опыт позволяет выделить три типичные схемы ее развития.

Первую из них можно проиллюстрировать на примере Франции. Среди всех развитых капиталистических стран Франция выделяется тем, что обе фазы демографического переворота начались здесь практически одновременно, а снижение смертности и рождаемости шло почти параллельно. В результате нетто-коэффициент воспроизводства населения изменялся очень мало, и Франция даже в XIX в. не знала демографического взрыва. Другой пример этой же схемы демографического переворота дает СССР. Переход к новому типу смертности в СССР происходил гораздо быстрее, чем во Франции, и переход к новому типу рождаемости был не менее быстрым. Соответствие темпов обоих этих переходов привело к тому, что демографический переворот у большей части населения СССР совершился без демографического взрыва.

Правда, как и в других странах, что-то вроде слабого и растянутого демографического взрыва наблюдалось в России накануне демографической революции, на ранних стадиях демографического перехода. Смертность, сколь высока она ни была, в XIX в., особенно во второй его половине, начала уже приобретать некоторые черты, свойственные ее современному типу: значительно реже и слабее стали вспышки голода и повальных болезней, показатели смертности приобрели большую, чем прежде, устойчивость. Рождаемость же оставалась по-прежнему высокой и даже, возможно, несколько повысилась [16: 38, 168]. Поэтому темпы роста населения были довольно высокими – среднегодовой коэффициент естественного прироста (вероятно, завышенный из-за недоучета смертей) за 1861–1913 гг. по 50 губерниям Европейской России составлял 14,9‰ [16: 218]. Однако это было лишь преддверие демографического переворота, самое начало его первой фазы. Если бы отставание его второй фазы продолжалось и после того, как началось массовое снижение смертности, особенно после революции, темпы роста населения могли увеличиться вдвое и даже более. Но этого не произошло. Демографический взрыв в СССР зафиксирован только у некоторой части населения страны, в частности в республиках Средней Азии.

Примеры *второй* схемы развития демографической революции дают Англия, Швеция и многие другие страны Западной Европы. Эффект переворота в смертности здесь оказался настолько велик, что и относительно низкая рождаемость, достигнутая благодаря “европейской” брачности, оказалась слишком высокой. Переворот же в рождаемости, как мы видели, задержался и начался почти на сто лет позже, чем во Франции. Коэффициент

Среднегодовые коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения Швеции за 1701–1900 гг. (в промилле)

Период	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1701–1750	34,25	30,40	3,85
1751–1800	33,56	27,35	6,21
1801–1850	32,23	23,90	8,33
1851–1900	29,98	18,48	11,50

Источник: [46: 76].

ты естественного прироста населения стали быстро расти, как это было, например, в Швеции (табл. 4.1.1).

Налицо резкое ускорение роста населения, типичный демографический взрыв. Другой пример демографического взрыва дает Англия. Численность ее населения в 1800 г. составляла (без Ирландии) 10,9 млн человек (40% тогдашнего населения Франции). За XIX в. население Англии выросло почти на 26 млн человек, или в 3,4 раза [4: табл. 12] (население Франции – немногим более чем на 40%), и при этом не менее 10 млн человек эмигрировало за океан. В Западной Европе демографический взрыв прекратился довольно быстро – в начале XX в. – в результате стремительного падения рождаемости. Тем не менее за XIX столетие население зарубежной Европы увеличилось со 160 до 295 млн человек (на 135 млн человек, или на 85%) и дало еще несколько десятков миллионов эмигрантов [12: 19, 393].

Наконец, *третья* схема осуществления демографической революции характерна для развивающихся стран в наше время. Они не знали ранних стадий демографического перехода, он начался сразу стремительным скачком от старого типа смертности к новому, структура причин смерти перестраивается очень быстро, и во многих из этих стран уровень смертности сейчас значительно ниже, чем где бы то ни было в XIX в. Вторая же фаза демографической революции в лучшем случае только начинается, да и то далеко не везде. Поэтому превышение рождаемости над смертностью достигает огромных размеров, а мощность демографического взрыва – небывалой силы. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить наиболее высокие значения нетто-коэффициента воспроизводства населения, достигнутые в некоторых европейских странах во второй половине прошлого века, с теми, которые можно наблюдать сейчас в “третьем мире”.

Именно с этой третьей схемой развития демографической революции связан современный *мировой* демографический взрыв –

**Нетто-коэффициент воспроизводства населения
в некоторых странах во второй половине XIX в. и в 60-е годы XX в.**

Англия и Уэльс, 1881 г.	1,54	Алжир, 1964 г.	2,51
Германия, 1891–1900 гг.	1,51	Венесуэла, 1964 г.	2,79
Дания, 1895–1900 гг.	1,51	Коста-Рика, 1965 г.	2,83
Финляндия, 1881–1890 гг.	1,49	Мексика, 1960 г.	2,49
Швеция, 1883–1887 гг.	1,46	Эквадор, 1960–1965 гг.	3,02

Источники: [12: 159–162; 34: 50–51; 43 : 380–387].

Таблица 4.1.2

Рост населения мира с 1750 по 2000 г.

Период	Численность населения мира к концу периода (млн человек)	Прирост за период (млн человек)	Среднегодовой прирост, млн человек	Среднегодовой прирост в процентах		
				весь мир	в том числе	
					более развитые районы*	менее развитые районы
1750–1800	978	187	3,7	0,4	0,4	0,4
1800–1850	1262	284	5,7	0,5	0,7	0,5
1850–1900	1650	388	7,8	0,5	1,0	0,3
1900–1950	2506	856	17,1	0,8	0,8	0,9
1950–2000	6407**	3901	78,0	1,9	0,9	2,2

* К более развитым районам демографами ООН отнесены СССР, страны Европы, США, Канада, Япония, Аргентина, Чили, Уругвай, Австралия и Новая Зеландия; к менее развитым районам – все остальные страны.

** Фактически население мира в 2000 г. составило, по оценкам ООН, 6057 тыс. человек (примечание 2005 г.)

Источник: [44: 3].

явление, не известное до второй половины XX века. Общее представление об этом взрыве дает табл. 4.1.2, которая включает в себя один из последних прогнозов ООН до 2000 года.

Табл. 4.1.2 отражает ускорение роста населения развитых стран во второй половине XIX века. Но, как видим, оно было не особенно большим и мало повлияло на темпы роста населения всего мира. Совсем иначе обстоит дело с нынешним пятидесятилетием. Темпы роста населения “менее развитых районов” выросли по сравнению с прошлым веком примерно в 5–6 раз. Если учесть, что в этих районах проживает около 70% населения нашей планеты, становится понятным, что весь современный мировой демографический взрыв объясняется процессами, происходящими в развивающемся мире.

Считают, что на десятилетие с 1970 по 1980 г. приходится кульминация демографического взрыва в том смысле, что сейчас наблюдаются самые высокие за всю историю человечества темпы роста мирового населения, в следующем десятилетии начнется их снижение. Это не значит, однако, что демографический взрыв скоро закончится. Даже если исходить из того, что, начавшись в будущем десятилетии, снижение темпов роста мирового населения будет неуклонно прогрессировать, сам этот рост, согласно "среднему" варианту одного из последних прогнозов ООН, может прекратиться не ранее 2140 г.

По оценкам демографов ООН, для того чтобы рост населения мира прекратился и его численность стабилизировалась, надо, чтобы с учетом дальнейшего снижения смертности брутто-коэффициент воспроизводства населения находился в пределах от 1,016 до 1,023. Тогда нетто-коэффициент станет равным 1, что соответствует простому воспроизводству населения. Однако рост населения не прекратится немедленно по достижении этих показателей, так как население обладает определенным потенциалом демографического роста, не зависящим от уровней рождаемости и смертности в данный момент, а отражающим специфику его возрастной структуры. После установления неизменных показателей рождаемости и смертности, соответствующих простому воспроизводству, должен пройти немалый срок, пока потенциал демографического роста исчерпается и численность населения перестанет увеличиваться.

В более развитых районах мира брутто-коэффициент воспроизводства уже сейчас невысок — по оценке ООН для 1970–1975 гг. он равен 1,13. Но в менее развитых он равен 2,60, что намного больше уровня простой замены в условиях низкой смертности. По среднему варианту долгосрочного прогноза, составленного Демографическим отделом ООН, снижение рождаемости до уровня простой замены во всем развивающемся мире потребует примерно 100 лет, хотя различные его части придут к этому результату в разное время. Общая картина завершения мирового демографического взрыва, согласно этому прогнозу, приведена в табл. 4.1.3.

Даже к концу XXI в. в некоторых районах мира рост населения не прекратится полностью, однако уже вторая половина XXI в. будет периодом заметного замедления этого роста в мировых масштабах, а начиная с последней четверти будущего столетия он станет незначительным: 80% всего прироста населения, ожидаемого в XXI в., придется на период до 2050 г.

Демографический взрыв тесно связан с демографической революцией, он порожден ею, но демографический взрыв и

**Перспективы роста численности населения мира
и его отдельных районов до 2100 г.**

Районы мира	Год, в котором будет достигнут		Численность населения в миллионах		
	нетто-коэффициент воспроизводства, равный единице	годовой прирост населения, равный нулю	1970	2000	2100
Весь мир	2070	2140	3621	6407	12257
Более развитые районы	2020	2070	1084	1368	1570
Менее развитые районы	2070	2140	2537	5039	10687
в том числе:					
Африка	2070	2140	352	834	2435
Восточная Азия	2010	2080	926	1373	1776
Южная Азия	2060	2120	1111	2384	5358
Латинская Америка	2035	2105	284	625	1308

Источник: [11: 39].

демографическая революция – это, конечно, совсем не одно и то же. Взрывоподобный рост населения – лишь одно из многих последствий демографического переворота, причем, не самое главное. Он вытекает не из сущности этого переворота, а из тех исторических условий, в которых демографический переворот совершается в той или иной стране, в некоторых случаях, как мы видели, “взрыва” может и не быть. “Взрывные” темпы – явление временное, они исчезают после окончания демографической революции, тогда как другие последствия, о которых речь пойдет ниже, остаются с человечеством навсегда.

4.2. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ

В процессе перехода от старого типа демографического воспроизводства к новому глубоким изменениям подвергается возрастная структура населения. Возрастная структура – прямое следствие соотношений между уровнями рождаемости и смертности. Как следует из эргодической теоремы А. Лотки, центральной в теории стабильного населения, при неограни-

**Возрастная структура стационарного населения
при различных уровнях рождаемости и смертности**

Средняя продолжительность жизни (e_0) в годах	Доля различных возрастных групп во всем населении, %			Общий коэффициент рождаемости (равный общему коэффициенту смертности), ‰	Брутто-коэффициент воспроизводства
	0–14 лет	15–19 лет	60 лет и старше		
20	38,2	57,8	4,0	50,1	2,97
30	31,9	60,6	7,5	33,4	2,04
40	27,5	61,1	11,4	25,0	1,61
50	24,4	60,6	15,0	20,0	1,35
60,4	22,2	59,7	18,1	16,6	1,17
70,2	20,6	58,7	20,7	14,3	1,05

Источник: [40: 77].

ченно долгом сохранении неизменных режимов рождаемости и смертности в населении устанавливается возрастная структура, однозначно соответствующая этим режимам. Хотя реальные населения никогда в точности не совпадают с теоретическими уже потому, что в них невозможна полная неизменность рождаемости и смертности, теоретические модели дают в целом верное, хотя и идеализированное представление о типах возрастных структур, складывающихся в действительности при тех или иных уровнях рождаемости и смертности. Обратимся к табл. 4.2.1.

Стационарное население, к которому относятся приведенные в таблице показатели, представляет собой частный случай стабильного населения, соответствующий простому воспроизводству, и взято здесь в качестве примера. Простое воспроизводство возможно при самых различных комбинациях уровней рождаемости и смертности, которые могут вести и к различным возрастным структурам. Но если рождаемость и смертность изменяются в соответствии с действительной исторической тенденцией, рассмотренной в предыдущих главах, то, как следует из таблицы, должна существовать и определенная тенденция в изменении возрастной структуры. Она заключается в том, что доля младших возрастных групп неуклонно сокращается, а доля старших – увеличивается. Это явление и получило название старения населения, или демографического старения.

Изменение возрастной структуры населения Швеции
с середины XVIII в.

Возрастные группы	Доля возрастных групп, %						
	1750–1800	1800–1850	1860	1900	1930	1950	1965
0–14 лет	32,6	33,2	33,5	32,5	24,8	23,4	21,0
15–59 лет	58,7	58,5	58,3	55,6	62,4	61,7	60,7
60 лет и старше	8,7	8,3	8,2	11,9	12,8	14,9	18,3

Источник: [47: 268].

Главная причина демографического старения – снижение рождаемости. Снижение смертности в той мере, в какой оно затрагивает младшие возрастные группы, противодействует старению. Более того, так как снижение смертности обычно начинается раньше снижения рождаемости и распространяется прежде всего на детей (в наибольшей степени подверженных экзогенной смертности), на ранних этапах демографического перехода оно может вести к омоложению населения. Некоторое омоложение может быть также следствием роста реальной плодovitости до начала изменений в демографическом поведении людей. Но с началом демографической революции определяющей неизбежно оказывается тенденция старения населения. По словам Э. Россета, “демографическая революция настужь открыла двери развитию процесса старения населения Европы” [17: 383].

Исторический процесс демографического старения проиллюстрируем примером Швеции.

В первой половине XIX в. население Швеции не только не старело, но даже несколько омолаживалось, и только во второй половине XIX столетия начался процесс старения, который резко усилился уже в XX веке. В свое время среди всех европейских стран высокой степенью постарения выделялась Франция, Швеция же представляет собой пример обычной западноевропейской страны, в которой старение стало заметно лишь к концу XIX в. Сейчас она принадлежит к числу наиболее “старых” стран мира, но в целом мало отличается от других стран Западной Европы. В конце 1960-х годов доля детей в возрасте до 15 лет во всех странах Западной Европы составляла 25%, доля пожилых в возрасте 60 лет и старше – 17% [12: 204]. В США постарение населения развивалось

несколько медленнее, чем в Европе, но общая тенденция здесь такая же.

Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в США (в процентах)

1860 г.	1880 г.	1900 г.	1920 г.	1940 г.	1960 г.	1970 г.
4,3	5,6	6,4	7,0	10,4	13,2	14,1

Источники: [12: 211; 17: 297].

Население СССР с началом демографического переворота также вступило в полосу демографического старения (табл. 4.2.3).

Фактическая сторона процесса старения населения обстоятельно описана в книге Э. Россета, мы не будем останавливаться на ней более подробно. Отметим только, что в развивающихся странах начавшаяся демографическая революция пока ведет к омоложению населения, старение населения в них начнется только тогда, когда демографическая революция в Третьем мире вступит в свою вторую фазу.

Важно подчеркнуть, что старение населения – это одна из тех необратимых перемен, которые несет с собой переход к новому типу воспроизводства населения. Пережившее демографическую революцию население *никогда* не вернется к той возрастной структуре, при которой человечество жило на протяжении всей своей истории.

В табл. 4.2.4 сравниваются типичные для традиционного типа воспроизводства населения показатели, наблюдавшиеся в России в конце прошлого века, с показателями стабильного населения, имеющего примерно такую же возрастную структуру и современный уровень смертности. Это сравнение ведет к очень простому выводу. Чтобы в современных условиях население имело такую возрастную структуру, какая была в нашей стране 70–80 лет назад, брутто-коэффициент воспроизводства должен быть примерно таким, как в современных Сингапуре или Бразилии (т.е. на каждую женщину должно приходиться около 5 рожденных детей), а темпы роста населения должны приближаться к 3% в год. Стоит ли говорить, что ни в нашей, ни в какой-либо другой экономически развитой стране такие показатели никогда уже не будут возможны.

Изменения в возрастной структуре, так же как и другие изменения, связанные с демографической революцией, носили характер стремительного переворота. Их масштабы и их необратимость все еще недостаточно осознаны, и нередко приходится сталкиваться с негативной оценкой старения населения и с призывами приостановить этот процесс. Однако

Возрастная структура населения СССР
(в процентах)

Возрастные группы	1897	1926	1939	1959	1970
0–15 лет	40,5	40,1	37,7	30,4	30,9
16–59 лет	52,7	53,2	55,5	60,2	57,2
60 лет и старше	6,8	6,7	6,8	9,4	11,8

Источник: [13: 17].

Таблица 4.2.4

**Условия формирования "молодой" возрастной структуры
при низкой смертности**

	Доля различных возрастных групп во всем населении, %			Средняя продолжительность жизни, в годах	Общие коэффициенты, ‰			Брутто-коэффициент воспроизводства
	0–14 лет	15–19 лет	60 лет старше		рождаемости	смертности	естественного прироста	
Европейская Россия, 1897 г.	40,5	52,7	6,8	32,3	49,5*	32,1*	17,4*	3,5**
Стабильное население	41,6	52,2	6,2	70,2	35,7	5,7	30,0	2,40

* 1896–1900 гг.

** Оценка Р. Кучинского.

Источники: [16: 168, 188; 35: 213; 40: 77].

демографическое старение при переходе к современному типу воспроизводства населения, если рассматривать этот процесс в целом (а не крайние его проявления, обусловленные слишком сильным падением рождаемости, что не связано с сущностью демографической революции), можно оценивать положительно или отрицательно с таким же основанием, как, скажем, заход солнца на исходе дня. Старение – объективный, исторически обусловленный процесс, его последствия необратимы, и единственное, что можно и нужно сделать, это осознать их и учитывать в общественной практике.

4.3. ПОВЫШЕНИЕ УПРАВЛЯЕМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Как полагал А. Ландри, одно из главных отличий современного типа воспроизводства населения от предшествующих заключается в том, что при современном типе не существует внутренней тенденции к установлению демографического равновесия. Прежде “существовало такое равновесие, которое определялось в зависимости от некоторой совокупности условий. Если эти условия оставались неизменными, проявлялась тенденция к уравнению смертности и рождаемости, что вело к стационарному состоянию населения. Ничего подобного мы не видим ныне” [36: 53]. Иначе говоря, согласно А. Ландри, теперь не существует никаких объективных пределов, по достижении которых количественные изменения в демографических процессах (например, снижение рождаемости) должны автоматически прекратиться. Гомеостатическое регулирование демографического процесса перестало существовать.

Мы исходим из противоположного постулата. Поскольку само существование человеческого общества немислимо, если не обеспечено непрерывное и достаточно устойчивое продолжение человеческого рода, общество на всех этапах своего исторического развития вырабатывает необходимые гомеостатические механизмы, которые постоянно приводят демографическое функционирование в соответствие со всеми остальными сторонами функционирования социального организма. Из этого правила не может быть исключений. Неверно видеть такое исключение и в современном типе воспроизводства населения.

До тех пор пока то или иное общество сохраняет свою жизнеспособность, ее сохраняет и демографический механизм. Если какая-либо социальная система переживает общий кризис, кризис затрагивает и демографическую сферу. Но это – свидетельство несостоятельности социальной системы, а не системы демографического регулирования, которая исправно приводит “демографический блок” в состояние, адекватное состоянию всей социальной системы.

То, что казалось А. Ландри отсутствием внутреннего механизма установления демографического равновесия, нам представляется способностью населения гибко приспосабливаться к меняющимся условиям такого равновесия. Малая инерционность, маневренность, раскованность демографического поведения – вот некоторые из тех завоеваний, которые несет с собой новый тип воспроизводства населения на смену неповоротливости, окаменелости, полифункциональности старого демографического

механизма. Прогрессивное значение этих завоеваний заключается в том, что они способствовали приведению системы демографического регулирования в соответствие с новыми материальными и социальными условиями жизни людей.

Прежде всего укажем на резко возросшую *управляемость* демографического процесса. Управление в демографической сфере выполняет те же функции, что и в любой другой. Оно обеспечивает сохранение определенной демографической структуры населения, поддержание установленного режима его деятельности (воспроизводства населения) и реализацию объективно заданной программы этой деятельности (достижение цели) [21: 282]. Говоря о повышении управляемости, мы имеем в виду расширение области человеческой свободы применительно к управлению воспроизводством населения, уменьшение зависимости человека от природы, поскольку речь идет об определении “программы” этого процесса, и повышение эффективности реализации этой программы.

И во времена традиционного типа воспроизводства населения демографический процесс был социально управляемым. В социально-культурных нормах находили отражение как объективная необходимость продолжения человеческого рода – “демографическая цель”, так и доступные человеку прошлого способы ее достижения.

Существует, однако, огромная разница в управляемости процесса воспроизводства населения при традиционном и современном (рациональном) его типах.

Традиционному типу воспроизводства населения соответствует ограниченный, малоэффективный контроль над демографическими процессами. В связи с тем что главным регулирующим звеном демографического механизма остается смертность, слабо подконтрольная людям, действующая с неотвратимостью стихийной силы, общество, вырабатывая в ходе долгого и трудного развития нормы демографического поведения, должно было приспосабливаться при этом ко внешним обстоятельствам, над которыми оно не имело власти. Такое приспособление и было в прошлом одним из основных элементов управления воспроизводством населения.

Установление контроля над смертностью и переход функций главного регулятора демографического процесса к рождаемости коренным образом изменил цели и возможности управления этим процессом. Если прежде общество вынуждено было приспособлять свои нужды к нуждам демографического процесса, то теперь оно получило некоторую возможность приспособлять демографический процесс к своим нуждам. И общество, и

отдельная семья получают теперь — в известных пределах, конечно, — свободу демографического выбора, могут варьировать, а значит, *оптимизировать* свое демографическое поведение.

Новым целям и новым возможностям управления демографическим процессом соответствует новый механизм такого управления. Прежде культурный отбор, действовавший на уровне всего общества, на “макроуровне”, вел к выработке таких норм демографического поведения, которые были обязательными для всех и не предполагали ни свободы целеполагания, ни свободы поведения для отдельного индивидуума или семьи. Подобный принцип действия демографического механизма несовместим с оптимизацией индивидуального демографического поведения, с его гибким приспособлением к меняющимся условиям. Поэтому в процессе перехода к рациональному типу воспроизводства населения вырабатывается новый механизм, обеспечивающий автоматический учет семей общих условий, в которых протекает демографический процесс. Теперь с гораздо большим основанием, чем прежде, можно говорить о “демографической цели” семьи, к достижению которой она с большей или меньшей последовательностью стремится в своем поведении.

Демографическая цель семьи определяет ее поведение главным образом в сфере рождаемости, но ясно, что она вырабатывается с учетом взаимодействия рождаемости и смертности, с учетом наиболее вероятного конечного результата воспроизводства на уровне семьи. Поэтому на уровне семьи развивается не только механизм контроля над рождаемостью (а значит, и над всем воспроизводством), но и механизм целеполагания, также учитывающий всю ситуацию в области воспроизводства населения.

Этот механизм гораздо более тонок, чем старый механизм целеполагания на макроуровне, он обеспечивает гораздо лучшую согласованность демографического процесса со всеми остальными социальными процессами, нежели прежний грубый и негибкий механизм, предполагавший неизменность демографического поведения семьи.

Семья не существует независимо от общества, она прочно “встроена” в социальный организм. Супружеская пара, каждый супруг в отдельности осознают свои демографические цели в процессе воспитания, в процессе накопления жизненного опыта, в непрерывных контактах с окружающей их социальной средой. Семья как элементарная ячейка общества связана с целым тысячами неразрывных нитей. По огромному количеству каналов прямой и обратной связи поддерживается ее взаимодействие с социальным организмом, микрочастицу которого она составляет.

При этом вырабатывается наряду с другими (социальной, экономической и т.п.) и демографическая цель семьи, так что эта цель, в конечном счете, с достаточной полнотой учитывает и отражает как задачи общественного развития в целом, так и те конкретные исторические условия, в которых осуществляется решение этих задач.

Разумеется, нельзя утверждать, что каждая отдельная семья всегда безошибочно воспринимает и истолковывает ту огромную разнородную информацию, которая поступает к ней в процессе ее общественной практики. Но поскольку речь идет о массовом демографическом поведении, оно управляется массовым демографическим сознанием, которое в свою очередь есть часть всего общественного сознания, более или менее адекватно отражающего объективные интересы общества. Поэтому если процесс воспроизводства населения, его количественные характеристики и испытывают определенные изменения, колебания и т.п., вызванные изменениями в рождаемости, то в этих изменениях неизмеримо больше целесообразности и целенаправленности, чем в тех изменениях и колебаниях, которые происходили во времена господства традиционного типа воспроизводства населения и порождались, главным образом, лихорадочным течением процесса смертности.

Не угрожает ли развитие целеполагания на микроуровне тем, что демографический процесс станет совсем неуправляем на макроуровне? Не вступает ли суверенитет семьи в демографической области в противоречие с суверенитетом общества, не ввергнет ли он общество в пучину демографической стихийности, не станет ли все население в целом жертвой демографического произвола массы отдельных семей?

Значение демографического суверенитета семьи, свободу выбора в области рождаемости не следует абсолютизировать. Ни то, ни другое не означает полного перечеркивания внешней — с точки зрения отдельной семьи — необходимости. Человек всегда есть средоточие всех общественных связей, и то обстоятельство, что он ощущает эти связи не непосредственно, как, скажем, член сельской общины, и его поведение предопределено не столь однозначно, как прежде, отнюдь не означает, что связи индивидуума с обществом ослабевают. Наоборот, как отмечал К. Маркс, та эпоха, которая освобождает человека от всех “естественных связей” и порождает “точку зрения обособленного одиночки”, “есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей” [7: 710].

Свобода индивидуального выбора есть поэтому, с одной стороны, крайне ограниченная свобода, поскольку во всех существ-

венных чертах поведение человека предопределено его местом в системе общественных связей. Но, с другой стороны, внутри определенных, пусть и относительно узких, рамок он все-таки свободен – свободен в достаточной степени, чтобы сделать возможным гораздо более полное, чем в прежние эпохи, развитие человеческой индивидуальности и в то же время сообщить гораздо больше гибкости и динамизма всему общественному организму. Говоря о капиталистическом присвоении прибавочного труда, К. Маркс отмечает, что он “по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения” [9: 385]. Тем не менее это “свободное договорное соглашение” нельзя рассматривать как несущественный момент, как нечто только кажущееся. “Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д.” [9: 386].

С подобной же ситуацией мы встречаемся и при анализе исторических изменений в процессе воспроизводства населения. Новые условия, в которых протекает этот процесс, не означают, конечно, что производство потомства вышло из-под контроля общества. Но механизм такого контроля стал иным. С помощью этого механизма человек, семья, как и раньше, понуждаются к определенному поведению в области деторождения, но, перефразируя цитированные выше слова К. Маркса, можно сказать, что это делается таким способом и при таких условиях, которые с точки зрения развития общества гораздо более выгодны, чем способы и условия, существовавшие прежде. Отмеченная ранее возможность оптимизации демографического поведения и есть проявление этой выгоды. Управление старого типа заставляло человека идти по единственно возможному пути, управление нового типа ориентирует его на движение по наиболее целесообразному из многих возможных путей, позволяет гибко учитывать весь комплекс непрерывно меняющихся экономических, социальных и прочих условий. Это не исключает того, что есть пути невозможные, поскольку, как известно, расширение царства свободы не упраздняет совершенно царства необходимости.

Именно поэтому развитие контроля рождаемости на микроуровне не упраздняет такой контроль на макроуровне, а лишь делает несостоятельными его старые формы. Сколь это ни казалось бы парадоксальным, расширение возможностей семьи управлять рождаемостью, а через нее и воспроизводством есть одно-

временно и расширение соответствующих возможностей общества. Контроль над процессом воспроизводства населения на макроуровне намного усиливается, но теперь он осуществляется совершенно иначе, чем прежде. Поскольку семья при определении своих намерений в отношении числа детей становится все более восприимчивой к изменению социально-экономических условий, очень многие, если не все, меры в социальной, экономической, культурной и других областях оказываются в то же время мерами по управлению воспроизводством населения, воздействуют на формирование демографической цели семьи.

В условиях возросшей управляемости демографического процесса повышаются требования к уровню управления им. Старые методы управления, воздействие на рождаемость, связанное с ограничением свободы семьи делать свой выбор, — оказываются все менее и менее эффективными. По мере того как развивается демографическое самосознание, семья все больше сопротивляется попыткам извне навязать ей то или иное демографическое поведение, всеми путями обходит всевозможные запреты. Нарастает борьба против всякого рода ограничений в этой области, и они постепенно ослабевают.

Наоборот, новые методы управления воспроизводством населения на макроуровне, основанные на признании свободы демографического выбора семьи, в наибольшей степени соответствуют объективному историческому развитию и потому наиболее эффективны. В этом нет ничего противоречивого. Поскольку демографические намерения семьи в значительной степени предвосхищены общим ходом социально-экономического развития, в целом отражающим целевые установки данного общества, нет никакой необходимости препятствовать реализации этих намерений, напротив, надо всячески ей способствовать.

Отсюда вытекают два основных направления управления рождаемостью, а значит, и процессами воспроизводства населения в целом.

С одной стороны, необходимы специальные меры, направленные на то, чтобы расширить возможности семьи реализовать стоящую перед ней цель — всемерно совершенствовать механизм управления рождаемостью на микроуровне, добиваясь того, чтобы поведение семьи и его результаты как можно меньше определялись не зависящими от семьи обстоятельствами и как можно точнее соответствовали ее демографической цели. Ведь сейчас еще далеко не всегда семья может быть уверена, что достигнет цели, которую она перед собой ставит. Материальные или жилищные условия, состояние здоровья, сохранившиеся религиозные, этические или юридические запреты, незнание методов

контрацепции или несовершенство этих методов и многое другое может стоять между намерением семьи и его осуществлением, служить причиной расхождения между желаемым и действительным. Устранение подобных препятствий – путь к более полному сознательному контролю над рождаемостью, к более верному достижению демографической цели.

Другая сторона управления воспроизводством населения – воздействие на формирование самой демографической цели семей, их демографической установки. Такое воздействие может быть неосознанным, поскольку, как уже говорилось, любое решение, относящееся к какой-нибудь достаточно далекой от демографии области (касающееся, скажем, политики цен, или жилищного строительства, или охраны окружающей среды), может повлиять, пусть и очень незначительно, на решение семьи иметь или не иметь еще одного ребенка. Для того чтобы воздействие на формирование демографической цели семьи, управление им было сознательным, необходимо заранее учитывать демографические последствия всех принимаемых на уровне общества решений и изменять эти решения, если они противоречат осознанным демографическим интересам и преследуют менее важные для общества цели.

С повышением управляемости демографического процесса тесно связано повышение его *устойчивости*, т.е. сокращение частоты и размаха колебаний его основных характеристик.

Воспроизводство населения традиционного типа характеризовалось малой устойчивостью, регулировавший его механизм был очень грубым, “неприцельным”. Демографическая стабильность, которую можно видеть, рассматривая большие территории и длительные отрезки времени, достигалась в условиях частых резких кратковременных колебаний, глубоких провалов, катастрофически нарушавших течение процесса воспроизводства; подъемы смертности, подобные стихийным бедствиям, постоянно нарушали его спокойный ход. Систематические демографические кризисы были неотъемлемой чертой традиционного типа воспроизводства населения (а не только традиционного типа смертности). Во время таких кризисов происходили довольно значительные изменения в брачности и рождаемости. Но главным их элементом были подъемы смертности. Кроме того, снижение брачности и рождаемости в периоды кризисов тоже было в большей степени не результатом сознательных изменений в поведении людей, а прямым следствием повышения смертности: гибели потенциальных брачных партнеров, овдовения, смерти беременных женщин и т.п.

**Динамика численности населения некоторых районов мира
в 1000–1500 гг. (млн человек)**

Год	Европа	Юго-Западная Азия	Индия	Китай
1000	42	32	48	70
1100	48	33	50	79
1200	61	34	51	89
1300	73	33	50	99
1400	45	27	46	112
1500	69	29	54	125

Источник: [23: 9].

Общая численность населения отдельных территорий, стран, континентов в целом медленно росла, но этот рост был крайне неравномерным; нередко бывали периоды, когда он прекращался или даже сменялся уменьшением численности населения. Исследователи отмечают значительные колебания численности населения на протяжении тысячелетий в Китае и Индии, сокращение ее в античном мире, периоды падения численности населения в средние века и т.д. Для иллюстрации неустойчивости роста населения в прошлом можно воспользоваться оценками, сделанными для различных районов мира за 1000–1500 гг. американским исследователем М. Беннетом (табл. 4.3.1).

Хотя, как отмечалось в литературе (см., например [10: 230–231]), некоторые из оценок М. Беннета не бесспорны, общий неровный характер динамики численности населения им, видимо, не преувеличен, а может быть даже и преуменьшен. По Китаю, например, имеются данные, свидетельствующие о гораздо менее плавной динамике численности населения [47: 18].

Даже во второй половине нашего тысячелетия в Западной Европе рост численности населения был настолько медленным и неустойчивым, что современники “совершенно не представляли себе, как изменяется численность населения. Еще в XVII в. направление динамики населения было неясно. Так, например, Монтескье, Кенэ и Мирабо-отец полагали, что население непрерывно убывает... Лишь в конце XVIII в. факт роста населения стал ясен большинству современников, и голоса о том, что население уменьшается, смолкли” [20: 118].

Установление контроля над экзогенной смертностью лишило смертность ее ключевой роли в системе демографического регулирования и привело не только к гораздо более низкому, но и к гораздо более устойчивому, чем прежде, уровню смертности, к

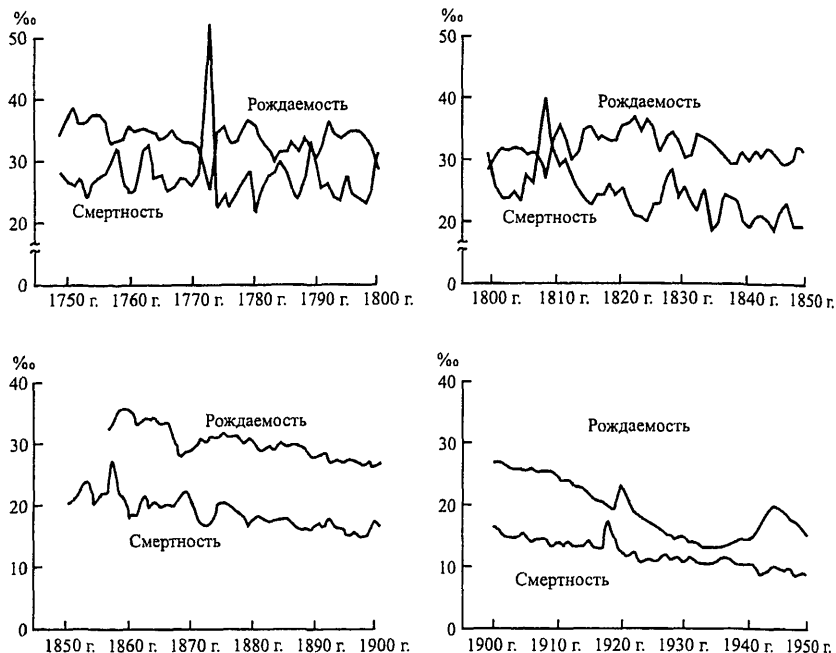

Рис. 7. Уменьшение колебаний коэффициентов рождаемости и смертности населения Швеции с 1750 по 1950 г.

Источники: [45а: 59; 45b: 45].

исчезновению ее частых резких колебаний (внезапные крутые подъемы смертности в развитых странах сейчас возможны только во время войн). В то же время принципиальные изменения в структуре демографического поведения в сфере рождаемости придали процессу рождаемости неизвестные ему ранее гибкость, “приспособляемость”, способность к быстрым изменениям. В результате смертность утратила свое значение наиболее динамичного элемента процесса воспроизводства, таким динамичным элементом стала рождаемость, к которой и перешла теперь роль регулятора всего процесса в целом.

Рис. 7 и 8 дают приблизительное (в силу несовершенства используемых показателей — общих коэффициентов) представление об изменении в колеблемости уровней рождаемости, смертности и естественного прироста в Швеции с середины XVIII в.

Хотя теперь, как видим, уровень рождаемости колеблется гораздо сильнее, чем уровень смертности, колебания рождаемости имеют совершенно иной характер, нежели колебания смертности в прошлом, они лишены резкости, внезапности и частоты, кото-

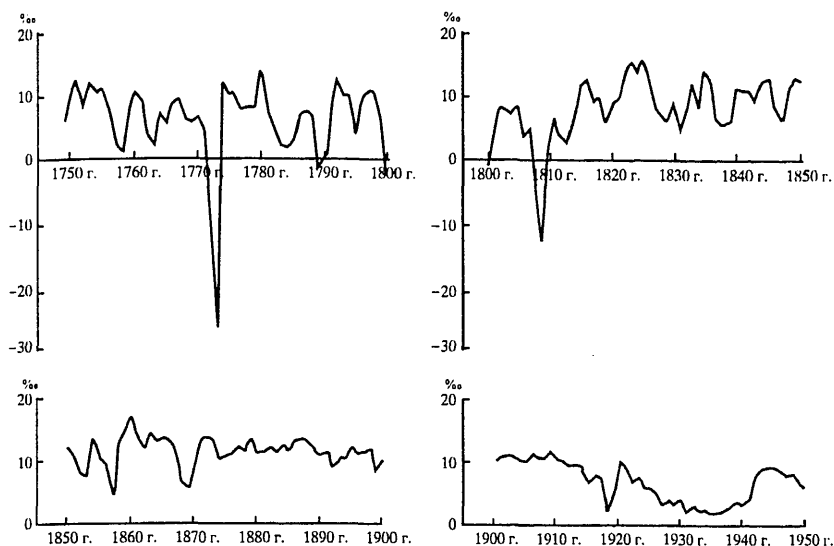

Рис. 8. Уменьшение колебаний коэффициента естественного прироста населения Швеции с 1750 по 1950 г.

Источники: [45а: 59; 45b: 45].

рые делали столь лихорадочным течение процесса воспроизводства традиционного типа. Благодаря этому и динамика естественного прироста становится гораздо более плавной. Как видно на рис. 8, значения годовых коэффициентов естественного прироста во второй половине XVIII в. и в первой половине XX в. (XIX в. в Швеции был периодом “демографического взрыва”) колеблются примерно вокруг одной и той же величины: медианное значение коэффициента в первом случае — 7,52‰, во втором — 7,66‰. Но насколько меньше эти колебания в нашем столетии! Возросшая устойчивость демографического процесса не вызывает сомнения.

4.4. ПЕРЕВОРОТ В ЭКОНОМИЧНОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Переворот в экономичности воспроизводства, населения — еще одна из важнейших сторон всего современного демографического переворота. Под экономичностью, или эффективностью, здесь, как и во всех других случаях, понимается соотношение затрат и результатов. Пользуясь обычными демографическими мерами, “затраты” можно измерять брутто-коэффициен-

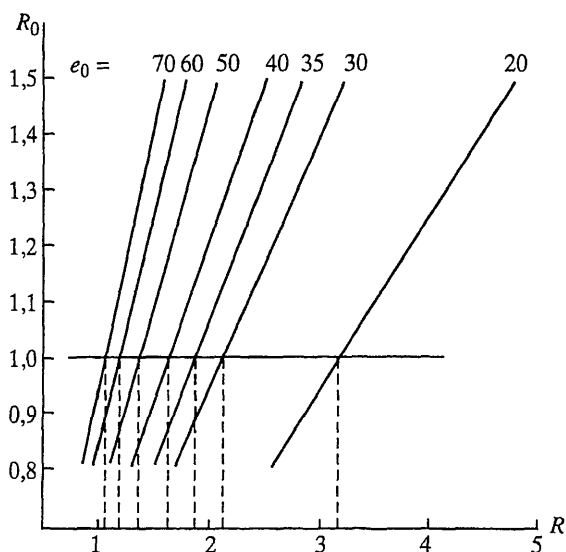

Рис. 9. Взаимосвязь между уровнями рождаемости, смертности и воспроизводства в стабильном населении

Источник: [26, модель "West"]

том (R), а "результаты" – нетто-коэффициентом (R_0) воспроизводства населения. Отношение второго к первому показывает, сколько женщин в каждом поколении приходит на смену своим матерям в расчете на одну родившуюся девочку. Можно пользоваться – и это даже удобнее – обратной величиной: числом девочек, которое необходимо родить каждой средней женщине, чтобы обеспечить простую замену материнского поколения ($R_0 = 1$, простое воспроизводство населения):

$$\rho = R/R_0.$$

Мы будем пользоваться именно этой мерой, называя ее *ценой простого воспроизводства*.

Воспроизводство населения традиционного типа характеризуется очень низкой экономичностью. Цена простого воспроизводства во все прошлые эпохи была чрезвычайно высока. График на рис. 9 схематически показывает возможные соотношения между уровнями смертности, рождаемости и воспроизводства населения в целом. Абсцисса точки пересечения горизонтальной прямой, соответствующей уровню простого воспроизводства, с наклонными прямыми, отвечающими определенным уровням смертности, и есть цена простого воспроизводства. Как видим, при типичной для традиционной смертно-

**Цена простого воспроизводства во Франции и Швеции
в конце XVIII в.**

Годы	Брутто-коэффициент	Нетто-коэффициент	Цена простого воспроизводства
Франция			
1771–1775	2,40	1,08	2,22
1776–1780	2,36	1,10	2,15
1781–1785	2,32	1,12	2,07
1786–1790	2,24	1,14	1,96
1791–1795	2,16	1,15	1,88
1796–1800	2,01	1,10	1,83
Швеция			
1778–1782	2,21	1,21	1,83
1783–1787	2,00	1,05	1,90
1788–1792	2,12	1,15	1,84
1793–1797	2,19	1,27	1,73
1798–1802	2,03	1,15	1,77

Источники: [24: 506; 33: 36–38].

сти средней продолжительности жизни (от 20 до 30 лет) ее величина превышает 2 и даже 3. Это значит, что нетто-коэффициент воспроизводства, равный 1, обеспечивается, грубо говоря, 4,5–6,5 рожденьями в среднем на одну женщину. Даже, когда средняя продолжительность жизни несколько повышается – до 35–40 лет – цена простого воспроизводства остается выше 1,5. Об этом свидетельствует не только графическая схема, но и реальные показатели, наблюдавшиеся еще в конце XVIII в. в Западной Европе (табл. 4.4.1).

Высокая цена простого воспроизводства – свидетельство низкой экономичности воспроизводства населения. Она, в частности, говорит о том, что, несмотря на высокую рождаемость, большинство семей должны быть реально малодетными. Действительно, вопреки часто бытующим представлениям, до относительно недавнего времени многодетные семьи были большой редкостью; высокой рождаемости противостояла высокая смертность, она сильно сокращала размеры семьи.

Всегда казалось, что в прошлом население переживало демографический золотой век, семьи были многодетны, и лишь в но-

вейшие времена, в “наше время” люди испортились, что и привело к малодетности. Еще Полибий жаловался, что “люди испортились, стали тщеславны, любостыжательны и изнежены, не хотят заключать браков, а если и женятся, то не хотят вскармливать прижитых детей, разве одного-двух из числа очень многих, чтобы этим способом оставить их богатыми и воспитывать в роскоши” [14: 299–300].

Свидетельство Полибия имеет большую ценность, но с его оценкой описываемых фактов, которые он воспринимает на фоне идеализируемого прошлого, согласиться трудно. Демографу ясно, что при высокой смертности, господствовавшей до недавнего времени, вырастить одного-двух детей – не так уж мало. Ведь постоянная близость нетто-коэффициента воспроизводства к единице как раз и означает, что в среднем одна женщина оставляла после себя примерно двух взрослых детей.

Многие данные говорят о малодетности семей в прошлом (несмотря на относительно высокую рождаемость). “По материалам Инама-Штернегга, число живых детей у плативших оброк крестьян в VIII и IX вв. было в среднем 2,5 на семью... В Нюрнберге в 1449 г. на семейство приходилось 1,81 ребенка” [20: 114]. Приводя относящиеся к началу XVI в. данные о распределении 358 семей г. Ипра по числу живых детей, Б.Ц. Урланис пишет: “Оказывается, что модой (в статистическом смысле этого слова!) являлась однодетная семья, совсем как в состоятельных кругах в современной Франции” [20: 218–219]. В средневековых городах, по которым имеются кое-какие данные, – Франкфурте, Базеле, Кельне, Ростоке, Нюрнберге, Фрейбурге, Ипре – на семью приходилось 1–2 ребенка. Как полагает приводящий эти данные И.М. Кулишер, городская семья просто не могла прокормить более двух детей [5: 172, 174]. По данным более поздних исследований, среднее число живых детей в семье в 100 приходах Англии в 1574–1821 гг. составляло 2,03, в Илинге (Мидлсекс, Англия) в 1599 г. – 1,64, в Бристоле (Колониальная Америка) в 1689 г. – 3,07, в одном из районов Японии в 1713 г. – 1,96, в Белграде в 1733–1734 гг. – 1,57, в Лонгенес (Па-Де-Кале, Франция) в 1778 г. – 2,36 [38: 83].

О малодетности семьи в прошлом, даже в XVIII в., когда появились первые признаки снижения смертности, говорят не только результаты ретроспективных историко-демографических исследований, но и прямые свидетельства современников. Так, шведский статистик XVIII в. П.-В. Варгентин утверждал, что римский закон, дававший привилегии родителям трех взрослых детей, был бы применим лишь к немногим жителям Швеции [15: 176]. Ф. Кенэ, производя расчеты, касающиеся населения Фран-

**Изменение среднего размера семьи и цены простого воспроизводства
в Англии и Уэльсе в XIX в.**

Год	Средний размер семьи	Цена простого воспроизводства	Год	Средний размер семьи	Цена простого воспроизводства
1801	4,60	...	1861	4,38	1,61
1811	4,64	...	1871	4,40	1,62
1821	4,72	...	1881	4,54	1,45
1831	4,68	...	1891	4,60	1,47
1851	4,73	...	1901	4,49	1,40

Источники: [39: 138. 33: 36–39].

ции, писал: “Основываясь на ходе воспроизводства населения, можно считать, что каждая пара, состоящая из мужчины и женщины, имела бы по крайней мере двух детей, которые достигли бы брачного возраста, и несколько детей, умерших до наступления его” [3: 146–147]. По данным автора XVIII в. М. Мессанса, из более чем 22 тысяч обследованных семей в округах Овернь, Лион и Руан лишь 3,6% имели 6 и более детей [15: 229].

Лишь в XIX в., в связи с начавшимся снижением цены простого воспроизводства (до того как получило широкое распространение внутрисемейное регулирование рождаемости) появилась тенденция к росту выживающих детей в семье и к некоторому увеличению ее среднего размера. Но, насколько можно судить по имеющимся данным, эта тенденция только слабо наметилась в первой половине XIX в., а затем сменилась противоположной тенденцией. В Англии, например, как видно из табл. 4.4.2, во второй половине XIX в. средний размер семьи уже уменьшался.

Можно думать, что наметившийся в первой половине прошлого века рост среднего размера семьи (который был отражением роста экономичности воспроизводства) был одним из главных побудительных мотивов распространения сознательного ограничения супругами числа рождений, что, в свою очередь, вело к уменьшению размера семьи. Правда, динамика величины семьи может отражать не только демографические процессы, но и происходивший под влиянием различных социальных изменений переход от сложной семьи к простой, ее нуклеаризацию.

Однако сходную динамику обнаруживает и нетто-коэффициент воспроизводства населения, на который нуклеаризация семьи не оказывает непосредственного влияния. Как следует из рис. 10, нетто-коэффициент воспроизводства населения Швеции на про-

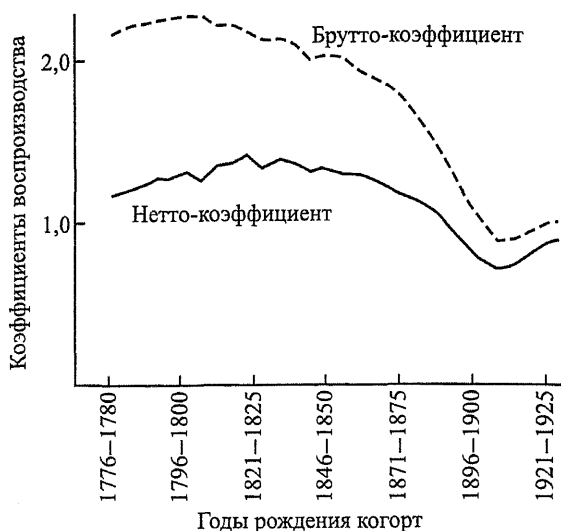

Рис. 10. Динамика брутто- и нетто-коэффициента воспроизводства для женских когорт Швеции
 Источник: [33: 41]

тяжении XIX в. сначала имел тенденцию к повышению, которая затем сменилась противоположной тенденцией. По существу, рис. 10 свидетельствует о том же явлении для Швеции, что и табл. 4.4.2 для Англии и Уэльса, потому что за изменениями нетто-коэффициента обязательно должны стоять аналогичные изменения среднего числа выживающих детей в семье.

Прогрессирующее снижение смертности вело к очень быстрому снижению цены простого воспроизводства, к подлинному перевороту в экономичности демографического воспроизводства. За полтора-два столетия она выросла в два раза и более. Высокая экономичность — одна из самых замечательных черт рационального типа воспроизводства населения.

Во всех странах, в которых установился современный тип воспроизводства населения, цена простого воспроизводства близка к 1 (табл. 4.4.3). Иначе говоря, она в 2–3 раза ниже, чем во времена господства традиционного типа воспроизводства населения в его классическом виде. Даже по сравнению с тем, что наблюдалось в Западной Европе всего два столетия назад (см. табл. 4.4.1), когда традиционный тип воспроизводства уже начал изживать себя, цена простого воспроизводства уменьшилась не менее чем в полтора-два раза. Но близость этого показателя к 1 свидетельствует не только об очень быстром росте экономичности воспроизводства, но и о том, что возможности ее дальнейшего

**Цена простого воспроизводства в некоторых странах
в 1965–1969 гг.**

Страна	Коэффициенты воспроизводства		Цена простого воспроизводства	Страна	Коэффициенты воспроизводства		Цена простого воспроизводства
	брутто	нетто			брутто	нетто	
СССР*	1,17	1,11	1,054	Англия и Уэльс	1,28	1,25	1,024
Венгрия	0,94	0,89	1,056	Франция	1,30	1,27	1,024
Чехословакия	1,14	1,11	1,027	Швеция	1,08	1,06	1,019
США	1,22	1,19	1,025	Япония**	1,08	1,05	1,029

* 1968–1969 гг. ** 1967 г.

Источники: [2: 87; 43: 380–387].

повышения практически исчерпаны. Возможно, конечно, еще некоторое снижение цены простого воспроизводства – теоретически до 1, но это не внесет уже принципиальных изменений в экономичность воспроизводства населения. Поэтому можно сказать, что современный тип воспроизводства не просто более экономичен, чем любой предшествующий, он – самый экономичный из всех возможных (во всяком случае, до тех пор, пока воспроизводство населения сохраняет основные черты естественного процесса размножения, свойственные человеку как биологическому виду). Благодаря изменившейся экономичности процесса воспроизводства сейчас в среднем рождение 200–250 детей в расчете на каждые 100 женщин какого-либо поколения обеспечивает тот же демографический результат, тот же уровень непрерывного возобновления поколений, который на протяжении большей части человеческой истории обеспечивало рождение 400–600 детей.

4.5. РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Под индивидуальным жизненным циклом мы понимаем последовательное размещение типичных событий биографии человека на протяжении всей его жизни от рождения до смерти. Конечно, человеческую жизнь лишь условно можно рассматривать как цикл, как замкнутый кругооборот (библейское “возвратишься в землю, из которой ты взят”). Выражение “жизненный цикл”

употребляется здесь для того, чтобы подчеркнуть неизбежную повторяемость определенных событий в жизни каждого человека из поколения в поколение. Естественную основу такой повторяемости составляют физиологические возрастные изменения (все люди в определенном возрасте переживают, скажем, период полового созревания, период старения и т.п.), но на эту основу накладывается ряд этапов социальной биографии каждого человека, характерных для того или иного общества (скажем, период получения образования, период трудовой деятельности и пр.).

Среди существенных событий, составляющих обязательную часть индивидуального жизненного цикла (обязательную для “среднего” человека, из общего правила всегда могут быть исключения), важное место принадлежит тем из них, которые связаны с продолжением рода и образуют демографический цикл человеческой жизни (вступление в брак, рождение детей и т.д.). При желании, в этом цикле можно усмотреть действительный кругооборот, который описывает жизнь каждого отдельного человека с момента его собственного рождения до появления на свет его детей.

У животных, особенно у низших, жизненный цикл почти или точно совпадает с воспроизводительным, прекратив давать потомство, они очень быстро завершают свой жизненный круг и погибают. Современный человек живет много лет после того, как прекращает выполнение своих демографических функций. Так, однако, было не всегда, эти “свободные” годы – ценнейший выигрыш, который несет человечеству его историческое развитие.

Человек никогда не имел, не имеет и, вероятно, не будет иметь в обозримом будущем абсолютной власти над своим биологическим бытием. Индивидуальная жизнь конечна, непрерывность существования человеческого вида предполагает постоянное угасание одних жизней и появление других. В основе этого непрерывного чередования рождений и смертей, всего процесса человеческого размножения лежат фундаментальные законы природы, которые человеку не дано изменить. Но люди могут познать эти законы и, благодаря этому, рационализировать свои отношения с природой. Подчиняясь естественной необходимости, они могут тем не менее выполнять вытекающие из нее требования “с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей” [9: 387].

Такую рационализацию и несет, в частности, демографическая революция, переход к современному типу воспроизводства населения.

При воспроизводстве населения традиционного типа у людей, как и у животных, жизненный цикл почти совпадал с демографическим циклом. Люди вступали в брак и начинали рожать очень

рано, заканчивали очень поздно и жили после этого недолго. Демографические события играли огромную роль в их жизни, смерти и рождения были ее постоянными частыми спутниками, теснейшим образом переплетались со всеми остальными сторонами их существования. Воспроизводство населения так же, как и материальное производство, принадлежит к области необходимости, диктуется “внешней целесообразностью”, и там, где оно занимает слишком много места в жизни человека, оно служит одним из главных препятствий расширению области свободы. Так и было при господстве традиционного типа воспроизводства населения.

Уже переворот в смертности резко меняет ситуацию. Он позволяет продлить время индивидуальной жизни “среднего” (а не исключительного) человека далеко за те пределы, которых требует минимальный “запас прочности”, необходимый для того, чтобы человечество не вымерло. Только благодаря этому люди получают огромную массу дополнительного “свободного” (свободного от забот, связанных с продолжением рода) времени. Но одновременно снижение смертности открыло путь перевороту в рождаемости, который повлек за собой полную перестройку индивидуального демографического цикла, сокращение его места во всем жизненном цикле, а значит, сужение области необходимости и расширение области свободы, области “развития человеческих сил, которое является самоцелью” [9: 387].

Ж. Фурастье дал сжатое описание тех изменений, которые произошли в жизненном цикле среднего западноевропейца между концом XVII и серединой XX в. в результате совершившихся за это время кардинальных демографических сдвигов. “В конце XVII в. жизнь среднего отца семейства, женившегося первый раз в 27 лет, можно было схематически представить следующим образом: он родился в семье, в которой всего было пятеро детей, но из них лишь половина дожила до 15 лет. Как и у его отца, у него самого было пятеро детей, из которых только двое или трое были живы к моменту его смерти” [28: 418]. Этот человек доживал до 52 лет – возраст по тем временам весьма почтенный. К моменту его смерти уже не было в живых ни одного из его бабушек и дедушек (трое из них умерли еще до его рождения), обоих его родителей и троих из его детей. В наше время такой “средний” человек рождается в семье, в которой всего трое детей, женится в 26 лет на 24-летней девушке и также имеет двоих-троих детей. Достигнув 50 лет, он имеет один шанс из двух прожить еще более 26 лет; 70–75-летний человек в наше время – обычное явление, тогда как прежде “старость была завершением необыкновенного жизненного пути; преодолев тысячи опасностей, “обманув смерть”, окруженный целой плеядой детей, внуков и племянников, старик считался и сам себя считал “мудре-

**Возраст женщины к моменту рождения последнего ребенка
(северо-запад Франции, браки, заключенные между 1670 и 1769 гг.)**

Возраст вступления в брак	Возраст в годах		Медианный интер- вал между вступле- нием в брак и пер- вым рождением в годах
	средний	медианный	
До 20 лет	38,7	39,0	1,40
20–24 года	39,6	40,6	1,06
25–29 лет	39,7	40,9	1,01

Источник: [32: 899, 909, 911].

цом”, обладателем магической силы...” [28: 419]. В прошлом в одном случае из двух дети умирали раньше своего отца, половина оставшихся теряла своего отца, не достигнув совершеннолетия. Средний возраст детей к моменту смерти одного из родителей составлял 14 лет. Ныне возраст “среднего” сына к моменту смерти отца приближается к 55–60 годам. Прежде родители умирали, как правило, до того, как их младшие дети заканчивали образование. Теперь нормальная супружеская пара на 15–20 лет переживает брак младшего из своих детей [28: 418–419].

Изменения в индивидуальном демографическом цикле принесли много нового “отцу семейства”, мужчине, но совершенно исключительным и по глубине, и по важности последствий было их влияние на жизнь женщины.

Чтобы обеспечить то высокое число рождений, которого требует традиционный тип воспроизводства населения, женщина должна посвятить вынашиванию, рождению, выкармливанию и вынянчиванию детей все время, прожитое в браке до конца репродуктивного периода ее жизни. Так и было в действительности во всем мире до начала перехода к современному типу воспроизводства населения. Благодаря историко-демографическим исследованиям последних десятилетий можно представить себе, как складывалась “репродуктивная жизнь” женщины в Западной Европе накануне демографической революции. Приведем для иллюстрации данные, относящиеся к Франции второй половины XVII в. – первой половины XVIII в. (табл. 4.5.1).

Женщина, вступавшая в брак до 20-летнего возраста и рождавшая первого ребенка менее чем через полтора года после свадьбы, продолжала рожать детей до 39 лет. Иначе говоря, ее репродуктивная деятельность длилась примерно 19–20 лет. Правда, как мы

Средние интервалы между рожденьями у женщин в возрасте до 30 лет
(в годах) (браки, заключенные между 1670 и 1769 гг.)

Возраст вступления в брак	Северо-западная часть Франции	Юго-западная часть Франции
До 20 лет	2,47	2,98
20–24 года	2,33	2,68
25–29 лет	2,11	2,27
<i>Источник: [32: 911].</i>		

видели ранее, в Западной Европе в это время преобладала поздняя брачность, что сокращало время фактической “репродуктивной жизни” женщины. Но классический традиционный тип воспроизводства не знает “европейской” брачности. В дореволюционной России, например, почти всеобщей была ранняя брачность, а средний возраст при рождении последнего ребенка, насколько об этом позволяют судить результаты ретроспективного выборочного обследования, был таким же, как во Франции в XVII–XVIII в.: у поколений женщин, родившихся в 1885–1889 гг., – 39,1 года, у поколений, родившихся в 1890–1894 гг., – 38,4 года [18: 108]. В современной Индии, по данным одного из обследований, медианный возраст женщины при рождении первого ребенка – 18,2 года, при рождении последнего – 37 лет [47: 363]. Таким образом, и здесь период, в течение которого женщина рождает детей (если ей, конечно, удастся не умереть и не овдоветь за это время), продолжается около 19 лет.

Было бы большой ошибкой думать, что на протяжении 15 или 20 лет между появлением на свет первого и последнего ребенка женщина могла позволить себе большие перерывы между рожденьями. До тех пор пока она сохраняла свою естественную плодовитость, рождения, а тем более беременности следовали одна за другой почти непрерывно. У знаменитого своей исключительно высокой рождаемостью французского населения Канады в начале XVIII в. интервалы между первыми несколькими рожденьями в среднем не достигали и двух лет [30: 85]. Но и в самой Франции, где рождаемость была несколько ниже, интервалы между рожденьями у женщин более молодых возрастов колебались в пределах от 2 до 3 лет (табл. 4.5.2).

Как правило, интервалы между рожденьями увеличивались по мере перехода к рожденьям более высоких порядков. Но, как свидетельствуют материалы по Франции, даже самые последние интервалы обычно если и превышали 3 года, то лишь незначительно (табл. 4.5.3).

**Интервалы между последовательными рождениями
в различных приходах Франции в XVII–XVIII вв.
(в годах)**

Приходы	Интервалы					
	между рождениями			пред- пред- послед- ний	пред- послед- ний	послед- ний
	первым и вто- рым	вторым и тре- тым	треть- им и четвер- тым			
Билер (браки 1740–1779 гг.)	1,98	2,27	2,50	2,59	2,62	3,18
Тезель-Сен-Сернен (браки 1700–1792 гг.)	2,12	2,50	2,68	2,72	2,81	3,19
Крюле (браки 1674–1742 гг.)	1,72	2,11	2,27	2,39	2,57	2,75
Три деревни Иль-де-Франс (браки 1740–1799 гг.)	1,65	1,95	1,94	2,25	2,43	2,93
Сэнгэн-ан-Мелантуа (браки до 1770 г.)	1,76	1,82	2,01	2,23	2,50	3,17
Сотвиль-де-Руан (браки 1760–1792 гг.)	1,60	1,83	–	1,98	2,27	2,50

Источник: [29: 175].

Как видим, интервалы между рождениями достаточно малы. Но к этому надо добавить некоторое (вероятно, немалое) число выкидышей и мертворождений, не поддающихся учету при анализе приходских книг (из них черпается приведенная выше информация), так что общее число беременностей окажется большим, чем число рождений живых детей, а интервалы между ними – соответственно меньшими. Практически вся жизнь замужней женщины была отдана производству потомства, при этом смерть детей, как правило, сводила на нет значительную часть ее усилий. Продолжение рода было священной обязанностью женщины, ее важнейшей социальной функцией, но в то же время оно было тяжким и неблагодарным трудом, которому женщина отдавала лучшие годы своей жизни, а нередко и саму жизнь.

Никакой прогресс не может, вероятно, освободить людей от забот о продолжении рода, женщину – от ее материнских обязан-

ностей. Но переход к рациональному типу воспроизводства населения позволяет безболезненно сократить – и очень значительно – ту часть жизни женщины, которую она неизбежно должна посвятить выполнению этих обязанностей. При этом женщина получает возможность выбирать тот период своей семейной жизни, когда выполнение материнских обязанностей для нее наиболее удобно.

Воздействие на рождаемость путем изменения норм брачности, которое развивается на ранних стадиях демографического перехода, позволяет сократить продолжительность периода репродуктивной деятельности женщины, но не позволяет свободно выбирать время рождения детей. Более того, оно неизбежно ведет к концентрации рождений в относительно старших возрастах, когда естественная плодовитость женщины уже идет на убыль. Это – одно из свидетельств внутренней противоречивости воздействия на рождаемость через брачность в новых условиях, его неадекватности этим условиям и в конечном счете ограниченности самого этого метода демографического регулирования.

Наоборот, переворот в рождаемости, связанный с переходом к ее внутрисемейному регулированию, открывает возможности контроля над “календарем” рождений. Теоретически этот контроль может проявляться в значительном увеличении интервалов между вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также между рожденьями, но практически основным оказывается другой путь – сокращение периода репродуктивной деятельности за счет более раннего ее завершения. Это обнаружилось уже у тех групп населения, которые первыми перешли к прямому контролю над своим репродуктивным поведением. В то время как у большинства населения Франции в XVII–XVIII вв. средний возраст женщины при рождении последнего ребенка приближался к 38–40 годам, у французских герцогов и пэров во второй половине XVII в. рождение детей заканчивалось в среднем к 31,2 года [41: 821], у женеvской буржуазии – к 34,3 года [31: 89].

По мере распространения современного типа рождаемости распространялось и ее омоложение. О нем можно, в частности, судить по доле рождений у женщин различных возрастов в суммарной рождаемости. Во Франции в последнем десятилетии прошлого века на долю женщин в возрасте до 25 лет приходилось 26,2%, в возрасте 25–29 лет – 29,3%, в возрасте 30 лет и старше – 44,4% суммарной рождаемости [19: табл. 5]. В других странах, как и следовало ожидать, положение было несколько иным, но оно быстро менялось (табл. 4.5.4).

На примере Швеции мы видим, как начиная с конца XIX в. нарастала доля младших репродуктивных возрастов в суммарной рождаемости. А это и значит, что все большее число женщин за-

Таблица 4.5.4

**Доля рождений у женщин разных возрастов
в суммарной рождаемости женщин Швеции (в процентах)**

Период	До 25 лет	25–29 лет	30 лет и старше
1891–1895	14,6	23,6	61,8
1896–1900	16,1	24,1	59,8
1901–1905	17,3	24,7	58,0
1906–1910	18,8	24,9	56,3
1911–1915	20,1	24,7	55,2
1916–1925	21,6	25,4	53,0
1926–1935	25,3	26,1	48,6

Источники: [35: 123; 25: 83].

Таблица 4.5.5

**Медианный возраст женщин США на различных стадиях
жизненного цикла (в годах)**

	Годы рождения женщин				
	до 1886 (квакеры)	1880– 1889	1900– 1909	1920–1929	1930– 1939
Первый брак	20,5	21,6	21,1	20,8	19,9
Рождение первого ребенка	...	22,9	22,6	23,0	21,5
Рождение последнего ребенка	37,9	32,9	30,4	30 – 31	...
Брак последнего ребенка	60,2	56,2	51,9	51,5 – 52,5	

Источники: [48: 281; 27: 294].

канчивали свою репродуктивную деятельность в относительно раннем возрасте. Сейчас, как правило, в экономически развитых странах на долю младших женских возрастов (до 25 лет) приходится не менее трети суммарной рождаемости, на долю женщин в возрасте 30 лет и старше – не более трети. В некоторых странах (например, в США) доля младших возрастов в суммарной рождаемости еще значительнее. По США имеются данные, которые дают представление о тенденциях изменений в индивидуальном жизненном цикле женщины (табл. 4.5.5).

Сходные тенденции наблюдаются и во всех других странах, в которых совершился переход к новому типу воспроизводства населения. В частности, в СССР доля женщин в возрасте до 25 лет

в суммарной рождаемости увеличилась с 1926–1927 по 1972–1973 гг. с 27,4% до 42,1%, а в возрасте до 30 лет – с 52,2% до 70,0% [2: 87; 18: 107]. Возраст женщины при рождении последнего ребенка также неуклонно снижался. Как уже отмечалось, по данным выборочного обследования у поколений женщин, родившихся в 1885–1889 гг., он составлял 39,1 года, в том числе в городах – 36,5 года, в сельской местности – 39,9 года. У поколений же, родившихся в 1905–1909 гг. и достигших 20-летнего возраста в 1925–1929 гг., средний возраст женщины при рождении последнего ребенка равнялся 34,2 года, в том числе в городах – 32,7 года, в сельской местности – 34,6 года [18: 108].

Общая линия развития, таким образом, заключается в том, что демографический цикл занимает все меньшее и меньшее место во всем жизненном цикле женщины, причем благодаря перевороту в экономичности воспроизводства, описанному в предыдущем параграфе, это не ставит под угрозу продолжение человеческого рода. Время жизни женщины может теперь использоваться совершенно иначе, она получает объективную возможность участвовать в общественном производстве и общественной деятельности, без чего ее равноправие с мужчиной остается только утопическим пожеланием.

Демографические основания традиционного неравноправия мужчины и женщины вообще недооцениваются. Ни у животных, ни у первобытного человека нет неравенства полов. Оно возникает в процессе исторического развития, которое в целом есть движение вперед, а не назад. Не женщина была низведена до положения, более низкого, чем она занимала в первобытной общине, а мужчина возвысился до нового статуса, связанного с расширением его экономических и социальных функций. Овладевая все более совершенными методами производства, мужская половина человечества расширяла свою власть над природой, создавала материальные предпосылки для дальнейшего развития, двигала общественный прогресс. Само активное участие мужчины в этом историческом процессе создавало условия для развития его личности. Но “производство самого человека”, бывшее обязанностью женщины, не поддавалось усовершенствованию, для нее область свободы, область развития личности практически не расширялась. Женщина объективно не могла стать равноправным участником исторического процесса, была обречена на роль несамостоятельного спутника мужчины, превращена в слугу мужа, “в рабу его желаний, в простое орудие деторождения” [22: 60]. На определенном историческом этапе женщина “отстала” от мужчины, произошло то “всемирно-историческое поражение женского пола”, о котором писал Ф. Энгельс [22: 60]. В утверждении гос-

подства мужчины над женщиной он видел “революцию – одну из самых радикальных, пережитых человечеством” [22: 59].

Наше время – эпоха всемирно-исторического освобождения женского пола, восстановления равноправия мужчины и женщины. Множество экономических, социальных, культурных, политических и прочих изменений слились в одном мощном процессе раскрепощения женщины, коренного изменения ее роли в семье и в обществе, завоевания ею полного и подлинного равноправия. Однако это не возврат к равноправию наших далеких предков, соответствовавшему условиям их полуживотного существования. Новое равноправие развивается на основе преобразованных тысячелетним развитием материальных и социальных условий жизни людей. Многие из них хорошо известны – например, современное общественно организованное производство, открывающее возможность для массового труда женщины вне домашнего очага. Но о бесшумных, кардинальных изменениях в демографической сфере часто забывают. Это несправедливо. Разве может стать свободной и равноправной женщина, вынужденная (вынужденная объективно!) отдать 20 лет своей сознательной жизни беременностям, родам, кормлению грудью и т.п.? Демографическая революция коренным образом меняет весь жизненный цикл женщины, а тем самым создает важнейшие материальные условия ее полного и окончательного социального освобождения.

4.6. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Воспроизводство населения рассматривается в этой книге как диалектическое единство двух полярно противоположных процессов: смертности и рождаемости. В соответствии с таким подходом охарактеризованные ранее перевороты в смертности и рождаемости могут рассматриваться как две стороны единого переворота в воспроизводстве населения, приводящего к смене его исторического типа – демографической революции. Демографической революции предшествует период кризиса старой системы демографических отношений и медленного созревания элементов новой их системы. На протяжении этого промежуточного периода объективная необходимость побуждает, выражаясь словами К. Маркса, “находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию” [1: 111], но смена типа воспроизводства, уничтожение “рамки традиции” совершается только в результате демографической революции. Весь период, включающий в себя как демографическую революцию, так и предшествующие ей подготовительные стадии, представляет собой период демографического перехода.

Неравномерность перестройки рождаемости и смертности в процессе демографического перехода, особенно на его революционной стадии, ведет к очень важному количественному результату – демографическому взрыву. Демографический взрыв, его продолжительность и “мощность” – следствие не демографической революции как таковой, а тех конкретных условий, в которых она протекает в различных странах и районах мира. Он приводит к огромному и очень быстрому увеличению численности населения земного шара. Увеличение темпов роста населения отдельных стран и всего мира – явление временное, с завершением демографической революции демографический взрыв прекращается.

Главное в демографической революции – это глубокие качественные изменения всей системы демографического регулирования, а потому и самого демографического процесса. Во второй и третьей главах были рассмотрены те из них, которые связаны либо только с рождаемостью, либо только со смертностью. Но некоторые изменения могут быть осознаны лишь при анализе воспроизводства населения в целом. Подчеркнем важнейшие из них:

- демографическое старение – сокращение доли младших и повышение доли старших возрастных групп в населении в результате установления новых соотношений между рождаемостью и смертностью при сохранении примерно тех же, что и раньше, темпов роста населения;

- повышение управляемости демографического процесса – резкое ограничение стихийных, неконтролируемых сил, их влияния на воспроизводство населения;

- повышение устойчивости демографического процесса – сокращение частоты и размаха подъемов и спадов рождаемости и смертности и переход к гораздо более плавной и равномерной динамике численности населения;

- повышение экономичности воспроизводства населения – сокращение числа рождений, необходимого для достижения того же демографического результата, который прежде обеспечивался только при почти полном использовании реальной плодovitости женщины;

- рационализация индивидуального жизненного цикла – сокращение той части человеческой жизни, которая обязательно должна быть отдана производству потомства, и огромное расширение свободного времени, которое в принципе может быть использовано для развития человеческой личности. Это особенно важно для женщины, ибо для нее такая рационализация играет роль одной из важнейших материальных предпосылок завоевания подлинного равноправия с мужчиной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Знать, понимать, оценивать, изменять” так определял задачи демографической науки А. Ландри [1: 10], так понимаем их и мы. Но успешность выполнения этих задач в очень большой мере зависит от общего концептуального взгляда на демографический процесс.

Идет ли речь обо всем мире или об отдельных странах, современная демографическая ситуация характеризуется огромной пестротой. Очень высокие уровни рождаемости и смертности соседствуют с очень низкими, стремительный рост населения – с очень медленным, общепринятость внутрисемейного регулирования рождаемости с его почти полным неприятием и т.п. Демографическое поведение горожан отличается от демографического поведения сельских жителей, рабочие ведут себя не так, как служащие, индийцы – не так, как японцы, христиане – не так, как мусульмане, католики – не так, как протестанты, – этот перечень можно продолжать до бесконечности. Чем объяснить все эти различия и как следует относиться к ним? Наблюдая различные формы демографического сознания и демографического поведения, вправе ли мы отдать предпочтение какой-либо одной из них? И если да, то какой? Наконец, можно ли повлиять на демографическое развитие той или иной страны, той или иной части населения, побудить его к движению в желаемом направлении?

Наш анализ был направлен на развитие такого концептуального объяснения демографической истории человечества, при котором последняя рассматривается как всеобщий объективный процесс восхождения от низшего к высшему. В главных чертах путь демографической эволюции для всех народов и для всех слоев населения в конечном счете один. Наблюдающиеся в настоящее время различия отражают – в основном и прежде всего – прохождение отдельных частей населения через различные стадии единой демографической эволюции, что

вытекает, разумеется, из пребывания их на различных этапах социально-экономического или культурного развития. Следовательно, демографические различия – это прежде всего различия исторические.

Сосуществующие во времени типы демографического сознания и демографического поведения связаны с определенными экономическими и социальными условиями, представляют собой часть определенной культуры, и никто не вправе сказать, что одни из них “хуже”, а другие – “лучше”, никто не вправе навязывать кому-либо свое понимание демографического идеала. И тем не менее динамически эти типы не равноценны, одни из них принадлежат прошлому, другие – будущему, одни обречены на отмирание, другие будут развиваться и укрепляться. Следовательно, далеко не во всяком направлении можно воздействовать на демографическое развитие с целью его изменения, поддержка отживших демографических типов не может быть успешной и едва ли может быть желательной. Если и удалось бы ценой больших усилий на какое-то время задержать демографическое развитие, это не вызвало бы ничего, кроме болезненных осложнений в социальном организме, о каком бы обществе ни шла речь. И наоборот, поддержка прогрессивных, “высших” типов демографического сознания и демографического поведения, объективные условия для которых уже наступили, может ускорить демографическое развитие, а тем самым и все социально-экономическое развитие.

Прогрессивность более высоких демографических форм неразрывно связана с прогрессивностью более высоких этапов социально-экономического развития. Эта связь двусторонняя. На протяжении всей книги мы старались показать, что демографические сдвиги всегда были естественной реакцией на изменения экономических и социальных условий жизни общества, следствием этих изменений. Но в то же время и демографические сдвиги выступали в качестве важнейшей предпосылки коренных социально-экономических перемен, оказывали и свое революционизирующее влияние на общественное развитие.

Таково, в частности, и влияние современной демографической революции. Ее историческое значение заключается в том, что, заменив один тип воспроизводства населения другим, она привела демографическое воспроизводство в соответствие с новыми техническими, экономическими и социальными условиями, которые оказались так же несовместимыми с традиционным типом воспроизводства населения, как, скажем, с системой натурального хозяйства.

Развитие материальных производительных сил, лежащее в основе всего исторического развития вообще, затрагивало прежде всего экономику производства вещей: совершенствовались орудия производства, расширялся круг включаемых в экономический оборот природных богатств, улучшались методы обработки земли и т.п. Но главная производительная сила общества – люди. Дважды на протяжении истории перевороты в материальных условиях производства затронули и “экономику” производства людей, что несомненно способствовало тому, что эти перевороты приобрели особенно грандиозные масштабы.

Добавление 2005 года

30 лет назад, когда писалась эта работа, ее автору, как и всем советским обществоведам, приходилось серьезно считаться с опасностью идеологических обвинений. Они могли быть адресованы как самому автору, так и защищаемой им научной концепции, что, по тогдашним понятиям, могло надолго блокировать ее распространение и использование в Советском Союзе. Одной из главных идеологических ересей тех лет считалась “теория конвергенции”, которая указывала на сходство основных тенденций развития в СССР и в западных странах, тогда как надлежало всячески подчеркивать абсолютную непохожесть “двух систем”, их принципиальное различие и безусловное превосходство “социализма” над капитализмом.

Теория демографического перехода, настаивающая на универсальном, общемировом характере нынешних демографических изменений, была в этом смысле, конечно, “еретической”, “буржуазной”, и не удивительно, что она была фактически неизвестна в СССР, ее огромное методологическое богатство практически не использовалось в советской демографии. Еще в книге, изданной в 1970 г., лишь глухо и неопределенно упоминалось о “так называемой теории транзисторной динамики народонаселения” [4: 55], хотя автор книги и признавал, что демографическая ситуация в развивающихся странах “несомненно представляет временную стадию перехода от характерного для колониальной эпохи типа воспроизводства населения с высокой рождаемостью и высокой смертностью к господствующему в индустриальных государствах типу с низкой рождаемостью и низкой смертностью” [4: 62]. И только в 1971 г. был опубликован сделанный за три года до этого на международной конференции в Варне доклад А.Я. Кваши, где была сделана попытка в явном виде приме-

нить теорию демографического перехода к анализу этапов демографического развития СССР [5: 77–87].

Ситуация в СССР и в самом деле давала все основания для применения теории демографического перехода, который происходил буквально на глазах у исследователей, все с большей убедительностью подтверждая правильность теории, ее аналитические и прогностические возможности. Тем не менее, появление моей статьи [3], в которой я попытался сформулировать и поддержать основные идеи теории, вызвало, если пользоваться стандартным клише, “неоднозначную реакцию”. Статья увидела свет в престижном и в то же время “идеологически надежном” журнале “Вопросы философии” и привлекла заметное внимание. Вскоре она была опубликована в переводе на английский и французский языки в изданном в Москве сборнике статей советских демографов [8; 9], дважды издавалась в Германии – в ГДР и в ФРГ [10; 11]. Во французском журнале “La Pensée” появилась рецензия на франкоязычный сборник, автор которой выделял эту статью как “наиболее интересную” и видел заслугу автора в том, что его подход позволяет “избежать эмпиризма и освободить понятие перехода от идеологической нагрузки – первый шаг к его конституированию как научной концепции” [7: 141–142].

Надо сказать, что все упомянутые издания позиционировали себя как марксистские, и по тем временам это было важно, с точки зрения возможностей дальнейшего использования методологии, вытекавшей из теории перехода, в советских демографических исследованиях, освобождения их от поверхностного описательства и приближения к пониманию реальности, от которого тогда они были довольно далеки.

Однако сами демографы были более бдительны. «Нетрудно увидеть, – писал один из них, – тесную связь “теории демографического перехода” и подобных ей концепций, игнорирующих самое главное содержание исторического развития – смену общественных формаций, с теорией индустриального общества и другими нынешними конструкциями буржуазной общественной науки. Их пропагандисты широко используют в своей аргументации сходство изменений основных демографических показателей в СССР и в развитых капиталистических странах... Чтобы правильно понять демографическую ситуацию в социалистических странах, вместо полумистического обязательного для всех закона “перехода” надо обратиться к конкретному анализу общественных условий... Такой анализ ставит... под сомнение сохранение упомянутого сходства по мере продвижения к коммунизму» [2: 67–68].

К моменту публикации моей книги упреки подобного рода участились и могли поставить под вопрос само ее издание, не го-

вора уже о ее дальнейшей судьбе. Поэтому приходилось идти на компромисс и указывать в разных местах книги на “принципиальные различия” в том, как реализуются универсальные закономерности демографического перехода при капитализме и социализме. В настоящем издании все подобные оговорки сняты, и читатель этого даже не заметит, они всегда были искусственным добавлением к уже готовому тексту.

Другим орудием защиты от обвинений в отсутствии “классового” и “формационного” подходов было обильное цитирование классиков марксизма. В Советском Союзе, где исповедовался обязательный, казенный марксизм, использование таких цитат было необходимым атрибутом любой обществоведческой работы, свидетельством ее идеологической благонадежности. Не была исключением и “Демографическая революция”. Разумеется, если бы я писал ее сегодня, таких цитат было бы меньше.

Однако это не значит, что приведенные в работе цитаты лишены содержательного (а не декоративного) смысла или что в глубине души я был не согласен с тем, что цитировал. Отнюдь нет. Поэтому почти все цитаты остались на своих местах, и сегодняшний читатель сам прекрасно сможет оценить уместность или неуместность их использования.

Сейчас бывшие страсти поутихли, и, казалось бы, упреки в признании «полумистического обязательного для всех закона “перехода”», равно как и призывы “обратиться к конкретному анализу общественных условий” вместо того, чтобы “теоретизировать”, развивая обобщенный, концептуальный взгляд на общемировые процессы, остался в советском прошлом. Эмпирическое знание, конечно, очень важно, но научный взгляд появляется тогда, когда начинается обобщение эмпирики, которое и содержалось в развивавшейся на протяжении всего XX в. теории демографического перехода. Скажем, в СССР были довольно хорошо изучены этнические различия в рождаемости. Однако простая констатация факта низкой рождаемости у народов европейской части страны и высокой рождаемости у народов Средней Азии или Закавказья сама по себе ничего не объясняла и не позволяла ничего предсказывать. А теория перехода позволяла делать и то, и другое, поскольку она исходит из того, что главные демографические различия *на этой стадии развития* – не географические, не этнические, не религиозные, а исторические, т.е. ослабевающие и исчезающие по мере исторической эволюции.

Но, оказывается, “выбор эволюционистского взгляда” был подсказан не желанием понять общую основу происходящих во всем мире демографических изменений, а “стремлением не выпячивать различия между регионами... Каждой республике было

отведено свое, точно определенное место внутри длинного пути, соответствующего стадийному историческому развитию. Считалось, что весь Советский Союз идет в направлении одной и той же цели, и различия между республиками объясняются лишь тем фактом, что некоторые из них продвинулись дальше по этому, одному для всех, пути модернизации, а другие, например среднеазиатские регионы, в большей или меньшей степени отстали... Такие параметры, как религиозное или социальное развитие, вообще не учитывались или представлялись в виде лишь одной из многих областей подобной эволюции. Подобный подход мы встречаем и у А.Г. Вишневого, когда он обращается к проблеме демографического перехода, служащего у него концептуальной базой для изучения модернизации (Вишневский 1976). Рассматривая демографический переход как неизбежный, хотя и не везде идущий с одинаковой скоростью процесс, он помещает все республики на один и тот же путь постепенного прогресса" [1: 18]. Остается добавить намек на поклонение "теории индустриального общества и другим нынешним конструкциям буржуазной общественной науки", и круг замыкается новыми поисками идеологической ереси, но уже с противоположным знаком.

В действительности в моей работе советским республикам отводится совсем немного места, а интерпретация демографических процессов в СССР ничем не отличается от интерпретации того, что происходило во всем мире. В ней нет никаких признаков того, что на настоящее или будущее демографических процессов, скажем, в Узбекистане, я смотрю иначе, чем на их настоящее или будущее в Индии или Алжире, или что демографический путь Украины мне представляется иным, чем демографический путь Франции, – в общих чертах, разумеется. Главный пафос книги в том и заключался, что в ней подчеркивалось отсутствие особаго "социалистического" демографического пути. Почему это не нравилось советским идеологическим евнухам, понять можно. Но почему это может вызывать неодобрение в научной среде 15 лет спустя после распада СССР, понять сложнее.

Если же говорить по существу, то действительно из теории перехода вытекало, что все республики СССР как и вообще все страны, в своем демографическом развитии должны пройти одни и те же стадии – одни и те же, разумеется, не в деталях, а в смысле общего направления движения и конечного результата. Ожидать чего-либо другого было бы столь же наивно, как думать, что яблоко Ньютона, в очередной раз сорвавшись с ветки, не упадет на землю, а взлетит вверх.

О том, что происходило с бывшими советскими республиками на самом деле, позволяет судить график на рис. 11.

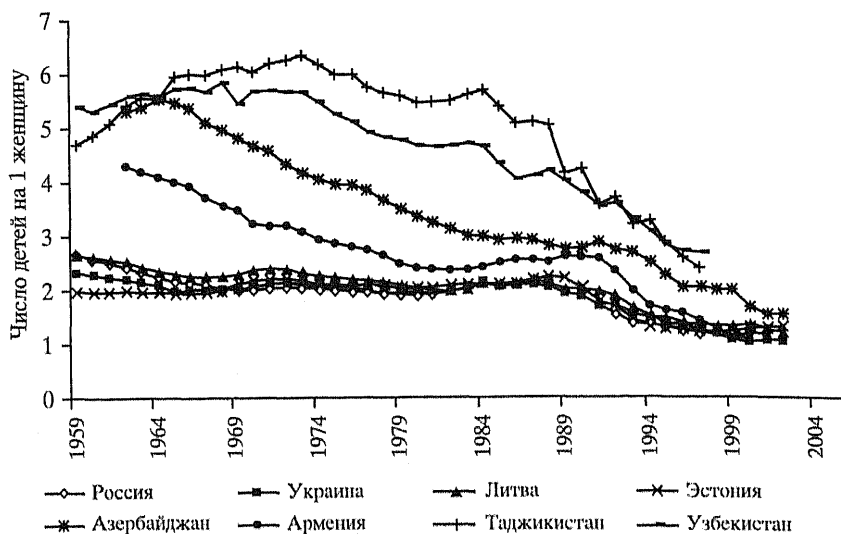

Рис. 11. Сближение коэффициентов суммарной рождаемости в некоторых бывших республиках СССР

Динамика рождаемости — главный показатель вовлечения страны в “неизбежный, хотя и не везде идущий с одинаковой скоростью процесс” демографического перехода. Он и на самом деле неизбежен, все страны, независимо от их исходного состояния, вовлекаются все больше в этот процесс буквально на наших глазах, о чем и свидетельствует график.

Чтобы ожидать чего-то иного, надо было рассчитывать либо на чудо, вроде вознесения падающего яблока, либо, как мы видели выше, на “продвижение к коммунизму”. Если же исключить и то, и другое, то остаются только сбывающиеся предсказания, вытекающие из теории демографического перехода.

Введение

1. *Майо Смит Р.* Статистика и социология. М., 1900.
2. *Павлик З.* Проблемы демографической революции // *Studia demograficzne.* 1970, № 22–23.
3. *Cowgill D.O.* Transition theory as general population theory // *Social demography* / Ed. by T.R. Ford et G.F. De Jong. Englewood Cliffs, N.J., 1970.

Глава 1

1. *Боярский А.Я.* Двести пятьдесят миллионов // *Новое время.* 1973. № 32.
2. *Брайант А.Т.* Зулуцкий народ до прихода европейцев. М., 1953.
3. *Бьерре И.* Затерянный мир Калахари. М., 1964.
4. *Вишневский А.Г.* Демографическая революция // *Вопросы философии.* 1973. № 2.
5. *Геодакян В.А.* О существовании обратной связи, регулирующей соотношение полов // *Проблемы кибернетики.* М., 1965. Вып. 13.
6. *Гузеватый Я.Н.* О социально-экономической обусловленности демографического развития мирового населения // *Народонаселение зарубежных стран.* М., 1974.
7. *Гузеватый Я.Н.* Общеметодологические принципы объяснения демографических процессов // *Вопросы философии,* 1974, № 9.
8. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // *Полн. собр. соч.* Т. 3. М., 1958.
9. *Ленин В.И.* Карл Маркс // *Полн. собр. соч.* Т. 26. М., 1961.
10. *Ленин В.И.* К вопросу о диалектике // *Полн. собр. соч.* Т. 29. М., 1963.
11. *Лэк Д.* Численность животных и ее регуляция в природе. М., 1957.
12. *Макфедьен Э.* Экология животных. М., 1965.
13. *Маркарян Э.С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
14. *Маркс К.* Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. М., 1957.
15. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. М., 1958.
16. *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. М., 1959.
17. *Маркс К.* Капитал.
 - а. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. М., 1961.
 - б. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. М., 1961.

18. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. 1. М., 1968.
19. Марксистско-ленинская теория народонаселения. Изд. 2-е. М., 1974.
20. *Массон В.М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Материалы и исследования по археологии СССР. № 180. Л., 1971.
21. Мировое демографическое положение в 1970 г. Исследования в области народонаселения, № 49, ООН. Н.-Й., 1972, А/49.
22. *Павлик З.* Вопросы перспективного исчисления населения в Чехословакии // Совершенствование планирования и управления народным хозяйством (к 90-летию академика С.Г. Струмилина). М., 1967.
23. *Панов Е.Н.* Организация и эволюция популяционных систем // Вопросы философии, 1973. № 11.
24. *Панов Е.Н.* Популяция и индивидуум: эволюция взаимоотношений // Природа, 1973. № 3.
25. *Уитти К.* Экология и управление природными ресурсами. М., 1971.
26. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Барникот П.* Биология человека. М., 1968.
27. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
28. *Шовен Р.* От пчелы до гориλλы. М., 1965.
29. *Шовен Р.* Поведение животных. М., 1972.
30. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. М., 1955.
31. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. М., 1961.
32. *Acsadi Gy., Nemeskéri J.* History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
33. *Birdsell J.B.* Some predictions for the pleistocene based on equilibrium systems among recent hunter-gatherers // *Man the hunter.* Chicago, 1968.
34. *Braidwood R.J., Reed C.A.* The achievement and early consequences of food production. A consideration of the archeological and natural-historical evidence // Cold Spring Harbor Symposia on quantitative biology. V. XXII. 1957.
35. *Carr-Saunders A.M.* The population problem. Oxford, 1922.
36. *Chauvin R.* Vue de démographie animale // *Population*, 1973. N 2.
37. *Childe G.* Man makes himself. L., 1941.
38. *Hollingsworth T.H.* Historical demography. L., 1969.
39. *Landry A.* La révolution démographique. P., 1934.
40. *Nougier L.R.* Géographie humaine préhistorique. P., 1959.
41. *Pavlik Z.* Nástin populačního vývoje světa. Praha, 1964.
42. *Reinhard M., Armengaud A.* Histoire générale de la population mondiale. P., 1961.
43. *Wynn-Edwards V.C.* Animal dispersion in relation to social behaviour. L., 1962.

Глава 2

1. *Бароян О.В.* Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека. М., 1962.
2. *Бароян О.В.* Судьба конвенционных болезней. М., 1971.
3. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956.
4. Вестник статистики
 - a. 1973, № 12.
 - b. 1974, № 2.

5. *Вогралик Г.Ф.* Учение об эпидемических заболеваниях. Томск, 1935.
6. Производство населения СССР. Под ред. А.Г. Вишневского и А.Г. Волкова. М., 1983.
7. Вторые десять лет Всемирной организации здравоохранения. 1958–1967. ВОЗ. Женева, 1969.
8. *Давыдовский В.И.* Геронтология. М., 1966.
9. *Де Кастро Ж.* География голода. М., 1954.
10. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (Сводный том). М., 1962.
12. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. М., 1969.
13. *Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. Т. II. М., 1931.
14. *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. М., 1957.
15. *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. М., 1961.
16. Народное хозяйство СССР
 - a. Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966.
 - b. Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. М., 1972.
 - c. Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974.
17. Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1974.
18. Народонаселение, снабжение продовольствием и развитие сельского хозяйства. Доклад, подготовленный Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО). Всемирная конференция по народонаселению. Бухарест, 1974, E/Conf 60/CBP/25.
19. Население СССР (численный состав и движение населения). 1973. Статистический сборник. М., 1975.
20. *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955.
21. *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.
22. *Новосельский С.А., Паевский В.В.* Таблицы смертности населения СССР // *Паевский В.В.* Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970.
23. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945.
24. *Птуха М.В.* Очерки по статистике населения. М., 1960.
25. *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
26. *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
27. *Фролькис В.В.* Регулирование, приспособление и старение. Л., 1970.
28. *Хлопин Г.В.* Гигиена и санитария с исторической точки зрения. СПб., 1897.
29. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. М., 1955.
30. *Acsádi Gy., Nemeskéri J.* History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
31. *Bourgeois-Pichat J.* Essai sur la mortalité "biologique" de l'homme // *Population*, 1952, N 3.
32. *D'Alembert.* Sur l'application du calcul de probabilités a l'inoculation de la petite vérole. Opuscules mathématiques, T. 2. 1761.
33. *Dublin L., Lotka A., Spiegelman M.* Length of life. N.Y. 1949.
34. *Dupâquier J.* Sur une table (prétendument) florentine d'espérance de vie // *Annales*, 1973. V. 28, N 4.
35. *Goubert P.* Cent mille provinciaux au XVII siècle. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. P., 1968.

36. *Hanslwwka H.* A keringési rendszer betegségéi és az emberi élettartam hossza // *Demographia*, 1972. N 2.
37. *Helleiner K.F.* The vital revolution reconsidered // *Population in history*. L., 1965.
38. *Henry L.* L'âge au décès d'après les inscriptions funéraires // *Population*, 1959. N 2.
39. *Hollingsworth T.H.* A demographic study of the British ducal families // *Population in history*. L., 1965.
40. *Hopkins K.* On the probable age structure of the Roman population // *Population Studies*, 1966, November.
41. *Keyfitz N., Flieger W.* World population. An analysis of vital data. Chicago-London, 1968.
42. *Mckeown T., Brown R.G., Record R.G.* An interpretation of the modern rise of population in Europe // *Population studies*, 1972. N 3.
43. *Nizard A., Vallin J.* Les plus faibles mortalités // *Population*, 1970. N 4.
44. *Preston S.H., Keyfitz N., Schoen R.* Causes of death. Life tables for national populations. N. Y.; L., 1972.
45. *Sauvy A.* Malthus et les deux Marx. P., 1963.
46. Statistisk årbok 1973. Oslo, 1973.
47. Statistisk årsbok for Sverige. 1951. Stokholm, 1951.
48. The determinants and consequences of population trends. UN. N.Y., 1953.
49. UN Demographic Yearbook
 - a. UN Demographic Yearbook, 1967.
 - b. UN. Demographic Yearbook, 1971.
 - c. UN. Demographic Yearbook, 1973.
50. World Health Statistics Annual. 1970. N 1, Genève, 1973.

Глава 3

1. *Борисов В.А.* Гипотетический минимум естественной рождаемости // Вопросы статистики населения, народного благосостояния и сельскохозяйственной статистики. Труды МЭСИ. М., 1971.
2. *Борисов В.А.* Использование коэффициента ГМЕР для характеристики уровня рождаемости // Население и народное благосостояние. Труды МЭСИ. М., 1972.
3. Вестник статистики, 1971. № 12.
4. *Вигдорчик Н.А.* Детская смертность среди петербургских рабочих // Общественный врач, 1914. № 2.
5. *Волков А.Г.* О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения. М., 1968.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 51. М.; Л., 1931.
7. *Ганди М.* Моя жизнь. М., 1969.
8. *Гиляровский Ф.В.* Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб., 1866.
9. Двенадцатый Пироговский съезд. Вып. II.
10. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. Т. 1, вып. II.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. (Сводный том). М., 1962.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972.
13. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. М., 1969.
14. *Левада Ю.А.* Социальная природа религии. М., 1965.
15. *Ленин В.И.* Рабочий класс и неомальтузианство // Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1961.

16. Ленин В.И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства // Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1963.
17. Луния Б.Н. История индийской культуры с древних веков до наших дней. М., 1960.
18. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895.
19. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1961
20. Маркс К. Экономические рукописи 1957–1959 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. М., 1968.
21. Народное хозяйство СССР 1922–1972. М., 1972.
22. Население СССР: численный состав и движение населения. 1973: Стат. сборник. М., 1975.
23. Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова. Двенадцатый Пироговский съезд. Вып. II. СПб., 1913.
24. Паевский В.В. К вопросу о рождаемости в Ленинграде (по материалам статистики абортот) // Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970.
25. Паевский В.В. О сводных характеристиках воспроизводства и перспективных исчислениях населения // Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970.
26. Птухи М.В. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945.
27. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.
28. Руссо Ж.-Ж. Эмил, или о воспитании // Избранные сочинения в трех томах. Т. I. М., 1961.
29. Санитарно-демографические материалы зарубежных стран. Под ред. А.М. Меркова. Вып. 1. М., 1959.
30. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.
31. Сифман Р.И. Размещение рождений в течение периода плодовитости женщин в СССР // Факторы рождаемости. М., 1971.
32. Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит К. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Л., 1969.
33. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Полн. собр. соч. Т. 25. М., 1937.
34. Томилин С.А. Аборт в связи с генеративной функцией женщины // Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973.
35. Томилин С.А. К вопросу о плодовитости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность // Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973.
36. Тревишьян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959.
37. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.
38. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.
39. Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968.
40. Цеткин К. Из записной книжки // Воспоминания о Ленине. Т. 2. М., 1957.
41. Шлиндман Ш., Звидрины П. Изучение рождаемости. М., 1973.
42. Энгельс Ф. Политическое положение Швейцарской республики // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. М., 1957.
43. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика населения. СПб., 1892.
44. Agarwala Sh.N. Mean ages of marriage and widowhood in India // Proceedings of the International population conference. N.Y., 1961.
45. Agarwala Sh.N. Widowhood age and length of fertile union in India // World views of population problems. Budapest, 1968.
46. Annuaire statistique de la France. Résumé rétrospectif. 1966.
47. Bergues H. e.a. La prévention des naissances dans la famille. Paris, 1960.
48. Biraben J.-N. Sur révolution de la fécondité en Europe occidentale. Conférence Démographique Européenne. Strasbourg, 1966. P. I.

49. *Bogue D.J.* Principles of Demography. N.Y.; L.; Sydney; Toronto, 1969.
50. *Bunle H.* Le mouvement naturel de la population dans le monde de 1906 à 1936. P., 1954.
51. *Coale A.J.* Factors associated with the development of low fertility; an historic summary // UN World Population Conference, Belgrade, 1965. N.Y., 1967. V. 2.
52. *Connell K.H.* The population of Ireland, 1750–1845. Oxford, 1950.
53. *Dublin L., Lotka A., Spiegelman M.* Length of life. N.Y., 1949.
54. Family planning in Japan. Tokyo, 1970.
55. Fertility trends and differentials in Arab countries. Cairo, 1971.
56. Fertility trends in the world. World Population Conference, Bucharest, 1974, E/Conf. 60/CBP/16/
57. *Festy P.* Evolution de la fécondité en Europe occidentale depuis la guerre // Population, 1970. N 2.
58. *Glass D.V.* Fertility trends in Europe since the Second World War. Fertility and family planning: a world view. Ann Arbor, 1969.
59. *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // Population in history. L., 1965.
60. *Hajnal J.* The marriage boom // Population index, 1953. N 2.
61. *Henripin J.* La population canadienne au début du XVIIIe siècle. P., 1954.
62. *Henry L.* Anciennes familles génevoises. P., 1956.
63. *Henry L.* La fécondité naturelle. Observation, théorie, résultats // Population, 1961. N 4.
64. *Henry L.* Fécondité des mariages dans le quart Sud-Ouest de la France de 1720 à 1829 // Annales, 1972. N 3.
65. *Henry L.* The population of France in the eighteenth century // Population in history. L., 1965.
66. *Henry L., Houdaille J.* Fécondité des mariages dans le quart Nord-Ouest de la France de 1670 à 1829 // Population, 1973. N 4–5.
67. *Himes N.* Medical history of contraception. N.Y., 1963.
68. *Hofsten E.* The Swedish population 1750–1950. Stockholm, 1972.
69. *Hollingsworth T.H.* A demographic study of the British ducal families // Population in history. L., 1965.
70. *Kuczynski R.* The balance of births and deaths. V. I. N.Y., 1928.
71. *Kuczynski R.* The measurement of population growth. N.Y.; L.; P., 1969.
72. *Lorimer F. e. a.* Culture and human fertility. P., 1954.
73. *Matthiessen P.C.* Some aspects of the demographic transition in Denmark. Copenhagen, 1970.
74. *Mitra A.* The small family norms and literacy // Family Planning News, X. N 2.
75. *Moheau J.–B.* Recherches et considérations sur la population de la France. P., 1778. T. 2.
76. Population Index
 - a. Population Index, 1972. V. 36, N 3.
 - b. Population Index, 1974. V. 38, N 2.
77. Recent population trends and future prospects. UN World Population Conference, Bucharest, 1974. E/Conf. 60/3.
78. *Sundbärg G.* Bevölkerungsstatistik Schwedens, 1750–1900 // Urval, N 3, 1970.
79. *Taeuber J.B.* Growth of the population of the United States in the twentieth century // Demographic and social aspects of population growth. The Commission on population growth and the American future research reports. Washington, 1972.
80. The demography of Tropical Africa. Princeton (N.J.), 1968.

81. The determinants and consequences of population trends. UN, N.Y., 1973.
82. UN Demographic Yearbook
 - a. UN Demographic Yearbook 1949/1950.
 - b. UN Demographic Yearbook 1954.
 - c. UN Demographic Yearbook 1959.
 - d. UN Demographic Yearbook 1965.
 - e. UN Demographic Yearbook 1969.
 - f. UN Demographic Yearbook 1971.
 - g. UN Demographic Yearbook 1973.
83. *Voltaire*. Oeuvres complètes. Paris, 1879. T. 25.
84. *Wrigley E.A.* Family limitation in pre-industrial England // The Economic History Review. Second series. V. XIX. N 1 (1966).

Глава 4

1. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IX. М., 1941.
2. Вестник статистики. 1974. № 12.
3. *Кенэ Ф.* Избранные экономические сочинения. М., 1960.
4. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. М., 1969.
5. *Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. Т. I. М., 1931.
6. *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. М., 1957.
7. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. М., 1958.
8. *Маркс К.* Гражданская война во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. М., 1960.
9. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. II. М., 1962.
10. Марксистско-ленинская теория народонаселения. Изд. 2-е. М., 1974.
11. Мировые и региональные перспективные оценки в области народонаселения: Доклад, подготовленный секретариатом ООН для Всемирной конференции по народонаселению. Бухарест, 1974. E/Conf 60/CBP/15.
12. Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1974.
13. Население СССР: Справочник. М., 1974.
14. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. III. М., 1899. Кн. XXXVII, 9.
15. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945.
16. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
17. *Россет Э.* Процесс старения населения. М., 1968.
18. *Сифман Р.И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.
19. Социально-демографические материалы зарубежных стран / Под ред. А.М. Меркова. Вып. 1. М., 1959.
20. *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
21. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
22. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. М., 1961.
23. *Bennett M.K.* The world's food. A study of the interrelations of world populations, national diets and food potentials. N. Y., 1954.
24. *Bourgeois-Pichat J.* The general development of population of France since the eighteenth century // Population in history. L., 1965.
25. *Bunle H.* Le mouvement naturel de la population dans le monde de 1906 à 1936. P., 1954.
26. *Coale A.J., Demeny P.* Regional model life tables and stable populations. Princeton, 1966.
27. Demographic and social aspects of population growth. The Commission on population growth and the American future research reports. V. 1. Washington, 1972.

28. *Fourastié J.* De la vie traditionnelle à la vie "tertiaire". Recherches sur le calendrier démographique de l'homme moyen // *Population*, 1959. N 3.
29. *Guillaume P., Poussou J.-P.* Démographie historique. P., 1970.
30. *Henripin J.* La population canadienne au début du XVIIIe siècle. P., 1954.
31. *Henry L.* Anciennes familles genevoises. P., 1956.
32. *Henry L., Houdaille J.* Fécondité des ménages dans le quart Nord-Ouest de la France de 1670 à 1829 // *Population*. 1973. N 4–5.
33. *Keylitz N., Flieger W.* World population. An analysis of vital data. Chicago; L., 1968.
34. *Kuczynski R.* The balance of births and deaths. V. I. N.Y., 1928.
35. *Kuczynsky R.* The measurement of population growth. N.Y.; L.; P., 1969.
36. *Landry A.* La révolution démographique. P., 1934.
37. *Landry A.* Traité de démographie. P., 1945.
38. *Laslett P.* Introduction: The history of family // *Household and family in past time*. Cambridge, 1972.
39. *Laslett P.* Mean household size in England since the sixteenth century // *Household and family in past time*. Cambridge, 1972.
40. Le concept de population stable. NU, N.Y., 1966.
41. *Levy Cl., Henry L.* Ducs et pairs sous l'Ancien Régime // *Population*. 1960. N 5.
42. *Pavlk Z.* Nástin populačního vyvoje světa. Praha, 1964.
43. *Population Index*. 1974. N 2.
44. Recent population trends and future prospects: UN World Population Conference, Bucharest, 1974. E/Conf. 60/3. Annex 2.
45. *Statistisk årsbok for Sverige*.
 a. *Statistisk årsbok for Sverige*. 1951. Stokholm, 1951.
 b. *Sfatistisk årsbok for Sverige*. 1954. Stokholm, 1954.
46. *Sundbärg G.* Bevolkerungsstatistik Schwedens, 1750–1900 // *Urväl*. 1970. N 3.
47. The determinants and consequences of population trends. V. I. UN, N.Y., 1973.
48. *Wells R.* Demographic change and the life cycle of American families // *The Journal of interdisciplinary history*. 1971. N 2.

Заклучение

1. *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005.
2. *Боярский А.Я.* К "проблеме населения" // *Боярский А.Я.* Население и методы его изучения. М., 1975.
3. *Вишневский А.Г.* Демографическая революция // *Вопросы философии*. 1973. № 2. С. 53–64.
4. *Гузеватый Я.Н.* Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970.
5. *Кваиа А.Я.* Этапы демографического развития СССР // *Факторы рождаемости* / Под ред. А.Г. Волкова. М., 1971.
6. *Landry A.* Traité de démographie. P., 1945.
7. *La Pensée*. Revue du rationalisme moderne. № 185. 1976. Février.
8. *Vichnevski A.* La révolution démographique // *Problèmes de la population*. IIe livraison. Problèmes du monde contemporain, Moscou, 1974, 1(25).
9. *Vishnevsky A.* The Demographic Revolution // *Population Problems*. Issue Two. Problems of the Contemporary World, Moscow, 1974, 1(26).
10. *Višnevskij A.G.* Die demographische Revolution // *Theorie und Methode III. Demographie*. Einführung in die marxistische Bevölkerungswissenschaft. Frankfurt am Main. Herausgegeben vom Institut für Marxistische Studien und Forschungen (IMSF), 1980.
11. *Wichnevski A.G.* Die demographische Revolution // *Sowietwissenschaft*. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, Berlin, 1973, 6.

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

РАННИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО ТИПА РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ¹

Стремительное снижение рождаемости, происходившее в СССР в течение нескольких последних десятилетий и не прекратившееся еще и сейчас, нельзя понять, если не обратиться к его отдаленным историческим истокам.

Дореволюционная Россия была страной очень высокой рождаемости, спустя примерно десять лет после революции рождаемость в стране стала быстро падать. Связано ли это падение только с новыми социально-экономическими условиями или оно было подготовлено всем предшествующим развитием? Если верно последнее, то в чем заключалась такая подготовка и была ли она повсеместной?

Еще и сейчас существуют огромные различия в рождаемости между отдельными районами СССР, можно предположить, что в основе своей – это различия исторические. Но чтобы убедиться в этом, лучше понять корни этих различий, следует обратиться к истории. И прежде всего нужно исследовать важнейшие черты и тенденции рождаемости того исторического периода, который непосредственно предшествовал современному – пореформенной эпохи, эпохи развития российского капитализма с 1861 по 1917 г.

Достоверные статистические данные о рождаемости за весь интересующий нас период имеются лишь по 50 губерниям Европейской России. Эти данные и анализируются ниже, хотя, как мы полагаем, сделанные на основе такого анализа выводы помогают понять процессы, происходившие и в других частях страны.

На протяжении всей пореформенной эпохи, вплоть до Октябрьской революции, рождаемость в Европейской России была

¹ Впервые опубликовано в книге: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М., "Статистика", 1977. С. 105–134. Печатается с сокращениями.

намного выше, чем в передовых капиталистических странах того времени, что осознавалось современниками как одна из черт тогдашней российской отсталости.

Как писал в начале века известный русский демограф П.И. Куркин, “существующий в данное время уровень рождаемости чрезмерно далеко отстоит от той ее нормы, при которой наибольший прирост населения достигается с наименьшими потерями, неизбежными в деле производства потомства Наоборот, потери так велики, что при самом широком производстве получается совершенно малый прирост. Поэтому есть полное основание, по нашему мнению, ожидать, что улучшение экономических, гигиенических и т.д. условий... у нас в России, скорее всего, должно привести к *понижению рождаемости* населения, к достижению той его наиболее полезной нормы, которая обеспечила бы как удовлетворительный прирост, так и сохранение бесполезно растрачиваемых в настоящее время производительных сил населения и создание более крепкого и жизнеспособного потомства [10: 87].

На пути достижения “наиболее полезной нормы” рождаемости в России стояли два главных препятствия Во-первых, высокая смертность, особенно детская, делавшая высокую рождаемость непременным условием выживания населения. Во-вторых, система культурных норм и ценностей, отражавших объективные условия существования людей в прошлом (в том числе и высокую смертность) и определявшая в основных чертах их демографическое поведение. На протяжении многих столетий эти нормы и ценности оставались в общих чертах неизменными и всегда требовали такого поведения, которое, в конечном счете, и обуславливало высокую рождаемость.

Однако даже то, что не менялось в России много столетий подряд, не могло оставаться неизменным во второй половине XIX в., когда страна вступила на путь интенсивного развития капитализма. Начавшееся в этот период снижение смертности постепенно подрывало демографические основы высокой рождаемости. Но еще большее значение имела всеобщая ломка патриархальных устоев русской жизни, всей системы традиций, отношений, ценностей и норм поведения, которая до этого веками существовала и упрочивалась.

Если судить об изменениях рождаемости по динамике ее общего коэффициента в целом по Европейской России, то создается впечатление, что вплоть до начала нынешнего столетия в демографическом поведении ее населения ничего не менялось. Попробуем, однако, более внимательно проанализировать как динамику показателей, так и те подспудные процессы, которые на-

ходят выражение в этой динамике, обратив особое внимание на дифференциацию демографических процессов в пореформенной России.

Традиционные нормы демографического поведения были хорошо согласованы с условиями крестьянской жизни и составляли неотъемлемую часть системы культурных норм и ценностей, регламентировавших все стороны поведения русского крестьянина, а, значит, практически почти всего населения страны.

Однако в процессе развития капитализма быстро увеличивались слои населения, не связанные непосредственно с сельским хозяйством и с деревней вообще. Эти группы населения все более определенно локализовались в городах, все больше удалялись от условий деревенской жизни, порывали с ее традициями и культурой. Поэтому вполне естественно ожидать, что и сдвиги в демографическом поведении в первую очередь должны были коснуться городского населения.

Дореволюционная статистика позволяет выделить показатели, относящиеся к городам, в том числе важнейшим², на дифференциации некоторых из этих показателей у городского и сельского населения мы остановимся ниже. Следует, однако, иметь в виду, что деление населенных пунктов на городские и сельские в России во второй половине XIX в. устарело, не отражало новейших изменений в жизни страны, возникновения новых фабрично-заводских центров, население которых и по характеру занятий, и по культуре было в гораздо большей степени городским, чем население, скажем, Касимова или Моршанска, по старинке относившихся к важнейшим городам.

Кроме того, капиталистические отношения все глубже проникали и в деревню. И здесь получали развитие многообразные формы, в которых происходило постоянное отвлечение населения от сельскохозяйственных занятий к торгово-промышленным (например, отхожие промыслы), и быстрое распространение капиталистических отношений, а вместе с ними и капиталистической культуры, элементов нового образа жизни.

Глубина перемен в жизни населения отдельных районов России была не одинаковой, поскольку не одинаковыми были исходные условия, сложившиеся к 60-м гг. XIX в. в результате предшествующего развития, не одинаковыми были и сами процессы капиталистического развития в пореформенную эпоху. В одних районах капитализм развивался "вглубь" на уже подготовленной

² К числу важнейших дореволюционная статистика относила около 80 городов, список которых почти не изменялся на протяжении всего рассматриваемого периода.

почве, здесь и демографические перемены могли идти быстрее. В других районах преобладало развитие капитализма “вширь”, и традиционные демографические отношения могли какое-то время оставаться почти в нетронутом виде.

В силу сказанного нельзя ограничиться анализом дифференциации демографических процессов только у городского и сельского населения, а надо рассмотреть их более широкую территориальную дифференциацию с учетом особенностей социально-экономического развития отдельных районов страны как в эпоху развития капитализма, так в известной мере и в предшествующие исторические периоды (особенностей исторических судеб, религии, национальных традиций и т.п.).

С целью такого анализа воспользуемся группировкой 50 губерний Европейской России, предложенной В.И. Лениным при изучении роста торгово-промышленного населения во второй половине прошлого века [11: 565]. Мы лишь объединим некоторые группы губерний, сократив их общее число с 9 до 6. Выделенные группы губерний характеризуются показателями, приведенными в табл. 1.

Этой группировкой мы воспользуемся в дальнейшем для дифференцированного анализа изменений в рождаемости населения Европейской России.

Решающее влияние на рождаемость оказывает, с одной стороны, матримониальное поведение населения, от которого зависит процесс заключения и отчасти прекращения браков, с другой стороны, демографическое поведение супругов в браке, определяющее уровень брачной рождаемости. Некоторое значение имеет также внебрачная рождаемость.

Изменения в матримониальном поведении. Репродуктивный период жизни женщины длится примерно от 15 до 50 лет. Та часть этого периода, которая оказывается прожитой в браке, зависит от возраста вступления в первый брак, частоты разводов и повторных браков, степени окончательного безбрачия, словом, от всего того, что можно объединить в понятии матримониального поведения населения. Известно, что в Западной Европе очень большую роль в снижении рождаемости сыграли именно изменения в матримониальном поведении, приведшие к значительному массовому откладыванию браков. Здесь издавна сформировался так называемый европейский тип брачности [21], для которого были характерны очень позднее вступление в первый брак и высокая доля лиц, вообще остающихся вне брака. При такой брачности среднее время, прожитое в браке каждым поколением женщин, было намного меньше возможного, что само по себе вело к существенному снижению рождаемости.

Некоторые характеристики групп губернии Европейской России

Губернии	Количество губерний	Доля в населении Европейской России в 1897 г., %	Доля городского населения, %	Доля занятых вне сельского хозяйства
I. Неземледельческо-промышленные	11	18,2	21,5	40,5
II. Центральные земледельческие	13	30,0	10,0	18,2
III. Окраинные земледельческие, колонизировавшиеся в пореформенную эпоху	9	19,6	13,5	24,7
IV. Западные и юго-западные	9	21,0	10,7	26,7
V. Северные и североуральские	5	8,6	5,0	18,1
VI. Прибалтийские	3	2,6	25,7	43,7
Всего	50	100,0	12,9	26,0

Примечание. Состав выделенных групп: I. С.-Петербургская, Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская, Ярославская губернии; II. Воронежская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская губернии; III. Астраханская, Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Оренбургская, Самарская, Таврическая, Уфимская, Херсонская губернии; IV. Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская губернии; V. Архангельская, Вологодская, Вятская, Олонецкая, Пермская губернии, VI. Курляндская, Лифляндская, Эстляндская губернии

Источник: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Ч. I. С. 9, 13; Ч. II. С. 302–315.

Подавляющее большинство населения Европейской России не знало ни существенного откладывания браков, ни значительного безбрачия. В то время как во второй половине XIX в. во многих европейских странах ни разу не были замужем 60–70% всех женщин в возрасте 20–29 лет и свыше 15% женщин в возрас-

те 45–49 лет, в Европейской России в 1897 г. соответствующие показатели составляли 23% и примерно 5%.

Это не значит, однако, что в интересующий нас период брачность в Европейской России оставалась нечувствительной к веяниям времени и не претерпевала никаких изменений. Наиболее подробно можно проанализировать эти изменения в той части, в какой они затронули возраст вступления в первый брак.

Поскольку мы не располагаем данными о брачном состоянии населения по возрасту за длительное время, нам придется воспользоваться менее точными данными о распределении всех вступающих в брак по возрасту. Этот показатель испытывает влияние изменений возрастной структуры населения, которые, впрочем, не были значительными в рассматриваемый период и не могут сколько-нибудь существенно исказить результаты анализа. Кроме того, мы имеем данные о распределении *всех* браков, доля ранних браков среди *первых* браков, вероятно, была бы более высокой. Но, несмотря на все эти недостатки исходных данных, их анализ позволяет выявить некоторые тенденции изменений в брачности.

Уже в начале пореформенного периода, несмотря на явное преобладание в целом традиционной ранней брачности, различные части населения Европейской России не были в этом отношении совершенно однородными. Это хорошо видно на рис. 1, где показаны различия в доле ранних (до 21 года) замужеств по губерниям Европейской России в конце 60-х годов XIX века. В основе такой территориальной дифференциации брачности лежали в основном исторически сложившиеся экономические, этнокультурные и религиозные различия.

Прежде всего отметим, что в России издавна существовала небольшая зона распространения “европейской” брачности. Согласно Дж. Хаджналу, “европейская” брачность преобладала в Европе к западу от прямой линии, соединяющей Санкт-Петербург и Триест. Эта условная граница проходила через территорию прибалтийских губерний России (Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской; к ним примыкала также Виленская губерния), населенных в основном католиками и протестантами.

В 1870 г. на долю лиц этих двух вероисповеданий пришлось от 66% всех заключенных браков в Виленской до 98% в Эстляндской губернии [Статистический временник 1879: 60–61]. Католическое и протестантское население Прибалтики исторически имело много общего с западноевропейскими странами в социально-экономическом, культурном и других отношениях, понятны и общие черты их демографического развития. Как показывают историко-демографические исследования (см., в частности: [15]),

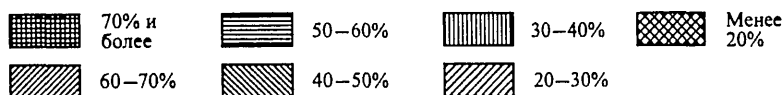
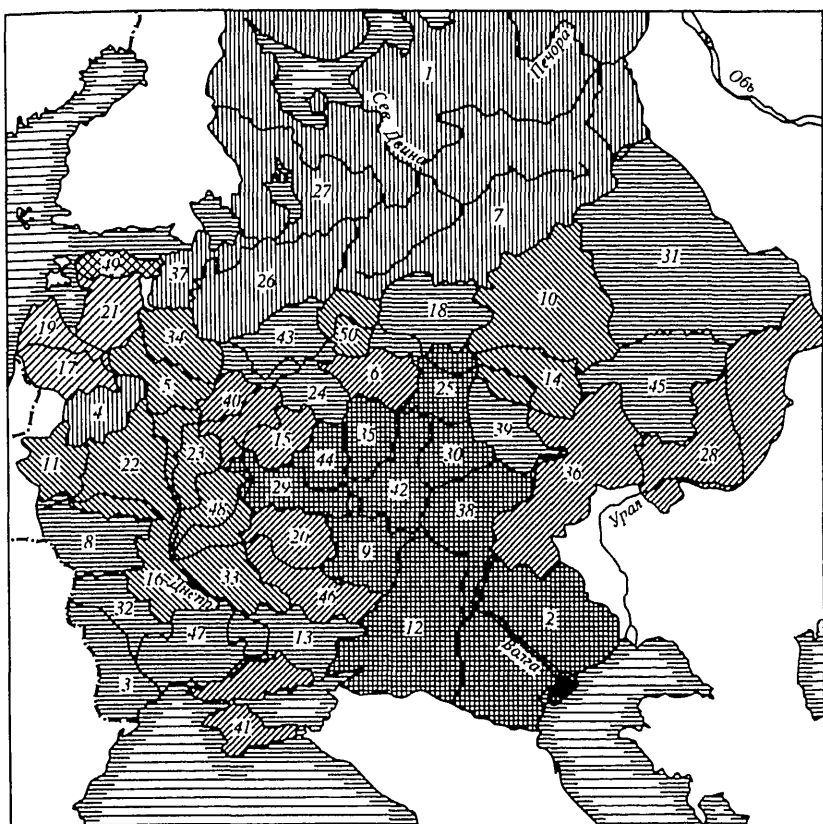

Рис. 1. Доля невест в возрасте 20 лет и моложе в общем числе невест в 1867–1870 гг., в % (50 губерний Европейской России)

Губернии: 1 – Архангельская; 2 – Астраханская; 3 – Бессарабская; 4 – Виленская; 5 – Витебская; 6 – Владимирская; 7 – Вологодская; 8 – Волынская; 9 – Воронежская; 10 – Вятская; 11 – Гродненская; 12 – Донского Войска; 13 – Екатеринославская; 14 – Казанская; 15 – Калужская; 16 – Киевская; 17 – Ковенская; 18 – Костромская; 19 – Курляндская; 20 – Курская; 21 – Лифляндская; 22 – Минская; 23 – Могилевская; 24 – Московская; 25 – Нижегородская; 26 – Новгородская; 27 – Олонецкая; 28 – Оренбургская; 29 – Орловская; 30 – Пензенская; 31 – Пермская; 32 – Подольская; 33 – Полтавская; 34 – Псковская; 35 – Рязанская; 36 – Самарская; 37 – С.-Петербургская; 38 – Саратовская; 39 – Симбирская; 40 – Смоленская; 41 – Таврическая; 42 – Тамбовская; 43 – Тверская; 44 – Тульская; 45 – Уфимская; 46 – Харьковская; 47 – Херсонская; 48 – Черниговская; 49 – Эстляндская; 50 – Ярославская

в Прибалтике уже в XVIII в. ранние браки (до 20 лет) были редкими, а процесс вступления в брак каждого поколения растягивался на долгие годы. Относительно высокая доля католиков и протестантов (от 20 до 30% всех браков в 1870 г.) оказывала понижающее влияние на уровень ранней брачности и в соседних с прибалтийскими Гродненской, Витебской и С.-Петербургской губерниях. После прибалтийских обращают на себя внимание сравнительно поздней брачностью северные губернии – Архангельская, Олонецкая, Вологодская и Новгородская. В “Статистическом Временнике Российской Империи” это явление объяснялось следующим образом: “Причины этого факта станут понятны, если сообразить, что трудность обработки почвы и другие невыгодные условия сельского хозяйства в северной России заставляют, с одной стороны, очень дорожить рабочими силами и поэтому как можно позже женить или выдавать замуж молодых членов семьи, а, с другой стороны, те же самые условия в значительной степени замедляют приобретение средств, необходимых для заведения самостоятельного хозяйства” [17: 29]. Логика этого объяснения представляется нам не слишком убедительной, особенно если учесть, что вступление в брак в середине прошлого века далеко не всегда влекло за собой создание самостоятельного хозяйства. Причины относительно низкой доли ранних браков в северной России в прошлом столетии, видимо, нуждаются в специальном изучении.

Но в целом для Европейской России было типично раннее и почти всеобщее вступление в брак. Это было одной из наиболее характерных черт традиционного матримониального поведения, неразрывно связанного с особенностями крестьянского быта, со всем тысячелетним укладом жизни русского аграрного общества. Известно, что в XVI–XVII вв. “русские женились очень рано. Бывало, что жених имел от 12 до 13 лет... Редко случалось, чтобы русский долго оставался неженатым...” [8: 226]. “Предки наши имели обыкновение женить своих детей в малолетстве, и это было в обычае не только между простым сословием, но между дворянством и великими князьями. В брак вступали почти детьми” [19: 37–38].

Правда, против слишком ранних браков возражения раздавались уже давно. Известно, например, что в 1410 г. митрополит Фотий в послании к новгородскому архиепископу строго воспрещал выходить замуж девицам, не достигшим 12 лет. Петр I указом 1714 г. запретил дворянам жениться, не достигнув 20, и выходить замуж, не достигнув 17 лет, а по указу Екатерины II (1775 г.) для всех сословий запрещалось венчать мужчин моложе 15, женщин моложе 13 лет; в случае нарушения указа брак расторгался,

а священник лишался сана. Позднее нижняя граница бракоспособного возраста еще более повысилась. В середине XIX в. разрешалось венчать невест лишь по достижении 16, а женихов 18 лет [19: 37].

Но с другой стороны, откладывание браков слишком долго никак не приветствовалось, да и не соответствовало условиям русской жизни. О том, сколь важным считалось своевременное вступление в брак, свидетельствует и указ Василия Шуйского (1607 г.), в котором предписывалось всем, кто “держат рабу до 18 лет девку, а вдову после мужа более дву лет, а парня холостого за 20 лет, а не женят и воли им не дают..., тем дати отпускныя...” [18: 374]. Уже в XVIII в. В.Н. Татищев, приводя текст этого указа, замечал: “Сие ни в Уложении, ни в последовавших оному законах не находится, однако же иначе, как благорассудно, справедливо и к пользе государства узаконено” [18: 375].

Еще и в середине XIX в. большинство первых браков заключалось в возрасте до 21 года. В конце 60-х годов минувшего столетия свыше 57% невест и около 38% женихов имели возраст не старше 20 лет, а если бы можно было исключить влияние повторных браков (19% общего числа браков у мужчин и 13% у женщин), то этот показатель оказался бы еще более высоким.

Во второй половине XIX в. в жизни российского общества в связи с развитием капитализма обнаружились новые явления, которые не миновали и семейную сферу. Проникновение в деревню товарно-денежных отношений, расширение неземледельческих занятий, значительное развитие отхожих промыслов и многие другие явления русской действительности второй половины XIX в. нарушали тысячелетнюю замкнутость сельской жизни, подрывали традиционную культурную систему, лишали смысла многие традиционные ценности, выдвигая на их место новые. В частности, и ранние браки почти детей, которых женили, не спрашивая на то их согласия, с одной стороны, совсем не так уж необходимы человеку, оторвавшемуся от сельской почвы, с другой же стороны, все менее совместимы с растущим гражданским самосознанием даже и крестьянина, соприкоснувшегося с другой, городской жизнью.

Глубокие изменения в психологии крестьянина, по-видимому, действительно происходили очень быстро в пореформенной России. Однако даже и в Европейской России различные районы в разной степени были охвачены развитием капитализма, потому и влияние его на крестьянскую психологию, на семейные отношения крестьян в разных районах

**Доля браков в возрасте 25 лет и моложе среди всех браков
Европейской России, 1867/1870–1910 гг., %**

Возраст вступления в брак	1867/1870	1880	1890	1900	1910
Мужчины					
20 лет и моложе	37,9	34,3	31,1	31,7	30,8
25 лет и моложе	68,9	64,0	64,9	66,6	67,0
Женщины					
20 лет и моложе	57,4	56,7	56,0	55,9	54,5
25 лет и моложе	83,4	85,0	86,0	86,7	85,4

было неодинаковым. Связь между социально-экономическими особенностями тех или иных районов, изменениями в характере семейных отношений и распространенностью более ранних или более поздних браков была ясна уже дореволюционным авторам. “Внутри России промышленная полоса выделяется более поздними браками перед земледельческими полосами”, и даже внутри одной и той же губернии “чем промышленное уезд, тем более время вступления в брак отодвигается к более зрелым летам, тем более ранние, принудительные браки уступают место здоровым обдуманым бракам” [12: 13–14].

Новые тенденции в брачном поведении населения прослеживаются уже по показателям, относящимся ко всей Европейской России. Обратимся к данным табл. 2 (здесь и далее во всех случаях, когда это не оговорено особо, в качестве источника данных использованы издававшиеся Центральным статистическим комитетом (ЦСК) ежегодники “Движение населения в Европейской России” за соответствующие годы).

Как видим, в целом по Европейской России динамика доли браков, заключаемых в возрасте до 25 лет, ни у мужчин, ни у женщин не обнаруживает сколько-нибудь определенной тенденции. А вот о доле ранних браков, заключаемых до 21 года, этого сказать уже нельзя. Правда, на первый взгляд само снижение доли ранних браков, особенно у женщин, не кажется особенно большим, однако если рассмотреть этот процесс дифференцированно, то он предстает в ином свете.

**Доля браков в возрасте 20 лет и моложе среди всех браков
у городского и сельского населения Европейской России,
1867/1870–1910 гг., %**

	1867—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1901—1910
Мужчины					
Важней- шие го- рода	11,1	9,4	7,0	6,7	9,0
Прочие города	} 39,1	19,7	15,0	13,2	15,0
Уезды		39,6	34,4	33,7	34,3
Женщины					
Важней- шие го- рода	43,0	41,3	38,2	35,0	34,8
Прочие города	} 58,0	51,2	48,8	44,7	43,7
Уезды		59,2	57,9	57,0	57,8

Как и следовало ожидать, доля ранних браков снижалась прежде всего в городах.

Тенденция к сокращению – и значительному – доли ранних замужеств в городах проявляется совершенно отчетливо, тогда как в уездах эта тенденция выражена намного слабее. Зато тенденция к уменьшению доли ранних браков у мужчин и в сельской местности просматривается довольно определенно. Как уже отмечалось, деление населения на городское и сельское не было увязано с процессами бурного развития капитализма в пореформенной России, поэтому дополним приведенный выше анализ анализом в разрезе шести выделенных нами групп губерний (см. табл. 4).

Доля ранних браков у мужчин сократилась во всех группах губерний, хотя и далеко не в одинаковой степени. Наибольшим снижением было в прибалтийских губерниях, где доля таких браков и без того была очень низкой, а за ними наряду с западными идут неземледельческо-промышленные губернии, где доля ранних браков прежде была достаточно высокой.

Таблица 4

**Доля браков в возрасте 20 лет и моложе среди всех браков
по шести группам губерний Европейской России, 1867/1870–1910 гг., %**

Группы губерний	1867–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1901–1910 к 1867–1870
Мужчины						
I	39,5	36,5	31,9	30,9	29,9	0,76
II	43,5	48,8	43,0	42,2	43,3	0,99
III	38,1	41,8	33,6	33,1	32,6	0,86
IV	20,4	19,5	17,4	14,8	15,6	0,76
V	37,4	36,0	31,3	29,3	31,7	0,85
VI	5,5	3,6	3,0	2,9	3,0	0,54
Женщины						
I	55,9	54,3	50,6	49,9	48,5	0,87
II	65,6	67,5	65,0	64,0	65,2	0,99
III	62,9	67,4	63,6	61,9	61,6	0,98
IV	47,0	47,6	48,4	44,3	43,2	0,92
V	47,7	47,5	49,4	40,0	52,7	1,10
VI	22,4	21,2	20,4	19,0	20,0	0,89

**Доля женщин, никогда не состоявших в браке,
по переписи 1897 г., %**

Возрастные группы	Европей- ская Россия	В том числе							
		города	уезды	группы губерний					
				I	II	III	IV	V	VI
15-19	87,2	91,1	86,6	89,9	84,1	82,0	92,0	88,6	97,7
20-29	22,6	37,5	20,2	30,7	14,9	13,0	31,0	23,3	58,0
30-39	7,0	15,8	5,6	12,7	4,4	3,2	7,0	6,9	20,4
40-49	5,1	11,7	4,1	9,9	3,5	2,5	4,0	5,7	12,0

У женщин в целом сокращение доли ранних браков не столь значительно, в V группе губерний она даже повышалась, но тем более заметно снижение доли ранних замужеств в неземледельческо-промышленных губерниях. По-видимому, именно здесь на протяжении пореформенного пятидесятилетия происходили наибольшие изменения в матримониальном поведении населения. По логике вещей они должны были затронуть не только возраст вступления в первый брак, но и другие характеристики брачности, такие, как темпы вступления в брак каждого поколения женщин и долю женщин, остающихся не замужем к концу репродуктивного периода. Это предположение подтверждается материалами переписи населения 1897 г.³ (см. табл. 5, 6, 7).

Естественны относительно поздняя брачность и высокая доля женщин, вообще не вышедших замуж, в городах; не является неожиданностью и растянутый во времени процесс вступления в брак в прибалтийских губерниях, поскольку, как уже отмечалось, здесь издавна существовала брачность "европейского" типа. Но мы видим уже явные признаки этого типа брачности в исконно русских губерниях неземледельческо-промышленной зоны. В 1897 г. по доле девиц в возрастных группах до 30 лет эта зона явно превосходила губернии II, III и V групп, а по доле девиц в старших возрастных группах и по степени окончательного безбрачия уступала только прибалтийским губерниям.

³ Показатели в табл. 5 и в последующих таблицах, основанные на материалах переписи населения 1897 г., рассчитаны по данным, опубликованным либо в сводных итогах по империи, либо в погубернских итогах переписи.

Таблица 6

Доля вдов среди замужних и вдовых по переписи 1897 г., %

Возрастные группы	Европейская Россия	в том числе							
		города	уезды	группы губерний					
				I	II	III	IV	V	VI
20–29	1,5	4,1	1,4	2,7	1,4	1,3	1,8	1,3	2,1
30–39	5,8	12,2	4,9	8,7	5,1	4,6	5,2	5,8	5,7
40–49	15,0	25,7	13,5	19,5	14,2	12,5	13,7	15,4	14,2

Таблица 7

Доля женщин, состоявших в браке, по переписи 1897 г., %

Возрастные группы	Европейская Россия	в том числе							
		города	уезды	группы губерний					
				I	II	III	IV	V	VI
15–19	12,7	8,71	13,3	10,1	15,8	17,8	7,9	11,3	2,2
20–29	75,9	59,5	78,6	67,3	83,9	85,6	67,6	75,3	41,0
30–39	87,3	73,2	89,6	79,5	90,6	92,0	87,9	87,2	74,7
40–49	80,4	65,0	82,8	72,4	82,7	85,0	82,6	78,7	75,1
40–44	82,4	68,3	84,6	75,0	84,7	86,8	84,4	80,9	77,0
45–49	77,9	61,0	80,5	69,2	80,3	82,9	80,3	76,1	72,0

Примечание. Числа замужних в возрастных группах 40–44 и 45–49 лет получены нами исходя из опубликованного числа замужних в возрасте 40–49 лет. При расчете использованы таблицы овдовения женщин в Европейской России в 1896–1897 гг., построенные Л.Е. Дарским. Доля женщин, никогда не состоявших в браке, для обеих пятилетних групп принята одинаковой.

Интересен и еще один показатель брачной структуры населения – доля вдов.

Различие в доле вдов, вообще говоря, может объясняться различной смертностью мужчин. Однако если смертность городского и сельского населения и была не одинаковой, то мало вероятно, чтобы это могло объяснить столь значительные различия в доле вдов в городском и сельском населении, как те, которые наблюдались в 1897 г. То же и с различиями по группам губерний. Если можно предположить, что в Прибалтике смертность была действительно заметно ниже, чем в других районах Европейской

России, то для объяснения различиями в смертности существенно разной доли вдов, скажем, в неземледельческо-промышленных и центрально-земледельческих губерниях нет оснований.

Решающее значение имели, скорее, различия в доле повторных браков овдовевших женщин. Если же считать долю вдов в отдельных возрастных группах индикатором распространенности повторных браков, то, судя по данным табл. 6, такие браки к концу XIX в. были наименее распространены в неземледельческо-промышленных губерниях. Еще в первой половине прошлого столетия, во времена крепостного права, повторные браки вдов здесь, как и везде, были почти обязательными. Того требовали и помещики, и сами условия крестьянской жизни. Однако с ростом товарно-денежных отношений, распространением неземледельческих занятий, развитием отхожих промыслов и т.п. положение стало быстро меняться.

Не случайно, по-видимому, многие авторы конца прошлого века писали о росте независимости, самостоятельности, гражданского самосознания русской женщины, в том числе и крестьянки, которая могла теперь обходиться и без мужа, не случайно и то, что этот рост был замечен прежде всего там, где капитализм наиболее глубоко проникал во все поры народной жизни, как это и было в губерниях I группы. Поэтому относительно высокую долю вдов в этих губерниях на исходе XIX в. также следует рассматривать как признак начавшего вырабатываться здесь нового типа матримониального поведения.

После всего сказанного становится ясно, что и доля замужних женщин – показатель, наиболее важный с точки зрения рождаемости, – никак не могла быть одинаковой в различных районах Европейской России, что подтверждается данными табл. 7.

Различаются между собой не только городское и сельское население, но и население различных групп губерний. Интересно отметить, что к возрасту 30–39 лет, когда перестают играть роль различия в возрасте вступления в первый брак, показатели II, III, IV и V групп существенно сближаются, а на их фоне выделяются близкие между собой показатели I и VI групп губерний, во многих других отношениях очень мало сходных. Все же в этой возрастной группе доля замужних в неземледельческо-промышленных губерниях еще несколько выше, чем в прибалтийских, но в следующей возрастной группе (40–49 лет) они меняются местами, и доля замужних в неземледельческо-промышленных губерниях оказывается самой низкой.

Ниже мы покажем, как различия в брачной структуре связаны с территориальной дифференциацией рождаемости. Сейчас подчеркнем только, что эти различия, как они сложились к кон-

цу XIX века, были отчасти результатом весьма отдаленных во времени процессов, отчасти же, особенно когда речь идет о неземледельческо-промышленных губерниях, — следствием процессов недавних, бурно развивавшихся уже в пореформенный период. Сила потенциального влияния этих последних на брачную структуру населения многих других районов страны была особенно велика. Специфическое матримониальное поведение в прибалтийских губерниях могло долго соседствовать с традиционными нормами такого поведения в коренных русских районах, не приводя к их изменению. Но то, что происходило в столичных и окружающих их губерниях, отражало их передовое место в ходе капиталистического развития, охватившего всю Россию, и рано или поздно должно было вторгнуться в жизнь всех районов страны.

Брачная рождаемость. Второй основной компонент рождаемости, подлежащей нашему анализу, — брачная рождаемость. Она в свою очередь зависит от многих факторов, важнейшие из которых: реальная плодовитость женщины, половое и репродуктивное поведение супругов. Вопрос о реальной плодовитости⁴ русской крестьянки подробно рассмотрен Б.Н. Мироновым, который приходит к выводу, что крестьянская женщина второй половины прошлого века на протяжении всей своей жизни могла родить в среднем 10–11 детей [13: 96]. Реальная плодовитость женщин из других слоев населения, живших в иных, нежели крестьянство, условиях, могла, конечно, отличаться от плодовитости крестьянок, но едва ли эти отличия были слишком большими. Например, плодовитость женщин из семей сельского духовенства по данным Д.Н. Жбанкова составляла 9,8 детей на одну женщину [5: 309]. Учитывая это, а также то, что подавляющее большинство населения дореволюционной России было крестьянским, можно, вероятно, принять, что в пореформенное время в Европейской России женщина, состоявшая в браке на протяжении всего или почти всего репродуктивного периода своей жизни, могла родить в среднем 10–11 детей.

Правда, даже при условии пребывания женщины в браке на протяжении всего репродуктивного периода ее жизни рождаемость, равная реальной плодовитости, может быть достигнута (в среднем, конечно), только если на протяжении всего этого времени между супругами поддерживаются достаточно регулярные

⁴ Под реальной плодовитостью здесь понимается физиологическая плодовитость женщины при данном исторически определенном уровне здоровья населения. Подробнее об этом см.: с. 94–95 этого тома.

половые отношения. И при одинаковом брачном поведении интенсивность половой жизни женщины – в той мере, в какой она определяется культурными нормами или внешними обстоятельствами, – может быть различной.

В России, вероятно, на интенсивность половой жизни в браке определенное влияние оказывали посты, во время которых предписывалось воздержание (впрочем, не очень строго соблюдавшееся). Помимо религиозных требований и сами условия крестьянского труда и быта вели к тому, что интенсивность половой жизни в разные периоды года была не одинаковой.

О.П. Семенова-Тян-Шанская, долгое время изучавшая крестьянский быт в Рязанской губернии, отмечала, что сожителство крестьянина с женой находится в тесной связи с “его сытостью или голодом”: «отъевшийся осенью Иван, да еще после “шкалика” всегда неумерен. А Иван голодный, в рабочую пору, например, собственно не живет с женой» [16: 59]. С другой стороны, и посты были согласованы с годовым хозяйственным циклом. “Посмотрите, в самом деле: положим, брак состоялся в рождественский мясоед, ребенок родился осенью, после уборки хлеба, когда крестьянину можно и отдохнуть, но тут, во-первых, баба поправляется и, во-вторых, один за другим два поста – успенский и рождественский, так что опять – “до рождественского мясоеда”, и, стало быть, опять баба свободна в рабочую пору” [20: 101].

Таким образом, интенсивность половой жизни крестьян на протяжении года была не одинаковой, что должно было в периоды, когда эта интенсивность становилась меньшей, до некоторой степени снижать вероятность зачатия и отражаться в неравномерном распределении рождений по месяцам года. Так оно и было в действительности. Самой высокой была рождаемость в январе и октябре (почти до 10% всех родившихся за год), что соответствовало зачатиям в “рождественский мясоед” либо весной после великого поста. Меньше всего детей (7–7,5%, а иногда и меньше) рождалось обычно в декабре – влияние великого поста – и в апреле – мае – зачатия периода летней страды и строгого успенского поста.

Периодическое снижение интенсивности половой жизни вплоть до полного воздержания могло, конечно, вести к тому, что уровень рождаемости устанавливался несколько ниже уровня реальной плодовитости. Но следует иметь в виду, что если зачатия и соответственно рождения и откладывались под влиянием рассмотренных факторов, то лишь на месяцы, а не на годы, так что это не могло существенно сказаться на уровне рождаемости.

Во второй половине XIX в. к упомянутым факторам добавились новые, порожденные социально-экономическими процессами, характерными для пореформенной России. В частности, непрерывно возрастающая подвижность крестьянского населения неизбежно вела к частым и порой очень длительным разлукам супругов. Отхожие промыслы, в которых участвовали миллионы крестьян, преимущественно мужчин, отрывали женатых крестьян от семьи, существенно нарушая регулярность половых отношений в браке, а в наиболее промысловых районах, почти превращая брак в фикцию. “Многим питерщикам, особенно приходящим домой через 3–5 лет, жена и семья или, вернее, дом и хозяйство нужны только как обеспечение под старость, когда нельзя будет ходить в Питер, а до тех пор их привязанности и половые требования удовлетворяются в той или иной форме на стороне... Молодая жена не является помехой для отлучки, а, напротив, развязывает руки своему мужу, освобождает его от земли и деревни... Для некоторых женщин вся семейная жизнь ограничивается двумя–тремя месяцами” [6: 82].

Частые и длительные разлуки супругов в период их наиболее высокой плодовитости не могли не снижать вероятность зачатия, а, стало быть, в конечном счете и уровень рождаемости. На это неоднократно указывали современники. “Уменьшение рождаемости отхожей полосы есть постоянное явление, подтверждаемое наблюдениями за целые 25 лет... Первая и важнейшая причина – продолжительное отсутствие мужей, которые иногда не возвращаются по 1–5 лет домой, и поэтому невольное воздержание жен от половой жизни” [7: 17].

Не удивительно, что проведенное Д.Н. Жбанковым сопоставление числа детей, рожденных в “оседлых” и “отхожих” семьях показало, что во вторых детей было на 43% меньше, чем в первых (5,2 против 9,2). При этом в первом случае совсем нерожавших женщин было 3,3%, во втором – почти 11 % [7: 17].

Отхожие промыслы были типичным для пореформенной России явлением, которое вносило изменения в традиционное половое поведение супругов, имело достаточно большие масштабы и поэтому могло оказать известное влияние на общий уровень брачной рождаемости.

Во всех рассмотренных выше случаях речь шла о таких элементах поведения супругов, которые воздействовали на рождаемость, но в которых нельзя увидеть намеренного стремления отдельных людей к такому воздействию. Люди вели себя определенным образом потому, что так было истари заведено, либо потому, что не могли вести себя иначе, никакого выбора они не имели.

Однако нельзя сказать, что крестьяне с полным безразличием относились к срокам появления детей и даже к их числу. Как отмечал Г. Успенский, “существование в крестьянском быту желания сохранить женщину для возможно большего количества рабочих дней – желания, чтобы “баба” в трудную рабочую пору “страды” была здорова, не лежала в родах и не была брюхата, – несомненно” [20: 103]. Вероятно, существовали представления и о нежелательности очень большого числа рождений.

Часто полагают, что для крестьянской семьи было характерно неограниченное чадолюбие, так что каждый новый ребенок встречался с радостью. Между тем вынашивание детей, роды нередко были мукой для крестьянской женщины, рано старили ее, подрывали ее здоровье. Прокормить ораву ребятишек было трудно. Все это не могло совсем не осознаваться, и отношение к детям было, вероятно, далеко не таким идиллическим, каким оно иногда кажется сегодняшнему исследователю. По наблюдениям О.П. Семеновой-Тян-Шанской, первого ребенка в крестьянской семье ждали еще более или менее радостно, третьим же ребенком матери обыкновенно уже начинали тяготиться. “Если баба начинает часто родить, то в семье к этому, конечно, относятся неодобрительно, не стесняясь иногда делать грубые замечания по этому поводу: “ишь ты, плодливая, обклатась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли они, твои щенки-то, трясет каждый год, опять щенка ошлепетил” и т.д. [16: 7–8].

Казалось бы, что при таком отношении к детям люди, по крайней мере некоторые, должны были стремиться как-то воздействовать на число рождающихся детей или на сроки их появления (сверх того, что получалось само благодаря соблюдению постов, разлукам и т.п.). Но в том-то и дело, что русское общество вплоть до революции оставалось в значительной степени традиционным. А человек традиционного общества ведет себя в соответствии с унаследованным от прошлого канонам, который не оставляет места для индивидуального выбора. Традиционные культурные нормы не допускали никакого, выражаясь современным языком, внутрисемейного регулирования рождаемости, и до середины XIX в. оно, по-видимому, совсем не встречалось в России.

Но в самом начале пореформенной эпохи раздаются жалобы на “упадок деторождения”. Один из авторов (Ф. Гиляровский) разделяет причины такого “упадка” на законные и незаконные и первой среди “незаконных” причин называет намеренное увеличение матерями сроков кормления грудью “далее пределов законных” [4: 50]. Здесь уже ясное свидетельство того, что мысль об искусственном ограничении рождаемости не была чужда рус-

ской крестьянской семье (причем Ф. Гиляровский пишет об этом, как о новом явлении; впрочем, может быть, он идеализирует старину). В то же время обращают на себя внимание крайне примитивные методы такого ограничения. Автор – священник, видимо, неплохо знавший народный быт, не упоминает ни о каких более эффективных методах противозачатия, например о прерванном сношении – методе, о котором известный историк контрацепции Н. Хаймс писал, что он “вероятно, существует почти так же давно, как и групповая жизнь людей” [23: 184].

В это время, вероятно, получает некоторое распространение и намеренное воздержание от половых отношений как способ избежать рождения детей – об этом писал, например, Г. Успенский, равно как и об умерщвлении младенцев, появившихся вопреки “расчету” [20: 110–114]. А “обстановка земледельческого труда, – говорил он, – особенно в настоящее время, когда труд этот вообще расстроен, обязывает человека к известным “расчетам” даже в самых, по-видимому, неуловимых семейных отношениях, ...обстановка эта может иногда приказывать человеку сделать то-то и то-то” [20: 115]. Вот этих-то “расчетов” *каждой отдельной семьи* в пореформенной деревне становилось все больше и больше, и они подтачивали традиционное “бескорыстное” поведение и расчищали место для нового, “рационального” поведения во всех сферах жизни, в том числе и в семейной сфере.

И все же, судя по свидетельствам современников, в русской деревне, по крайней мере, до конца прошлого столетия, внутрисемейное регулирование рождаемости, хотя и не было совершенно неизвестно, но делало лишь самые первые шаги. Даже наблюдатель начала XX в., говоря о вытравлении плода, всегда имеет в виду стремление избавиться от детей, “незаконно” прижитых либо в отсутствии мужа, либо у незамужних. Лишь единственный раз упоминается о том, что у жившей с мужем женщины “был выкидыш, очень возможно, самой ей устроенный” [16: 113]. Но в этом случае речь шла о крестьянах не совсем “традиционных”, испытывавших уже влияние городской жизни.

В городах же к концу XIX в. практика ограничения рождаемости охватила, по-видимому, более широкие слои населения, и связанные с этим проблемы приобрели значительную актуальность. Особое внимание общественности привлекала проблема аборта (искусственного выкидыша) – тогда запретного, но получавшего, тем не менее, все большее распространение. Число подпольных абортов, по мнению современников, быстро росло, причем не только среди зажиточных классов. Врачи, непосредственно сталкивавшиеся с последствиями

Доля внебрачных рождений в общем числе рождений, %

	1870	1880	1890	1900	1910
Европейская Россия	2,9	2,7	2,7	2,6	2,3
в том числе:					
Города	14,9	11,7	11,3	9,4	8,8
из них					
важнейшие		17,8	17,2	13,4	12,1
прочие		4,6	3,9	3,9	4,1
Уезды	2,4	1,9	1,8	1,8	1,5

аборта, свидетельствовали об этом. “Эпидемия выкидышей захватила и городской пролетариат... В рабочей среде стали смотреть на искусственный выкидыш как на нечто весьма обыденное и притом легко доступное. В рабочих семьях ходят по рукам адреса врачей и акушеров, делающих аборт без всяких формальностей по определенной таксе – не особенно высокой” [3: 217.]. “Аборт проник в подгородные деревни – влияние городского соблазна” [14: 211].

Вопрос об аборте не раз обсуждался на Пироговских съездах врачей, на которых говорилось и о контрацепции как альтернативе аборта. “Единственным практическим средством, уже в настоящее время значительно ограничивающим производство незаконного выкидыша и обещающим в будущем еще гораздо более значительное вытеснение этого зла, являются меры, предохраняющие от беременности. Нужно устремиться к усовершенствованию и распространению этих мер” [14: 88].

Однако чрезвычайно высокая рождаемость в дореволюционной России – неоспоримое свидетельство того, что ни аборты, ни контрацепция не проникли еще по-настоящему в толщу населения, и хотя практика внутрисемейного регулирования рождаемости была более или менее известна городскому жителю, крестьянское большинство населения России было с ней мало знакомо.

Внебрачная рождаемость. Внебрачная рождаемость в дореволюционной России была незначительной и в изучаемый нами период имела тенденцию к сокращению (табл. 8).

Относительно высокой внебрачная рождаемость была только в “важнейших” городах (хотя следует иметь в виду, что показатели для этих городов, вероятно, завышены из-за регистрации

в них подкинутых детей, родившихся в других местах), в целом же по Европейской России она была намного ниже, чем в большинстве европейских стран, и не могла оказывать на общий уровень рождаемости ощутимого влияния.

Рождаемость в Европейской России как итог взаимодействия различных факторов. Материалы текущего учета рождаемости ЦСК и данные переписи населения 1897 г. позволяют дать количественную оценку влияния каждого из рассмотренных выше факторов на общий уровень рождаемости в конце прошлого века. Оценка может быть сделана с помощью системы индексов, предложенных Э. Коулом [9: 72–75]⁵.

В табл. 9 приведены исчисленные нами соответствующие индексы для всего населения Европейской России и отдельных его частей. Для сравнения в таблице даны также аналогичные индексы и по ряду других стран.

Индексы Коула связаны между собой следующим соотношением:

$$I_f = I_g I_m + (1 - I_m) I_h.$$

Как следует из данных табл. 9, индекс внебрачной рождаемости в Европейской России в конце прошлого века был весьма мал, стало быть, и вся величина $(1 - I_m) I_h$ ничтожно мала (порядка 0,01–0,02). Если пренебречь этой незначительной величиной, то $I_f = I_g I_m$. Таким образом, решающее влияние на индекс общей рождаемости, т.е. на отклонение фактической рождаемости от гипотетического максимума (рождаемости гуттеритов), оказывают особенности брачной рождаемости и брачной структуры населения.

Значения I_f – приведенные в табл. 9, свидетельствуют о том, что очень высокая рождаемость, наблюдавшаяся в Европейской России в самом конце XIX в., была почти вдвое ниже гипотетического максимума. Порайонные различия в рождаемости говорят еще и о том, что в целом по европейской части страны она была существенно ниже максимума, возможного в тогдашней России. Даже если оставить в стороне прибалтийские губернии, существовала обширная зона, охватывавшая неземледельческо-про-

⁵ Об индексах Э. Коула см. с. 142–143 настоящего тома, но там не упоминается индекс внебрачной рождаемости:

$$I_h = \frac{\sum h_i u_i}{\sum F_i u_i},$$

где:

h_i – возрастные коэффициенты внебрачной рождаемости;

u_i – число женщин, не состоящих в браке.

Индексы рождаемости в европейской России в 1896–1897 гг. и в некоторых странах около 1900 г.

Россия	I_f	I_g	I_m	I_h	Государства	I_f	I_g	I_m
Европейская Россия	0,54	0,76	0,69	0,047	Ирландия	0,23	0,74	0,32
в том числе:					Франция	0,24	0,38	0,57
Городское население	0,39	0,66	0,56	0,044	Англия и Уэльс	0,27	0,54	0,48
Сельское население	0,56	0,78	0,71	0,019	США	0,29	0,49	0,58
Группы губерний					Австралия	0,29	0,58	0,47
I	0,49	0,74	0,63	0,065	Швеция	0,30	0,64	0,41
II	0,59	0,79	0,74	0,033	Португалия	0,35	0,68	0,46
III	0,59	0,76	0,76	0,047	Богемия	0,36	0,62	0,52
IV	0,48	0,74	0,64	0,037	Венгрия	0,42	0,59	0,67
V	0,56	0,78	0,68	0,076	Румыния	0,45	0,65	0,73
VI	0,29	0,57	0,49	0,032	Сербия	0,47	0,65	0,79
					Болгария	0,50	0,72	0,73

Источники: [22: 209; 24: 56; 25: table 1–3].

мышленные, западные и юго-западные губернии (около 40% населения Европейской России), в которых происходили процессы, оказывавшие заметное понижающее влияние на общий уровень рождаемости в стране.

Эти процессы, по-видимому, пока почти не затронули уровня брачной рождаемости – ее индекс оставался самым высоким в Европе, выше, даже чем в католической Ирландии, славившейся неприятием ограничения рождаемости в браке. Даже у городского населения Европейской России индекс брачной рождаемости был выше, чем у всего населения большинства указанных в табл. 9 европейских государств и передовых по тому времени капиталистических стран на других континентах (исключение составляют лишь Ирландия, Болгария и Португалия).

В целом по Европейской России брачная рождаемость составляла около 76% брачной рождаемости гуттеритов, которую можно рассматривать как близкую к физиологическому максимуму. Принятым в расчете значениям F_i соответствует 12,4 рождения на одну женщину, прожившую в браке на протяжении всего репродуктивного периода своей жизни. Стало быть, в России в конце прошлого века замужняя женщина (также состоявшая в

браке на протяжении всего репродуктивного периода) рожала в среднем 9,4 ребенка. Но реальная плодовитость в России, как мы видели, была ниже, чем у гуттеритов (10–11 детей), так что по отношению к этой реальной плодовитости фактическая рождаемость составляла в среднем 90%.

Однако и остающаяся разница примерно в 10% не может быть отнесена целиком на счет внутрисемейного регулирования рождаемости, поскольку существовал такой фактор, как длительные разлуки супругов. Таким образом, если в конце прошлого века в европейской части России и существовало внутрисемейное регулирование рождаемости (по-видимому, в основном в городах), то его распространение и влияние были незначительными и снижали брачную рождаемость против ее максимально возможного в условиях того времени уровня менее чем на 10%.

Обращает на себя внимание незначительность порайонных различий индекса брачной рождаемости (особенно стоят лишь прибалтийские губернии). Стало быть, объяснение порайонной дифференциации рождаемости в дореволюционной России надо искать не в особенностях репродуктивного поведения супругов, которое было достаточно однородным. За исключением Прибалтики, новое репродуктивное поведение в конце прошлого века нигде не получило существенного распространения.

Иначе обстояло дело с влиянием брачной структуры. Индекс доли женщин, состоящих в браке (I_m), в Европейской России конца прошлого века был довольно высоким, но все же не самым высоким в Европе. Значения этого индекса, приведенные в табл. 9, свидетельствуют о заметной территориальной дифференциации матримониального поведения, а следовательно, и его влияния на рождаемость.

В целом по Европейской России за счет того, что не все женщины репродуктивного возраста были замужем, рождаемость должна была бы составлять 69% гипотетического максимума. Однако у городского населения, равно как и у населения некоторых из выделенных нами групп губерний, понижающее влияние этого фактора на рождаемость было гораздо более значительным. Даже если снова оставить в стороне прибалтийские губернии, индекс доли женщин, состоящих в браке, был довольно низким в неземледельческо-промышленных, западных и юго-западных губерниях – ниже, чем в странах Восточной Европы, и лишь примерно на 10% выше, чем в США или во Франции. В то же время в основных земледельческих губерниях этот индекс оставался очень высоким – более высокий был зарегистрирован только в Сербии.

Из данных табл. 9 ясно видно, что различия в брачной структуре населения Европейской России были главным фактором территориальной дифференциации рождаемости и фактором, в наибольшей мере определявшим отклонение уровня рождаемости от гипотетического максимума. В свою очередь, как было показано выше, сами различия в брачной структуре во многом были следствием социально-экономических процессов, характерных для пореформенной России, так что неоднородность брачной структуры заметно увеличилась уже во второй половине XIX в.

Вызванные изменениями в брачности снижение рождаемости и дифференциация ее показателей у разных частей населения страны сами по себе свидетельствуют о начавшемся отходе от традиционной системы регулирования демографического поведения людей. Однако изменения в матримониальном поведении и соответственно в брачной структуре населения Европейской России в прошлом веке были все же не очень большими. Кроме того, накопленный к настоящему времени опыт демографического развития многих стран, в том числе и СССР, говорит о том, что этот этап эволюции рождаемости всегда оказывается промежуточным, преходящим. За ним следует переход к активному внутрисемейному регулированию рождаемости, в результате чего регулирование ее через брачность утрачивает свое значение.

Исчисленные нами индексы рождаемости относятся к концу XIX в., изменения в демографическом поведении продолжались и, возможно, даже ускорились в первые десятилетия нашего века. Тем не менее без большого риска ошибиться можно утверждать, что вплоть до самой революции изменения в демографическом поведении в Европейской России, бывшей наиболее развитой частью всей России, не носили кардинального характера и дают основания говорить только о самых ранних стадиях перехода к современному типу рождаемости, главная черта которого — повсеместное распространение, общепринятость внутрисемейного регулирования деторождения.

Литература

1. Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903.
2. Боряковский А.Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32.
3. Виздорчик Н.А. Детская смертность среди петербургских рабочих // "Общественный врач". 1914. № 2.

4. *Гиляровский Ф.В.* Исследования о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб., 1866.
5. *Жбанков Д.Н.* К вопросу о плодovitости замужних женщин // *Врач.* 1889. № 13.
6. *Жбанков Д.Н.* Бабыя сторона // *Материалы для статистики Костромской губернии.* Вып. 8. Кострома, 1891.
7. *Жбанков Д.Н.* Влияние отхожих промыслов на движение населения. СПб., 1895.
8. *Костомаров Н.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887.
9. *Коул Э.Дж.* Снижение рождаемости в Европе со времен французской революции до второй мировой войны // *Брачность, рождаемость, семья за три века.* М., 1979.
10. *Куркин П.И.* Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг. М., 1902. С. 87.
11. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // *Полн. собр. соч.* Т. 3.
12. *Материалы для оценки земель Владимирской губернии.* Т. VIII: Суздальский уезд. Вып. III: Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1902.
13. *Миронов Б.П.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР* / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 1977.
14. Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова. Двенадцатый Пироговский съезд. Вып. II. СПб., 1913.
15. *Палли Х.* Воспроизводство населения Эстонии в XVII–XIX вв. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР* / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 1977.
16. *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь “Ивана” // *Записки Импер. РГО по отделению этнографии.* Т. 39. СПб., 1914.
17. *Статистический Временник Российской империи.* Сер. II, вып. 14. СПб., 1879.
18. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. VII. Л., 1968.
19. *Тереценко А.* Быт русского народа. Т. II. СПб, 1848.
20. *Успенский Г.И.* Власть земли // *Полн. собр. соч.* Т. VIII. М., 1949.
21. *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // *Брачность, рождаемость, семья за три века.* М., 1979.
22. *Coale A.J.* Factors associated with the development of low fertility. World Population Conference, UN, N.Y., 1966. V. II.
23. *Himes N.* Medical history of contraception. N.Y., 1963.
24. *Livi Bacci M.* A century of Portuguese fertility. Princeton, 1971.
25. *Tekse K.* Some fertility patterns in Central and Southern Europe before World War I. International symposium on the problems of the human reproduction. Varna, 1968. Tables 1–3.

ОЦЕНКА ЧИСЛА РОДИВШИХСЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1840–1913 ГОДЫ)¹

По мере развития исторической демографии возрастает и интерес к количественным оценкам различных демографических явлений прошлого. Этот интерес требует более внимательного и в то же время критического отношения к источникам информации и методам их использования. В СССР основная работа по реконструкции различных параметров воспроизводства населения даже для сравнительно недавнего прошлого – XIX века – еще только предстоит. Настоящее сообщение содержит попытку восстановления одного из таких параметров – чисел родившихся на территории в границах СССР после Второй мировой войны за период с 1840 по 1913 год.

1. Исходные данные и методы оценки

Дореволюционные публикации содержат несколько рядов чисел родившихся за более или менее длительный период, однако ни один из этих рядов не может быть использован непосредственно, без поправок и доисчислений. Рассмотрим эти ряды.

а) *Числа родившихся по всей Российской империи, начиная с 1880 г., опубликованные в отчетах Управления Главного врачебного инспектора (УГВИ) Министерства внутренних дел.* Эти числа, за вычетом Польши и Финляндии, приведены в Приложении I. Номинально данные УГВИ больше всего подходят для решения поставленной задачи. Однако их качество крайне неудовлетворительно. В отчетах, особенно в первые 10–15 лет публикации данных о естественном движении населения, постоянно имеются значительные пробелы, в частности, по большинству областей Средней Азии, а также по областям Кавказа и Дальнего Востока, по которым данные вообще не приводятся. По тем же губерниям и областям, по которым данные регулярно публиковались в отчетах, во многих случаях можно предполагать значительный недоучет рождений. Особенно это относится к азиатской части России. Не случайно Центральный статистический комитет МВД (ЦСК), зная о низком качестве учета за пределами Европейской России, воздерживался от публикаций данных о рождениях по азиатской части страны, и лишь в начале

¹ Исследование выполнено в начале 1980-х годов и впервые опубликовано в книге: *Modèles de la démographie historique. Congrès et colloques n° 11*. P., INED, 1992. P. 61–74. Оригинальное название: *Évaluation du nombre des naissances dans la Russie pré-révolutionnaire (1840–1913)*. На русском языке не публиковалось.

Автор благодарит Е.М. Андреева за ценные методические советы и Н.Ю. Ксенофонову за техническую помощь при выполнении настоящего исследования.

XX в. – и то только в виде опыта – опубликовал числа рождений по некоторым губерниям (Тобольской за 1902–1903 гг., Енисейской – за 1902–1904 гг., Семипалатинской – за 1903 г. и Иркутской – за 1904 г.). По Европейской же России данные УГВИ более или менее близки к данным ЦСК. Разумеется, полнота и достоверность данных, публиковавшихся УГВИ, повышались со временем, и можно думать, что в начале XX в. недоучет рождений в этих публикациях заметно уменьшился, но все же он не мог полностью исчезнуть, и мы не располагаем никакими основаниями для внесения поправок в опубликованные данные. Поэтому от использования данных УГВИ приходится отказаться.

б) *Числа родившихся всех вероисповеданий по 50 губерниям Европейской России, начиная с 1867 г., публиковавшиеся Центральным статистическим комитетом МВД* (Приложение II). Вначале в этих публикациях также были значительные пробелы, однако постепенно публикации стали достаточно полными. Качество данных ЦСК вызывало определенные сомнения у дореволюционных статистиков, которые указывали, в частности, на плохой учет рождений у групп населения некоторых вероисповеданий (у мусульманского и еврейского населения Европейской России, у раскольников и сектантов и т.п.). Однако примерно 90% населения Европейской России составляли группы населения с относительно удовлетворительным учетом рождений (православные, католики, протестанты), и в целом данные о родившихся по Европейской России можно считать пригодными для использования в качестве исходной базы оценки чисел родившихся по всей империи.

Ни в XIX в., ни в первые десятилетия XX в. в России не происходило таких изменений рождаемости, которые могли бы привести к значительным переменам в соотношении чисел родившихся в различных районах страны. С 1886–1870 гг. по 1896–1900 гг. коэффициент рождаемости в Европейской России практически не менялся, и только после 1900 г. произошло некоторое – очень небольшое – снижение этого коэффициента. Поэтому отношение чисел родившихся в Европейской России и во всей империи в решающей степени зависело от соотношения численностей населения. Это последнее соотношение все время несколько менялось в результате миграции населения Европейской России в Сибирь, Среднюю Азию и на Кавказ, так что доля Европейской России во всем населении империи несколько снижалась. К середине 80-х годов XIX века, когда окончательно сложились границы империи, существовавшие в 1913 г., доля Европейской России во всем населении империи (без Польши и Финляндии) составляла 82,8% [12, с. 26], по переписи 1897 г. – 80,4% [10, т.1, с. 248–251], в 1913 г. – 78,4% [12, с. 27]. Опираясь на эти три точки, можно оценить методом интерполяции

динамику доли населения Европейской России во всем населении империи в границах 1913 г. (без Польши и Финляндии). Получаем следующие величины, которые затем могут быть применены для перехода от числа родившихся в Европейской России к числу родившихся в империи в этих границах:

1865–1869	0,876	1890–1894	0,813
1870–1874	0,863	1895–1899	0,804
1875–1879	0,848	1900–1904	0,796
1880–1884	0,835	1905–1909	0,790
1885–1889	0,823	1910–1914	0,785

в) Числа родившихся только у православного населения всей Российской империи, начиная с 1796 г. (Приложение III). Ряд этих чисел, доведенный до 1893 г., был опубликован В. Покровским и Д. Рихтером в статье “Россия” Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. В. Покровский и Д. Рихтер, в свою очередь, заимствовали его у Л. Бессера и К. Баллода, которые следующим образом объясняют происхождение этого ряда. “Цифры рождений за 1796–1804 гг. заимствованы у Германа², причем сделана была поправка для униатов и грузин... Для 1804–1839 гг. цифры были выписаны из “Материалов для статистики Российской империи” Корсакова, СПб., 1841, и сделана поправка для униатов, грузин и недостающих епархий. Для 1840–1860 гг. цифры получены из Отчетов Обер-прокурора, за 1861 и 1862 годы – из “Месяцеслова Академии Наук”, за 1863–1864 они заимствованы у Буняковского, который, вероятно, их достал в рукописи; с 1865 по 1890 год из Отчетов, за исключением 1887 года, за который материал пришлось испросить в Канцелярии Святейшего Синода” [1, с. 25].

Опубликованный ряд был продолжен нами и доведен до 1914 г. на основе Отчетов Обер-прокурора Синода. После 1890 г. эти отчеты были достаточно полными и не нуждались в поправках, подобных тем, которые вынуждены были делать Л. Бессер и К. Баллод. Данные за 1899 г. не были опубликованы и получены нами как средняя из чисел двух соседних лет.

Из общего числа родившихся православного вероисповедания были исключены родившиеся в Польше и Финляндии (Холмско-Варшавская и Финляндская епархии по синодальному районированию конца XIX в.). Таким образом, мы получили число родившихся православного вероисповедания в границах империи без Польши и Финляндии.

² Академик К. Герман заведовал Статистическим отделением Министерства полиции, учрежденным в 1811 г. Данные о родившихся были приведены в его книге “Статистические исследования относительно Российской Империи” (СПб., 1819).

Для перехода к числам родившихся всех вероисповеданий необходимо оценить долю православных среди всех родившихся. Такая оценка могла бы быть сделана на основе соотношения православных и всех детей в возрасте до 1 года по переписи 1897 г., однако из-за общепризнанного недоучета маленьких детей при переписи, особенно значительного у неправославного населения, доля детей в возрасте 0 лет у православных родителей по отношению ко всем детям этого возраста (0,817), по-видимому, завышена. На это указывает и более низкая доля православных среди всего населения в других возрастных группах. Кроме того, в связи с заметным снижением смертности – в первую очередь у православного населения – в конце XIX – начале XX в., его доля во всем населении имела тенденцию к росту. Исходя из материалов переписи 1897 г. с учетом указанной тенденции, а также с учетом различий в дожитии православного и неправославного населения, оцененных по имеющимся таблицам смертности, доля православных среди родившихся в интересующих нас границах была принята разной для различных периодов:

Годы рождения	Доля православных среди родившихся
1840–1876	0,78
1877–1895	0,79
1896–1906	0,81
1907–1913	0,82

Ряд чисел родившихся православного вероисповедания имеет определенные преимущества перед другими подобными рядами, а именно: 1) Он позволяет оценить числа родившихся в империи за значительно более длительный период. Даже если отбросить начало ряда, где неправильная пропорция полов среди родившихся указывает на неудовлетворительное качество регистрации родившихся, остаются данные с конца 30-х годов XIX века, которые позволяют сделать оценку родившихся за 70–80 лет. 2) Как уже отмечалось, сведения о родившихся у лиц православного вероисповедания были надежнее, чем у лиц ряда других вероисповеданий, проживавших в дореволюционной России. Еще В.Я. Буняковский отмечал в 1865 г.: “Не подлежит сомнению, что эти данные, по сущности своей, самые точные у нас, ибо все младенцы (кроме мертворожденных и умерших до крещения) немедленно после крещения вносятся в метрические книги” [4, с. 26]. Недоучет рождений, конечно, был и здесь, но, скорее всего, он был относительно небольшим. 3) Доля населения православного вероисповедания во всем населении страны в границах 1913 г. не испытывала влияния внутренней миграции, как это было с долей населения Европейской России. После 1839 г., когда униатская церковь соединилась с

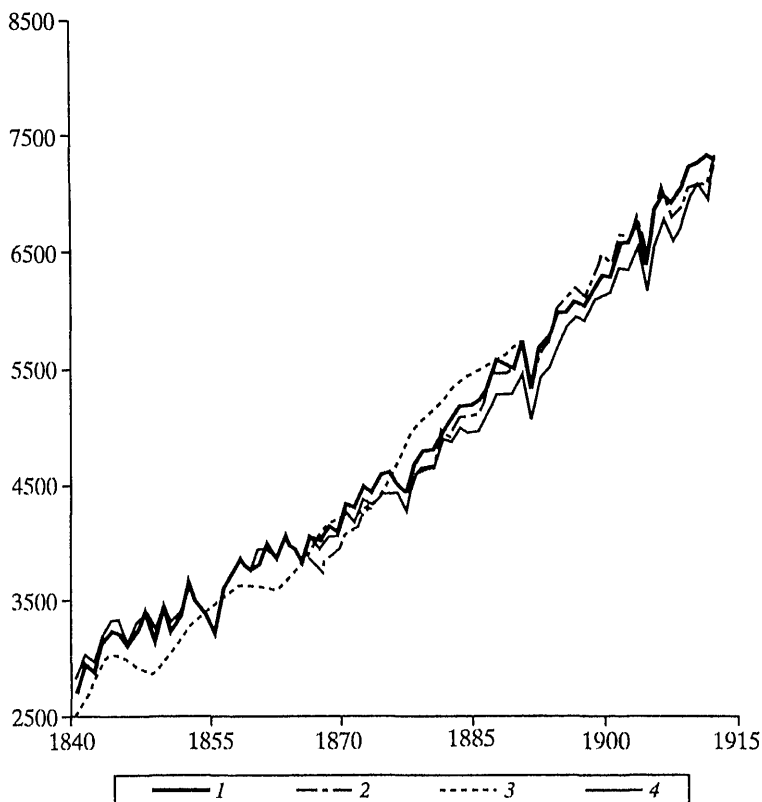
православной, численность православного населения менялась только под влиянием процессов естественного движения, а доля во всем населении – только в результате различий в интенсивности этих процессов у православного и остального населения. Эти различия были небольшими, в той мере, в какой их удалось учесть, они отражены в приведенных выше долях.

Все перечисленные соображения дают основания рассматривать вариант оценки родившихся, исходя из чисел родившихся у православного населения Российской империи, в качестве основного, привлекая остальные варианты для контроля полученных результатов.

Оценка чисел родившихся по основному варианту выполнена начиная с 1840 г. При определении этой даты принято во внимание как отсутствие перемен в составе православного населения страны после 1850 г., так и качество самих исходных данных, не особенно надежное в первые десятилетия XIX в.

Числа родившихся, полученные описанным ранее способом (т.е. исходя из чисел родившихся всех вероисповеданий в Европейской России), позволяют проконтролировать оценки основного варианта только начиная с 1867 г., для контроля оценок основного варианта, относящихся к более ранним периодам, была выполнена реконструкция чисел родившихся расчетным путем, исходя из численности мужчин и женщин по однолетним возрастным группам по переписи населения 1897 г. (в границах России без Польши и Финляндии) и чисел доживающих до определенного возраста таблиц смертности. Возрастная структура населения, полученная по переписи 1897 г., была выровнена. Числа доживающих были взяты из таблицы смертности православного населения Европейской России 1874–1883 гг., составленной В.И. Борткевичем. Эта таблица больше соответствует условиям вымирания населения России в середине XIX в., нежели более поздняя таблица С.А. Новосельского, отражающая условия смертности самого конца XIX в. (1896–1897 гг.).

Все варианты оценок чисел родившихся первоначально выполнены для территории бывшей Российской империи в границах 1913 года без Польши и Финляндии. Для того чтобы перейти к современным границам, надо из численности населения всей Российской империи в 1913 г. вычесть тогдашнюю численность населения Польши, Финляндии и отошедшего к Турции района Карса и прибавить к ней численность населения вошедших в состав СССР Бухары и Хивы, части Галиции, Закарпатской Украины, Северной Буковины, Калининградской области, Клайпеды, Тувы, Южного Сахалина и Курильских островов. Коэффициент перехода от численности населения Российской империи без Польши и Финляндии (и, соответственно, от чисел родившихся в этих границах) к числен-

Ежегодные числа родившихся в дореволюционный период на территории СССР в границах после Второй мировой войны, тыс. человек. Варианты оценки:

1 — исходя из чисел родившихся в православном населении России (основной вариант); 2 — исходя из чисел родившихся в Европейской России; 3 — исходя из возрастного состава населения по переписи 1897 г. и таблицы смертности В.И. Борткевича; 4 — Оценка Ж.-Н. Бирабена

ности населения и числам родившихся в современных границах СССР при сохранении соотношений 1913 года — 1,059. Приводимые ниже результаты получены с учетом этой поправки.

2. Результаты

Все полученные оценки сведены в табл. 1а, 1б, 1в. Для сравнения в таблицах приводится также оценка чисел родившихся в дореволюционный период в современных границах СССР, выполненная в 1976 г. Ж.-Н. Бирабеном [16]. Эти же результаты нанесены на график.

Ежегодные числа родившихся в дореволюционный период на территории СССР в границах после Второй мировой войны, в тыс.человек. Различные варианты оценки*, оба пола

Год	Варианты				Год	Варианты			
	1	2	3	4		1	2	3	4
1840	2712		2500	2830	1877	4505	4407	4686	4430
1841	2957		2656	3040	1878	4425	4267	4830	4290
1842	2891		2796	2970	1879	4679	4570	4954	4570
1843	3116		2953	3180	1880	4777	4667	5047	4620
1844	3236		3044	3330	1881	4791	4665	5120	4630
1845	3217		3035	3330	1882	4931	4979	5203	4880
1846	3116		2968	3150	1883	5059	4926	5299	4850
1847	3232		2927	3320	1884	5166	5082	5373	4980
1848	3386		2884	3420	1885	5167	5088	5421	4940
1849	3160		2885	3250	1886	5207	5108	5449	4960
1850	3404		2954	3450	1887	5300	5225	5496	5070
1851	3242		3063	3310	1888	5567	5490	5550	5260
1852	3367		3159	3400	1889	5527	5442	5612	5270
1853	3612		3253	3650	1890	5494	5505	5666	5270
1854	3463		3339	3470	1891	5729	5694	5707	5440
1855	3371		3405	3350	1892	5328	5251		5050
1856	3252		3457	3220	1893	5647	5598		5400
1857	3597		3523	3590	1894	5761	5717		5490
1858	3725		3589	3730	1895	5961	5978		5650
1859	3858		3631	3880	1896	5973	6103		5840
1860	3772		3638	3760	1897	6061	6181		5920
1861	3805	-	3616	3940	1898	6028	6092		5900
1862	3994		3616	3940	1899	6160	6275		6080
1863	3861		3600	3860	1900	6292	6456		6100
1864	4029		3624	4060	1901	6279	6385		6140
1865	3952		3712	3940	1902	6571	6640		6350
1866	3821		3835	3800	1903	6570	6622		6340
1867	4055	3867	3952	4040	1904	6741	6817		6520
1868	4007	3737	4077	3950	1905	6366	6472		6160
1869	4133	3840	4171	4040	1906	6826	6862		6550
1870	4081	3902	4207	4050	1907	6989	7046		6770
1871	4325	4055	4212	4270	1908	6913	6766		6590
1872	4294	4065	4229	4170	1909	7042	6876		6710
1873	4473	4288	4243	4370	1910	7235	7056		6980
1874	4418	4279	4293	4320	1911	7252	7098		7090
1875	4581	4427	4403	4420	1912	7328	7061		6960
1876	4603	4429	4548	4420	1913	7297	7350		7240

* Варианты оценки: (1) исходя из чисел родившихся в православном населении России (основной вариант); (2) исходя из чисел родившихся в Европейской России; (3) исходя из возрастного состава населения по переписи 1897 г. и таблицы смертности В.И. Борткевича; (4) оценка Ж.-Н. Бирабена.

Ежегодные числа родившихся в дореволюционный период на территории СССР в границах после Второй мировой войны, в тыс. человек. Различные варианты оценки, мальчики

Год	Варианты				Год	Варианты			
	1	2	3	4		1	2	3	4
1840	1388		1383	1450	1877	2302	2258	2400	2269
1841	1520		1415	1557	1878	2262	2189	2455	2198
1842	1478		1447	1521	1879	2392	2347	2515	2341
1843	1599		1486	1629	1880	2443	2391	2579	2367
1844	1658		1514	1706	1881	2444	2393	2647	2372
1845	1647		1532	1706	1882	2590	2555	2717	2500
1846	1592		1539	1614	1883	2584	2523	2795	2485
1847	1654		1554	1701	1884	2646	2607	2850	2551
1848	1733		1569	1752	1885	2637	2618	2873	2531
1849	1623		1588	1665	1886	2658	2622	2874	2541
1850	1744		1610	1767	1887	2712	2688	2887	2597
1851	1658		1638	1695	1888	2833	2815	2906	2695
1852	1725		1660	1741	1889	2830	2797	2929	2700
1853	1844		1681	1870	1890	2814	2832	2947	2700
1854	1774		1712	1777	1891	2928	2923	2960	2787
1855	1736		1760	1716	1892	2726	2696		2587
1856	1664		1816	1649	1893	2897	2874		2766
1857	1841		1869	1839	1894	2948	2932		2813
1858	1908		1926	1911	1895	3052	3069		2894
1859	1974		1959	1987	1896	3056	3129		2992
1860	1926		1949	1926	1897	3099	3170		3033
1861	1941		1916	1952	1898	3086	3130		3023
1862	2036		1890	2018	1899	3155	3220		3115
1863	1919		1857	1977	1900	3224	3316		3156
1864	2087		1857	2080	1901	3214	3278		3146
1865	2019		1904	2018	1902	3364	3407		3253
1866	1951		1979	1947	1903	3369	3398		3248
1867	2061	1979	2047	2070	1904	3458	3497		3340
1868	2048	1915	2119	2024	1905	3258	3319		3156
1869	2109	1962	2174	2070	1906	3496	3523		3356
1870	2086	1999	2195	2075	1907	3572	3614		3468
1871	2208	2071	2199	2188	1908	3541	3472		3376
1872	2187	2075	2210	2136	1909	3602	3531		3438
1873	2277	2194	2221	2239	1910	3691	3613		3576
1874	2239	2196	2246	2213	1911	3700	3640		3632
1875	2316	2271	2290	2264	1912	3736	3615		3566
1876	2357	2274	2345	2264	1913	3726	3760		3709

**Ежегодные числа родившихся в дореволюционный период на территории
СССР в границах после Второй мировой войны,
в тыс. человек. Различные варианты оценки, девочки**

Год	Варианты				Год	Варианты			
	1	2	3	4		1	2	3	4
1840	1324		1117	1380	1877	2203	2149	2286	2161
1841	1437		1241	1483	1878	2163	2078	2375	2092
1842	1413		1349	1449	1879	2287	2223	2439	2229
1843	1517		1467	1551	1880	2334	2276	2468	2253
1844	1578		1530	1624	1881	2347	2272	2473	2258
1845	1570		1503	1624	1882	2341	2424	2486	2380
1846	1524		1429	1536	1883	2475	2403	2504	2365
1847	1578		1373	1619	1884	2519	2475	2523	2429
1848	1653		1315	1668	1885	2530	2470	2548	2409
1849	1537		1297	1585	1886	2549	2486	2575	2419
1850	1660		1344	1683	1887	2588	2537	2609	2473
1851	1584		1425	1615	1888	2734	2675	2644	2565
1852	1642		1499	1659	1889	2697	2645	2683	2570
1853	1768		1572	1780	1890	2680	2673	2719	2570
1854	1689		1627	1693	1891	2801	2771	2747	2653
1855	1635		1645	1634	1892	2602	2555		2463
1856	1588		1641	1571	1893	2750	2724		2634
1857	1756		1654	1751	1894	2813	2785		2677
1858	1817		1663	1819	1895	2909	2909		2756
1859	1884		1672	1893	1896	2917	2974		2848
1860	1846		1689	1834	1897	2962	3011		2887
1861	1864		1708	1858	1898	2942	2962		2877
1862	1958		1726	1922	1899	3005	3055		2965
1863	1942		1743	1883	1900	3068	3140		3004
1864	1942		1767	1980	1901	3065	3107		2994
1865	1933		1808	1922	1902	3207	3233		3097
1866	1870		1856	1853	1903	3201	3224		3092
1867	1994	1888	1905	1970	1904	3283	3320		3180
1868	1959	1822	1958	1926	1905	3108	3153		3004
1869	2024	1878	1997	1970	1906	3330	3339		3194
1870	1995	1903	2012	1975	1907	3417	3432		3302
1871	2117	1984	2013	2082	1908	3372	3294		3214
1872	2107	1990	2019	2034	1909	3440	3345		3272
1873	2196	2094	2022	2131	1910	3544	3443		3404
1874	2179	2083	2047	2107	1911	3552	3458		3458
1875	2265	2156	2113	2156	1912	3592	3446		3394
1876	2246	2155	2203	2156	1913	3571	3590		3531

**Числа родившихся в Российской империи (без Польши и Финляндии)
с 1880 по 1913 г. по данным Отчетов Управления
Главного Врачебного инспектора, тыс.**

Год	Число родив- шихся	Год	Число родив- шихся	Год	Число родив- шихся
1880	3278	1892	4636	1903	5882
1881	3855	1893	4950	1904	5979
1882	4264	1894	5095	1905	5680
1883	4177	1895	5259	1906	6126
1884	4238	1896	5332	1907	6308
1885	4099	1897	5404	1908	6228
1886	4409	1898	5397	1909	6305
1887	4556	1899	5552	1910	6510
1888	4783	1900	5694	1911	6582
1889	4791	1901	5835	1912	6586
1890	4878	1902	5923	1913	6589
1891	5012				

**Числа родившихся в 50 губерниях Европейской России
с 1876 по 1913 г. по данным Центрального Статистического
Комитета МВД, в тыс.**

Год	Маль- чики	Девоч- ки	Оба пола	Год	Маль- чики	Девоч- ки	Оба пола
1867	1638	1563	3201	1891	2245	2128	4373
1868	1585	3093	1892	1892	2071	1962	4033
1869	1624	1555	3179	1893	2207	2092	4299
1870	1629	1551	3180	1894	2252	2139	4391
1871	1688	1617	3305	1895	2330	2209	4539
1872	1691	1622	3313	1896	2376	2258	4634
1873	1788	1707	3495	1897	2407	2286	4693
1874	1790	1698	3488	1898	2377	2249	4626
1875	1820	1728	3548	1899	2445	2320	4765
1876	1822	1727	3549	1900	2493	2361	4854
1877	1809	1722	3531	1901	2465	2336	4801
1878	1754	1665	3418	1902	2562	2431	4993
1879	1881	1781	3662	1903	2555	2424	4979
1880	1886	1795	3681	1904	2629	2496	5125
1881	1887	1792	3679	1905	2477	2353	4830
1882	2015	1912	3927	1906	2629	2492	5121
1883	1990	1895	3885	1907	2697	2561	5258
1884	2056	1952	4008	1908	2591	2458	5049
1885	2036	1921	3957	1909	2635	2496	5131
1886	2039	1933	3972	1910	2680	2554	5234
1887	2090	1973	4063	1911	2700	2565	5265
1888	2189	2080	4269	1912	2682	2556	5238
1889	2175	2057	4232	1913	2789	2663	5452
1890	2175	2053	4228				

Числа родившихся православного вероисповедания в Российской империи с 1796 по 1913 г. по скорректированным данным Святейшего Синода, в тыс.

Год	Маль- чики	Девоч- ки	Оба пола	Год	Маль- чики	Девоч- ки	Оба пола
1796	555	477	1032	1856	1231	1175	2406
1797	553	481	1034	1857	1362	1299	1661
1798	579	503	1082	1858	1412	1344	2756
1799	601	525	1126	1859	1461	1394	2855
1800	627	556	1183	1860	1425	1366	2791
1801	653	576	1229	1861	1436	1379	2815
1802	719	630	1349	1862	1506	1449	2955
1803	701	630	1331	1863	1420	1437	2857
1804	744	671	1416	1864	1544	1437	2971
1805	746	673	1419	1865	1494	1430	2924
1806	740	663	1403	1866	1444	1383	2827
1807	732	659	1391	1867	1525	1475	3000
1808	732	658	1390	1868	1515	1450	2965
1809	726	651	1377	1869	1560	1498	3058
1810	751	682	1433	1870	1543	1476	3019
1811	736	662	1398	1871	1633	1566	3199
1812	738	671	1409	1872	1619	1558	3177
1813	629	571	1200	1873	1685	1625	3310
1814	669	611	1280	1874	1657	1613	3270
1815	729	666	1395	1875	1714	1676	3390
1816	800	754	1554	1876	1744	1662	3406
1817	804	731	1535	1877	1725	1651	3376
1818	797	728	1525	1878	1695	1620	3315
1819	828	756	1584	1879	1792	1714	3506
1820	859	774	1633	1880	1830	1749	3579
1821	838	769	1607	1881	1831	1758	3589
1822	850	781	1631	1882	1941	1754	3695
1823	887	811	1698	1883	1936	1854	3790
1824	894	817	1711	1884	1983	1888	3871
1825	908	834	1742	1885	1976	1896	3872
1826	890	823	1713	1886	1992	1910	3902
1827	989	933	1922	1887	2032	1939	3971
1828	955	889	1844	1888	2122	2049	4171
1829	1028	962	1990	1889	2121	2021	4142
1830	1014	955	1969	1890	2108	2008	4116
1831	978	927	1905	1891	2194	2098	4292
1832	1039	973	2112	1892	2042	1950	3992
1833	981	942	1923	1893	2171	2061	4232
1834	1041	991	2032	1894	2209	2108	4317
1835	963	910	1873	1895	2288	2180	4468
1836	1052	1010	2062	1896	2348	2242	4590

Год	Маль- чики	Девоч- ки	Оба пола	Год	Маль- чики	Девоч- ки	Оба пола
1837	1075	1032	2107	1897	2381	2275	4656
1838	1118	1061	2179	1898	2371	2260	4631
1839	1190	1138	2138	1898	2371	2260	4631
1840	1027	980	2007	1899	2424	2309	4733
1841	1124	1063	2186	1900	2477	2357	4834
1842	1093	1045	2138	1901	2469	2355	4824
1843	1183	1122	2305	1902	2585	2464	5049
1844	1227	1168	2395	1903	2588	2458	5046
1845	1219	1162	2381	1904	2556	2522	5178
1846	1178	1127	2305	1905	2502	2388	4890
1847	1224	1168	2392	1906	2683	2556	5239
1848	1282	1123	2505	1907	2776	2656	5432
1849	1201	1137	2338	1908	2751	2620	5371
1850	1290	1228	2518	1909	2799	2673	5472
1851	1227	1172	2399	1910	1868	2753	5621
1852	1276	1215	2491	1911	2875	2759	5634
1853	1364	1308	2672	1912	2903	2790	5693
1854	1312	1250	2562	1913	2895	2774	5669
1855	1284	1210	2494	1914	2956	2822	5778

Литература

1. Бессер Л., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851–1890 гг.. СПб., 1897.
2. Борткевич В.И. Смертность и долговечность мужского православного населения Европейской России. Записки Императорской Академии Наук. Т. 63, Приложение. СПб., 1890.
3. Борткевич В.И. Смертность и долговечность женского православного населения Европейской России. Записки Императорской Академии Наук. Т. 66, Приложение. СПб., 1891.
4. Буяковский Б.Я. Опыт о законах смертности в России и о распределении православного населения по возрастам. СПб., 1865.
5. Венецкий И.Г. Математические методы в демографии. М., 1971.
6. Всеподданнейшие отчеты Обер-Прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1890–1914 гг. СПб.
7. Движение населения в Европейской России за 1867–1910 гг. Издание ЦСК МВД. СПб., [Б.Г.].
8. Ежегодник России за 1904–1915 гг. СПб.
9. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.
10. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения. СПб., 1905. Т. I и II.

11. *Покровский В., Рихтер Д.* Раздел “Население” в статье: “Россия”. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 17-а (54-й полутом). СПб., 1899.
12. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
13. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л., 1930.
14. Управление Главного Врачебного Инспектора МВД. Отчеты о состоянии народного здоровья в России (до 1904 г. – Отчеты медицинского департамента) за 1880–1914 гг. СПб.
15. *Ястремский Б.С.* Приложение к статье “Можно ли пользоваться непосредственными данными переписей о возрастном составе населения”, помещенной в “Вестнике статистики” № 5-8, 1920 г. // Вестник статистики. 1920. № 9–12.
16. *Biraben J.-N.* Naissances et répartition par âge dans l'empire Russe et en Union Soviétique // Population. 1976. N 2.

МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРОКРЕАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СССР¹

1. Введение

Демографы, исследующие современные тенденции рождаемости и прокреативного поведения и интересующиеся, в первую очередь, настоящим и будущим, никогда не могут избежать и обращения к прошлому. В их представлениях и оценках в явном или неявном виде всегда присутствует сравнение сегодняшних тенденций с прошлыми, стремление понять генезис демографических явлений и процессов, наблюдаемых в наши дни. Понимание и прогнозирование этих явлений и процессов оказывается во многом зависящим от прочтения более широкого исторического контекста.

Под прокреативным поведением в докладе понимается система действий и поступков (отдельных актов поведения) индивида или супружеской пары, оказывающих непосредственное влияние на процессы зачатия, вынашивания или рождения у них детей. В СССР коренные перемены в прокреативном поведении большинства населения произошли совсем недавно, буквально на глазах живущих еще и сейчас поколений, что проявилось в стремительном изменении уровня рождаемости. Еще в начале XX в. рождаемость в стране была одной из самых высоких в мире. На рубеже столетий общий коэффициент рождаемости по 50 губерниям Европейской России был близок к 50‰ [27, с. 168], коэффициент суммарной рождаемости, по некоторым оценкам, превышал 7 [51, с. 213], число рождений на одну женщину, состоявшую в браке на протяжении всего плодovитого периода, было больше 9 [6, с. 236]. К 1980 г. общий коэффициент рождаемости по СССР в целом опустился до 18,3‰, коэффициент суммарной рождаемости – до 2,3, среднее число рождений на одну замужнюю женщину, достигшую к этому времени 40 лет, – до 2,6 [8, с. 177, 180, 184].

Резкое изменение показателей указывает на перемены в массовом прокреативном поведении, происходившие на протяжении XX в. Эти перемены не сводились только к изменению среднего числа рождений на одну женщину или одну супружескую пару –

¹ Доклад на втором советско-французском демографическом семинаре. Суздаль, 15–19 сентября 1986 г. Опубликовано на французском языке: *Le rôle des connaissances historiques dans l'étude du comportement procréateur en U.R.S.S.* // *Annales de démographie historique* 1987. P., 1988. P. 213–239. На русском языке публикуется впервые.

они включали в себя также изменения в возрасте матерей при рождении каждого из детей, в распределении детей по порядку рождения, в длине интервалов между рождениями, в других показателях, которые участвуют в количественном описании прокреативного поведения.

Но все эти количественные изменения едва ли были бы возможны, если бы одновременно прокреативное поведение не подвергалось глубокой *качественной* перестройке. Ясно, что подобная перестройка была связана с коренными изменениями в жизни общества в целом и семьи как одного из его важнейших институтов, в частности. Однако вопрос о том, *что именно изменилось* в жизни каждой отдельной семьи, уже не так ясен, на него имеются разные ответы, зависящие, не в последнюю очередь от того, как понимается то, *что было* накануне начала кардинальных перемен. Какими были нормы и правила прокреативного поведения, его мотивы, побуждения, цели, процедуры принятия решений, каким был весь социальный механизм, контролирующий прокреативное поведение?

В России этот механизм действовал еще совсем недавно – практически до конца XIX – начала XX в. Между тем на русском материале он почти не исследовался – имеются единичные работы, в которых обсуждается система социальной детерминации высокой рождаемости в дореволюционной России [см., напр., 6; 22]. В то же время существует огромная литература о быте, нравах, семейных отношениях, обычаях, обрядах разных слоев русского дореволюционного общества, которая позволяет получить ответы на многие вопросы, интересующие современного демографа, и, может быть, несколько изменить тот образ прошлого, который незримо присутствует сегодня на страницах многих книг и статей, посвященных актуальным проблемам рождаемости.

2. Экономическая ценность детей

Касаясь вопроса о факторах генезиса современного прокреативного поведения, демографы обычно ставят на первое, или, во всяком случае, на одно из первых мест в перечне таких факторов эпохальные сдвиги в роли детей в экономике семьи [3, с. 183; 15, с. 94; 35, с. 180]. Считается, что в результате общих социально-экономических изменений дети из носителя экономических преимуществ превратились в экономическую обузу. Межпоколенный поток экономических благ, который, по мнению Дж. Колдуэлла, во всех традиционных обществах был направлен от младших поколений к старшим, повернул на 180 градусов, и

это решило дело [47, с. 345–355]. Иными словами, очень важная черта “образа прошлого”, каким его видят демографы, – экономическая выгодность детей.

На первый взгляд, экономическая выгодность многодетности в прошлом и впрямь не вызывает сомнений – хотя бы потому, что она должна была, как кажется, вести к формированию более крупных семей, которые бесспорно больше, нежели малые, отвечали требованиям российского земледельческого хозяйства как в дореформенное, так и в пореформенное время. В среднем такие семьи бывали более зажиточными, в прошлом об этом много писали. В частности, на хозяйственную выгодность больших семей указывал В.И. Ленин, ссылавшийся, в свою очередь, на наблюдения современников [16а, с. 127]. Многодетность была, конечно, одним из факторов формирования больших семей. Но вот что интересно. Авторы XIX в., да и более ранние, обычно обращались к вопросу о величине семьи в связи с проблемой семейных разделов, невыгодность которых всем казалась очевидной. На этот счет имеется очень много высказываний, на предотвращение разделов были направлены различные законодательные и административные меры и т.д. Но нам не удалось встретить никаких попыток увязать вопрос об экономических преимуществах больших семей с вопросом о рождаемости.

В какой-то мере это можно объяснить социальной табуированностью, культурной неприемлемостью подобной “увязки” – с точки зрения православия, создание новой жизни – дело Бога, а не человека. Но все же помещики крепостной эпохи, рассуждая не с позиций отдельной крестьянской семьи, а со своих позиций владельцев крепостных душ, порой не останавливались перед некоторой неортодоксальностью своих суждений и поступков. Как писал один из них, “добрые экономы от скотины и птиц стараются племя разводить, а человек, просвещение разумеющий, паче должен о размножении рода человеческого, при помощи божией, печность (т.е. заботливость) приложить” [цит. по: 31, с. 309]. Многие и прилагали, следя, скажем, за тем, чтобы крепостные пораньше вступали в брак. А у некоторых, как, например, у полководца Суворова, даже “практиковалось нечто вроде премий или наград за плодовитость” [там же].

Подобных рассуждений или мер, предпринимаемых, с точки зрения интересов отдельной семьи, нам встречать не приходилось. И дело, видимо, не столько в их социокультурной неприемлемости – даже весьма неодобряемые соображения или формы поведения оставили след в тех или иных дошедших до нас источниках – церковных, фольклорных и т.д. Дело, скорее, в том, что объективно связь между деторождением, величиной семьи и ее

благосостоянием была далеко не однозначной. Она не давала оснований для выбора индивидом или семьей той или иной линии прокреативного поведения, ибо самые разные факторы делали его предвидимые экономические результаты весьма неопределенными. Важнейшее место среди них занимала высокая смертность – недостаточно было родить детей, надо было, чтобы они выжили, а здесь мало что зависело от родителей. “Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?” – писал М.В. Ломоносов [17, с. 391]. Но даже если дети выживали, это далеко не всегда было залогом экономического процветания. “Прижитие детей вводит немедленно в каждое семейство розные отношения, которые порождают между ними совершенное неравенство, как в отношении нужд, так и в отношении рабочих сил ... Так как число детей и возраст их в каждой семье различен, то вместе с детьми возникает между домохозяевами глубокое различие состояния; оно доходит до таких крайностей, что вовсе изменяет все условия хозяйства” [5, с. 38]. Очень часто крестьянской семье с детьми “приходилось пережить трудный период прежде, чем она могла достичь относительного благополучия. Как ни рано крестьянские дети начинали помогать взрослым, это время наступало не сразу ... Чем больше было несовершеннолетних детей, тем тяжелее было материальное положение семьи. Время до того, как первые дети станут взрослыми, было очень тяжелым в жизни семьи, в этот период она могла и обеднеть. Если на семью со многими малолетними детьми обрушивалось несчастье, скажем, смерть главы семьи, что было не такой уж редкостью, ее экономическое положение оказывалось отчаянным” [22, с. 99].

Эту оценку экономического положения многодетной семьи трудно совместить с представлениями о необыкновенной дешевизне воспитания детей в прошлом. Однако насколько обосновано это представление? Конечно, воспитание детей обходилось намного дешевле, чем сейчас, но ведь и достаток крестьянской семьи был очень невелик, часто проблемой было спастись просто от голода. Во всяком случае, литература конца XIX – начала XX вв. не дает оснований заключить, что число маленьких детей было безразличным для семьи обстоятельством. Напротив, часто подчеркиваются экономические тяготы, связанные с их воспитанием, хотя, конечно, они были совсем не те, что сейчас. Показателен в этом отношении передаваемый А.Н. Энгельгардтом разговор с крестьянкой, которая благодарит бога за то, что у нее умер ребенок. “Ведь он грудной был, хлеба не просил?” – удивляется автор. – “Конечно, грудной хлеба не просит, да ведь, меня тянет тоже... Теперь, как Бог его прибрал, вольнее мне стало”

[43, с. 121–122]. Об этом же говорят и многочисленные наблюдения Г.И. Успенского, например, его рассказ о том, как разорившийся крестьянин “пошел на поправку”, благодаря гибели трех его маленьких детей, причем эта “поправка” была предсказана односельчанами, узнавшими о трагедии: “Горе, горе, что говорить!.. А что Алексе все полегче станет – это верно, потому как же?.. куда с этакой оравой ребят выбиваться... А теперича, пожалуй что, и на поправку должен пойтить...” [40с, с. 185–186]. В другом месте Г.И. Успенский пишет, что “существование в крестьянском быту желания сохранить женщину для возможно большего количества рабочих дней – желания, чтобы “баба” в трудную рабочую пору “страды” была здорова, не лежала в родах и не была брюхата, – несомненно” [40b, с. 103]. Видимо, крестьяне оценивали нагрузку, связанную с воспитанием ребенка, несколько иначе, чем современные демографы, и вовсе не считали ее незначительной. Такая оценка отразилась и в фольклоре. Один из авторов, изучавших, как отношение к детям отразилось в русских, украинских и белорусских пословицах и поговорках, отмечал, что, по народным представлениям, “чисто материальный вопрос о содержании нового члена семьи, не должен беспокоить родителей” [13, с. 116]. “Дал бог роточек, даст и кусочек”. “Много бывает, а лишних не бывает. Много есть, да лишних нет” [10, с. 298]. Но в то же время в изобилии пословицы, свидетельствующие о том, что “воспитание детей тяжело отзывается на материальном благосостоянии родителей” [13, с. 117]. “Сын да дочь, да и тех кормить невмочь” [10, с. 299]. “Одно взять – или детки водить, или деньги копить”, “У богатого телята, а у бедного ребята” [13, с. 117, 119] и т.д. В конце XIX – начале XX в. экономические тяготы многодетности осознавались уже весьма отчетливо. “Жизнь крестьянская, – отмечал один из исследователей, – с каждым годом становится дороже, а скудная земля не удовлетворяет этого. “Хорошо иметь детей, – говорят крестьяне, – если их один, двое или, самое большее, трое. Больше этого они становятся родителям в тягость”. Дальнейшая плодовитость супругов-крестьян – божье наказание. Чем больше в семьях детей, тем больше бедности, недостатка и голода” [37, с. 221].

В свете только что сказанного нельзя не задуматься еще раз над вопросом о соотношении межпоколенных потоков экономических благ в патриархальной семье. Действительно ли всегда преобладал поток от детей к родителям, как полагает Дж. Колдуэлл? Спору нет, крестьянские дети начинали работать рано, а плодами их трудов распоряжались родители.

Но ведь они отнюдь не были людьми, живущими в свое удовольствие за счет остальных членов семьи – этого не допускали

ни уровень благосостояния крестьянства, ни вся обстановка жизни тогдашней деревни, ни подлинный характер семейных отношений. Глава семьи, “большак”, был прежде всего носителем ее общих экономических интересов. Достояние же семьи было, в известном смысле, ее общей собственностью и рано или поздно наследовалось представителями младшего поколения или делилось при выделе новых семей. Шла ли речь о наследстве, получении своей доли при разделе сыновьями или о приданом дочерям – во всех этих случаях поток экономических благ был направлен от старшего поколения к младшему. Родители, таким образом, были не просто получателями и потребителями благ, производившихся детьми (даже если такое потребление имело место, что было далеко не всегда), – они выполняли очень важную функцию в системе производства и межпоколенного перераспределения экономических ресурсов, а тем самым во всей системе экономической преемственности поколений.

Легка ли была эта функция и зависела ли ее тяжесть от числа детей? Иногда приходится встречаться с упрощенным ответом на этот вопрос. “Экономическая полезность детей, – читаем мы в одной недавней работе, – “ вполне доказана: сыновья были работниками, а дочери, кроме того, приносили выкуп (калым)” [11, с. 102]. Но ведь если кто-то получал калым, то кто-то должен был его и платить. То же относится и к приданому, на примере которого как раз можно хорошо проследить направление “потока экономических благ”.

Один из авторов, хорошо знавший крестьянский быт начала нашего века, писал о необходимости собирать приданое для дочерей, как об экономическом бедствии для крестьянской семьи. “Рождение девочки в семье рассматривается главой семьи как несчастье: оно несет разорение ей, и чем больше девочек, тем глубже оно” [7, с. 7]. Особенно важная часть приданого – личное женское имущество по веками выработанной норме (“наряд”, “снаряд”, “коробья” и т.д.), которое собиралось всю жизнь девочки – от рождения до замужества. “Девочка в люльку – новинка в коробку” [13, с. 121] – гласила пословица. “Дочки оставляют матку без сорочки” [там же]. “Снаряд” стоил дорого. Например, Р.Я. Внуков пишет, что, по оценке крестьян, его стоимость была равна или почти равна стоимости всего хозяйства [7, с. 7]. По мнению другого автора, “если оценить снаряд только в две коровы, то получается, что у середняка, имеющего дочь-невесту, значительная доля его имущества исключена из хозяйственного оборота. Редкий крестьянин может готовить снаряд без ущерба для хозяйства” [33, с. 35]. Подчеркивая непроизводительный, потребительский характер этих огромных затрат, отрываемых от хозяйства,

отмечали одновременно, что родители никогда не стремились от них уклониться. “Бесполезно говорить крестьянину об улучшении хозяйства, многополье, выходе на поселок и т.д. (о матери уже и речи нет), когда есть в семье дочь “на выданье” [7, с. 7].

Недешево обходилась женитьба и семье жениха. Она платила семье невесты своеобразный выкуп (“кладка”, “кладки”, “поклажа” и т.п.) – по оценке одного из авторов второй половины прошлого века от 20 до 80, а у богатых – и до 100 рублей – деньги по тем временам очень немалые [20, с. 25]. Да еще надо было сыграть свадьбу. О.П. Семенова-Тян-Шанская писала, что “самой средней руки свадьба обходится мужику рублей пятьдесят” [32, с. 60], при том, что, по ее же данным, поставить деревянную избу стоило от 50 до 120 рублей, а годовой бюджет семьи среднего достатка из 6 человек составлял около 80 рублей [32, с. 1, 83–84]. Понятно, что все эти расходы несли родители и что дети, часто вступавшие в брак очень молодыми, даже и начиная работать с малолетства, сами не могли накопить необходимых для женитьбы или замужества средств. Суммируя сказанное, нельзя не прийти к выводу, что экономическая выгодность многодетности для традиционной русской крестьянской семьи отнюдь не столь бесспорна, как это может показаться, если исходить из отдельных изолированно рассматриваемых фактов, таких, как экономические преимущества больших крестьянских семей, раннее начало трудовой деятельности детей и т.д. Соответственно и экономическая ценность детей – как объективная, так и в понимании большинства народа, – не была столь высокой и устойчивой, как это представляется некоторым демографам, связывающим высокую рождаемость в прошлом в значительной степени, а иногда и почти исключительно с этой ценностью.

3. Неэкономическая ценность детей

Экономическая ценность детей для семьи образует лишь одну сторону их более широко понимаемой социальной ценности. Существуют и другие, неэкономические ее стороны, не исключено, что они могут иметь для семьи даже большее значение, чем экономические, в нужных случаях усиливать действие этих последних или нейтрализовать его и т.д. Неэкономическая ценность детей определяется их ролью в воспроизводстве общества, в социальной преемственности поколений, а также их влиянием на жизнь семьи, на процессы ее интеграции, на выполнение ею социально-психологических функций и т.д. Все эти функции детей

осмысливаются обществом в процессе его развития, получают отражение в его культуре, системе ценностей, нормах поведения, которые, в свою очередь, с молоком матери впитываются каждым новым поколением и сопровождают его обычно на протяжении всего жизненного пути.

Говоря о понимании ценности детей людьми русского традиционного общества, об отражении этого понимания в их поведении, можно выделить два уровня, на которых дети как ценность воспринимаются по-разному. На одном, “верхнем”, “парадном” уровне дети выступают как ценность очень высокого ранга, как нечто сокровенное, святое, то, ради чего должен жить человек. Такое понимание ценности детей поддерживается установками культуры, общепризнанными нормами богоугодного поведения, оно охотно демонстрируется “на миру”, люди руководствуются им в особых, критических обстоятельствах своей жизни. Примером реального функционирования подобных ценностей могут служить “так называемые тяжкие клятвы, которым народ придает особое значение, например, клятва собственными детьми”. “Если человек уже начал таким образом клясться, то и судьи верят ему” [30, с. 61].

Однако при переходе к обычному, обыденному поведению людей происходит как бы снижение, приземление культурно-нормативного понимания ценности детей, оно переходит на другой уровень. Если на “парадном” уровне демонстрация пренебрежения детьми как ценностью граничит с богохульством, отступничеством, то на бытовом, “повседневном” уровне допускается гораздо более широкая гамма оценок и линий поведения по отношению к детям.

В своих “Пословицах русского народа” (1862 г.) В. Даль приводит две очень похожие по звучанию, но абсолютно противоположные по смыслу пословицы о детях:

“С ними горе, а без них вдвое”,

“Без них горе, а с ними вдвое” [10, с. 298].

Полярность оценок свидетельствует здесь об отсутствии жесткой закреплённости понимания ценности детей в народном сознании, о возможности трезво оценивать реальные семейные ситуации и место в них детей, противоречивость их роли (причем не только экономической, о которой говорилось выше) в жизни семьи. Поэтому нас не должно удивлять, что действительное отношение к детям, их рождению, воспитанию, сохранению их жизни и т.д. далеко не всегда соответствовало тому, что мог бы ожидать человек XX века, исходя из своих представлений об отношениях родителей к детям или из знания только “парадных” ценностей традиционного общества.

В демографической литературе не раз предпринимались попытки выделить и классифицировать различные компоненты “неэкономической ценности” детей (см., напр.: [46, с. 168–169; 48, с. 4–5; 50, с. 46–61]). Несомненно, в русской дореволюционной действительности были объективные основания для существования некоторых из них. Так, появление ребенка, особенно сына, способствовало укреплению статуса “взрослых” у его родителей; осознанию ими чувства ответственности за свою семью, которая нередко только после рождения ребенка начинала существовать как некая реальность, хоть как-то выделяющаяся в составе неразделенной отцовской или братской семьи; проявлению родительского авторитета, родительской власти.

Родители обладали очень большими правами по отношению к своим детям. Церковь, светские власти на протяжении многих сотен лет в качестве одного из главных нравственных требований и одной из важнейших норм поведения выдвигали почитание родителей детьми, беспрекословное повиновение родителям. Об этом говорится уже в Уставе Ярослава Мудрого. С.М. Соловьев приводит слова Петра I: “Не почитающие давших им жизнь суть самые неблагодарнейшие твари; а неблагодарность из всех пороков есть наигнуснейший” [36, с. 645]. В народном сознании глубоко укоренилось представление о безграничных правах родителей по отношению к детям. В древности нередко были случаи продажи детей [28, с. 245], но даже и в конце XIX в. еще “встречалось выражение “отец заложил сына” (то есть отдал в работу на определенный срок, а деньги взял вперед)” [30, с. 19]. Родителям принадлежало решающее слово, когда речь шла о женитьбе или замужестве детей. По одному из многочисленных свидетельств той же эпохи – конца XIX в. “в отношениях детей к родителям до сих пор еще живет и действует в вопросе о браках принцип невмешательства детей в распоряжение их судьбою” [30, с. 68–69]. В целом многие столетия – вплоть до первых десятилетий XX в. “в крестьянском мировоззрении отсутствует пункт об ответственности родителей перед детьми, но зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде” [7, с. 17].

Родительский “абсолютизм” был органической частью всей системы отношений русского феодального общества. Интересно отметить, что первая же систематическая критика всего общественного строя крепостнической России поставила под сомнение и вечный долг детей перед родителями. А.Н. Радищев вложил в уста своего персонажа, обращенные к детям необычные для того времени рассуждения о родительском и сыновнем долге, интересные еще и тем, что они показывают, в чем мог видеть ценность детей передовой русский человек конца XVIII в. “...Изжените из мыслей ваших,

что вы есте под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не в рас-судке, а меньше еще в законе хочу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце... Не должны вы мне ни за вос-кормление, ни за наставление, а меньше всего за рождение... Кто скажет, что, вступая в супружество, помышлял о наследии и потом-ках? Вкушая веселие, природой повеленное, о вас мы не мыслили. Рождение ваше нам было приятно, но не для вас. Произведение са-мого себя льстило тщеславию; рождение ваше было новый и чув-ственный, так сказать, союз, союз сердец подтверждающий. Он есть источник начальной горячности родителей к сынам своим; подкрепляется он привычкою, ощущением своего власти, отраже-нием похвал сыновних к отцу” [26, с. 108–109].

Взгляды Радищева, вызывавшего не к долгу, а к сердцу детей, были исключением. Господствующая же система отношений, по-зволяя видеть в детях определенную положительную ценность, – источник престижа, власти, самоутверждения, не в последнюю очередь и источник эксплуатации, сводила на нет значение “сер-дечной привязанности”, тех компонентов неэкономической цен-ности детей, которые связаны с психологическим удовлетворени-ем от общения с детьми и имеют наименее выраженный инстру-ментальный смысл. Доминирующие культурные установки мень-ше всего были направлены на укрепление эмоциональной сторо-ны взаимодействия родителей и детей. Скорее напротив, они ориентировали на ослабление эмоциональных связей между ни-ми, на увеличение дистанции между родителями и детьми.

Стиль воспитания, общения с детьми в прошлом полностью соответствовал общему духу внутрисемейного неравноправия и мало способствовал тем эмоционально насыщенным контактам между родителями и детьми, которые сейчас рассматриваются как важная позитивная семейная ценность. Главный принцип воспитания – суровость наказаний, как это рекомендует, напри-мер, “Домострой” (XV–XVI вв.). Еще и в XVII в. Симеон Полоц-кий воспевал этот принцип, утверждая, что если в отчих руках нет “жезла наказания”, то чадо “в змия люта претворится”. “Роз-га буйство из сердец детских прогоняет. / Родителям древянный жезл буди на чада, / Да не страждут железна от судии града” (Цит. по: [36, кн. 7, с. 151]).

В то же время игры, развлечения и даже просто общение с детьми ставятся под сомнение или осуждаются. Например, еще в XI в. митрополит Иоанн всерьез обсуждал вопрос о допустимости для мирян совместных семейных обедов с женами и детьми и при-знал их допустимыми, но только при соблюдении строгого чина – без “игранья и бесовского пенья и блудного глумленья” [28, с. 219]. Одно из правил “Домостроя”: “Не смейся к нему (детищу),

игры творя: в мале бо ся ослабиши, в велице поболиши, скорбя” [12, с. 18]. Вот как описывает историк общий характер отношений в семье XVI–XVII вв. “Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... Покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, чем более проникнут был учением православия, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже... Слова почитались недостаточными, как бы они убедительны ни были” [14, с. 155].

Еще одним важным неэкономическим или, во всяком случае, не только экономическим фактором, который вероятно, должен был отразиться на понимании ценности детей, было влияние беременностей и родов на здоровье женщины. Авторы XIX в. постоянно указывали на повсеместное распространение женских болезней как следствие раннего начала половой жизни и деторождения, частых родов, несоблюдения элементарных гигиенических требований во время беременности и родов. “Так называемые женские болезни терзают огромное большинство деревенских женщин”, – писал Г. Успенский [40b, с. 103]. А вот свидетельство врача. “Каждому врачу, практиковавшему среди сельского населения, известно, насколько часто встречаются женские болезни...: большинство этих болезней обязано своим происхождением родовому акту” [1, с. 60]. Часты были выкидыши, мертворождения. За рождение большого числа детей женщины платили дорогую цену, и это не могло не оставлять следа в народном сознании.

Различные, нередко находящиеся во взаимном противоречии компоненты ценности детей – как экономической, так и неэкономической – постоянно осмысливались общественным и индивидуальным сознанием и уже в обобщенном, интегрированном виде проявлялись в отношении к конкретным явлениям или событиям, так или иначе связанным с детьми, в их оценке отдельными людьми или коллективной народной мудростью. Для нашей темы наиболее важно отношение к таким событиям, как рождение и смерть детей.

4. Отношение к рождению и смерти детей

На протяжении столетий для русской культуры была характерна ярко выраженная пронаталистская ориентация. Религиозные предписания, народные представления и обычаи, карпогенические обряды – все подчеркивало желательность рождения детей, бездетность рассматривалась как несчастье и т.д. “У кого де-

тей нет – во грехе живет” [10, с. 297]. – пословица, хорошо отражающая народные взгляды на этот счет. Православие считало рождение детей единственным оправданием половой жизни в браке. Во многих пословицах в весьма одобрительных тонах рисуется образ многодетной семьи. “У кого детей много, тот не забыт от бога”, “Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын” [10, с. 298]. Таков же обычный мотив колыбельных песен: “Бай-бай! Бай-бай! Семерых бог дай” [19, с. 145] и т.д.

В то же время мы находим немало свидетельств и того, что рождение детей, особенно когда оно было связано с многодетностью, далеко не всегда рассматривалось как благо. Многие народные пословицы, явно снижая звучание пронаталистского камертона, пронизируют по поводу многодетности, а иногда отражают ее явное неодобрение. “Ребята, что мокрицы, от сырости разволятся”, “Был бы коваль да ковалиха -- будет и этого лиха”, “Прежде одну свинью кормили, а теперь с поросятами” (о снохе) и даже: “Хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем” [10, с. 297–298]. Заботит именно многодетность, о чем прямо говорится и в фольклорных источниках, и в свидетельствах современников. В разных источниках встречаются варианты одного и того же присловья: например, у В. Дала: “Татьяна хромонога, народила детей много” [10, с. 297] или в народной песне: “Уж ты, Танька кривонога, нарожала детей много, не знаю, как быть, во несчастья жить” [34, с. 86]. “Каб вы, деточки, часто сеялись, да редко всходили” [13, с. 119] – не лишнее юмора пожелание, тоже облеченное в форму пословицы.

Анализируя отношение к рождению детей в семье по его отражению в русских, украинских и белорусских пословицах и поговорках, автор начала нашего века отмечает: “Положение в семье первых по рождению детей рисуется в более привлекательном свете, нежели последующих. Их рождение встречается с большей радостью” [13, с. 122]. “Первые детки – соколятки, последние – воронятки” [10, с. 298] – гласила пословица. Об этом же говорят и прямые наблюдения современников, касающиеся того, как многодетность воспринималась в реальной жизни. Одни из них отмечают, что “крайняя тягость для матери, возникающая прямо из крестьянского быта ... заставляет ее иногда избегать зачатия и беременности” [9, с. 74] – к этому вопросу мы еще вернемся. Другой автор свидетельствует, что первого ребенка “еще ждут более или менее радостно... К дочери отец относится совершенно равнодушно. Такое же отношение, впрочем, проявляет и ко второму, и третьему сыну. Матери же начинают обыкновенно тяготиться уже третьим ребенком... Если баба начинает часто родить, то в семье к этому, конечно, относятся неодобрительно,

не стесняясь иногда делать грубые замечания по этому поводу: ишь ты, плодливая, обкласась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли они, твои щенки-то” [32, с. 7–8]. Выше мы уже приводили, со слов В. Степанова, мнение крестьян о нежелательности иметь более троих детей. Он же пересказывает слова многодетной матери-крестьянки: “И послал же господь наказание. У людей хоть умирают, а у нас, словно на грех, растут и растут” [37, с. 222].

Вообще мы видим, что отношение к родившимся детям постоянно переплетается с отношением к их смерти, что проявляется и в реальном поведении людей, и в их рассуждениях. Это и не удивительно. Смерть детей была частым гостем во всех семьях – еще в 1913 г. только на первом году жизни умирало свыше четверти родившихся [24, с. 141]. В этих условиях “большую частью родители ... относились почти равнодушно к смерти своих малолетних детей, считая, что это бог берет их к себе, пока они еще не нагрели” [41, с. 45]. “Родители очень заботились о сохранении 2–3 детей, к судьбе других относились хладнокровнее. А бывало, матери многодетных семей, измученные непосильной нагрузкой, благодарили бога за то, что он “прибрал” их ребенка” [22, с. 98–99]. Разумеется, это не значит, что родители, особенно матери, были равнодушны к жизни своих детей – и художественная, и очерковая литература XIX в. не раз обращалась к теме горьких страданий женщины, потерявшей ребенка. Вспомним, например, переживание матерью смерти Демушки в поэме Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”. Однако преобладающим было пассивное, фаталистическое отношение к смерти детей, не позволявшее родителям придавать слишком большого веса своей потере.

Даже просвещенные люди своего времени разделяли такую пассивную позицию. Известный мемуарист XVIII в., один из основателей русской агрономической науки А.Т. Болотов писал по поводу смерти своего первого сына. “Оспа... похитила у нас сего первенца к великому огорчению его матери. Я и сам хотя и пожертвовал ему несколькими каплями слез, однако перенес сей случай с нарочитым твердодушием: философия моя помогла мне много в том, а надежда ... вскоре опять видеть у себя детей, ибо жена моя была опять беременна, помогла нам через короткое время и забыть сие несчастье, буде сие несчастьем назвать можно” [2, с. 644–645]. А после рождения другого сына А.Т. Болотов записал в дневнике: “Будет ли он жив, того не знаю, равно как и желать, и не желать того не могу довольно; это зависит от воли господней, и он пусть делает, что ему будет благополучно!” [2, с. 1076].

Стоит ли удивляться, что крестьяне, жившие в постоянной нужде, воспринимали смерть детей еще пассивнее. А.Н. Энгель-

гардт описывает реакцию матери на болезнь и возможную смерть дочери – молодой девушки. “Мать, которая очень любила и баловала Аксюту, отнеслась к этому совершенно хладнокровно, т.е. с тем, если можно так выразиться, бесчувствием, с которым один голодный относится к другому. “А и умрет, так что же – все равно, по осени замуж надо выдавать, из дому вон; умрет, так расходу будет меньше” (похоронить стоит дешевле, чем выдать замуж)” [43, с. 81]. Те же фатализм, пассивность, равнодушные к жизни детей нередко звучат в произведениях фольклора – в пословицах (“На рать сена не накопишься, на смерть детей не нарожаешься” [10, с. 298]) и даже в колыбельных песнях. Вот одна из них “Бай, бай да моли!/ Хоть сегодня умри. //Завтра мороз, / Снесут на погост, /Мы поплачем, повоем, – /В могилу зароем” [42, с. 10]. Конечно, в данном случае речь идет все же о крайностях. Исследовательница русских колыбельных песен А.Н. Мартынова отмечает, что среди изученных ею 1800 колыбельных большинство выражает материнскую любовь к детям и только 80 (менее 5%) содержат пожелание смерти им. Но все же, анализируя географическое распределение и время записи этих песен, она приходит к выводу, что такие записи не случайны и содержащийся в них мотив устойчив [19, с. 145–146].

Пассивное отношение к жизни и смерти детей имело глубокие корни в тяжелых материальных условиях жизни народа, его невежестве, неумении бороться со смертью. Но очень важно и то, что такое отношение было закреплено в культуре, которая в определенном смысле предписывала пассивность поведения, когда речь шла о человеческой жизни. Глубокий знаток народной жизни Г.И. Успенский писал, что забота о человеке в русской деревне “не смеет равняться с заботами, например, о скотине” [40а, с. 20]. Он сравнивает поведение крестьянина, когда у него болеют ребенок и лошадь: в обоих случаях пытаются лечить “домашними средствами”. Но если эти средства не дают результата, то к лошади позовут коновала и три рубля серебром ему не пожалуют. “У коновала есть “инструменты”, выдуманные народом, есть “верные”, точные средства, а для человека ничего в этом роде не выдуманно, кроме знахарей, которые далеко ниже по познаниям коновала” [там же]. Поэтому, когда болеет ребенок, “то тут могут только плакать и прикладывать тряпку с навозом или с чем-нибудь другим, что тут “около дому” валяется [40а, с. 21].

Будучи типичной чертой патриархальной культуры, пассивность в борьбе с детской смертностью (как, впрочем, и со смертностью вообще), находила своих защитников даже тогда, когда появились реальные шансы на успех такой борьбы. На ее защиту выступали сторонники сохранения: всех традиционных куль-

турных ценностей, многие из которых все больше утрачивали свое значение в России второй половины XIX – начала XX в. Характерно в этом отношении рассуждение Позднышева, героя “Крейцеровой сонаты” Л.Н. Толстого. Позднышев осуждает свою жену за ее переживания во время болезней детей, ее веру во врачей и т.д. “Если бы она была совсем животное, она так бы не мучалась; если же бы она была совсем человек, то у нее была бы вера в Бога, и она бы говорила и думала, как говорят верующие бабы: “Бог дал, Бог и взял, от Бога не уйдешь”. Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и ее детей, вне власти людей, а во власти только Бога, и тогда бы она не мучалась тем, что в ее власти было предотвратить болезни и смерти детей, а она этого не сделала” [38с, с. 43].

Мы подходим здесь к вопросу о том, что сама по себе ценность детей, даже и достаточно высокая, в традиционных условиях могла не быть регулятором демографического поведения, во всяком случае, одним из его главных регуляторов, ибо определенные формы и способы поведения сами по себе могли иметь намного большую социальную ценность, игнорировать которую было невозможно. Если пассивность и смирение были образцами добродетели, когда речь шла о спасении жизни уже родившегося и часто любимого ребенка, то можно ли ожидать большой активности поведения, влияющего на рождение детей? Рассмотрим этот вопрос более подробно.

5. Регулирование деторождения

Если соотношение положительных и отрицательных компонентов ценности детей для семьи, равно как и отношение родителей и их родственников к рождению и смерти детей неоднозначны, могут зависеть от внешних условий, допускают богатую гамму различных позиций в этих вопросах и т.д., то кажется естественным, что и прокреативное поведение должно обладать достаточно большим разнообразием, варьировать в зависимости от объективных условий и субъективных особенностей людей. Однако такого разнообразия обнаружить не удастся. Напротив, прокреативное поведение супругов в прошлом отличалось завидным единообразием, его характернейшая черта – отсутствие намеренного вмешательства в процесс прокреации или, во всяком случае, минимальная степень такого вмешательства. Те же авторы, которые показывали, как тяготилась крестьянка большим числом детей, подчеркивали, что “как бы ни была обременена женщина детьми, она никогда не решится употребить средство против родов. Это считается незамолимым грехом” [37, с. 222].

Даже в конце прошлого века внутрисемейное регулирование деторождения имело очень малое распространение. По нашим оценкам, оно снижало уровень брачной рождаемости в Европейской России менее, чем на 10% [6, с. 236].

Это, конечно, не значит, что в русском традиционном обществе не существовало стремления в тех или иных ситуациях избежать зачатия или рождения законного, а тем более незаконного ребенка. Были известны, вероятно, и многие методы достижения этой цели. Если же избежать нежеланного рождения не удавалось, то матери нередко стремились избавиться от ребенка, порой не останавливаясь и перед детоубийством. Очевидно, однако, и то, что господствующая культура, церковь, закон постоянно вели борьбу против вмешательства родителей в процесс деторождения так же, как и против посягательства на жизнь детей. В результате все эти явления не могли получить открытого распространения, существовали в подполье как запретные, греховные отклонения от общепринятого и общепризнанного поведения.

Уже в древнерусских памятниках XI–XII вв. мы находим четкие указания на существование разных видов такого запретного поведения. В “Заповедях” митрополита Георгия (XI в.) предусматриваются наказания за три из них: “аще ли которая жена удавит дитя”, “аще ли... зелья ради извержет”, “аще ли... блуд сотворит и проказит отроча в себе” [28, с. 243]. Новгородский епископ Нифонт (XII в.) на “вопрошание” Кирика “аще жены делающе что-либо страду (какую-либо физическую работу) и вережаются и измечают?” ответил: “аже не зельем вережают, нету за то епитимья”. Комментируя этот диалог, современный историк замечает: “При чем тут была бы епитимья, если бы не молчаливое предположение у обоих собеседников, что “страда” здесь была обычным и распространенным приемом преднамеренного “измечания?” [28, с. 242]. Церковный устав Ярослава Мудрого (XI в.) предусматривал наказание жене, которая “без своего мужа или при муже дитя добудет и погубит или утопит” [28, с. 243]. По мнению Б.А. Романова, “поповская практика к концу XII в. выдвинула, однако, не прямое убийство, а второй пункт “Заповедей” Георгия с извержением “зельем”, что указывает на его бытовое значение по преимуществу” [28, с. 243–244].

Если мы шагнем из XII века в XIX, мы, пожалуй, не обнаружим существенных изменений в области регулирования деторождения. Сохраняется та же бытовая практика избегания рождений в различных ситуациях и та же запретность этой практики, сводящая ее к минимуму. Об этом свидетельствуют, в частности, крайне несовершенные, малоэффективные методы предотвращения зачатия или плодоизгнания, к которым прибегали женщины.

По свидетельству Ф.В. Гиляровского, священника, хорошо знавшего крестьянский быт, на той самой Новгородской земле, на которой за семь веков до этого епископ Нифонт осуждал применение “зелья”, женщины добивались уменьшения числа рождений, намеренно увеличивая срок кормления грудью “далее пределов законных” [9, с. 50]. “Матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого, иногда и беззубых щенят, не говоря уже об извлечении ими своего молока и более неестественным способом. Там же, где мужья уходят на заработки на год и более, матери намеренно кормят детей до тех пор, пока муж остается дома, и отнимают их, как только он уходит” [9, с. 74].

На намеренное удлинение периода лактации указывают и другие авторы. Что же касается других методов регулирования деторождения, то они имели, по-видимому, малое распространение и в основном применялись для предотвращения внебрачных рождений. Знание этих методов было очень слабым – видимо, вследствие их запретности. Приведем любопытное свидетельство на этот счет, относящееся к концу XIX – началу XX в. “Из средств, употребляемых для прерывания беременности, на первом плане стоят механические, как-то: поднимание тяжестей, прыгание со стола или скамейки, тугое бинтование и разминание живота, трясение всего тела и т.п. За этим следуют средства, которые находятся под рукой... В большом употреблении настоек тысячелистника (*Herba millefolium*), маточные рожки (*Secale cornutum*), толченый янтарь, порошок, отвар можжевельника, свежий выжатый сок чистотела (*Herba chelidonium*)..., настоек шафрана (*Safranus sativus*), иногда и живая ртуть. Появились случаи употребления внутрь фосфора, автору известно 13 случаев, все 13 женщин умерли” [1, с. 57].

Незнание даже простых методов регулирования деторождения было характерно не только для крестьян, но и для просвещенных слоев русского общества. С каким изумлением женщина из высшего круга, мать многих детей Долли Облонская у Л.Н. Толстого узнает из разговора с Анной Карениной, что есть способы не иметь детей, если не хочешь! Да и Анна Каренина сама лишь недавно узнала об этом от врача. Но Долли Облонская не просто удивлена, затронута ее нравственное чувство. “- *N'est ce pas immoral?*” – спрашивает она и в конце концов сама дает себе ответ. “- Нет, я не знаю, это не хорошо, – только сказала она с выражением гадливости на лице” [38а, с. 214–215].

В этом эпизоде Толстой очень точно очерчивает ситуацию второй половины XIX в. В это время в русском обществе было еще очень сильно и разделялось всеми его слоями традиционное

предубеждение против всякого вмешательства в процесс прокреации. Соответствующими были и знания о способах такого вмешательства. Характерно высказывание В.А. Милютинина в периодическом журнале “Современник” (1847 г.). “В последнее время предложены были... средства для противодействия развитию народонаселения... Некоторые из них до невероятности нелепы, как, например, предложение употреблять при удовлетворении чувственных наклонностей известное средство, предупреждающее рождение детей, или предложение одного доктора извлекать посредством особого инструмента, устроенного *ad hoc*, зародыш прежде его рождения. Другие средства не столь возмутительны, но также чрезвычайно странны... Предлагают употреблять предосторожность..., действительность которой подвергается многими сомнению, именно воздерживаться от половых сношений в продолжении одной или двух недель, предшествующих и следующих за периодическими болезнями женщины, на том основании, будто только в эти эпохи женщины бывают способны к воспроизведению” [21, с. 93–94].

Вторая половина XIX в. была эпохой быстрых и глубоких перемен в условиях жизни и в сознании русского общества. Эти перемены не могли не затронуть и семейную жизнь, не коснуться сферы прокреации. Постепенно распространялась и идея внутрисемейного регулирования деторождения. Однако это распространение было крайне медленным, наталкивалось на сильное противодействие, что лишний раз подтверждало прочность традиционных представлений о недопустимости, запретности намеренного вмешательства в процесс производства потомства.

Примерно через 40 лет после В.А. Милютинина Л.Н. Толстой писал о еще большем негодовании: “...С помощью науки на моей памяти сделалось то, что среди богатых классов явились десятки способов уничтожения плода... Зло уже далеко распространилось и с каждым днем распространяется дальше и дальше, и скоро оно охватит всех женщин богатых классов” [38b, с. 408]. Л.Н. Толстой адресовал свои упреки женщинам “богатых классов”, которые “заняты своими талиями, турнюрами, прическами и пленительностью для мужчин” или же “ходят на разные курсы и говорят о психомоторных центрах и дифференциации и... стараются избавиться от рождения детей с тем, чтобы не препятствовать своему одурению, которое они называют развитием” [38b, с. 408]. Но “зло” все больше проникало в жизнь широких слоев крестьянского, а тем более городского населения, неизменно вызывая бурный протест ревнителей традиционных отношений и норм.

Вот филиппика, которую Г.И. Успенский (сам весьма трезво смотревший на новые явления в жизни русской деревни) вложил

в уста своего персонажа, народнически идеализировавшего крестьянскую жизнь. “И об чем хлопочут! Не стеснять инстинкт, а чтобы детей не было... Ведь на это последний мужик плюнет, такая это ахинея и подлость ...И где же тут ваш культурный ум? И чего он стоит в сравнении с нашим мужицким умом, с нашей чистой крестьянской семьей, с детьми, сколько бы их ни родилось, и без всяких паршивых рецептов?..” [40с, с. 140–141].

А вот пример реакции на уровне городских “средних слоев” – статья в газете “Врач” за 1893 г. “Благодаря участию интеллигенции, увидевшей возможность чем-нибудь заняться и фигурировать в обществе, ...средства “разумной осторожности” стали применяться всеми без разбора”. «Средства, препятствующие зачатию, так называемые “презервативы” приобретают все более широкое распространение. В газете печатаются о них рекламы; в аптеках, аптечных складах, инструментальных и резиновых магазинах они всегда в обилии и на самом видном месте”» Автор статьи доказывает, что презервативы, равно как и *coitus interruptus*, чрезвычайно вредны для здоровья и утверждал, что “лучше уж совсем отказаться от полового сношения, чем умножать горе болезнями” [4, с. 886–887].

На пути к распространению внутрисемейного регулирования деторождения стояли не только культурные, нравственные, но и правовые нормы. В первую очередь это относится к аборту (искусственному выкидышу). В “Энциклопедическом словаре” Брокгауза и Ефрона в статье “Выкидыш” (1892 г.) говорилось: “Искусственный выкидыш производится или врачом с целью спасения жизни матери или самой матерью и другим каким-либо лицом с преступной целью – прекратить беременность ... По нашему уложению о наказаниях виновный в преступном плодизгнании подвергается лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири” [44, с. 511]. В конце XII – начале XX в. практика аборта получала все более широкое распространение, однако все же оставалась ограниченной, была загнана в подполье. Зачастую абортыв делались в антисанитарных условиях, неумело, доходило до того, что женщины “сами себе делали абортыв вязальными иглами, перьями, палочками и пр.” [25, с. 92].

Резко отрицательное отношение к аборту долгое время сохранялось и в медицинской среде. В 1889 г. на съезде Общества русских врачей были заслушаны два доклада, касавшиеся вопросов предотвращения и прерывания беременности, но, как говорилось в отчете о работе секции акушерства и женских болезней, “доклады эти имеют только то значение, что в них решились затронуть столь щекотливый вопрос ... Понятно, что секция не

пришла ни к какому решению по поводу этих докладов, кроме соглашения в том, что производство незаконного выкидыша действительно представляет собою нравственное и социальное зло” [39, с. 177–178]. И даже на съезде Общества русских врачей в 1913 г. были сторонники запрета аборта. Но в это время передовая русская общественность уже активно требовала отмены уголовного преследования врачей и пациентов за производство аборта. Дискуссия на съезде врачей 1913 г. вызвала широкий общественный отклик. В частности, через несколько дней после ее окончания в “Правде” появилась статья В.И. Ленина, в которой он поддерживал требование “безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т.п.” [16b, с. 257]. В.И. Ленин видел в этом охрану “азбучных демократических прав гражданина и гражданки” [16b, с. 257]. После революции — в 1920 г. — искусственное прерывание беременности по желанию женщины было легализовано. Однако в населении еще долго сохранялось предубеждение против аборта, что проявлялось в большом числе тайных, подпольных абортов [29, с. 26–27], в преувеличении опасности этой операции [33, с. 46] и т.д. Сказывалась историческая инерция, созданная многовековой запретностью внутрисемейного регулирования деторождения. Всякое вмешательство в процесс прокреации с целью предупреждения беременности или ее прерывания противоречило культурной норме, осуждалось религией, моралью, законом, сурово наказывалось и потому могло существовать только в виде достаточно редкого исключения, которое не могло оказать заметного влияния на уровень рождаемости. У большинства женщин или супружеских пар практически не было выбора — рожать или не рожать детей, или этот выбор был крайне ограниченным.

6. Современное прокреативное поведение в свете знаний о прошлом

В современной демографии широко распространено представление о механизмах социальной детерминации прокреативного поведения, как универсальных, одинаковых для всех эпох. Может быть, наиболее ярко такая позиция выражена в утверждении Дж. Колдуэлла: “В обществе любого типа и на любой стадии развития прокреативное поведение рационально, и рождаемость, когда она высока, так же, как когда она низка, есть следствие того, что именно такая рождаемость экономически выгодна индивиду, супружеской паре или семье” [47, с. 355]. Другие авторы

высказываются менее категорично или менее определенно, допускают, что рациональность поведения может быть не только экономической и т.д. Но общий ход рассуждения часто остается тем же: в ходе исторического развития меняется не сам человек, а лишь условия его существования, на что он и реагирует, руководствуясь всегда одними и теми же принципами поведения. Если, в силу общих исторических перемен, меняется “ценность” детей, их способность удовлетворять потребности родителей, то они реагируют на это изменениями в рождаемости: когда ценность детей велика, их рождается больше, когда мала, – меньше. Сам же **тип поведения** остается при этом неизменным. При таком подходе снижение рождаемости в ходе демографической революции получает очень простое объяснение: число рождений в каждой семье уменьшается, потому что падает ценность детей.

Обращение к прошлому не подтверждает подобного взгляда. Во всяком случае, наш анализ не позволяет утверждать, что в традиционном русском обществе ценность детей, их полезность для родителей была так велика и устойчива, чтобы это могло объяснить неизменно высокую рождаемость. Изученный материал не дает оснований говорить о рациональности традиционного прокреативного поведения в дореволюционной России (если под рациональным понимать поведение, направленное на достижение конкретной цели с использованием конкретных средств – то, что, скажем, М. Вебер называл “целерациональным” в противоположность “ценностнорациональному”). Скорее, он еще раз подтверждает вывод, сделанный Б.Н. Мироновым, изучавшим прокреативное поведение русского крестьянства XIX в. “Рассуждая “рационально”, с точки зрения современного человека, крестьянин мог бы в одних случаях посчитать целесообразным иметь больше детей, в других – меньше. Но русский крестьянин прошлого века был человеком другой эпохи, у него была иная психология, соответствовавшая историческим условиям своего времени” [22, с. 100]. По мнению Б.Н. Миронова, демографическое поведение крестьян отличалось “субъективной стихийностью”. “Крестьянин, не чувствуя себя субъектом своих действий, вмешательство в таинство зачатия и рождения считал греховным” [23, с. 155]. Подобная мысль высказывалась и историками, изучавшими западно-европейское общество. “Чем больше мы изучаем поведение супружеских пар былых времен, – писал, например, Ж.-Л. Фландрен, – тем сильнее наше впечатление, что в своем поведении они следовали моделям, с нашей точки зрения, иррациональным” [49, с. 144].

Если эта мысль верна, то главное содержание перемен, ведущих к снижению рождаемости в ходе демографической револю-

ции, составляет не снижение экономической или какой-либо другой ценности детей, а изменения в самом типе прокреативного поведения. Из “иррационального” оно становится рациональным, из стихийного – сознательным, из основанного на слепом следовании традиции, обычаю или религиозному предписанию – основанным на свободном выборе.

Эта свобода, конечно, не означает, что процесс рождения детей выходит из-под социального контроля. Речь идет лишь о новом этапе разрешения извечного противоречия между необходимостью подчинения индивидуального поведения интересам социального целого и исторически обусловленной тенденцией к увеличению свободы этого поведения, о новых формах социального управления индивидуальным поведением. Различие между старыми и новыми формами очень велико. Как отмечал К. Маркс, “существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют” [18, с. 731].

В мотивации человеческого поведения всегда присутствуют как внутренние (эндогенные), так и внешние (экзогенные) компоненты. В мотивации “варвара” преобладают экзогенные компоненты: не имея достаточно развитых индивидуальных потребностей, целей и т.п., он ведет себя, повинаясь внешним силам и исходящим от них импульсам. Исторически обусловленный отход от “варварства”, возрастающая индивидуализация личности, рост разнообразия, многовариантности человеческого поведения, в том числе и прокреативного, предполагают вытеснение экзогенных мотивов поведения эндогенными, возрастающее преобладание компонентов мотивации, связывающих каждый поступок с внутренними, личными, индивидуальными стремлениями и целями. В новых условиях, когда “цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют”, появляется новая для демографического поведения проблема целеполагания, и только тогда приобретает настоящее значение вопрос о самостоятельной ценности детей.

Каково основное направление исторических изменений ценности детей для родителей и как эти изменения связаны с тенденциями рождаемости? Изучение прошлого помогает понять, что, несмотря на огромные изменения в экономической жизни семьи, едва ли справедливо, сравнивая начальный и конечный пункты перехода от высокой рождаемости к низкой, связывать этот переход с утратой детьми их экономической ценности для родителей, ибо и в прошлом она не была столь уж высока. Еще меньше оснований говорить о снижении неэкономической ценности детей. Правда безграничной власти родителей над детьми, которая

некогда могла способствовать повышению их ценности в глазах родителей, больше не существует. Но зато огромное развитие получила “самоценность” детей, связанная с психологическим удовлетворением, которое они приносят родителям. Любовь к детям, общение с ними, участие в их делах, совместные развлечения, помощь детям – все это становится частью смысла жизни родителей, может само по себе приносить им удовлетворение, направлять их усилия. Воспринятое культурой и закрепленное в ней такое отношение к детям несомненно способствует повышению их ценности, укреплению “детоцентристской” семьи, о которой Ф. Ариес писал, противопоставляя ее семье традиционной. “В центре старой семьи стояли авторитет отца и управление домом. Жизнь современной семьи строится в зависимости от ребенка и его будущего” [45, с. 330].

Повышение ценности детей сопровождается огромным; ростом требований к “качеству” детей – их здоровью, воспитанию, уровню образования и т.д., ростом ответственности родителей за их жизненные успехи. Ограниченность экономических, но, главное, временных и эмоционально-психологических ресурсов семьи в этих условиях служит одной из основных причин ограничения числа детей в семье, того снижения рождаемости, которое давно уже вызывает озабоченность демографов во всех экономически развитых странах. Оптимизм в отношении решения проблемы низкой рождаемости, рассматриваемой в широком историческом контексте, может быть связан, с одной стороны, с ростом соответствующих ресурсов семьи в результате ее лучшей адаптации к новым условиям, с другой стороны – с формированием более сбалансированной системы ценностей, в которой “детоцентристские” ценности семьи будут лучше увязаны с объективными интересами общества как целого.

Литература

1. Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903.
2. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 2, СПб., 1871.
3. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976.
4. Боряковский А.Г. О вреде средств, препятствующих зачатию” // Врач. 1893. № 32.
5. Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России, СПб., 1881.
6. Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в СССР // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. (В настоящем томе с. 213–238.)

7. Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929.
8. Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова. М., 1983.
9. Гиляровский Ф.В. Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб., 1866.
10. Даль В. Пословицы русского народа. М., 1984. Т. I.
11. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи / Под ред. А.Г. Волкова. М., 1979.
12. Домострой Сильвестровского извода. СПб., 1902.
13. Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках русского народа // Вестник воспитания. 1908. № 2.
14. Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
15. Коул Э. Снижение рождаемости в Европе со времен Французской революции до Второй мировой войны // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
а. Развитие капитализма в России // Т. 3.
б. Рабочий класс и неомальтузианство // Т. 23
17. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6.
18. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд. Т. 12.
19. Мартынова А.И. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. Т. XV. 1975.
20. Матвеев П. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 8. СПб. 1878.
21. Милютин В. Избранные произведения. М., 1946.
22. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977.
23. Миронов Б.Н. Историк и социология. Л., 1984.
24. Население СССР 1973. Стат. сб. М., 1975.
25. Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова. Двенадцатый Пироговский съезд. Вып. II. СПб., 1913.
26. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.
27. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.
28. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947.
29. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969.
30. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. Вып. I. М., 1889.
31. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПб. 1903.
32. Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь “Ивана” // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 39. СПб., 1914.
33. Синкевич Г.П. Вологодская крестьянка и ее ребенок. М.; Л., 1929.
34. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записки П.И. Якушкина. Т. I. Л., 1983.
35. Сови А. Общая теория населения. М., 1977. Т. 2.
36. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959–1965.

37. *Степанов В.* Сведения о родильных и крестильных обрядах в Клинском уезде Московской губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 3–4.
38. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1928–1958.
 - а. Анна Каренина // Т. 19.
 - б. Крейцера соната // Т. 27.
 - с. Так что же нам делать? // Т. 25.
39. Третий съезд Общества русских врачей (Пироговский) в С.-Петербурге (3–10 января 1889 г.). Полный отчет, СПб., 1889.
40. *Успенский Г.И.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1940–1954.
 - а. Крестьянин и крестьянский труд.
 - б. Власть земли // Т. 8.
 - с. Из разговоров с приятелями (на тему о “власти земли”) // Т. 8.
41. *Чечулин Н.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889.
42. *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. I., вып. I. СПб., 1878.
43. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни: 12 писем 1872–1887. М., 1960.
44. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 14. СПб., 1892.
45. *Ariès Ph.* Histoire des populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIIIe siècle. P., 1971.
46. *Bulatao R.A.* Content and process in fertility decisions: a psychosocial perspective // International conference on population, 1984. Fertility and family. Proceedings of the expert group of fertility and family, New Delhi, 5–11 January 1983. UN, N.Y., 1984, ST/ESA/Ser. A/88.
47. *Coldwell J.C.* Toward a restatement of demographic transition theory // Population and development review, 1976. V. 2. N 3–4.
48. *Espenshade T.V.* The value and cost of children // Population Bulletin, 1977. V. 32. N 1.
49. *Flandrin J.-L.* L'attitude à l'égard du petit enfant et les conduites sexuelles dans la civilisation occidentale. Structure ancienne et évolution // Annales de démographie historique. P., 1973.
50. *Hoffman L.W., Hoffman M.L.* The value of children to parents // Psychological perspectives on population. N.Y., 1973.
51. *Kuczynsky R.* The measurement of population growth. N.Y.; L.; P., 1969.

ОБРАЗ ПРОШЛОГО В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

В демографии существует давняя традиция: анализируя и интерпретируя наблюдаемые тенденции воспроизводства населения, исследователи стремятся рассматривать их в контексте исторических изменений, понять, как интересующие их процессы: рождаемость, брачность, смертность и т.д. – выглядели в прошлом. Интерес к генезису современных форм и способов демографического поведения, к исторической обусловленности их изменений, конечно, не случаен, за ним стоит стремление преодолеть поверхностную описательность видимых явлений и процессов и осмыслить их сущность, их движущие силы. Но всегда ли обращение к истории приводит к желаемому результату?

Это во многом зависит от того, насколько верен образ демографического прошлого, рисуемый демографами и служащий отправной точкой для всех их последующих рассуждений, базой для истолкования настоящего и прогнозирования будущего. Опыт показывает, что, конструируя такой “образ прошлого”, демографы не всегда опираются на прочный фундамент исторического знания, нередко населяют прошлое мифическими единорогами или животными с двух голов. Отталкиваясь от подобной мифологии, они уверенно судят о настоящем и делают предсказания, которым не суждено осуществиться.

Приведем небольшую иллюстрацию к сказанному. Итальянский автор конца XIX в. Франческо Нитти полагал, что современная ему Европа переживала подъем рождаемости. Он объяснял это уменьшением числа крестьян-землевладельцев и распространением наемного труда. В соответствии с принятым им образом прошлого все условия жизни в средние века и до начала XVII столетия на рождаемость влияли ограничивающим образом, тогда как “крестьянин, опустившийся на степень батрака”, а тем более промышленный рабочий “лишается разумной предусмотрительности поселянина средних веков и не стесняется в увеличении потомства, так как работа детей дает ему добавочные средства к жизни” [22: 265]. Рост рождаемости, по его мнению, был “лишь неизбежным следствием развития женского и детского труда... Достаточно удалить женщин и детей с фабрик..., чтобы вызвать благотворительное изменение в... рождаемости” [22: 258], т.е. ее снижение. Сегодня, когда в распространении женского труда многие авторы склонны видеть причину не повышения, а

¹ Впервые опубликовано в книге: Историческая демография: проблемы, суждения / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., Наука, 1989. С. 29–43.

понижения рождаемости, они по-иному смотрят и на прошлое и охотно объясняют, отчего во времена Ч. Диккенса “многодетность из преимущества превратилась в недостаток” [15: 107] и почему, стало быть, крестьянин былых времен был заинтересован в рождении большого числа детей, а современный рабочий нет. Однако вопрос о том, было ли демографическое прошлое действительно таким, каким оно изображается во многих демографических книгах и статьях, или речь идет лишь о его искусственно сконструированном образе, вытекающем из даваемых тем или иным специалистом объяснений сегодняшних процессов, – этот вопрос нельзя считать закрытым.

В частности, заслуживает внимательного рассмотрения тот “образ прошлого”, который сформировался за последние 15–20 лет в советской демографической литературе и с большими или меньшими расхождениями принимается многими нашими авторами, авторитетными демографами А.И. Антоновым, В.А. Борисовым, Л.Е. Дарским и др. Вот некоторые основные черты этого образа.

1. *Повсеместное преобладание сложной, многопоколенной семьи.* “В рабовладельческом и особенно феодальном обществе семья расширенного типа (где взрослые дети обзаводятся собственными детьми, но остаются в родительской семье) являлась основной экономической ячейкой” [4: 76]. “Это была большая патриархальная семья, в состав которой могли входить не только родственники, но и рабы, ученики, слуги, приживалки и т.п.” [15: 97]. С функционированием именно такой семьи связываются обычно весьма важные для демографов черты демографического поведения в прошлом. В частности, отмечается, что именно в большой патриархальной семье, состоящей из нескольких поколений и родственников по мужской линии, появляются экономические интересы и стимулы к рождению детей [3: 207].

2. *Центральное место, занимаемое семьей в жизнедеятельности личности.* Утверждается, что в традиционном обществе семья играла “совершенно исключительную роль”, была “замкнутым организмом”, во внутренние дела которого общество практически не вмешивалось [15: 97–98]. Большая часть общественных проявлений личности осуществлялась только через семью [3: 209].

3. *Центральное место, занимаемое детьми в семье, а потому и в жизнедеятельности личности.* Существовала “личная ориентированность” членов общества на семью и детей, они составляли “центр всей жизнедеятельности личности, который подобно магниту стягивает все устремления и действия воедино” [4: 76]. Дети считались бесценным благом, что приводило к неограниченной потребности в них [18: 18].

4. *Сознательное стремление к многодетности.* Высокая рождаемость в прошлом связывается “прежде всего с сознательным стремлением к многодетности” [13: 160]. “Каждая семья стремилась обеспечить себя детьми” [15: 99]. По мнению А.И. Антонова, так как исторически самосознание возникло 8–10 тыс. лет назад и свои высшие формы приобрело на заре письменной истории, ни о какой “стихийности размножения” в более поздние времена “не может быть и речи. Высокая рождаемость определялась не отсутствием “сознательности”, а мощными социальными нормами” [3: 202]

5. *Экономическая и социальная полезность детей как главное основание стремления к многодетности.* По мнению ряда авторов, семья с большим числом детей была не только субъективно желанной, но и объективно предпочтительной с экономической и социальной точек зрения (см., напр.: [14: 7]). “Потребность расширенной семьи в большом числе детей оказывалась настоящей потребностью индивида, так как понятия размера семьи, политического могущества и достатка были по сути идентичны” [3: 210]. Экономические мотивы деторождения были главными в большой крестьянской семье, где дети принимали участие в хозяйственных работах с раннего детства. Многодетность способствовала благосостоянию семьи, в частности, в условиях общинного землевладения, “при котором происходили периодические переделы земли в пользу многодетных семей” [7, 183].

6. *Многодетность.* “После первых пяти лет брака семья постоянно пребывала как минимум в среднедетной форме (3–4 ребенка). При условии, что детей рождалось в семье больше чем 4–6, многодетность была выражена заметнее” [3: 210].

Из образа прошлого, как он рисуется исследователям, непосредственно вытекает и *образ перемен*, которые наступают, когда прошлое начинает превращаться в настоящее. Назовем основные черты присутствующего в демографической литературе образа таких перемен.

1. *Нуклеаризация семьи и “отмирание многодетности”.* Хорошо известный процесс нуклеаризации выводится непосредственно из ослабления “посреднической роли” семьи [3: 211]. Иногда его прямо связывают и со снижением рождаемости. “Нуклеаризация семьи есть следствие того процесса, который вызвал отмирание многодетности. Нуклеаризация есть форма изменения семьи, сопровождающая шествие малодетности” [5: 91]. Подчеркивается, что нуклеарная семья “всегда малодетная и потому дисфункциональная, дезорганизованная” [5: 91]. Как уже упоминалось, считается очевидным, что в силу социальных и

экономических сдвигов многодетность из преимущества превратилась в недостаток [15: 107].

2. *Утрата семьей центрального места в жизнедеятельности личности.* И нуклеаризацию, и “отмирание многодетности” демографы часто объясняют тем, что семья потеряла свою “автономность... от социальных институтов и общества в целом” и возник “перевес внесемейных ориентаций над семейными” [3: 209, 211]. В прошлом все связи человека с обществом осуществлялись через семью, теперь посредническая роль семьи между индивидом и обществом становится все меньше [7: 184], семья теряет свое центральное место в жизнедеятельности личности, “большинство традиционных способов удовлетворения потребностей личности так трансформировались, что перестали быть связанными с семьей и ее функциями” [15: 123].

3. *Утрата детьми их бывлой экономической и социальной полезности семье как главная причина падения их ценности для родителей.* “Многодетность перестает быть экономически и социально выгодной для родителей, что начинает сказываться на переоценке многодетности, на снижении ее значимости” [4: 77]. “Увеличение экономических затрат на детей сопровождалось уменьшением экономической потребности в них” [18: 123]. Дети утрачивают смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи, становятся ненужными как страховка в старости, теряют свою роль наследников родительских состояний и продолжателей фамилий [7: 183–184].

4. *Утрата детьми центрального места в семье и снижение их ценности для родителей.* “Значение детей, ранее многоплановое, сузилось до объекта опеки и заботы” [15: 123]. Ведущими мотивами рождения детей перестали быть экономические мотивы, уступив эту роль психологическим мотивам. Однако сила последних тоже ослабевает. “Трудно сказать, что стало с соответствующими потребностями: то ли они трансформировались и удовлетворяются другими объектами, то ли они слабо развиты, имеют малую ценность и вытесняются другими – возможно и то и другое вместе” [14: 20–21]. Так или иначе, но ценность детей в глазах родителей резко падает. “Ни о каком скрытом процессе “усиления” ценности детей не может быть и речи” [3: 222]. Неожиданным и беспрецедентным оказалось снижение ценности детей [2: 85–94]. “Дети уже не считаются высшим благом жизни, а соизмеряются с другими ценностями, потребность в них включается в общий ряд материальных и духовных потребностей” [18: 124].

По мысли некоторых демографов, рисуемый ими образ прошлого, равно как и перемен, ведущих от прошлого к настоящему, не только позволяет объяснить уменьшение рождаемости

до 1–2 детей в семье, что ведет к невозможности поддерживать даже простое возобновление поколений, но и подсказывает пути преодоления этой неблагоприятной ситуации. Они связывают такие пути с частичным возрождением старых ценностей и прежнего жизненного уклада. Ход их мыслей примерно таков.

“Сохранение высокого уровня рождаемости в развивающихся странах говорит о том, что традиционный уклад жизни, основанный на расширенной системе родства, способен и в новых условиях сохранять многообразные преимущества многодетности” [3: 227]. И в нашей стране “расширенная семья не обречена быть печальным пережитком односторонне трактуемого “традиционного” общества. Она способна раскрыть свои возможности при решении всех без исключения семейных проблем и в эпоху НТР... Необходимо сосредоточить внимание на расширенной семье, которая, по мнению целого ряда исследователей, обладает рядом преимуществ при уходе за детьми, в их воспитании и обучении, вообще в решении возникающих проблем... по множеству выполняемых в такой семье функций” [5: 91–92]. “Надо восстановить некоторые элементы сложной семьи, которая имеет перед собой более длительную жизненную перспективу... Необходимо изменить современную ситуацию, в которой большинство родителей не ожидает от своих детей... помощи и поддержки в старости... Следует возродить само понятие продолжения рода и фамилии, добиться, чтобы у семьи вновь появилось желание иметь сыновей. В тех регионах нашей страны, где до сих пор отдается предпочтение мальчикам... надо способствовать сохранению этих традиций” [23: 16–17].

Автор последних предложений сам замечает, что “такая “программа” может показаться наивной” [23: 17]. Нам кажется, что это – самое мягкое определение. Однако полемика по поводу тех или иных предложений демографов, вытекающих из нарисованного ими образа прошлого, не входит в нашу задачу. Самое большее, что можно здесь сделать, это высказать некоторые сомнения и поставить некоторые вопросы, адресовав и то и другое не столько демографам, сколько профессиональным историкам, в чьей помощи наша демография сегодня очень нуждается.

Попытаемся пояснить смысл этих вопросов, относящихся к той картине прошлого, которая рисуется сегодня многим демографам, но, как нам кажется, не всегда согласуется с историческими фактами.

1. Верно ли, что в прошлом преобладали “расширенные” семьи и что “расширенная семья неизбежно оказывалась для индивида той средой, в рамках которой лишь и было возможным успешное социальное и тем более физическое существование личности” [3: 209]?

В исторической литературе высказывается и иная точка зрения. Мы находим в ней аргументированное мнение о том, что “повсеместно в среде сельского русского населения на протяжении более трех столетий (с XVI и до середины XIX в.) основой семейного строя оставалась малая семья... Определившись еще во времена Древнерусского государства в качестве самостоятельно функционировавшей общественной ячейки, малая семья в дальнейшем, безусловно, преобладала в общей структуре семейного строя” [1: 68]. Правда, и этот вывод, наверно, нельзя считать истиной в последней инстанции, спор о типе семьи в эпоху феодализма в мировой литературе ведется давно, и его едва ли можно считать законченным. Как отмечается в одной обобщающей работе по истории современной семьи на Западе, “социологи, которые первыми стали заниматься историей семьи, взяли дурную привычку раз и навсегда исходить из гипотезы, согласно которой до промышленной революции, семьи были организованы как настоящие кланы, или, по крайней мере, всегда были значительно “расширенными”. Так как одной капли исторических знаний было достаточно, чтобы убедиться в ошибочности этой гипотезы применительно к европейскому обществу, начиная с 1960-х годов... под громкие возгласы восхищения стали *открывать* нуклеарную семью на каждом повороте истории... Авторы впали в противоположную крайность... они стали утверждать, что повсеместно и во все времена практически преобладала супружеская семья – отец, мать, дети и прислуга. Таким образом, они пришли к тому, что создали свою собственную фантастическую гипотезу: нуклеарная семья как историческая константа” [31: 29–30]. Авторитетные специалисты находят все новые и новые доводы в пользу той или иной гипотезы, спор продолжается, но для нашей темы важно, что сам факт существования в прошлом большого числа малых, нуклеарных семей бесспорен. Бесспорно, стало быть, и “социальное и... физическое существование личности” в таких семьях. Вопрос же о том, в каких семьях – малых или неразделенных, “расширенных” – у замужней женщины рождалось больше детей и где были лучшими условия их социализации, вообще едва ли можно считать изученным.

2. Верно ли, что семья занимала центральное место в жизнедеятельности личности, была замкнутым организмом и не допускала вмешательства общества в свои дела?

Подобный взгляд на семью прошлого не нов и, конечно, не изобретен демографами. Не случайно Л. Е. Дарский цитирует автора XIX в., утверждавшего, что “для огромного большинства людей семья... составляет единственный центр и стимул деятельности” [15: 98]. Можно привести и другие подобные высказыва-

ния. Например, И.В. Киреевский писал в свое время, что “если мы захотим вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то заметим... что... цельность семьи есть одна общая цель и пружина” [17: 284].

Разумеется, семья, образуя ближайшее социальное окружение человека, играла в его жизни очень важную роль. Однако была ли она столь замкнутым и самодостаточным организмом, чтобы отгородить человека от всех других элементов социальной среды и стать единственным центром его интересов? Такой взгляд на семью прежних эпох нельзя считать общепринятым. Вот, например, мнение историка о средневековой европейской семье: “Наряду с семьей в ту эпоху существовал ряд других коллективов, также строившихся на началах солидарности и взаимной помощи: цехи, общины, братства, гильдии, приходы, соседства, группы вассалов и т.п. Неизбежное включение любого члена феодального общества в одну или в несколько такого рода малых групп препятствовало тому, чтобы семья играла роль исключительного или главного социального интегратора. Она приобретает подобную роль только с распадом этих объединений” [11: 317]. Здесь – картина, прямо противоположная той, которая содержится в описанных выше образе прошлого и образе перемен.

Но, может быть, то, что справедливо для Западной Европы, неверно для России? Однако и в России семью трудно считать “единственной социальной реальностью” [15: 97] для человека. Надо ли напоминать, что крестьянские семьи, например, входили в сельскую общину? А “для крестьянина община была главнейшей референтной социальной группой, превосходившей для него по значимости даже первичные – родственные и соседские – группы. Она захватывала не часть его жизненной активности и не некоторые черты его личности, а всего целиком” [21: 73]. Между тем демографы иногда изображают некую семейную “робинзонаду” – изолированную семью, о которой говорится, например, что “сыновья были единственными соратниками отца в защите дома и семьи, что было немаловажно в условиях, когда государство не всегда могло или хотело обеспечить надежную защиту своих подданных” [15: 103]. Откуда взята эта ситуация – из романов Фенимора Купера о жизни пионеров, колонизировавших Американский континент, или из исторических источников, касающихся семейного быта трудящегося большинства населения, скажем, феодальной Европы, крепостнической России и т. п.?

Как совместить представление о замкнутости семьи, не допускавшей вмешательства общества в свои дела, с хорошо известной открытостью, публичностью крестьянской жизни, постоянным социальным контролем над ней со стороны “мира”?

«“Мир”, “улица” давали санкцию на все, что делал крестьянин. Без этой санкции ни свадьба, ни похороны, ни рождение не становились *действительными событиями* в глазах крестьянина. Чем больше людей были свидетелями того или иного события, чем больше, значительнее санкция, тем, следовательно, весомее, реальнее становилось данное событие для крестьянина» [21: 150].

3. Верно ли, что дети занимали центральное место в жизнедеятельности семьи и личности, которое они впоследствии, с развитием капитализма, утратили?

Французский историк Ф. Ариес, подвергший этот вопрос систематическому изучению на западноевропейском материале, приходит к противоположному заключению. Он утверждает, “в центре старой семьи стояли авторитет отца и управление домом. Жизнь современной семьи строится в зависимости от ребенка и его будущего” [30: 330]. В традиционной семье дети представляли интерес только в той мере, в какой они участвовали в родительских трудах, сами по себе они привлекали мало внимания. Ф. Ариес замечает, например, что М. Монтень не мог сказать точно, сколько у него детей и сколько раз рожала его жена.

В литературе высказывались сомнения по поводу некоторых доводов Ф. Ариеса [11: 316; 19: 9–10], но в целом исторические данные как будто подтверждают его мысль о том, что, по крайней мере, цивилизация средневековья была “цивилизацией взрослых”. “Все историки согласны с тем, что новое время, особенно XVII–XVIII вв., ознаменовалось появлением нового образа детства, ростом интереса к ребенку во всех сферах европейской культуры... признанием за детством автономной, самостоятельной социальной и психологической ценности” [19: 10]. Все это не очень вяжется с уже упоминавшимся предположением демографа, будто “пренебрежение к детям”, отраженное, в частности, в творчестве Ч. Диккенса, – симптом новейших перемен, обусловленных развитием капитализма [15: 107]. Скорее, здесь уместен другой взгляд. В творчестве Ч. Диккенса, а в России, например, в творчестве Ф.М. Достоевского могло отразиться как раз изменение положения детей *в лучшую сторону*, их перемещение с периферии в центр семейных и общественных интересов.

То, что испокон веков считалось совершенно нормальным, естественным: отсутствие заботы о детях, их приниженное положение, бесправие, обязанность подчиняться деспотической власти родителей, эксплуатация и т.д. – все это становится объектом критики со стороны литературы, искусства, общественного мнения, стремящихся сформировать новый идеал отношения к детям. Собственно, на это указывал Ф. Энгельс, когда писал, что с преодолением традиционного средневекового способа мышле-

ния должно было утратить силу и невыносимое притязание “старшего поколения распоряжаться телом, душой, имуществом, счастьем и несчастьем младшего” [29: 83].

Отечественный исторический материал также дает немало подтверждений того, что дети в прошлом отнюдь не находились в центре семейных интересов, об этом не раз писалось, в том числе и в последние годы [8: 191; 20: 98–99]. Однако систематического изучения вопроса проведено не было, он еще ждет своих исследователей.

4. Верно ли, что семьи прошлого сознательно стремились к многодетности?

В этом вопросе тоже нет ясности. Так, Л.Е. Дарский, который в одном месте пишет, что высокая рождаемость в прошлом “связана прежде всего с сознательным стремлением к многодетности” [13: 160], в другом случае утверждает, что “субъективный фактор (т.е. сознательное репродуктивное поведение), ранее весьма незначительный, превратился (теперь. — А.В.) в доминирующий” [14: 16]. Не вполне ясно и то, какой смысл вкладывается в понятия “сознательность”, “самосознание” и т.п. Важно ли для нашей темы, что “исторически самосознание возникло 8–10 тыс. лет назад”? Ведь возникновение таких его форм, как, скажем, классовое или национальное самосознание, мы относим к гораздо более поздним эпохам. В таком же смысле вполне можно поставить вопрос о сравнительно недавнем появлении демографического самосознания, т.е. об осознании человеком себя как деятеля, субъекта демографического поведения. А до этого? “Демографическое поведение крепостного крестьянства отличалось субъективной стихийностью, крестьяне, например, не пытались ограничить рождаемость. Случайно? Нет, закономерно. Крестьянин, не чувствуя себя субъектом своих действий, вмешательство в таинство зачатия и рождения считал греховным” [21: 150]. В демографическом поведении проявлялись общие для многих сторон поведения крестьянства черты, свойственные как дореформенной, так и пореформенной русской деревне. Сто лет назад об этом писал Глеб Успенский. “Можно... любоваться... устойчивостью деревенских форм жизни и их красотой и широтой, но объяснять их прочность и широту обилием создающего *сознания* невозможно” [26: 253].

“Сознательным называется то, что осуществляется людьми в соответствии с заранее поставленной целью” [27: 624]. Если принять эту дефиницию, то сознательным можно назвать только такое демографическое поведение, которое осуществляется в соответствии с заранее поставленной целью и при этом в условиях, когда есть свобода выбора целей и средств их достижения. Существовали ли такие условия в прошлом в массовом масштабе?

Едва ли. Имеются многочисленные свидетельства о применении различных, часто малоэффективных или опасных для здоровья средств плодизгнания или предупреждения беременности в прошлом, скажем, теми же русскими крестьянками, но обычно подчеркивается греховность, незаконность, подпольность такой практики [9: 267–271]. Массового распространения она не имела. Потому ли, что крестьяне “сознательно” хотели иметь побольше детей и в такой практике не было нужды? Приведем для иллюстрации реального положения вещей свидетельство наблюдателя начала XX века – всегда полезно, рассуждая о прошлом, услышать и его собственный голос. “Среди населения Клинского уезда бесплодие не считается большим несчастьем. Наоборот, несчастными скорее оказываются те, у кого много детей... “Хорошо иметь детей, – говорят крестьяне, – если их один, двое или, самое большее, трое. Больше этого они становятся родителям в тягость”. Дальнейшая плодовитость супругов-крестьян – божье наказание. Чем больше в семьях детей, тем больше бедности, недостатка и голода... Между тем, как бы ни была обременена женщина детьми, она никогда не решится употребить средство против родов. Это считается незамолимым грехом. Тем не менее, во избежание скорой беременности после родов эта последняя не прочь продлить кормление ребенка годов до полуторых и даже больше” [24: 221–222].

Эта иллюстрация, конечно, ничего не доказывает, но все же показывает, что демографическое поведение крестьян могло не включать в себя (или включать в очень малой степени) постановку цели и выбор средств ее достижения. Они вели себя не так, как хотели бы вести, и в этом смысле их поведение не было “сознательным”. Но насколько типична подобная ситуация? Можно ли на основании наблюдений начала века делать выводы, относящиеся к другим историческим периодам? Чтобы ответить на эти и подобные вопросы, нужны специальные исследования.

5. Верно ли, что многодетность была экономически и социально выгодна семье?

Мы только что привели слова о том, что, “чем больше в семьях детей, тем больше бедности, недостатка и голода”. Это отнюдь не единичное высказывание. В литературе XIX – начала XX в., посвященной жизни русского крестьянства, достаточно часты упоминания экономических тягот, связанных с большим числом малолетних, а иногда и не только малолетних детей. Указывалось, например, на экономическое бремя, связанное с подготовкой дочерей к замужеству. Из-за этого “рождение девочки в семье рассматривалось главой семьи как несчастье: оно несет разорение ей, и, чем больше девочек, тем глубже оно” [10:7]. «Беспо-

лезно говорить крестьянину об улучшении хозяйства, многополье, выходе на поселок и т. д. (о матери уже и речи нет), когда есть в семье дочь “на выданье”» [10: 7–8]. Народные представления об экономических последствиях многодетности получили отражение в фольклоре. “Сын да дочь, да и тех кормить невмочь” [12: 299]. “Одно взять — или детки водить, или деньги копить”. “У богатого телята, а у бедного ребята” [16: 117, 119]. Эти и подобные им пословицы также никак не подтверждают мысль о многодетности как залого экономического процветания.

Конечно, у многодетности была и другая сторона. Она способствовала формированию больших семей, которые в условиях российского земледельческого хозяйства имели бесспорные экономические преимущества перед семьями малыми, были обычно более зажиточными. Однако зажиточность была все же следствием большего числа *взрослых* работников. А малые дети не только сами не были работниками, но еще отвлекали от работы женщин. Поэтому крестьянской семье сплоснь и рядом “приходилось пережить трудный период, прежде чем она могла достичь относительного благополучия. Как ни рано крестьянские дети начинали помогать взрослым, это время наступало не сразу... Чем больше имелось несовершеннолетних детей, тем тяжелее было материальное положение семьи. Время до того, как первые дети станут взрослыми, было очень тяжелым в жизни семьи, в этот период она могла и обеднеть. Если на семью со многими малолетними детьми обрушивалось несчастье, скажем смерть главы семьи, что было не такой уж редкостью, ее экономическое положение оказывалось отчаянным” [20: 99].

Таким образом, вопрос об экономической выгодности многодетности решается, вероятно, не столь однозначно, как это выглядит под пером некоторых демографов. А как обстояло дело с социальными преимуществами при большом числе детей?

Говоря об этих преимуществах, демографы называют политическое могущество, социальный статус, престиж, власть, безопасность и т. д. Вот пример типичного рассуждения. “Престиж многодетного главы семьи был высок: чем больше детей было в семье, тем большим уважением пользовался человек, тем большей властью он обладал. Брачные связи детей укрепляли положение семьи в общине; они увеличивали количество родственников, а родственные связи были важной формой социальных связей в рамках соседской общины” [15: 102–103]. “В сословном обществе, почти не знавшем социальной мобильности, стать отцом или матерью семейства было единственным актом социального возвышения” [15: 104].

К сожалению, подобные рассуждения не сопровождаются обычно анализом конкретного материала и потому порождают определенное недоверие. Так ли уж были важны политическое могущество или власть для того же русского крестьянина пореформенной, а тем более дореформенной поры? Где он мог их проявлять? В то же время были ведь и другие стороны социального бытия человека, которых многодетность касалась по-иному, – взять хотя бы положение непрерывно рожавшей женщины. На экономические преимущества больших семей указывали многие старые авторы, а вот их социальные достоинства казались спорными и им. “Семейному человеку всегда и доверия больше и от общества, и от частных лиц... Большая семья для крестьянина в его земледельческом быту уже сама по себе составляет целое состояние... Но предложите крестьянину вопрос: “А где лучше жить – в большой семье или в маленькой?” И он вам тотчас же ответит: “Не приведи Бог никому жить в большой семье!” И тут же... начнет рассказывать... как тяжело для каждого работника-семьянина жить в большой семье, где ему приходится переносить несправедливость от отца... работать на такое число ртов, что у него самого буквально вырывают из рук каждый заработанный им кусок хлеба, и много-много другого. А о жене своей он уже и не упоминает: редкая женщина, прожившая долго в большой семье, не страдает какими-нибудь женскими болезнями, происходящими прямо от надсасы, вследствие непосильного труда...” [25: 66]. Неудивительно, что многие крестьяне, невзирая на экономические преимущества больших семей, стремились к семейным разделам. Правда, родственные связи не уничтожаются разделом, а мы уже знаем, что они были “важной формой социальных связей в рамках соседской общины”. Так что тут легко вообразить разрастание семейного клана, его “власти” и “политического могущества”. Но было ли так на самом деле? Например, А.Н. Энгельгардт замечает, что как раз разделившиеся обычно особенно озлоблены друг против друга – какая уж тут семейная солидарность! [28: 384].

6. Наконец, последний из вопросов, которые мы хотим поставить. Верно ли, что в прошлом преобладали многодетные семьи?

Нам уже приходилось касаться этого вопроса и отмечать, что высокая рождаемость не тождественна многодетности [8: 165–167]. В прошлом каждая женщина в среднем действительно рожала помногу детей, но из-за высокой смертности многодетных семей не могло быть много. Применительно к России косвенно на это же указывают и приводимые историками оценки средней населенности крестьянского двора и среднего размера семьи. Так, В.А. Александров, основываясь на данных

Я.Е. Водарского и других авторов, приходит к выводу, что “с конца XV в. вплоть до середины XIX в... крестьянская семья по своей численности не претерпевала принципиальных изменений. В северо-западных районах она находилась в стабильном состоянии, колеблясь в среднем от 5 до 7 душ обоего пола; в западных районах – от 7 душ в 1678 г. до 8 душ; в Нечерноземном центре с начала XVII в. она возросла с 4–5 душ до 7 душ; в Поморье колебания с середины XVI в. наблюдались с 5 до 7 душ; в Поволжье – между 5 и 8 душами и, наконец, в Черноземном центре ее численность со второй половины XVII до середины XIX в. была наибольшей – 8–10 душ” [1: 57]. Учитывая, что все же было немало сложных, неразделенных семей, такие средние размеры семьи не дают оснований говорить о широко распространенной многодетности. Впрочем, на это же указывают и прямые оценки распределения семей по числу живших в них на момент учета детей – их в исторической литературе имеется довольно много. Вот типичный пример такой оценки (Вологодский уезд, начало XVIII в.). “Число детей редко превышало шесть человек. Естественно, что встречались семьи и с большим числом детей – от 7 до 11, но таких было совсем немного – около 2%. Наиболее же характерны семьи, имеющие одного-трех детей: у монастырских крестьян – их 71,8%, а у помещичьих – 67,7%” [6: 20–21]. Добавим, что, по данным, приводимым в цитированном источнике, модальной была двухдетная семья.

Было бы полезно собрать и обобщить подобные оценки, хотя обычно они не вполне устраивают демографов, в частности, потому, что не содержат информации о возрасте родителей. Может быть, если бы историки и демографы работали совместно, из имеющихся архивных материалов удалось бы извлечь более полную информацию. Но в целом нам кажется, что вопрос о числе детей в семье в прошлом заслуживает внимания и поддается решению.

Здесь поставлена лишь небольшая часть вопросов, возникающих перед демографами, когда они хотят дать более глубокое истолкование изучаемых ими процессов воспроизводства населения. Получить на них ответы не просто, требуются серьезные и достаточно масштабные историко-демографические исследования. Но обойтись без них нельзя. Будущее нашей демографической науки во многом зависит от того, окажется ли она проникнутой духом подлинного историзма или станет довольствоваться псевдоисторическим орнаментом, а со страниц претендующих на научность демографических статей и книг на читателя будет глядеть сказочная птица Сирин.

1. *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. М., 1984.
2. *Антонов А.И.* Потребность семьи в детях: Проблемы теории и методологии исследований // Демографическое поведение семей: Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи. Ереван, 1975.
3. *Антонов А.И.* Социология рождаемости: Теоретические и методологические проблемы. М., 1980.
4. *Антонов А.И.* Снижается ли ценность детей? // Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983.
5. *Антонов А.И., Борисов В.А.* Семья как объект социально-демографического управления // Региональные особенности воспроизводства населения и вопросы демографической политики: Тезисы доклада на Всесоюзной научной конференции. Ереван, 1983.
6. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере, конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.
7. *Борисов В.А.* Перспективы рождаемости. М., 1976.
8. *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982.
9. *Вишневский А.Г.* Место исторического знания в изучении прокреативного поведения в СССР. См. настоящий том, с. 257–271.
10. *Внуков Р.Я.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929.
11. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984.
12. *Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1.
13. *Дарский Л.Е.* Формирование семьи: демографо-статистическое исследование. М., 1972.
14. *Дарский Л.Е.* Проблемы изучения факторов рождаемости // Рождаемость: Проблемы изучения / Под ред. Л.Е. Дарского. М., 1976.
15. *Дарский Л.Е.* Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи / Под ред. А.Г. Волкова. М., 1979.
16. *Ивановская Т.* Дети в пословицах и поговорках русского народа // Вестник воспитания. 1908. № 2.
17. *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М., 1979.
18. *Козлов В.И.* Этническая демография. М., 1977.
19. *Кон И.С.* Этнография детства: Историографический очерк // Этнография детства: Традиц. формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / Отв. ред. И.С. Кон. М., 1983.
20. *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 1977.
21. *Миронов Б.* Историк и социология. Л., 1984.
22. *Нитти Ф.С.* Народонаселение и общественный строй. СПб., 1898.
23. *Синельников А.Б.* Проблемы взаимосвязи рождаемости и смертности // Проблемы воспроизводства и занятости населения. М., 1984.
24. *Степанов В.И.* Сведения о родильных и крестинных обрядах в Клинском уезде Московской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1907. № 3/4.
25. *Тихонов В.П.* Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. М., 1891. Вып. 3.

26. Успенский Г.И. Из разговоров с приятелем (На тему о “власти земли”) // Собр. соч. М., 1956. Т. 5.
27. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
28. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1987.
29. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
30. Ariès Ph. Histoire des populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIIIe siècle. P., 1971.
31. Shorter E. The making of the modern family. L., 1976.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОПТИМУМ¹

Демографическая политика есть система мер, направленных на получение определенных демографических результатов, достижение определенных демографических целей. Вопрос о том, какие цели и результаты считать демографическими, является в достаточной степени спорным. В данной статье мы ограничиваем демографическую область социально-биологическим процессом производства самого человека, продолжения рода, элементами которого являются рождаемость, смертность, брачность, определяющие в свою очередь статические и динамические демографические параметры населения: его численность или темпы ее роста, возрастно-половую и брачную структуру, продолжительность жизни и, возможно, некоторые другие.

Демографические цели могут существовать для общества либо непосредственно как конечные цели, либо как промежуточные, как средство для решения каких-то более общих задач. В первом случае общество стремится к обеспечению определенных демографических показателей, представляющих для него самостоятельную ценность. Например, можно предположить, что в ранние периоды человеческой истории чрезвычайно высокая смертность и отсутствие каких бы то ни было способов ее снижения ставили под угрозу непрерывность процесса размножения человека, само существование вида. В этих условиях демографическим являлся не только единственно возможный путь борьбы – высокая плодовитость; саму цель – сохранение популяции – также можно трактовать как демографическую. Можно представить также некую искусственную ситуацию, когда общество, научившееся управлять полом рождающихся детей, проводит поли-

¹ Впервые опубликовано в: Демографическая политика / Под ред. В.С. Стещенко и В.П. Пискунова. М.: Статистика, 1974. С. 69–80.

тику, направленную на восстановление равновесия полов, нарушенного по какой-нибудь причине. Здесь конечная цель также является демографической.

Но в большинстве случаев общество не ставит себе демографических целей в качестве главных. Между тем, в определенном смысле можно сказать, что каждое общество всегда имеет только одну главную цель, достижению которой подчинены все остальные (разумеется, с учетом поправок, которые вносят существование различных общественных классов, имеющих различные цели, и борьба между ними).

Демографические цели, как правило, относятся именно к числу подчиненных, они формируются в зависимости от того, как те или иные демографические тенденции оцениваются с точки зрения достижения главной цели.

В силу взаимосвязей, существующих внутри населения, изменение какой-либо одной демографической характеристики обязательно влечет за собой изменение всех или почти всех остальных. Например, изменение числа детей, рождаемых одной женщиной, означает одновременно и изменение среднего размера семьи, и изменение уровня рождаемости (что всегда связано с некоторым изменением уровня смертности и средней продолжительности жизни), и изменение темпов роста населения (а значит, в статическом плане, и его численности), и изменение его возрастно-половой, а может быть, и брачной структуры.

Каждая из этих демографических характеристик оказывает самостоятельное влияние на самые различные стороны развития общества — влияние, которое часто еще не осознается и уж во всяком случае почти никогда не получает выражения на языке чисел. При этом одна и та же демографическая тенденция может приводить к противоположным последствиям с точки зрения какого-либо конкретного аспекта общественного развития. Рассмотрим, например, в общих чертах, как влияет ускорение роста населения на экономическое развитие общества.

С одной стороны, ускоренный рост численности населения позволяет расширять масштабы народного хозяйства, увеличивает возможности разделения труда, повышает емкость внутреннего рынка и способствует быстрому обновлению производственного аппарата. Омоложение населения, являющееся следствием повышения рождаемости, обеспечивает интенсивный приток в народное хозяйство молодежи, подготовленной в соответствии с новейшими требованиями науки и техники, непрерывную и быструю модернизацию профессиональной структуры кадров, что в конечном счете ускоряет технический прогресс и делает всю экономическую систему более гибкой и подвижной. Каким бы пока-

зателем (или системой показателей) ни характеризовалось экономическое развитие, динамика этого показателя, казалось бы, не может не отразить благоприятного влияния ускорения роста населения и связанных с ним изменений различных демографических характеристик.

Однако наряду с положительными, ускорение роста населения может иметь и весьма серьезные отрицательные последствия. Чем быстрее растет население, тем большими должны быть “демографические инвестиции”, обеспечивающие поддержание душевых экономических показателей на уже достигнутом уровне, и тем меньше доля “экономических инвестиций”, предназначенных для улучшения этих показателей: для роста фондовооруженности труда, ускорения технического прогресса, повышения уровня жизни и т. п. Ускоренный рост населения может привести к повышению экономической нагрузки на одного трудоспособного. Омоложение населения и трудовых ресурсов, до поры до времени являющееся положительным фактором, при слишком быстром демографическом росте может стать чрезмерным, привести к нарушению преемственности поколений, к диспропорции между “учителями”, и “учениками”, к такому уровню подвижности кадров, когда приходится говорить не об их мобильности, как о положительном качестве, а об их нестабильности, как о качестве отрицательном.

Мы не имели в виду перечислить здесь все возможные экономические следствия одной и той же демографической тенденции, которые к тому же будут разными в обществах с разным социальным строем, а лишь хотели показать, что эти следствия могут быть как положительными, так и отрицательными, общий же результат зависит от того, какая из этих групп следствий – положительных и отрицательных – перевешивает.

Сказанное тем более справедливо, когда речь идет не об одной какой-нибудь стороне развития общества, например, как в данном случае, об экономическом развитии, а о различных его сторонах. Высокие темпы роста населения могут в целом положительно оцениваться с военной точки зрения и отрицательно с экономической, положительно с экономической и отрицательно с экологической и т.п. Возникает задача отыскания общего эффекта, суммарного социального результата действия демографического фактора.

Оценка последствий той или иной демографической ситуации или приводящей к ней демографической тенденции до настоящего времени носит в значительной степени интуитивный характер. Поэтому такие оценки могут колебаться от предельно оптимистических, при которых всякое увеличение населения, всякое ус-

Рис. 1. Кривая частного демосоциального эффекта

рассматривать в качестве функции независимой демографической переменной. Сколь бы ни было условно допущение “прочих равных условий”, нельзя отрицать, что демографический фактор оказывает самостоятельное влияние на различные стороны развития общества, и поэтому правомерна попытка, хотя бы теоретически, выделить это влияние в чистом виде.

Если демографическая переменная изменяется в определенном направлении, то соответственно изменяется и ее функция и мы получаем кривую эффекта, описывающую изменения социального результата² в зависимости от динамики демографической переменной. По соображениям, излагаемым ниже, будем называть ее кривой частного демосоциального эффекта.

Эта кривая может вести себя самым различным образом. Если, говоря о результатах общественного развития, иметь в виду положительный эффект, положительный социальный результат,

корение его роста рассматриваются как беспорное благо, до предельно пессимистических, когда те же самые демографические процессы и их результаты рассматриваются как безусловное зло. Однако эти крайности встречаются довольно редко. Во все времена существовали интуитивные представления о демографической “золотой середине”, которые постепенно развивались и на рубеже XIX и XX вв. получили более четкое выражение, воплотившись в концепции оптимума населения. В самом общем виде смысл этой концепции, которую, с учетом ее последующей эволюции, правильнее называть концепцией демографического оптимума, заключается в следующем.

Те или иные результаты общественного развития, при прочих равных условиях, можно

² Социальный результат понимается здесь в широком смысле, как результат любого вида деятельности общества, отличной от демографической (экономической, политической и т.д.).

то можно предположить, что он всегда возрастает (или, наоборот, всегда убывает) с ростом демографической переменной, и тогда кривая эффекта будет иметь вид, показанный на рис. 1а и 1б. Предположение же о существовании демографического оптимума равносильно гипотезе о том, что при переходе от меньших значений демографической переменной к большим вначале нарастает перевес положительных последствий над отрицательными, затем он постепенно сходит на нет и заменяется нарастающим перевесом отрицательных последствий. Иначе говоря, рассматриваемая функция, как это показано на рис. 1в, имеет участок возрастания, на котором приращение демографической переменной увеличивает получаемый эффект (производная функции положительна), участок убывания, на котором приращение аргумента приводит к убыванию функции (производная отрицательна), а также точку, в которой получаемый эффект достигает максимума (производная равна нулю). Значение демографической переменной, при котором значение функции достигает максимума, является оптимальным. Естественно, что точно так же можно рассмотреть вопрос о динамике отрицательного эффекта, причем оптимум будет соответствовать не максимуму, а минимуму функции. В любом случае нужно брать достаточно широкий интервал изменения демографической переменной, чтобы не оказаться по одну сторону от оптимума.

Речь идет именно о гипотезе, потому что, хотя и кажется весьма естественным, что кривая эффекта соответствует графику на рис. 1в, отделить влияние демографического фактора на общественное развитие от влияния прочих социально-экономических факторов в действительности чрезвычайно сложно, а при современном состоянии знаний в этой области едва ли возможно.

В качестве демографической переменной могут рассматриваться различные демографические показатели, которым придается значение обобщенной характеристики демографического фактора. Точно так же какой-то конкретный показатель может быть избран для измерения эффекта. Пусть, например, эффект измеряется показателем, характеризующим национальный доход на душу населения. Можно рассматривать величину национального дохода на душу населения в качестве функции численности населения (подобно тому, как можно рассматривать производительность труда на предприятии какой-нибудь отрасли в зависимости от числа работников), и, если по мере увеличения численности населения национальный доход на душу вначале возрастает, а затем, достигнув максимума, начинает убывать, говорят об оптимальной численности населения, при которой этот показатель достигает наибольшей величины.

Такой статической постановке вопроса можно противопоставить динамическую, при которой сопоставляются не сами величины, а темпы их изменения. В нашем примере это означает рассмотрение темпа роста национального дохода на душу населения в качестве функции темпа роста населения. При этом мы так же, как и в предыдущем случае, приходим к понятию оптимума, только на этот раз речь идет не об оптимальной численности, а об оптимальном темпе роста населения.

Выбор показателей для характеристики как демографического фактора, так и получаемого эффекта представляет собой самостоятельную задачу и далеко не простую. Но если показатели уже выбраны и если функция изменяется не монотонно на всем интервале изменений аргумента, а имеет участок возрастания и участок убывания, то всегда можно указать оптимальное значение демографического показателя.

В теоретическом отношении понятие демографического оптимума чрезвычайно полезно, потому что оно дает ясное и лаконичное описание пусть гипотетической, но вероятной схемы воздействия демографического фактора на все остальные области социально-экономического развития и позволяет анализировать различные ситуации, предполагающие искусственное выделение отдельных сторон социально-экономического процесса, изолированных от общего потока развития, что является необходимой ступенью научного анализа вообще. Однако практическое определение демографического оптимума для того или иного конкретного населения, например для какой-нибудь страны, требует несравненно больших знаний о характере и мере взаимосвязей между демографическим и социально-экономическим развитием, чем те, которыми мы располагаем в настоящее время.

Можно, конечно, и сейчас получить данные о некоторых из этих многочисленных взаимосвязей. Венгерские демографы, приняв в качестве демографической переменной нетто-коэффициент воспроизводства населения, а в качестве функции – расходы на содержание детей и стариков по отношению к расходам на содержание трудоспособного населения и минимизируя эту функцию, отыскивали оптимальное значение нетто-коэффициента [1: 22–29]. Однако этот результат имеет очень ограниченное значение, потому что он получен на основании рассмотрения одного частного и, вероятно, второстепенного вопроса и совершенно не проливает свет на то, как влияет изменение нетто-коэффициента воспроизводства на такие важные экономические характеристики, как возрастная структура населения в трудоспособном возрасте, темпы обновления кадров народного хозяйства, занятость женщин и многие другие,

не говоря уже о том, что в стороне остаются неэкономические последствия демографических сдвигов, которые также небезразличны для общества.

Едва ли можно утверждать, что экономические, социальные и прочие последствия демографического развития не могут быть познаны с полнотой, позволяющей проверить гипотезу о существовании демографического оптимума, и, если эта гипотеза подтвердится, приблизиться к его количественному определению. Но до того как необходимые знания будут получены, науке предстоит проделать немалый путь, мы же сейчас находимся, по-видимому, в самом его начале.

Предположим, однако, что вид кривой эффекта точно известен, доказан факт существования демографического оптимума и даже найдено его значение. Значит ли это, что достижение такого оптимума должно стать целью демографической политики – в соответствии с распространенной точкой зрения “о необходимости оптимизации численности и темпов роста народонаселения” [2: 113]?

На этот вопрос надо со всей определенностью ответить отрицательно. Более того, необходимо предостеречь от ошибок, которые могут возникнуть из-за смешения демографического оптимума в описанном выше смысле с оптимальным демографическим развитием, к которому следует в действительности стремиться.

Концепция демографического оптимума – это одна из возможных гипотетических концепций взаимосвязи демографических и всех остальных показателей общественного развития. Возможны и другие концепции такой взаимосвязи, например концепция постоянно возрастающей или постоянно убывающей “отдачи” демографического фактора (кривая эффекта не имеет экстремума, а монотонно возрастает или монотонно убывает). Но какая бы из этих концепций ни признавалась правильной, при проведении демографической политики следовало бы стремиться к такому оптимальному демографическому развитию, которое лишь частично определяется характером кривой эффекта, рассматривавшейся до сих пор.

Даже если стоять на позициях концепции демографического оптимума, то с точки зрения целей демографической политики можно говорить лишь о частном оптимуме, имея в виду, что мы приходим к понятию оптимума, рассматривая социально-экономические последствия изменений в демографической области изолированно от последствий всего, что происходит в жизни и развитии общества. То же самое относится и к кривой эффекта вообще, в силу чего она и является именно кривой частного демосоциального эффекта. Если бы желаемые демографические показатели достигались простым поворотом рукоятки вправо или влево (что-то вроде настройки радиоприемника),

не затрагивая других областей человеческой деятельности, то действительно все дело сводилось бы к тому, чтобы знать, где находится частный демографический оптимум, т.е. до какой точки надо повернуть рукоятку. Возросший при этом эффект прибавлялся бы к оставшемуся неизменным эффекту от всех остальных усилий общества, так что совокупная величина эффекта возросла бы.

Реальное же положение совсем не таково. Изменение демографических показателей в том или ином направлении требует иногда огромных усилий, на проведение демографической политики расходуются весьма значительные денежные, материальные и интеллектуальные ресурсы, в том числе и такие, которые с большим трудом поддаются выявлению и измерению.

В каждый конкретный момент эти ресурсы могут быть получены только за счет какой-нибудь другой области человеческой деятельности, где вследствие этого произойдет снижение получаемого эффекта. Естественно, что перегруппировку ресурсов в пользу демографической области имеет смысл производить только в том случае, если получаемый выигрыш перекроет снижение эффекта в тех областях, откуда изымаются ресурсы, так что суммарный эффект, итоговый социальный результат, получаемый обществом в конечном счете, возрастет. Но при этом должна быть уверенность, что нет другой области, перераспределение ресурсов в пользу которой даст еще большее приращение эффекта, чем перераспределение в пользу демографической области. Только если оба условия выполняются, можно говорить о достижении глобального демографического оптимума.

Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Пусть общество, разрабатывающее план своего развития на какой-либо достаточно длительный срок, располагает вполне определенными ресурсами $b_j (j = 1, 2, \dots, n)$ и множеством вариантов их использования. Каждому варианту соответствует распределение ресурсов между m различными назначениями – способами использования ресурсов. Если оценивать результаты применения каждого способа в единицах $x_i (i = 1, 2, \dots, m)$, то расход j -го ресурса при i -м способе равен $x_i d_{ij}$, где d_{ij} – расход ресурсов, соответствующий единичной интенсивности i -го способа. Единичной интенсивности i -го способа соответствует полезный эффект c_i , причем предполагается, что полезные эффекты применения различных способов так или иначе сводимы в один общий, суммарный эффект. Естественно стремиться к отысканию таких значений x_i , при которых общий эффект будет наибольшим. При предположении, что эффективность каждого способа пропорциональна его интенсивности, имеем задачу линейного программирования, в

которой требуется максимизировать общий полезный эффект $\sum_i c_i x_i$ при условии $\sum_j x_j d_{ij} \geq b_j$, $x_i \geq 0$.

При составлении плана в числе возможных способов использования ресурсов может быть и их использование на демографические нужды, поскольку мы предположили, что изменение демографических показателей в определенном направлении само по себе дает некоторый положительный эффект. При введении в план демографического способа использования ресурсов необходимо знать кривую частного демосоциального эффекта (которая в соответствии с общим для задачи линейного программирования допущением замещается на рассматриваемом участке прямой), а также потребность в ресурсах на достижение единицы демографического результата.

Решение рассматриваемой задачи даст набор чисел x_i , соответствующий наибольшему из всех возможных при данных условиях суммарному эффекту, т.е. оптимальный их набор. Среди этих чисел будет и число x_j , соответствующее оптимальному демосоциальному результату, который может быть весьма далек от частного демографического оптимума, даже если последний и существует. Именно к этому глобальному оптимуму должно стремиться общество, проводя демографическую политику.

Проиллюстрируем сказанное элементарным числовым примером. Пусть, основываясь на анализе кривой частного демосоциального эффекта, имеющей вид, показанный на рис. 1в, установлено, что для достижения максимального эффекта необходимо повысить темп роста населения на 16%. Для увеличения этого темпа на каждые 10% требуется 6 единиц ресурса А, единица ресурса В и 7 единиц ресурса С, в то время как на единицу недемографического результата требуется 5, 4 и 3 единицы соответствующих ресурсов. Имеются только эти три вида ресурсов, причем в количествах, не превышающих соответственно 36, 25 и 30 единиц, и только два возможных способа их использования: недемографический и демографический. Единица демографического результата (повышение темпа роста населения на 10%) дает 2 единицы полезного эффекта, единица недемографического результата – 3 единицы эффекта. Если исходить из кривой частного эффекта, оптимумом, к которому надо стремиться в течение данного периода, является темп роста населения, который выше имеющегося на 16%. Следует выяснить, соответствует ли этот оптимум глобальному оптимуму и если нет, то к какому демографическому результату надо стремиться в действительности. Для этого надо найти такие значения x_1 и x_2 (недемографического и демографического результатов), при которых

$$F = 3x_1 + 2x_2 = \max; \quad (1)$$

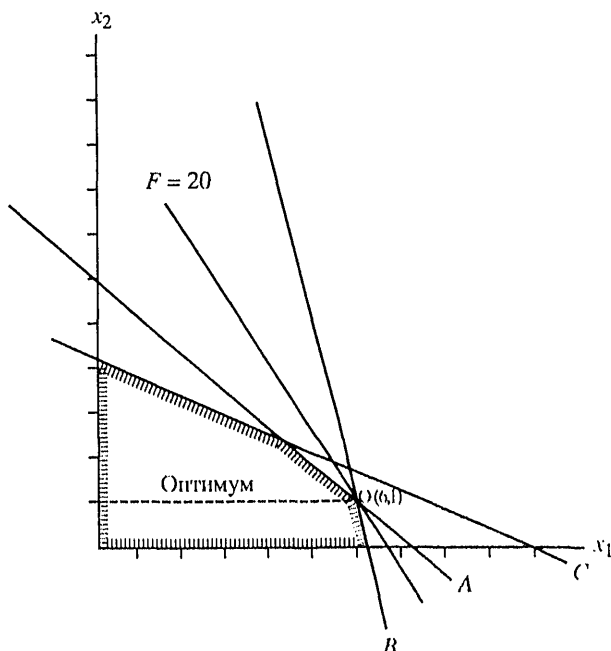

Рис. 2. Глобальный демографический оптимум

при условии, что

$$5x_1 + 6x_2 \leq 36;$$

$$4x_1 + x_2 \leq 25;$$

$$3x_1 + 7x_2 \leq 30.$$

Значения x_1 и x_2 могут быть только положительными.

Графическое решение задачи показано на рис. 2. Прямая A, пересекаясь с осями координат, ограничивает треугольник, внутри которого возможны любые варианты использования ресурса A: какие бы значения x_1 и x_2 , соответствующие точкам внутри треугольника, мы ни взяли, ресурсов хватит. То же самое означают треугольники с гипотенузами B и C в отношении ресурсов B и C. Но так как интересующие нас результаты могут быть получены только при использовании всех трех видов ресурсов одновременно, то решение надо искать, не выходя за границы многоугольника, образованного пересечением осей координат и прямых A, B и C.

Все решения в пределах этого многоугольника являются допустимыми, но далеко не все они — наилучшие. Наилучшее же решение достигается в одной из вершин треугольника, а именно в той, проходя через которую, прямая, отвечающая уравнению

(1) – таких прямых, параллельных между собой, может быть сколько угодно – не пересекает многоугольник. В этой точке значение максимизируемой функции равно 20. Любое перемещение прямой влево уменьшит значение функции (т. е. суммарный эффект), любое перемещение вправо сделает решение невозможным из-за недостатка ресурсов.

Координаты точки, в которой достигается максимальный эффект: $x_1 = 6$, $x_2 = 1$. Это значит, что оптимальным является такое распределение ресурсов, при котором обеспечивается получение 6 единиц демографического результата и одной единицы результата демографического (что по условию задачи соответствует повышению темпа роста населения на 10%). Это и есть демографический оптимум в глобальном смысле, и именно к достижению этих 10% прироста темпа, а не 16%, которые вытекают из анализа кривой частного эффекта, следует стремиться, проводя демографическую политику.

Наша схема упрощена до предела, но принципиальный смысл полученных выводов не изменится, если рассмотреть несравненно большее число ресурсов и способов их возможного использования, направленных на достижение какого-то конечного эффекта, к чему и сводится процесс составления плана, который хотя и называется народнохозяйственным, но имеет более широкое значение плана всего социально-экономического развития общества.

Для верного истолкования смысла приведенной схемы и вытекающих из нее выводов очень важно правильное понимание соотношения, существующего между главной целью общества и факторами, лимитирующими объемы ресурсов, подлежащих использованию при ее достижении. Между тем и другим существует связь, гораздо более тесная, чем это может показаться на первый взгляд. И ресурсы и результаты понимаются в данном случае очень широко – не только как материальные и даже не только как экономические. При сопоставлении полезных эффектов учитываются экономические, социальные, политические, военные, экологические и прочие интересы общества. Точно так же и ресурсы включают в себя ресурсы овеществленного труда, естественные ресурсы, человеческие ресурсы, ресурсы рабочего времени и т.п. При этом объем свободных ресурсов, которые могут быть использованы в качестве средств для достижения тех или иных целей, определяется с учетом полезности их непосредственного использования в процессе реализации достигнутых целей. Например, ресурсы рабочего времени зависят от того, как оценивается полезность свободного времени. Поэтому, строго говоря, представление об одной главной цели общества, использованное в начале этой

статьи, весьма условно; оно справедливо только при определенном способе описания процесса целенаправленного развития общества, при котором все остальные цели учитываются в форме ограничений, накладываемых на ресурсы. Это отнюдь не свидетельствует о второстепенности этих целей. В свете всего сказанного надо рассматривать и вопрос о демографических целях и способах их достижения.

Демографическая активность так же, как и любой другой вид человеческой активности (экономической, политической и т.п.), требует расходования определенных ресурсов (материальных, ресурсов знаний, времени и др.), которые не могут быть получены в меру потребностей, определяемых только исходя из характера кривой частного эффе́кта, потому что с демографическими целями постоянно "конкурируют" другие цели общества. Эта "конкуренция" чаще осознается на уровне семьи ("автомобиль вытесняет колыбель"), но, вероятно, более важное значение она имеет на уровне общества в целом, хотя нам не кажется, что вообще следует противопоставлять эти уровни друг другу. Не исключено, что можно было бы повысить рождаемость там, где она низка, снизив затраты времени и средств на уход за детьми и их воспитание. Но это может привести к некоторому повышению детской смертности и ухудшению общей и профессиональной подготовки детей. Однако для данного момента определенный уровень детской смертности и определенное социальное качество подрастающего поколения рассматриваются обществом как самостоятельные цели, что накладывает достаточно жесткие ограничения на характер использования предназначенных на демографические цели ресурсов.

Можно было бы попытаться увеличить объем этих ресурсов, например, увеличив использование в демографических целях силы и энергии женщины. Призывы к возврату женщины "от станка к семье" раздаются достаточно часто. Однако сегодняшнее положение женщины в обществе является результатом длительной борьбы за ее эмансипацию, за равноправие, которое достижимо в первую очередь благодаря вовлечению женщины в общественное производство наравне с мужчиной, но это само по себе предполагает принципиальное изменение соотношения роли женщины в семье и в обществе. Новая роль женщины, вступающая в известное противоречие с ее традиционной ролью матери, является одной из важных целей общества на определенном этапе его развития, что не может не накладывать существенных ограничений на использование женщины в качестве "демографического ресурса".

Эти примеры показывают, что динамика демографических показателей, кажущаяся желательной, если рассматривать только кривую частного эффекта, вытекающего из изменения этих показателей, на самом деле может и не отвечать истинным интересам общества, а ориентирующаяся на обеспечение такой динамики демографическая политика оказывается внутренне противоречивой и безрезультатной. Рекомендующий такую политику теоретик-демограф выглядит более ограниченным, чем не очень образованная “средняя” женщина, решающая для себя вопрос о желаемом числе детей и не могущая при этом не сознавать более или менее ясно все социальные роли, которые она выполняет. Массовое демографическое поведение управляется массовым демографическим сознанием, которое в свою очередь является частью всего общественного сознания, более или менее адекватно отражающего объективные интересы общества, и по самой своей природе не может быть столь односторонним, сколь односторонни бывают теоретические рекомендации, основанные на неполном знании и абсолютизирующие какую-нибудь одну сторону развития.

Чтобы демографическая политика была эффективной как в смысле увеличения полезности, получаемой обществом в результате ее проведения, так и в смысле отдачи расходуемых на ее проведение ресурсов, она должна ориентироваться не на частный оптимум и не на кривую частного эффекта, а на глобальный оптимум, на оптимум, соответствующий максимуму общего социального результата. Такой оптимум отражает демографическую цель как одну из многих целей, стоящих перед обществом, и учитывает не только желательность достижения целей, но и имеющиеся в наличии средства.

Проведение такой политики означает:

- обязательный учет последствий демографического развития в процессе сопоставления полезных эффектов различных сторон развития вообще при определении общих целей. Это предполагает в идеале знание кривых частного эффекта для всех сторон развития (экономического, социального, политического и т.п.), в том числе и кривой частного демосоциального эффекта;
- оценку ресурсов, необходимых для получения единицы полезного эффекта путем воздействия на демографическую область. Это предполагает знание кривой зависимости демографических результатов от направляемых на их достижение затрат, эффективности собственно демографической политики;
- нахождение глобального демографического оптимума, демографической цели, к достижению каковой следует безусловно стремиться в течение того времени, для которого определены

также и все остальные цели и произведено распределение ресурсов, обеспечивающих их достижение;

- рациональное использование ресурсов, выделенных на демографические цели.

Только такая политика может иметь своим результатом оптимизацию демографических процессов в строгом смысле этого слова.

Литература

1. Андорка Р., Мильтеньи К. Экономические причины и последствия низкой рождаемости // Рождаемость и ее факторы / Под ред. А.Г. Волкова. М., 1968.
2. Факторы экономического развития СССР / А.И. Ноткина. М., 1970.

О МОТИВАЦИОННОЙ ОСНОВЕ РОЖДАЕМОСТИ¹

Рождение детей, или прокреация², – неотъемлемая функция человека. Если бы выполнение этой функции в человеческом обществе серьезно нарушилось, само существование его было бы поставлено под угрозу.

Ни у кого не вызывает сомнения, что в наше время в прокреационном поведении людей происходят очень серьезные изменения.

Эти изменения можно толковать просто как “поломку” механизма социального управления рождаемостью, безотказно действовавшего тысячелетиями, а теперь начавшего давать сбои. Но можно рассматривать их и как органическую перестройку механизма, управляющего поведением одной из подсистем социального целого в эпоху, когда само это целое охвачено глубокими переменами, как “болезнь роста”. При первой трактовке с новыми тенденциями связывается опасность полного нарушения воспроизводственного процесса, при второй – в них можно видеть лишь модификации этого процесса, обеспечивающие решение тех же, что и прежде, принципиальных задач, но способом, соответствующим более высокому этапу общественного развития.

Ни то, ни другое толкование происходящих изменений не исключает негативной оценки некоторых явлений современной демографической действительности, равно как и целесообразности активной демографической политики, направленной на преодоление нежелательных явлений. Но при первой трактовке эти нежелательные явления рассматриваются как прямое следствие отхода от старых проверенных методов социального управления прокреационным поведением, а демографическая политика явно или неявно ориентируется на то, чтобы затормозить этот отход и

¹ Впервые опубликовано в: Демографическое развитие семьи. Сб. статей под ред. А.Г. Волкова. М., Статистика, 1979. С. 126–150.

² От лат. *procreatio* – рождение, произведение на свет. В настоящей статье термин “прокреационный” употребляется вместо термина “репродуктивный”, который попал к нам из англоязычной демографической литературы (*reproduction, reproductive period, reproductive behaviour*). Использование этого термина для обозначения явлений, связанных с рождаемостью, создает трудности, когда их нужно отличать от явлений, связанных с воспроизводством (репродукцией) населения в целом. Избавиться вообще от иноязычного термина пока не удалось из-за неудобства образования прилагательных от слов “рождение”, “рождаемость”. Поэтому мы пытаемся преодолеть указанную выше трудность с помощью термина “прокреация” и производных от него, как это принято во французской литературе (*procréation, période de procréation, comportement procréateur*).

по возможности обеспечить возврат к прошлому или чему-то, на него похожему. При второй же трактовке в отрицательных моментах современного демографического развития можно видеть следствие недостаточного развития новых форм управления прокреационным поведением, стало быть, и недостаточного преодоления его старых форм, и тогда демографическая политика должна ориентироваться на ускоренное изживание прошлого, на облегчение объективно назревшего перехода от старого к новому, на поиски методов управления прокреационным поведением, быть может, принципиально отличных от тех, которые существовали прежде.

1. Прокреационная и репродуктивная потребности

Под прокреационной мотивацией будем понимать совокупность побуждений, приводящих человека к рождению ребенка. Такие побуждения могут быть различными, могут толкать на какой-либо шаг либо удерживать от какого-либо шага. При анализе прокреационной мотивации одинаково важно увидеть побуждения как той, так и другой группы, как то, например, что побуждает женщину родить, так и то, что не позволяет ей воспрепятствовать рождению.

Объективную основу прокреационной мотивации попытаемся понять, отталкиваясь от категории “потребность”, которая признается “узловым фактором, исходным пунктом решений человека как относительно внешнего мира, других людей, так и относительно самого себя” [5: 218]. Потребности вытекают из жизнедеятельности человека, существующего в той или иной природной или общественной среде, задаются ему биологически или социально.

Стало быть, чтобы понять объективную обусловленность интересующего нас прокреационного поведения, надо прежде всего разобраться в содержании и природе той потребности, которая дает исходный импульс этому поведению, побуждает людей вести себя в сфере прокреации так, а не иначе.

В советской демографической литературе последних лет получили выражение различные взгляды на потребность как фактор детерминации прокреационного поведения. Одно из главных различий заключается в том, что некоторые авторы (Л.Е. Дарский, В.А. Белова) вообще отрицают существование специфической потребности, служащей исходным пунктом детерминации такого поведения, тогда как другие (А.И. Антонов, В.А. Борисов) говорят именно о специфической потребности, которую на-

зывают “потребностью в родительстве”, “в отцовстве”, “в материнстве”, чаще же всего – “потребностью в детях”.

Согласно А. Антонову “потребность в детях является социально-психологическим свойством индивида, проявляющимся в том, что без наличия детей и подходящего числа их индивид испытывает затруднения как личность” [2: 115]. Содержание потребности в детях раскрывается, однако, не этим чисто функциональным определением, а анализом структуры мотивов рождения детей, которые характеризуют “смысл появления ребенка, состоящий в том, что ребенок оказывается средством для достижения личных целей родителей” [3: 90]. Среди важнейших А. Антонов и солидаризирующийся с ним В. Борисов называют мотивы, связанные с тем, что дети “рассматриваются как участники семейного хозяйства, как дополнительная рабочая сила, защитники и наследники хозяйства, кормильцы и опора родителей в старости”, позволяют удовлетворить потребности родителей в заботе о других, в передаче своего жизненного опыта и т.д. [3: 90–91; 7: 181–182]. Для правильного понимания смысла, вкладываемого авторами в понятие “потребность в детях”, важно то, что они допускают ослабление этой потребности вследствие исторических перемен, затрагивающих общество и семью, причем именно с ослаблением этой потребности связывается современное снижение рождаемости.

Признавая вслед за А. Антоновым, В. Борисовым и рядом других авторов существование специфической потребности, лежащей в основе прокреационного поведения людей, мы, однако, во многом расходимся с ними в отношении трактовки содержания этой потребности и характера ее мотивационного действия.

Идет ли речь о семье или об обществе, следует четко разграничивать два демографических процесса: прокреацию, т.е. производство потомства, и воспроизводство, или репродукцию, – процесс, объединяющий в себе прокреацию с неизбежным рано или поздно исчезновением рожденных людей, рождаемость со смертностью, и характеризующийся итоговым результатом взаимодействия того и другого. Соответственно можно говорить и о двух видах потребности – *прокреационной*³, т.е. потребности в определенном числе рождений, определенном уровне рождаемости, и *репродуктивной*, связанной с необходимостью непрерывного возобновления поколений, замены уходящих членов общества или семьи новыми.

³ Термин “прокреационная потребность”, правда, в ином толковании, предложен Р.И. Сифман.

Прокреационная потребность – производная от репродуктивной, но она не тождественна ей. Завися от репродуктивной потребности, она зависит также и от уровня смертности, что придает ее динамике относительно независимый (от динамики репродуктивной потребности) характер. Возможно, например, что репродуктивная потребность не изменяется, в то время как соответствующая ей прокреационная потребность в результате снижения смертности непрерывно сокращается. Ведь один и тот же темп роста населения или нетто-коэффициент его воспроизводства, равно как один и тот же размер семьи, при разной смертности требует и разной рождаемости.

Термин “потребность в детях” в описанном выше понимании игнорирует различие между двумя указанными потребностями. Говоря о потребности в детях, обычно имеют в виду детей, не просто родившихся, а выживших, достигших возраста зрелости, ставших способными к выполнению экономических, социальных, демографических и прочих функций. То же следует сказать и об употребляющемся иногда применительно ко всему обществу выражении “потребность в людях” [См., например: 6: 184–185.]. Потребность в детях связывается, скажем, с заинтересованностью в детях как в работниках, кормильцах в старости и т. п. Речь следовательно, идет об итоговой репродуктивной потребности с учетом тех потерь, которые приносит смертность детей до достижения ими возраста, когда соответствующие функции могут выполняться.

Но, с другой стороны, с динамикой потребности в детях связывают реальные изменения рождаемости, объясняя ее снижение ослаблением этой потребности. “Сокращение рождаемости происходит вследствие уменьшения самой потребности в детях”, – пишет В. Борисов [6: 122.].

Снижение рождаемости действительно можно рассматривать как свидетельство сокращения *прокреационной* потребности (да и то такая трактовка – не единственно возможная). Но непосредственной связи между динамикой рождаемости и динамикой репродуктивной потребности нет. При снижении смертности рождаемость может падать, даже если потребность в детях, понимаемая как репродуктивная, совершенно не изменяется. Стало быть, когда динамика рождаемости прямо связывается с динамикой потребности в детях, то последняя толкуется как прокреационная, как потребность в определенном числе рождений.

Термин “потребность в детях” (“в людях” и т.п.) оказывается двусмысленным, и мы предпочитаем им не пользоваться, полагая, что выделение двух разных потребностей – репродуктивной

и прокреационной – более точно отражает специфику двух разных явлений действительности. Разграничение этих двух потребностей полезно еще и потому, что они реализуются (по крайней мере, отчасти) в разных видах поведения. С репродуктивной потребностью, например, связана не только прокреация, но и отношение к жизни родившихся детей, процессы адаптации (усыновления и удочерения) и т.п.

И репродуктивную, и прокреационную потребности мы понимаем как социальные, т.е. такие, которые нельзя найти у изолированного индивида, но которые свойственны общественному человеку. При таком понимании, анализ детерминации индивидуального поведения требует обращения к категории *общественной потребности*⁴.

Функционирование общества как целостной системы порождает потребности, не сводимые к потребностям индивидов, рассматриваемых порознь, но вытекающие из их постоянного взаимодействия между собой в масштабах всего общества. Если эти общественные потребности не удовлетворяются, само существование общества, а значит, и отдельных людей оказывается невозможным. Нужно ли лишний раз повторять, что существование общества решающим образом зависит от непрерывности продолжения рода? Нам кажется, что среди всех общественных потребностей, нередко трудно разграничиваемых, специфические потребности в воспроизводстве населения и соответственно в необходимом числе рождений – репродуктивная и прокреационная – принадлежат к числу наиболее легко вычленяемых и очевидных.

Что же касается этих потребностей на индивидуальном уровне, то они, в нашем понимании, порождаются обществом как целым, социальным взаимодействием людей в качестве их общей коллективной потребности и только потому становятся их индивидуальной потребностью.

Общественная и индивидуальная потребности (как репродуктивная, так и прокреационная) генетически связаны между собой, не существуют одна без другой, испытывают постоянное взаимное влияние. Каждая из двух потребностей существует од-

⁴ Важность анализа категории общественной потребности применительно к интересующей нас проблематике подчеркивается А.Г. Харчевым и М.С. Мацковским (см. [17: 31–32 и далее]). На связь индивидуальной и общественной репродуктивной потребности указывает и А.И. Антонов, который пишет: “Общественная потребность в воспроизводстве населения и конкретнее – социальная потребность в детях... отражается в общественном сознании..., образуя индивидуальную потребность в детях” [1:32]. Нам кажется, однако, что этот верный тезис не получил в работах А.И. Антонова последовательного развития.

новременно и как общественная, и как индивидуальная. Но внутреннее единство общественного и индивидуального не означает отсутствия конфликта между ними.

Непрерывное продолжение рода как одна из основных потребностей общества существует наряду с множеством других его потребностей, без удовлетворения которых оно тоже не могло бы существовать. Укажем хотя бы на экономическое воспроизводство – основу существования социальной жизни.

Общество всегда объективно вынуждено распределять свои усилия и ресурсы таким образом, чтобы ни одна из жизненно важных потребностей не осталась неудовлетворенной. Само такое распределение несет в себе зерно противоречия, конфликта, который воспроизводится и на индивидуальном уровне. Каждый человек даже на ранних этапах истории имеет разнообразные потребности и, рассуждая абстрактно, может отдать предпочтение удовлетворению одних в ущерб другим. В массе подобные предпочтения могут сделать невозможным сбалансированное удовлетворение общественных потребностей, что приведет к хаосу и дезорганизации социальной системы. Абстрактная возможность такой дезорганизации всегда существует, ибо, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, с момента возникновения общества “вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом” [13: 31].

Но подобно тому, как неверно было бы абсолютизировать единство общественной и индивидуальной потребностей и не видеть между ними никакой разницы, неверно впадать и в другую крайность и абсолютизировать конфликт между ними, забывая об имманентно присущих обществу силах, ведущих к преодолению этого конфликта. В большинстве случаев он решается таким образом, что частные интересы подчиняются общим, и массовое поведение людей, движимых их собственными “особыми” интересами, все же не выходит за рамки, допустимые с точки зрения социального целого.

Так, мы полагаем, обстоит дело с соотношением общественной и индивидуальной потребностей и в демографической сфере. Конфликт между индивидуальными (семейными) и общественными прокреационными интересами – это не какое-то уникальное явление, характерное только для последнего времени (и то лишь в возможности), как утверждают некоторые демографы, а совершенно обычное состояние, свойственное любой эпохе и любому обществу.

К сожалению, авторы, которые склонны подчеркивать существование этого конфликта на современном этапе, не замечают ни самого конфликта, ни варварских форм его преодоления, когда речь идет о прошлом. В литературе всячески подчеркивается всесторонняя заинтересованность человека прошлого в многочисленном потомстве, всеобщее единодушие в отношении целесообразности высокой рождаемости. В этом отношении характерно утверждение В.И. Козлова о том, что прежде “дети считались бесценным благом жизни, что приводило, по существу, к неограниченной потребности в них”, тогда как теперь “дети уже не считаются высшим благом, а соизмеряются с другими ценностями” [12: 118, 124].

Нам же кажется, что природа всеобщего “консенсуса” в отношении деторождения в прошлые эпохи заслуживает более критического анализа. В его достижении всегда огромная роль принадлежала насилию, он зиждился на бесправии отдельного человека, его подчиненности отчужденной социальной силе, выступающей в облике государства и его институтов, религии и т.п. Достаточно напомнить о приниженном положении женщины, которое тысячелетиями лишало ее возможности какого-либо волеизъявления, выбора во всех сферах жизни, в том числе и в семейной сфере. Круг доступных женщине социальных ролей был сужен до предела, материнство было едва ли не единственной из них. Естественно, что бездетность замужней женщины означала для нее трагедию. Дети для нее действительно были бесценным благом жизни, но жизни, которая в силу своей социальной организации была лишена всех других благ, насильно низведена до узкофункционального существования в замкнутой семейной сфере. Социальные механизмы делали свое дело и обеспечивали непрерывность прокреации, но никакой гармонии общественных и индивидуальных прокреационных интересов, никакого “золотого века” рождаемости в прошлом не было.

Противоречие индивидуальной и общественной прокреационной потребности существовало в прошлом, существует в настоящем и, вероятно, сохранится и в будущем. Поскольку речь идет о противоречиях внутренних, имманентных самому явлению, развитие, как известно, “не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения” [15: 113]. Следовательно, если мы действительно хотим понять то новое в детерминации прокреационного поведения, что несет с собой историческое развитие, мы должны разобраться в исторически конкретных формах, в которых разрешается противоречие и обеспечивается единство индивидуального и общественного в сфере прокреации.

2. Внешнее и внутреннее в детерминации прокреационного поведения

Согласование индивидуального прокреационного поведения с интересами и потребностями целого обеспечивается процессами социального управления⁵. Смысл всякого управления заключается в установлении между компонентами системы дополнительных, “излишних” с точки зрения отдельного компонента связей, благодаря чему и обеспечивается оптимизация функционирования всей системы. Человек, находящийся в сфере социального управления, делает то, что ему (если бы его можно было представить существующим изолированно) “не нужно”, и не делает того, что ему “нужно”. Иными словами, именно социальное управление делает нужным каждому то, что нужно обществу в целом, формирует индивидуальные потребности, соответствующие общественной потребности. В результате преодолеваются энтропийные тенденции, порождаемые существованием множества особых индивидуальных интересов, и индивидуальное поведение (в том числе, конечно, и демографическое) оказывается определенным образом упорядоченным.

Такое упорядочение достигается различными способами, каналы, по которым управляющая информация поступает к индивиду, многообразны. В социологической литературе их часто объединяют в две группы, выделяя внешнюю и внутреннюю детерминацию поведения. Характер детерминации поведения отражается и в структуре его мотивации, в которой также всегда присутствуют внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные) компоненты.

Соотношение внешних и внутренних компонентов детерминации поведения не есть что-то раз и навсегда данное. Наоборот, на разных этапах истории относительное значение каждого из них не одинаково. Как писал К. Маркс, “существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют” [14]. В мотивации поведения “варвара” преобладают как раз экзогенные компоненты, он ведет себя, повинаясь внешним силам и исходящим от них импульсам. Историческая тенденция заключается в преодолении “варварства”, в вытеснении экзогенных компонентов мотивации эндогенными, в возрастающем преобладании внутренних побуждений к действию, индивидуальных желаний, стремлений, целей. Нас особенно интересует тот этап

⁵ Более подробно о содержании социального управления применительно к рождаемости см.: [9].

этих изменений, который начался с наступлением нового времени и привел, среди прочего, к формированию типа прокреационного поведения, преобладающего сейчас во всех странах с низкой рождаемостью.

На этом этапе, быть может, впервые в истории, внутренние компоненты детерминации поведения, его эндогенная мотивация стали доминирующими, что было связано с широкими изменениями всей мотивационной сферы, в том числе, конечно, и потребностей как “энергетического источника” мотивации. Так как потребность “синтезирует в себе внешнюю объективную детерминацию и детерминацию субъективную, внутреннюю и в этом своем синтезе является главным побудительным фактором поведения” [5: 218], изменение соотношения внешних и внутренних компонентов детерминации поведения не могло не означать трансформации и самих потребностей, их развития, усложнения их внутренней структуры, механизма их реализации в поведении.

Прежде существовал как бы некий нерасчлененный универсум потребностей. Число их было относительно невелико, каждая была интегральной частью слабо дифференцированного целого, неразвитой и нераспознанной. Столь же нерасчлененным было и само поведение людей: производство и потребление, удовлетворение физиологических потребностей и поддержание социального порядка, воспитание детей и прокреация – все это не было разделено ни в физическом, ни в социальном пространстве – времени, представляло собой хотя и разные, но слабо различимые стороны слитного потока человеческой жизни. Нерасчлененной деятельности соответствовал и нерасчлененный результат, так что связь между конкретным действием и его результатом обычно не осознавалась или осознавалась неполно.

В этих условиях мотивационная сила индивидуальной потребности (когда речь шла о социально необходимых видах поведения) была невелика, и мотивационный заряд исходил непосредственно от общественной потребности, т.е., с точки зрения индивида, извне. Отсюда вынужденная неиндивидуализированность, обезличенность предписаний и запретов, формирующих поведение человека, и соответственно неразвитость его личности.

Растущая дифференциация деятельности, обогащение, усложнение взаимодействия людей с природой и друг с другом имели своим следствием умножение и обособление потребностей, осознание логической цепочки потребность – деятельность – результат. Акт поведения, который прежде сам по себе был целью, поставленной кем-то, казалось бы, стоящим над человеком, за его спиной (в действительности – его собственной социальной силой), превратился в средство достижения цели, которую он ста-

вит себе сам. Но чтобы ставить цели, он должен осознавать свои потребности, общественные потребности должны быть им осознаны, восприняты как его собственные, как эндогенный источник мотивации. Если такое развитие индивидуальных потребностей протекает успешно, то мотивационный заряд социального поведения человека перемещается извне вовнутрь, в него самого, мотивационная сфера личности как бы снабжается автономным источником питания, место громоздких приводных ремней занимают миниатюрные датчики, “вживленные” в каждого человека. Очевидны огромные преимущества такой детерминации поведения – она необъятно расширяет круг ситуаций, в которых вообще может существовать и действовать социальный человек.

Описанные изменения можно проследить и на примере прокреационного поведения.

На ранних этапах истории прокреационная потребность индивида существует в неразвитом виде, она слита с другими потребностями, не обнаруживает себя в явном виде, не осознается. Подобная неразвитость потребностей соответствует неразвитости самого человека, недифференцированности его деятельности и мышления. Если, скажем, само прокреационное поведение не обособлено, а слито с половым поведением, имеющим очевидную физиологическую мотивацию, то необходимости в развернутой самостоятельной цепочке опосредующих звеньев от потребности к мотиву прокреации, а через него к действию не возникает. Индивидуальная прокреационная, а тем более репродуктивная потребности как ипостаси соответствующих общественных потребностей неразвиты, их мотивационный потенциал не раскрыт.

Исторические изменения ведут к развитию этих потребностей на индивидуальном уровне – развитию не количественному (увеличение или уменьшение потребностей), а качественному – их обособлению, осознанию, индивидуализации, активизации в качестве фактора прокреационной мотивации.

Особое значение имеет развитие репродуктивной потребности, проявляющееся в осознании детей как самостоятельной ценности, в появлении внутренних стимулов прокреационной (но не только прокреационной) активности.

Хотя тенденция к нарастанию значения внутренней детерминации прокреационного поведения, к развитию и усложнению прокреационной мотивации существовала, вероятно, всегда, особенно заметной она стала в Новое время, которое принесло огромное скачкообразное увеличение вклада внутренней детерминации. Бурное развитие этой тенденции привело к полной перестройке структуры прокреационной мотивации. Эту перестройку

следует рассматривать как одну из составных частей общих перемен в сфере воспроизводства населения, объединяемых понятием “демографическая революция”. В соответствии с принятой нами ранее терминологией [8] можно говорить о двух исторических типах прокреационной мотивации: традиционном и рациональном (современном). Демографическая революция приводит к замене первого вторым.

Различие между двумя типами мотивации ясно уже из сказанного. Прокреационная мотивация традиционного типа отражает преобладание внешней детерминации поведения, неразвитость потребностей, необязательность трансформации их в рационально осмысленный мотив и осознания субъектом поведения связи между действием и результатом. Прокреационная мотивация современного типа, напротив, порождена преобладанием внутренней детерминации поведения, развитыми дифференцированными потребностями, необходимостью их освоения через осознание целей деятельности и их превращение в мотивы поведения.

Мы полагаем, что указанные различия имеют фундаментальное значение для объяснения происходящих в наше время изменений в прокреационном поведении. Недооценка, а тем более полное игнорирование этих различий сами по себе способны привести к неверным взглядам на социальную детерминацию рождаемости. Пытаться понять разницу в прокреационном поведении прежде и теперь, исходя из представлений об однотипности прокреационной мотивации в прошлом и настоящем, все равно, что пытаться открыть одним ключом два разных замка.

3. Два типа прокреационной мотивации

В чем видят обычно непосредственную причину исторических перемен в прокреационном поведении родителей? В нашей демографической литературе последних лет чаще всего в качестве такой причины называют уменьшение полезности детей, т.е. их способности удовлетворять те или иные потребности родителей. Как правило, называют три главных элемента такой полезности: экономический, социальный и психологический (правда, границы между этими элементами разные авторы проводят по-разному).

Наибольшее значение придается экономической и социальной полезности детей. Полагают, что в прошлом она была весьма велика. “Благосостояние семьи и обеспечение старости... зачастую зависели от многодетности” [6: 120]. Дети “были помощниками в производстве и кормильцами в старости, верными со-

ратниками в защите и нападении, предметом гордости и элементом престижа. Их брачные связи создавали твердую опору в соседской общине. Вообще, с какой стороны мы бы ни рассматривали большую патриархальную семью, много детей и прежде всего сыновей были гарантией прочности ее социальных позиций" [11: 5].

В современную же эпоху, как полагают, произошли исторические сдвиги, которые коренным образом изменили, понизили полезность детей для родителей. Дети "утратили смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи", стали ненужными как страховка в старости, потеряли свою роль наследников родительских состояний и продолжателей фамилий [7: 183–184]. "Увеличение экономических затрат на детей сопровождалось уменьшением экономической потребности в них" [12: 123]. "Социально-экономические изменения привели к тому, что дети или утратили свои способности удовлетворять некоторые потребности, или же удовлетворяют их хуже, чем другие, новые объекты" [11: 7, 8]. Снижение экономической и социальной полезности детей автоматически ведет к уменьшению рождаемости, изменением способности детей удовлетворять потребности родителей "следует объяснить, по-видимому, то, что современные родители считают желанным иметь одного-двух детей" [10: 20].

Помимо экономической и социальной выделяют еще и психологическую полезность. Согласно Л. Дарскому, "кроме экономических потребностей... дети традиционно удовлетворяли комплекс социально-психологических потребностей", таких, как "потребность иметь объект забот и ухода, объект доминирования и воспитания" [10: 20]. О том же пишет и А. Антонов, говоря о психологических мотивах рождения ребенка, которые "заключаются в удовлетворении потребностей личности в общении, в уважении и любви к себе и в проявлении этой любви и заботы по отношению к другим, в укреплении уз брака, в актуализации своих способностей, в смысле жизни и т.п." [3: 90].

С "психологической полезностью" происходит примерно то же, что с экономической и социальной. Она также падает или (немного иной вариант) вообще недостаточно сильна, чтобы на ней могла держаться рождаемость. "Трудно сказать, что стало с соответствующими потребностями, – пишет Л. Дарский. – То ли они трансформировались и удовлетворяются другими объектами, то ли они слабо развиты, имеют малую ценность и вытесняются другими – возможно и то и другое вместе" [10: 20–21]. А. Антонов более определенно подчеркивает принципиальную слабость "психологических мотивов", которые "обуславливают только установки малодетности и даже однодетности, поскольку

для реализации их вполне достаточно одного ребенка” [3: 90], и полагает, что ослабление потребности семьи в детях произошло, “так как ведущими мотивами рождения детей перестали быть экономические мотивы, уступив эту роль психологическим мотивам” [3: 90].

Анализируя приведенные выше объяснения обусловленности изменений в прокреационном поведении, нетрудно заметить, что в них преобладает чисто количественный момент: полезность детей падает, их способность удовлетворять потребности родителей уменьшается, “потребность в детях” ослабевает и т.д. Сам же *тип поведения* остается неизменным: на большую полезность детей люди реагируют высокой рождаемостью, на малую – низкой. Помимо всего прочего у рождаемости, при таком объяснении происходящих перемен, не оказывается будущего. Старые стимулы к прокреации ослабевают, а новые не возникают. Не удивительно, что некоторые авторы, стоящие на позиции этого объяснения, не находят в объективном развитии никаких внутренних тенденций к укреплению слабеющей прокреационной мотивации и возлагают все надежды на “искусственные” меры. Необходимая, с точки зрения общества, среднедетная семья, утверждает В. Борисов, “может быть создана и поддерживаться искусственно, с помощью мероприятий демографической политики” [7: 186]. Изложенное выше понимание происходящих изменений подсказывает и направление этой политики. “Только усиление экономических и социальных побуждений к рождению детей (не происходящее автоматически по мере социально-экономического прогресса) в рамках демографической политики способно остановить наблюдающееся сокращение рождаемости” [4: с. 17].

Опираясь на развитое в предыдущем разделе этой статьи представление о двух типах прокреационной мотивации, мы попытаемся теперь дать иное объяснение происходящих изменений, которое приводит и к иным выводам.

Мы полагаем, что для прокреационной мотивации традиционного типа характерно прежде всего *отсутствие* связи между побуждениями к деторождению и полезностью его для родителей. При этом мы отнюдь не оспариваем того, что дети могли быть полезны родителям, не отрицаем самого существования в прошлом индивидуальной репродуктивной потребности или, если угодно, “потребности в детях”. Можно допустить даже и некоторый вклад ее в мотивацию прокреационного поведения. Но *решающая* роль в этой мотивации, по нашему убеждению, не могла принадлежать репродуктивной потребности по крайней мере по двум причинам:

1) потому что объективно весьма ненадежной была связь между числом рожденных и выживающих детей;

2) потому что столь же ненадежной была связь между числом детей и экономическим и социальным положением родителей. Большое число детей в одних случаях могло быть благом для семьи, в других – злом, в третьих – безразличным обстоятельством, но уровень рождаемости оставался неизменно высоким.

Попытки связать стремление к возможно большему числу рождений с тем, что семья с большим числом детей не только субъективно считалась желанной, но и объективно имела преимущества с экономической и с социальной точек зрения, выглядят, как нам кажется, неоправданно смелым обобщением, не проверенным на достаточно большом историческом материале. Выдержит ли оно такую проверку?

Связь прокреационного поведения и его результатов была далеко не однозначной уже хотя бы потому, что из-за высокой смертности высокая рождаемость отнюдь не была гарантией многодетности, элемент случайности был слишком силен, чтобы твердо полагаться на какие-либо расчеты (об этом пишет и Л.Н. Дарекий).

Но даже если принять, что более высокая рождаемость с большей вероятностью вела к многодетности, остается сомнение по поводу того, всегда ли многодетность сама по себе служила гарантией экономического или социального процветания. Подавляющее большинство населения во все доиндустриальные эпохи было земледельческим, сельским. Экономическое и социальное расслоение деревни – явление относительно недавнего времени, на протяжении большей части истории деревня была однородна и одинаково нища. В чем же тогда могли быть выгоды многодетности?

Возьмем, к примеру, западноевропейское средневековье с его высокой рождаемостью у всех слоев населения. В чем были выгоды семьи с большим числом детей для средневековой знати в условиях общепринятого майората – единонаследия старшего сына? А если такие выгоды были, то почему именно знать первой вступила на путь ограничения рождаемости в семьях? Были ли заинтересованы в многодетности городские ремесленники в условиях, когда господствовала жесткая всесторонняя цеховая эгалитарная регламентация и нередко ограничивалось даже число членов цеха? Чем, наконец, была “предпочтительна” многодетная крестьянская семья при неделимости наследуемого имущества и надела и неизменных размерах последнего?

Выгоды многодетности во всех этих случаях отнюдь не столь очевидны, чтобы можно было без всяких сомнений признать их

объективной основой стремления семьи к высокой рождаемости. Б.Н. Миронов, анализируя демографическое поведение русского крестьянина прошлого века, показал, что жизнь крестьянской семьи выдвигала немало аргументов и “за” и “против” многодетности, вели же себя крестьяне так, как будто объективных факторов, противостоящих выгодам высокой рождаемости, не существовало [16: 96–100].

Эта “странность” традиционного прокреационного поведения легко объясняется его жесткой запрограммированностью, преобладанием внешних компонентов его детерминации. Но “странность” только увеличивается, если мы начинаем применять для ее объяснения формулы, заимствованные из привычного нам “не странного” мира, в котором преобладает внутренняя детерминация поведения.

В.А. Борисов, пытаясь понять, почему потребность в детях может быть большей или меньшей, пишет, что человек “всегда стоит перед выбором в очередности удовлетворения своих потребностей” [7: 180]. С нашей точки зрения, он при этом экстраполирует в прошлое ситуацию, обычную сегодня, но когда-то бывшую редким исключением. В том-то и дело, что не всегда. В сфере прокреации – только после демографической революции. Прежде же никакого выбора не было. Ни гражданин античного полиса, ни средневековый ремесленник, ни русский крестьянин в XIX веке, а индийский даже и в XX не согласовывали свое прокреационное поведение с какими-либо обстоятельствами своей жизни и не меняли его в зависимости от этих обстоятельств.

Сама идея выбора, возможности связывать свое поведение с его рационально понимаемыми результатами, а тем более максимизировать их полезность абсолютно чужда человеку традиционного общества. Религиозные верования и предрассудки составляют основу его миропонимания, его реальные жизненные отношения выступают для него в мистической форме. *Credo, quia absurdum* (верую, ибо нелепо) – идеальный принцип такого миропонимания. Оно исключает рациональный “способ мышления, необходимый для осуществления долгосрочных инвестиций” [20: 144], который предполагают сторонники “полезностного” объяснения высокой рождаемости, когда говорят, скажем, о стремлении родителей обеспечить себя кормильцами в старости. Если, как замечает В.И. Козлов, объясняя причины традиционной многодетности, правоверный мусульманин убежден в том, что Аллах сам позаботится о детях, которые пришли в этот мир по его воле, и обеспечит их пищей [12: 122] (то же и в христианстве: Бог даст день, Бог даст и пищу), то почему бы ему не думать, что

Аллах позаботится и о нем самом на старости лет? Если религиозная мораль провозглашает производство потомства единственным оправданием половых отношений, которые сами по себе греховны, то нужны ли верующему какие-либо дополнительные аргументы, чтобы побудить его к деторождению? Сам факт существования в очень различных обществах культурных норм, регулирующих прокреационное поведение и выступающих обычно в религиозной оболочке, всякого рода ритуалов и обрядов, указывает на значение иррациональной мотивации этого поведения. Мотивированное таким образом поведение не знает выбора и предпочтения, мысль о том, что можно по своему желанию родить больше или меньше детей, недоступна человеку традиционного общества, задаваемый современным интервьюером вопрос "Сколько бы вы хотели иметь детей?" таким человеком не воспринимается.

Преобладание внешнего компонента в детерминации прокреационного поведения на протяжении тысячелетий было объективно оправдано, более того, было объективно необходимо. Но настал момент, когда появилась возможность и необходимость выхода на первый план внутренних компонентов такой детерминации, полной перестройки структуры прокреационной мотивации.

Необходимость такой перестройки была обусловлена резко ускорившимися с наступлением нового времени общими прогрессивными переменами в поведении людей, о которых говорилось выше. С новым типом поведения было связано огромное ускорение общественного развития, требовавшее в свою очередь проникновения этого поведения во все области жизни, где оно оказывалось возможным.

Возможность же перехода к новому типу поведения в сфере прокреации была создана в основном снижением смертности, особенно детской. Снижение смертности сделало достаточно надежной весьма эфемерную в прошлом связь между числом рожденных и выживающих детей. Тем самым была создана основа для развития репродуктивной потребности, для осознания ее и превращения в достижимую цель поведения. Речь опять-таки идет не только о прокреационном поведении: стала возможной целенаправленная забота о здоровье детей, стало обоснованным стремление любой ценой вылечить больного ребенка и т.д. Но и в прокреационном поведении могли теперь произойти большие перемены. Развитие индивидуальной репродуктивной потребности способно подвести фундамент под индивидуальную прокреационную потребность (с которой она теперь сближается и количественно), сделать ее осмысленной, индивидуализированной, неситуативной.

Последнее очень важно. Когда А.И. Антонов определяет “потребность в детях” как социально-психологическое свойство индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей и подобного числа их индивид испытывает затруднение как личность, то верность этого определения заслуживает разной оценки в зависимости от того, относится оно к настоящему или к прошлому. Если толковать здесь потребность в детях как потребность в рождениях детей, то применительно к прошлому следовало бы говорить о социально-психологическом свойстве не индивида вообще, а индивида в конкретной ситуации. Бездетными супругами их бездетность действительно очень часто воспринималась как бедствие, как свидетельство их неполноценности и т.п. Но для монахини или даже просто незамужней женщины гораздо большие затруднения были бы связаны как раз с рождением ребенка. Положение матери незаконнорожденных детей часто было крайне незавидным даже в обществах, отличающихся своими наталистскими установками. Прокреационная потребность имела ярко выраженный ситуативный характер, была связана не с человеком как таковым, а с его ролью.

При смене типа поведения ситуативный характер прокреационной потребности хотя и не исчезает полностью, резко ослабевает, она становится в гораздо меньшей степени ролевой и в большей степени личностной, “заложенной” не в ситуацию, а в человека. В применении к новому положению определение А.И. Антонова оказывается более верным, прокреационная потребность действительно становится социально-психологическим свойством индивида. И это происходит прежде всего потому, что таким же свойством индивида, точнее, чертой развитой личности, становится репродуктивная потребность.

Выше уже отмечалось, что репродуктивная потребность во многих отношениях близка к тому, что понимается в литературе под потребностью в детях. После того как столько написано об ослаблении потребности в детях и о влиянии этого ослабления на снижение рождаемости, почти парадоксально звучит утверждение, что именно теперь-то она только и проявляется в качестве важнейшего двигателя прокреационного поведения и имеет тенденцию к усилению. Тем не менее именно эту мысль мы хотим особенно подчеркнуть.

Развитие и укрепление индивидуальной репродуктивной потребности неотделимы от глубоких изменений, переживаемых семьей, которая с наступлением нового времени все более утрачивает свое бывшее значение производственной ячейки и одного из главных инструментов социального управления повседневным поведением людей и, превращаясь в основную ячейку организа-

ции частной жизни современного личностного человека, становится эгалитарной, демократической и, что особенно важно с точки зрения нашей темы, детоцентрической.

Пожалуй, впервые представление о детоцентрической семье было сформулировано французским историком Ф. Ариесом. “В центре старой семьи, — писал он, — находился авторитет отца и ведение хозяйства (*gestion domaniale*). Жизнь современной семьи строится в зависимости от ребенка и его будущего” [19: 330]. Ф. Ариес полагает — и, нам кажется, не без основания, — что именно отношение к детям — одно из главных отличий новой семьи от прежней. В то время как внешние скрепы, на которых держалась семья прошлого, — будь то экономическая необходимость, требование закона или религии, ослабевают и отпадают, дети все больше приобретают значение объединяющего стержня семьи, внутреннего смысла ее существования, связанного с глубинными, интимными структурами личности современного человека.

В прошлом на детей действительно могли смотреть как на полезный элемент в домашнем хозяйстве, как на средство (хотя приносимая ими польза могла не быть и, по нашему мнению, не была ведущим мотивационным фактором прокреации). Если бы такой взгляд на детей сохранился до наших дней и если бы он приобрел мотивационное значение, то и впрямь надо было бы, как и советуют некоторые демографы, заботиться об укреплении, скажем, экономических побуждений к деторождению, т.е. об увеличении экономической, материальной полезности детей. Но в действительности взгляд на детей как на средство достижения родительских целей становился все менее возможным, а их полезность — все более безразличным обстоятельством. Развитие репродуктивной потребности и рост ее мотивационного значения связаны с движением в ином направлении.

Дети превращаются в самоцель, их судьба, их будущее приобретают для родителей огромную важность — за этим стоят глубокая перестройка всей системы ценностей общества, изменения целых пластов его культуры. До XVI–XVII вв. в культуре западноевропейского общества, в котором впервые возник детоцентризм, практически не было никаких детоцентристских установок. Ж.-Л. Фландрэн, специально исследовавший этот вопрос, указывает, что на протяжении многих столетий церковные авторитеты извлекали из библейских текстов только доводы, необходимые для обоснования долга низших перед высшими, в частности детей перед родителями. Лишь начиная примерно со второй половины XVI в. положение начало меняться, и все чаще стали встречаться упоминания родительского долга. Но все же он пока несравним с

долгом детей перед родителями, которым они обязаны самым дорогим, что у них есть – своей жизнью. Ж.-Л. Фландрэн цитирует, например, сочинение одного португальского теолога начала XVII в., который пишет, что если у кого-нибудь отец и сын оказались в одинаковой беде, он должен “прийти на помощь скорее отцу, чем сыну, ибо он получил от своих родителей большее благо, чем от своих детей” [21: 135]. Традиционный идеал отношения детей к родителям воплощен в образе шекспировской Корделии, которая говорит Лиру: “Я люблю вас, как долг велит, – не больше и не меньше... Вы дали жизнь мне, вы меня питали, меня любили; я за все, как должно, вам повинуюсь, вас люблю и чту” [18: Акт I, сцена 1]. Сама же история короля Лира – история попражнения отцовского авторитета и отцовской власти – выросла из нравоучительной пьесы о непочтительных детях в трагедию общечеловеческого звучания, потому что осветила одну из глубоких трещин, возникших под напором новых сил и уже на рубеже средневековья и Нового времени начавших раскалывать здание казавшего незыблемым семейного и общественного порядка. Это – не рассказ о династической расправе, столь обычной в истории любого государства, а анализ нравственного конфликта, неизбежно возникавшего в каждой семье, оказавшейся на переломе двух эпох.

XVII–XVIII столетия в Западной Европе были периодом развития и разрешения этого конфликта – по крайней мере в буржуазной среде. Старые отношения в семье, ценности и культурные нормы, регулировавшие эти отношения, уступили место новым. Центральная роль главы семьи, его непререкаемый авторитет ушли в прошлое, зато небывалую ценность и в глазах родителей, и в глазах общества получили дети, их здоровье, воспитание, будущее. Два века спустя после короля Лира появляется новый социальный тип отца, который сам отдает детям то, чего Лир лишился из-за коварства своих неблагодарных дочерей. Теперь фигура отца Горио вырастает в символ нового отношения к детям, беспредельной родительской самоотверженности, становящейся нормой поведения.

Детоцентристская ориентация семьи и общества представляет собой результат обусловленного историческим развитием “социального возвышения” детей, которое приводит к развитию родительских чувств, родительского долга. Мотивированное интересами детей поведение получает всеобщее признание, становится частью этического кодекса. Все это не может не вести к огромному повышению ценности детей, к стремлению их иметь, к осознанию и развитию репродуктивной потребности как внутренней, глубинной, интимной. Одновременно возвышается и про-

креационная потребность, стремление “родить для себя”, иметь собственных детей, падает значение адоптивных связей.

Развитие и взаимопроникновение репродуктивной и прокреационной потребностей обогащает и укрепляет прокреационную мотивацию, ведет к вытеснению ее внешних детерминант, становящихся теперь ненужными, заменяет их внутренними. Осознание потребностей создает основу для целеполагания в сфере прокреации, теперь за каждым актом прокреационного поведения действительно можно видеть его мотивы, рассматривать это поведение как деятельность, направленную на удовлетворение индивидуальных потребностей.

Можно сказать, что здесь воспроизводится точка зрения тех авторов, которые пишут о выходе на первый план “психологического” фактора прокреационной потребности, с той лишь разницей, что мы считаем силу этого фактора достаточной для поддержания рождаемости на общественно необходимом уровне, а они — нет. Но если иметь в виду всю систему взглядов на прокреационную мотивацию, то различия оказываются более глубокими.

“Психологический” элемент “потребности в детях”, как полагают сторонники указанной точки зрения, — это итог *потери* в ходе трансформации прокреационной мотивации: в связи с утратой семьей ряда важнейших функций социальные побудительные мотивы к прокреации отпадают и остается то (немногое, как к тому же полагают), что вытекает из “психологических констант”: потребности в любви, уважении, смысле жизни и т.п.⁶

Мы же, напротив, говорим о *приобретениях* прокреационной мотивации, которые также связываются с исторической эволюцией семьи, рассматриваемой, правда, в более широком контексте эволюции всего общества.

“Детоцентризм” современной семьи — итог длительного исторического развития, в ходе которого создавались механизмы социального управления человеческим поведением, способные функционировать в новых условиях, один из тех социально заданных внутренних ориентиров человеческого поведения, благодаря которым отпадает необходимость в жестком внешнем регулировании этого поведения и оно становится более свободным.

⁶ Справедливости ради следует сказать, что А.И. Антонов наряду с такими неисторически трактуемыми “психологическими” основаниями “потребности в детях” указывает также и на исторически обусловленное повышение ценности детей и детства, которое “явилось одним из источников развития потребности в детях — в связи с выдвижением вперед психологических мотивов рождения”. Однако он не делает из этой посылки никаких общих выводов (см: [3: 91]).

Современный человек не просто имеет детей, он задает себе вопрос, хочет ли он их иметь, сколько и когда, иначе говоря, ставит перед собой определенную цель в сфере прокреации. И постановка такой цели, и ее достижение рассматриваются и им самим и всеми окружающими как его личное дело, которое не касается никого за пределами его семьи. Социальная природа ориентиров, подводящих его к тому или иному решению, остается скрытой за такими, казалось бы, глубоко индивидуальными чертами каждого, как его совесть, альтруизм, чадолюбие и т.п. Но в действительности его поведение, как и прежде, остается социально управляемым.

Это означает в свою очередь, что в современном демографическом развитии нет никакого движения по нисходящей, никакой исторической тенденции к ослаблению прокреационной мотивации. Происходит только ее качественная перестройка. Те детерминанты поведения, те мотивационные факторы, которые оказывали решающее влияние на прокреационное поведение в течение столетий и тысячелетий, действительно безвозвратно уходят в прошлое. Но на их место приходят новые. Их распространение и укрепление, с точки зрения развития прокреационной мотивации нового типа и ее интегрирования в общую систему мотивации поведения человека, можно характеризовать, скорее, как движение по восходящей. Именно с этим движением и связано, по нашему мнению, будущее рождаемости.

Литература

1. Антонов А.И. Проблемы измерения репродуктивной мотивации // Развитие населения (Народонаселение). М., 1974.
2. Антонов А.И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семей // Вопросы теории и методов социологических исследований. М., 1974.
3. Антонов А.И. Потребность семьи в детях // Демографическое поведение семей. Ереван, 1975.
4. Антонов А.И. Изменения структуры и жизнедеятельности семьи // Молодая семья (Народонаселение, вып. 18). М., 1977.
5. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М., 1977.
6. Борисов В.А. Возможности и границы социального контроля репродуктивного поведения семьи // Демографическое поведение семей. Ереван, 1975.
7. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976.
8. Вишневский А.Г. Демографическая революция. (См. настоящий том.)
9. Вишневский А.Г. Социальное управление рождаемостью // Вопросы философии, 1978. № 6.
10. Дарский Л.Е. Проблемы изучения факторов рождаемости // Рождаемость: Проблемы изучения / Под ред. Л.Е. Дарского. М., 1976.
11. Дарский Л.Е. Детерминанты и факторы репродуктивного поведения // Демографическое поведение семей. Ереван, 1975.

12. Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т. 3. М., 1955.
14. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. М., 1958.
15. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1961.
16. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 1977.
17. Харчев А. Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978.
18. Шекспир В. Король Лир.
19. Ariès Ph. Histoire des populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XIIIe siècle P., 1971.
20. Flandrin J.-L. L'attitude à l'égard du petit enfant et les conduites sexuelles dans la civilisation occidentale. Structures anciennes et évolution // Annales de démographie historique. P.; La Haye, 1973.
21. Flandrin J. – L. Familles. Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. P., 1976

ПРОЦЕССЫ САМООРГАНИЗАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ¹

Исследование процессов и механизмов самоорганизации — важная задача науки, ориентированной на познание глубинных закономерностей функционирования и развития сложных социальных объектов. Как отмечал В.И. Ленин, при научном подходе “главное внимание устремляется именно на познание *источника самодвижения*” в противоположность подходу, при котором “остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *вовне* — бог, субъект, etc.)” [2, с. 317]. “Познание всех процессов мира в их “*самодвижении*”, в их спонтаннейшем развитии” [2, с. 317], конечно, включает в себя и познание закономерностей их самоорганизации. В последние десятилетия, в значительной мере благодаря развитию системных исследований, разработке в рамках этих исследований соответствующего методологического аппарата и языка, важность анализа самоорганизации все шире осознается представителями самых разных научных дисциплин, имеющих дело со сложноорганизованными системными объектами. К сожалению, в демографию понимание важности процессов самоорганизации пришло довольно поздно. Здесь до недавнего времени преобладали скорее несистемные, традиционные подходы к анализу изучаемых явлений. Их обусловленность, детерминированность связывалась не с самодвижением демографической сферы, а с действием только внешних по отношению к ней факторов: экономических, экологических и т.п.

Нам кажется, что подобная логика не учитывает в достаточной степени сложности демографических процессов. Опираясь на получившие широкое признание исследования в области системной методологии, мы можем и должны по-новому взглянуть и на демографическую действительность, выделить демографическую подсистему общества как целостный объект, обладающий относительно устойчивой “внутренней средой” и использовать принципы подхода к изучению такого объекта, вытекающие из его системного видения. Этот подход позволяет, в частности, по-новому осмыслить характер причинно-следственных зависимостей в демографической сфере и увязать трактовку причинной обусловленности демографических процессов с представлением о демографической системе как целеустремленной и самоорганизующейся.

¹ Впервые опубликовано в книге: Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986. С. 233–245.

Что мы имеем в виду, говоря о системной организованности демографических процессов? Эти процессы, в которых реализуется одна из важнейших функций общества – возобновление человеческих поколений, порождают множество сложных и устойчивых связей и отношений между людьми, соответствующих институциональных и организационных форм, относительно автономных по отношению к выполнению всех других общественных функций. Люди, участвуя в воспроизводстве населения, вступают в сферу действия функционально специализированных социальных связей и отношений и вместе с ними образуют особую общественную подсистему – демографическую систему. Эта система обладает способностью к самоорганизации, т.е. к сохранению элементов своей внутренней структуры и способов их упорядочения в условиях относительной устойчивости внешней среды и к их приспособительному изменению, если среда существенно меняется. Термин “самоорганизация” указывает на объективный характер протекающих в демографической системе процессов, а также на то, что речь идет не о простых реакциях на внешние воздействия, а о нейтрализации или упреждении этих воздействий с помощью механизмов обратной связи *внутри* системы.

Иерархия целей демографической системы

Представления о самоорганизации демографической системы неотделимы от представлений о ее целеустремленности. Самоорганизуясь, система достигает или стремится достичь некоторого состояния или способа функционирования, которые могут быть интерпретированы как “цель” системы. Какова же эта цель применительно к демографической системе?

Нам уже приходилось касаться этого вопроса, но сейчас мы считаем неудовлетворительным то понимание цели демографической системы, которое содержалось в наших прежних работах, где она определялась как “самосохранение”, “выживание” [9, с. 88] или как “демографическое равновесие” [3, с. 244]. По-видимому, правильнее ставить вопрос не об одной цели системы, а о довольно сложной иерархии целей. Попытаемся выявить эту иерархию, заимствуя некоторые представления из теории управления биологическими системами [5, с. 30–37].

Выживание, самосохранение, на которое мы указывали ранее, конечно, остаются важнейшей целью демографической системы. Для того чтобы система (популяция животных или людей) “выживала”, необходимо и достаточно, чтобы соотношение по-

токов рождений и смертей подчинялось определенным требованиям, которые можно выразить в форме открытого неравенства

$$\bar{R}_0 = \delta \int_{-\infty}^{\infty} f(x)l(x)dx \geq 1 \quad (1)$$

Это выражение относится к женской части населения (δ – доля особей женского пола среди родившихся) и может быть интерпретировано применительно к реальным поколениям. В этом случае R_0 – нетто-коэффициент воспроизводства реального поколения, $f(x)$ и $l(x)$ – соответственно функции рождаемости и дожития. Никаких дополнительных требований к этим функциям не предъявляется.

Черта над символами R_0 означает, что условие (1) должно выполняться в среднем за достаточно длинный отрезок времени, внутри которого могут быть периоды, когда $R_0 < 1$ и периоды, когда $R_0 > 1$. Популяция всегда состоит из нескольких сосуществующих поколений и поэтому не гибнет, если некоторые из них не воспроизводятся. Однако если популяция довольствуется выживанием “любой ценой”, как это имеет место у популяций животных на более ранних этапах эволюции, и на ее воспроизводство не накладывается никаких дополнительных ограничений, то процесс размножения популяции оказывается крайне малоэффективным из-за его сильной зависимости от внешних помех.

Демографическая система слишком сложна и организована, чтобы мириться со столь низкой эффективностью своего собственного функционирования. Ведь уже в ходе эволюции популяций животных вырабатываются дополнительные требования к их воспроизводству, а именно требования относительной устойчивости функций $f(x)$ и $l(x)$, что равносильно относительной независимости от внешних помех. Известно, что организмы “с короткой продолжительностью жизни и с высокой репродуктивной способностью более чувствительны к кратковременным флуктуациям среды; численность их популяций нередко увеличивается или уменьшается в сотни и даже тысячи раз за несколько дней или недель”. В то же время “популяции крупных растений и животных с большой продолжительностью жизни и медленным размножением сравнительно нечувствительны к изменяющимся условиям среды вследствие заложенных в них способностей к гомеостазу” [6. с. 239].

Иными словами, на определенном этапе развития форм жизни при сохранении цели выживания популяции появляется еще и цель более высокого порядка – поддержания гомеостаза процесса размножения популяции даже при довольно значительных из-

менениях внешней среды. Достижение этой цели существенно повышает эффективность воспроизводственного процесса и делает возможным решение более широкого круга задач, связанных с жизнедеятельностью вида.

Гомеостатические механизмы по самой своей природе ориентированы на сохранение сложившихся соотношений (в частности, соотношения “популяция-среда”), тогда как в природе, а тем более в обществе происходят постоянные направленные изменения. В этих изменениях прослеживается одна общая линия: повышение качества функционирования биологических, а затем и социальных систем, преодоление достигнутого уровня эффективности функционирования во имя перехода на еще более высокий ее уровень. Применительно к процессу воспроизводства популяции это означает, что не только соотношение функций $f(x)$ и $l(x)$ должно быть подчинено требованию (1) (выживание) и эти функции не только должны обладать относительной устойчивостью по отношению к внешним помехам (гомеостаз), но что роль критерия приобретают сами значения функции $l(x)$ и в дополнение к требованию (1), которое сохраняется, можно записать еще требование (2):

$$\frac{\int_0^{\infty} f(x) dx}{\int_0^{\infty} f(x) l(x) dx} = \min \quad (2)$$

(качество процесса размножения тем выше, чем отношение $\int_0^{\infty} f(x) dx / \int_0^{\infty} f(x) l(x) dx$ меньше).

Понятно, что ни при каких условиях это отношение не может стать меньше 1. Но степень приближения к 1 характеризует эффективность процесса возобновления популяции. Эта характеристика весьма существенна для популяций животных, но особенно важна она для человека, так как каждое серьезное ее улучшение значительно расширяет универсальные возможности человеческого общества. Поэтому выживание и даже гомеостаз как цели демографической системы, сохраняясь, перекрываются целью еще более высокого порядка — *повышением качества функционирования*².

² Подробнее о качестве функционирования демографической системы см. [3, с. 244].

Достижение указанных целей возможно только в том случае, если множество элементарных демографических событий, из которых складывается в конечном счете единый процесс возобновления поколений, определенным образом упорядочено и в этом смысле управляемо. Задача управления – ограничение возможного разнообразия линий и актов демографического поведения людей, приводящее к повышению вероятности одних и понижению вероятности других демографических событий, приведение их в максимально достижимое соответствие с целями демографической системы. Целям более высокого порядка должна соответствовать и большая эффективность управления, в частности большая независимость его от внешних помех.

Высококачественное управление – это всегда самоуправление, имеющее достаточно автономную программу, обеспечивающую устойчивость поведения управляемого объема при малых изменениях внешней среды системы и способную приспособительно перестраиваться, если такие изменения становятся большими. Подобные эффективные программы, выработанные в ходе биологической эволюции, широко распространены в природе. Однако возникновение человеческого общества знаменовало собой переход к более сложным, чем биологические, социальным формам организации живой материи, а соответственно и к гораздо более сложным управляющим программам. Их возникновение и реализация стали возможны потому, что еще в период своего становления общество выработало особый язык – язык культуры.

В настоящей статье культура трактуется как определенным образом организованная информация о социально апробированных способах деятельности людей и связанных с ней общественных отношениях. Эта информация, многократно проверенная и отобранная историческим развитием по критериям как объективной целесообразности, так и эффективности воздействия на людей, соответствующим образом закодированная, непрерывно циркулирует в обществе и, подобно всякой информации, противостоит росту энтропии, неопределенности, беспорядка. Такую роль она выполняет и по отношению к воспроизводству населения, внося необходимый порядок в массовое демографическое поведение людей.

Это не значит, конечно, что культура первична и что ход демографических процессов предопределяется культурой как таковой. Первичны сама деятельность людей, непосредственно свя-

занная с производством потомства, с сохранением человеческой жизни, и порождаемые этой деятельностью социальные и материальные по своей природе “демографические отношения”. Эти последние, многократно повторяясь и воспроизводясь, формируют вокруг себя сложные культурные комплексы, культурные структуры, которые в свою очередь обеспечивают устойчивость и воспроизводимость породивших их отношений. Культурные структуры, стало быть, вторичны, производны, но это несколько не снижает их роли в управлении демографическим поведением людей.

Культурные структуры имеют разные иерархические уровни. На одном из самых высоких находится культурная традиция. Она вбирает в себя весь исторический опыт существования народа в определенных природных и социальных условиях и потому может выполнять роль “обобщенных моделей вероятности протекания соответствующих процессов” [4, с. 156], оказывает стабилизирующее, гомеостатическое влияние на общественную жизнь.

В рамках культурной традиции складываются более частные культурные комплексы, отражающие общепризнанный взгляд на отдельные социальные функции и порождаемые ими отношения. Назовем такие комплексы культурными парадигмами. Принадлежность к одной культурной традиции обуславливает взаимную согласованность и непротиворечивость вытекающих из них требований к поведению людей. Культурные парадигмы имеют ярко выраженную ценностную окраску, указывают на то, что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя в данной области человеческой деятельности. Можно ли избавиться от ожидаемого или уже рожденного ребенка, допустим ли развод или повторный брак – вот примеры вопросов, ответы на которые определяются культурными парадигмами.

Наконец, есть еще более низкий уровень культурных структур, которые можно назвать культурными рекомендациями. Они указывают, как действовать в конкретных ситуациях: как должна вести себя женщина, ждущая ребенка, как пеленать или кормить младенца, каким должен быть свадебный обряд и т.п. Культурная рекомендация может в равной мере содержаться и в древнем обычае (например, обрезание), и в правилах медицинской процедуры, основанных на современном рациональном знании (например, прививка оспы). Важно только, чтобы такая рекомендация соответствовала культурной парадигме – в противном случае она не будет применяться. Скажем, пока господствует парадигма недопустимости вмешательства родителей в процесс зачатия или вынашивания детей, нельзя рассчитывать на превра-

щение в культурно рекомендованные каких-либо действий, направленных на предотвращение зачатия или прерывание беременности.

С первых минут своей жизни человек живет внутри культуры. Содержащаяся в ней информация усваивается им в процессе воспитания с большей или меньшей полнотой, формирует в сознании каждого идеальный для данной культуры образ человека, идеальную программу человеческой жизни, которую люди, как правило, стремятся реализовать в своем поведении без всякого внешнего принуждения.

Социокультурный отбор

Как же возникают сами культурные структуры, каким образом они эволюционируют так, что всякий раз оказываются очень точно “подогнанными” к условиям существования людей? Ответ прост: главная роль в становлении и эволюции культурных структур принадлежит отбору.

Представления об отборе как основном механизме самоорганизации и саморазвития сложных систем сформировались в биологии в рамках дарвиновской теории эволюции. Однако сейчас этот механизм все чаще понимается как универсальный, действующий также и на добиологическом и на постбиологическом (т.е. социальном) уровнях развития материи. Применительной к добиологическому уровню он рассматривается, например, в работах М. Эйгена по теории самоорганизации макромолекул [8]. Примером обращения к этому механизму при анализе процессов социальной самоорганизации могут служить работы советского специалиста по теории культуры Э.С. Маркаряна. Он отмечает, в частности, что “определенные звенья культурной традиции выполняют в принципе такие же селективные стабилизирующие и направляющие функции, какие в процессах биологической эволюции выполняет естественный отбор” [4, с. 158].

В качестве объекта социального отбора выступают широко понимаемые способы деятельности людей (в том числе, конечно, и способы их деятельности в демографической сфере), ее социально задаваемые программы, роль которых, как мы видели, выполняет культурная традиция и ее элементы. Стало быть, социальный отбор – это в значительной степени отбор социокультурный.

Как в природе, так и в обществе отбор выполняет две основные функции: движущую и стабилизирующую. “Если движущая или ведущая форма отбора идет на основе селекцион-

ного преимущества некоторых уклонений перед прежней “нормой” и ведет к установлению новой “нормы”, то стабилизирующая форма отбора покоится на селекционном преимуществе установившейся дефинитивной нормы перед всеми от нее уклонениями” [7, с. 10]. Эта мысль, призванная объяснить эволюцию живых организмов в природе, вполне применима к объяснению изменений культурной традиции и ее элементов. Как отмечал И.И. Шмальгаузен, если живой организм приспособлен к условиям существования и эти условия сохраняются, в общем, неизменными, то структура и свойства организма могут не меняться на протяжении геологических периодов. То же относится и к культурным структурам. Если они приспособлены к условиям существования людей и эти условия относительно мало меняются, то отбор препятствует культурным инновациям, направлен прежде всего на поддержание социокультурного status quo. Культурные рекомендации, культурные парадигмы и вся культурная традиция в целом сохраняют свою жизнеспособность и остаются в главном неизменными на протяжении если и не геологических периодов, то достаточно долгих отрезков человеческой истории.

Если же условия существования людей и соответственно условия выполнения каких-либо жизненно важных социальных функций сильно меняются, то меняются и задачи отбора. Теперь он должен не сохранять устойчивость имеющихся культурных структур, а как можно эффективнее отсеивать их устаревшие, архаичные формы и расчищать место для массового распространения культурных инноваций, более соответствующих новым экономическим и социальным условиям.

В разные эпохи человеческой истории роль различных типов социального отбора неодинакова. На протяжении более или менее длительных периодов существования зрелых социально-экономических систем (например, западноевропейского феодализма), в которых медленное накопление количественных изменений до поры до времени не приводит к коренным качественным изменениям, преобладающую роль играет стабилизирующий отбор, который охраняет сложившиеся культурные структуры, осуждает любые отклонения от них как ересь, грех, правонарушение, на давай им тем самым превратиться в культурную норму.

Лишь в относительно редкие переломные моменты истории приобретает размах и достигает успеха деятельность, идущая вразрез с господствующими культурными нормами. Это бывает тогда, когда под влиянием необратимых исторических изменений в условиях существования те или иные установки

культуры перестают соответствовать новым условиям. Культурные парадигмы – а иногда и вся культурная традиция – переживают непреодолимый внутренний кризис, и возникает объективная необходимость их замены или трансформации. Тогда-то и выходит на первый план направленный социокультурный отбор.

Именно такое положение складывается во время современной демографической революции – глубокого переворота в материальных условиях процесса возобновления поколений, в соответствующих им демографических отношениях, а стало быть, и в культуре, во всяком случае в том ее пласте, который непосредственно “обслуживает” воспроизводство населения.

Существует тесная связь между действием механизма отбора и целями демографической системы. Отбор всегда направлен на достижение этих целей, т.е. на обеспечение выживания, гомеостаза и наилучшего из возможных в данных условиях качества функционирования системы. Но неверно было бы думать, что эти цели заданы заранее, а селекция вырабатывает только средства их достижения. Целеполагание тоже функция отбора. В процессе постоянной самоорганизации демографическая система сама “нащупывает” свои цели в их исторической конкретности. Устойчивость к внешним помехам – хорошо, но повышение качества функционирования, если оно возможно, – еще лучше. Этим определяется селективная ценность культурных структур и меняющееся значение основных форм отбора.

Демографическая революция начинается тогда, когда появляется объективная возможность перехода на новый, качественно более высокий уровень функционирования демографической системы. Это резко повышает селективную ценность соответствующих новым условиям культурных структур, в том числе и таких, которые могли издавна существовать как предосудительные аномалии, не обладая никакой конкурентоспособностью по отношению к “норме”. Внутри культуры разворачивается конфликт, обостряются столкновения старых и новых культурных структур, активизируется действие направленного социокультурного отбора. Рано или поздно оно приводит к вытеснению старого новым, прежние культурные образцы стираются из памяти общества, а культурные инновации, еще недавно выглядевшие экзотическими раритетами, превращаются в культурную норму. Когда же демографическая революция завершается, направленный отбор снова уступает место стабилизирующему, который закрепляет культурные структуры, соответствующие новым условиям.

Социокультурный отбор и демографическая политика

Как соотносятся между собой самоорганизация демографической системы, социокультурный отбор, как механизм такой самоорганизации, и демографическая политика? Может ли последняя быть эффективной, скажем, в развивающихся странах, где вопрос о перестройке демографического поведения в желаемом направлении – это прежде всего вопрос о трансформации наиболее общих оснований культурной традиции?

Сейчас под влиянием экономического и социального развития, политической борьбы такая трансформация идет довольно быстро. Ослабевают “рабские цепи традиционных правил” [1, с. 135], теряет силу тысячелетняя система культурных норм. Вносит свой вклад в ее разрушение и демографическая политика, пропаганда нового демографического поведения, новых демографических идеалов. Положительную роль в этом смысле играют меры правительств развивающихся стран и неправительственных организаций, направленные на ускорение замены старых культурных рекомендаций новыми.

Однако эти усилия часто оказываются малоэффективными из-за того, что наталкиваются на консерватизм архаичных укладов и отношений, все еще сохраняющих сильные позиции в жизни развивающихся стран, а также на непоследовательность и противоречивость идеологии и форм массового сознания их населения. Тесно связанное с борьбой за экономическую и политическую независимость стремление отстоять национальные культурные ценности от бесцеремонного вторжения “западной цивилизации” до известной степени затрудняет изживание тех культурных структур, которые утрачивают свою основу и превращаются в анахронизм, а иногда приводит и к их искусственному консервированию. Все это ограничивает возможности собственно демографической политики, которая может воздействовать на отбор только сравнительно узкого класса “специализированных” культурных структур.

Гораздо большую преобразовательную силу имеют такие социально-экономические процессы, как коренное изменение классового состава общества, индустриализация, урбанизация, массовое вовлечение женщин в общественное производство и общественную жизнь. Эти и подобные им процессы не просто подрывают основы всех отживших культурных структур, в том числе, конечно, и имеющих демографическое значение, но и побуждают к ускоренному освоению культурных форм, соответствующих всему новому укладу жизни. Следовательно, надежные предпосыл-

ки преодоления рассогласования, возникшего в демографической системе, методами ее самоорганизации в развивающихся странах могут быть созданы только успехами в широко понимаемом социальном переустройстве общества.

Это, однако, не значит, что социально-экономические преобразования противопоставляются демографической политике. Скорее, напротив: чем успешнее идут эти преобразования, тем больше возможностей появляется у такой политики. Повышается ее способность влиять на темпы направленного социокультурного отбора, ускоряется устранение возникающих в ходе демографической революции рассогласований, а это вносит свой позитивный вклад в общее дело социального переустройства общества.

Но может возникнуть – и нередко возникает в действительности – другой вопрос: совместимо ли существование объективной цели демографической системы, объективных процессов ее самоорганизации с сознательной, целенаправленной деятельностью людей, с их свободой выбирать собственные цели? Иными словами, не противостоит ли демографической политике сама идея самоорганизации?

В нашем понимании, такого противопоставления здесь нет. Социокультурный отбор – один из главных механизмов самоорганизации социальных систем – всегда затрагивает способы деятельности, образ жизни, общественные отношения людей, и они, осознавая его действие, никогда не остаются пассивными по отношению к возможным или происходящим переменам. Любая активность в человеческом обществе, в конечном счете, приобретает свойственную этому обществу организованность, вписывается в систему присущих ему социальных институтов, находит своих выразителей, идеологов и т.д. Таким образом, процессы самоорганизации в социальных системах включают в себя сознательную деятельность людей. Степень осознанности происходящего при этом может быть различной – от смутного, интуитивного неприятия отживших либо, напротив, зарождающихся культурных образцов до научного познания генеральных тенденций развития и точного прогнозирования предстоящих социокультурных изменений. Но в любом случае предпочтения, высказываемые отдельными людьми или их группами в отношении тех или иных культурных структур, способны оказать ускоряющее или тормозящее воздействие на селективный процесс. Когда же такие предпочтения получают поддержку влиятельных социальных институтов – государства, церкви, политических партий и т.п., они определяют направление *политики* и их селективная роль еще более возрастает. Разумеется, все это относится и к де-

мографической политике, которая есть высшее проявление самоорганизации демографической системы, осознанной деятельности людей, направленной на закрепление или изменение тех или иных культурно санкционируемых форм демографического поведения.

Для нашего понимания демографической политики очень важно “системное видение” демографических процессов. Ведь если эти процессы суть сумма простых реакций на изменения внешних по отношению к воспроизводству населения условий, например экономических, то политика должна заключаться в соответствующем контроле этих изменений. Системное же видение отвергает такой упрощенный взгляд на сложный процесс. Оно ведет к осмыслению “внутренней среды” демографической системы, обеспечивающей ее самоорганизацию и относительную независимость ее функционирования от внешних воздействий. А это значит, что и влиять на поведение системы методами демографической политики в обычных условиях можно только через ее внутреннюю среду, прежде всего через те культурные структуры, о которых шла речь в этой статье. Действительная демографическая политика – это прежде всего мощный фактор социокультурного отбора. Долговременный успех она может принести, только если поддерживает тот вид отбора (движущий или стабилизирующий), который выдвинут на первый план самим историческим развитием.

Если это требование не соблюдается, демографическая политика может оказаться безрезультатной. Ее цели – промежуточные или конечные – нельзя ставить произвольно. Как писал В.И. Ленин, “...цели человека порождены объективным миром и предполагают его... как данное, наличное. Но кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы (“свобода”)” [2, с. 170–171]. Поскольку между целями системы, существующими объективно, и демографической политикой, представляющей собой субъективную деятельность, имеется промежуточное звено – отражение объективных процессов в сознании (в массовом индивидуальном сознании, в сознании идеолога, разработчика демографической политики, законодателя и т.д.), важно, чтобы это отражение было верным, чтобы цели демографической системы на каждом историческом этапе ее развития были правильно поняты. Только в этом случае демографическая политика способствует самоорганизации системы (благодаря чему внутренняя организация системы приводится в соответствие с ее целями быстрее, чем если бы отбор шел стихийно, методом проб и ошибок), а не тормозит ее.

Литература

1. *Маркс К.* Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9.
2. *Ленин В.И.* Конспект книги Гегеля "Наука логики" // Полн. собр. соч. Т. 29.
3. *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982.
4. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983.
5. *Новосельцев В.Н.* Теория управления и биосистемы. М., 1978.
6. *Риклефс Р.* Основы общей экологии. М., 1979.
7. *Шмальгаузен И.И.* Факторы эволюции: теория стабилизирующего отбора. М., 1968.
8. *Эйген М.* Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М., 1973.
9. *Vishnevsky A.G.* The demographic revolution and the control on the demographic processes // Demographic transition (Beiträge zur Demographies. N 7). Berlin: Akad.-Verl., 1983. P. 85–104.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ ТЕОРИИ И ИДЕОЛОГИИ¹

Теория, идеология и смена “картины мира”

Демографические процессы, которые еще сто лет назад привлекали внимание лишь немногочисленных специалистов (а если говорить о нашей стране, то так было еще и 50 лет назад), сегодня стремительно выдвигаются едва ли не в самый центр общественного внимания. Демографам приходится искать ответы на множество интересующих общество весьма непростых вопросов. Вопрос о низкой рождаемости – может быть, самый загадочный и сложный.

В самом деле, во всех современных городских обществах наблюдается падение рождаемости, которое, если оно идет непрерывно, имеет своим неизбежным следствием прекращение роста населения, а затем и его сокращение (депопуляцию). Всякий раз, когда общество сталкивается с этой угрозой (впервые это произошло во Франции в XIX в.), обнаруживается однотипная реакция общественного мнения, начинаются поиски политических и научных ответов на этот вызов, средств лечения неизвестной болезни. Однако, несмотря на то, что такие поиски ведутся в разных странах уже не менее ста лет, больших успехов они не принесли. Рождаемость в наиболее богатых, экономически развитых странах продолжает снижаться, почти повсеместно она давно уже опустилась ниже уровня простого замещения поколений, и отрыв от этого уровня с каждым годом становится все большим. Попытки воздействовать на рождаемость, задержать ее падение или добиться ее повышения неизменно терпят фиаско.

По мере того, как нарастает опыт неудач подобного воздействия, увеличиваются и сомнения – вначале по поводу выбираемых средств воздействия, а затем и по поводу самого диагноза той болезни, которую пытаются лечить с помощью этих средств. Все лучше осознается недостаточность теоретических представлений, лежащих в основе современных взглядов на рождаемость и ее детерминацию, появляются попытки новых объяснений и возникают новые споры, разрешение которых требует лучшего осмысления методологических подходов к построению непроти-

¹ Доклад на Четвертых Сократических чтениях по географии 17–21 сентября 2003 г. Впервые опубликовано в: Научные теории и географическая реальность. Четвертые Сократические чтения по географии. / Под ред. В.А. Шупера. М., Эслан, 2004. С. 35–47.

воречивой теоретической концепции массового демографического (и более широко – социального) поведения.

Разумеется, задача создания такой концепции не относится к числу простых. Возникающие в связи с этим споры внутри научного сообщества – нормальное явление, только они и могут приблизить исследователей к пониманию истинных внутренних механизмов социального поведения. Однако достаточно долгий опыт таких споров в разных странах показывает, что в них всегда присутствует и бесплодный компонент, который не приближает к решению означенной задачи, а удаляет от него, ибо спорящие нередко говорят на разных языках и просто не слышат друг друга. Мне кажется, что одна из главных причин этого диалога глухих – идеологизация научного знания, внесения в него некоторых априорных компонентов, что противоречит самой природе науки как способу познания неизвестного. Поэтому первое, что хочется сделать, это попытаться разобраться в соотношении “теории” и “идеологии”.

Как полагал В. Даль, теория – это “умозрение, умозаключение; заключение... из чего-либо, не по явлению на деле, а по выводам своим; ...Теоретический, умозрительный, умозаключительный. Теорик, теоретик, кто держится одних умозрений, верит им, стоит на них” [7]. Но такое понимание теории кажется устаревшим. Как разъясняет последнее издание Большой советской энциклопедии, теория (правда, “в более узком и специальном смысле”) – это “высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существующих связях определенной области действительности – объекта данной теории” [11: 434].

А что же такое идеология? Обратимся еще раз к БСЭ. Идеология – это “система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, (...) а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений” [8: 39].

Но вот что интересно. В той же БСЭ говорится, что Маркс и Энгельс под идеологией понимали (1) “идеалистическую концепцию, согласно которой мир представляет собой воплощение идей, мыслей, принципов”²; (2) “соответствующий этой концепции тип мыслительного процесса, когда его субъекты – идеологи (...) постоянно воспроизводят иллюзию абсолютной самостоя-

² Идеология “...считает, что идеи господствуют над миром, идеи и понятия она считает определяющими принципами, определенные мысли – таинством материального мира...” [9: 12, прим].

тельности общественных идей”; (3) вытекающий отсюда метод подхода к действительности, состоящий в конструировании желаемой, но мнимой реальности, которая выдается за самую действительность” [8: 39]. Таким образом, Маркс и Энгельс противопоставляли идеологию теории как научному знанию. Ленин же, как говорится далее в БСЭ, “расширил понятие идеологии, введя категорию научной идеологии”, какой и был назначен марксизм.

Я привожу все эти цитаты не для того, чтобы найти в них какую-то истину, а для того, чтобы показать, как понимание того, что такое теория и идеология, “плавает”, одно перетекает в другое, и эти два понятия часто сменяются. Поэтому я просто уточню, что буду под теорией понимать “научную” теорию, описывающую объективные внутренние взаимосвязи, механизмы и т.д. изучаемого объекта и лишенную какой бы то ни было оценивающей, аксиологической составляющей. А идеология в моем понимании — это именно система взглядов, подчиненная каким-то аксиологическим критериям: представлениям о добре и зле, благе и вреде и т.п. и не в последнюю очередь занятая “конструированием желаемой, но мнимой реальности”. Можно сказать, что теория, с моей точки зрения, — это феномен из области науки, а идеология — из области веры.

Истинные отношения между теорией и идеологией, особенно в сфере социального знания, довольно сложны. Идеология часто рядится в одежды теории, а теория столь же часто открещивается от идеологии. Но на деле обычно приходится сталкиваться с комбинацией того и другого в соотношении, которое зависит от общего мировоззрения теоретиков и идеологов. А оно, в свою очередь, при всем значении индивидуальных склонностей каждого из них, в решающей степени предопределено историческим состоянием общества и той картиной мира, которая соответствует достигнутому им уровню развития.

Особенность нашего времени, едва ли не самая главная черта интеллектуальной жизни той эпохи, в которой мы живем, — кардинальная смена картины мира. Эта эпоха длится уже не одно столетие, и пока ей не видно конца. Хотя новая картина мира давно уже перестала быть достоянием узкого круга провидцев и сейчас стоит перед мысленным взором сотен миллионов, а то и миллиардов людей, она лишь потеснила старую картину мира, но не вытеснила ее. Наше время продолжает оставаться временем столкновения, полемики — когда мирной, а когда и не очень, — но в то же время и взаимодействия традиционной и современной картин мира, эпохой раскола, который проходит не только между странами и континентами, не только между различными политическими силами и

партиями, но и внутри любого интеллектуального сообщества. И в каждом таком сообществе, и даже в сознании каждого отдельно-го человека присутствуют – в разных сочетаниях – элементы “тра-диционного” и “современного” сознания.

Детерминированный мир Фома Аквинского

“Традиционное” сознание соответствует – со всеми возмож-ными оговорками – “простому”, слабо дифференцированному, “пирамидальному”, четко упорядоченному иерархизированному миру прошлых эпох. В этом мире, как в земном, так и в отражен-ном небесном, – царит “божественный порядок”, он управляется демиургом в его различных ипостасях, но это всегда какая-то на-дындивидуальная сила, которая творит, сохраняет или охраняет мир “сверху”, из какого-то “центра”. Это мир Фомы Аквинского, автора ‘*Summa Theologica*’, которая описывает “справедливое об-щество, согласующееся со святым писанием и разумом... Общая концепция... гармонизировала с целостным и иерархическим обще-ством, столь прекрасно созданным, что оно казалось естествен-ным, части которого были взаимосвязаны и каждый член его за-нимал положенное ему место... Земной общественный мир во всех отношениях соответствовал великому небесному миру. Анг-елы соответствующего ранга, подобно отдельным людям, зани-мали свое место и управляли звездными сферами... Эта система была... неизменна и долговечна, подчиняясь лишь воле Бога” [2: 544–545].

Традиционный мир – это хорошо детерминированный мир, и ему соответствует детерминизм как философская концепция, как мировоззрение и как идеал. Отсюда, в частности, идея построе-ния общества, в котором покончено с частной собственностью, со стихийными силами рынка и вообще со всякой “анархией”, все распределяется по единому плану и т.п. Подобные представления лежат в основе критики сущего ранними социалистами-утописта-ми: даже божественного порядка недостаточно, слишком многие и многое отклоняется от него, надо внести в мир еще больше по-рядка, и тогда все будет хорошо. Этот средневековый идеал унасле-довал и марксизм, а через него и мы.

Относительно слабая расчлененность традиционной жизне-деятельности, отраженная в старой картине мира, предопределя-ет и синкретизм постигающего этот мир сознания. Я писал как-то, что традиционное “соборное сознание не стремится к понима-нию внутренней сложности и противоречивости природного и со-

циального мира, позволяет видеть мир только целостным, осмысливать только нерасчлененными блоками. Синкретический менталитет не допускает анализа, социальной самокритики, оценивать для него значит морализировать. Он требует веры, делает возможным истолкование всего сущего только в терминах добра и зла, истинных и неистинных ценностей и т.п.” [6: 161].

Такое сознание не отделяет познание от оценки, теорию от идеологии. Как полагал, например, Толстой, “законная цель наук есть познание истин, служащих к благу людей. Ложная цель есть оправдание обманов, вносящих зло в жизнь человеческую... И тут-то являются разные науки..., и оказывается, что дурная жизнь людей не от них, а оттого, что таковы законы, и что дело людей не в том, чтобы перестать жить дурно..., а только в том, чтобы живя по-прежнему, по своим слабостям думать, что все худое происходит не от них самих, а от тех законов, какие напшли и высказали ученые...” [12: 248]. Толстой защищает, таким образом, морализирование как способ познания.

Вероятностный мир “невидимой руки” Адама Смита

Но времена меняются. Мир — во всяком случае, европейский — за несколько последних столетий пережил очень глубокие трансформации, прежние аграрные общества стали промышленными, сельские — городскими, простые — сложными, непосредственные отношения между людьми — опосредованными невидимым рынком. Для осмысления этого нового мира, намного более сложного и разнообразного, чем прежний, “разрешающей способности” взглядов, основанных на детерминистской картине мира, недостаточно. Потому и преодоление этой статичной (если смотреть на нее из нашего времени) картины, а вместе с тем и взрывообразное расширение “разрешающей способности” человеческого познания на определенном этапе исторического развития становится неизбежным. Начиная с какого-то момента, синкретическое знание уступает место дифференцирующему анализу, способному постичь нарастающее внутреннее разнообразие социума.

Пример такого анализа — рассмотрение Адамом Смитом в “Исследовании о природе и причинах богатства народов” (1776) небывалых перемен в английской экономике как результата разделения труда и свободы обмена товаров. “Эта книга, ставшая с тех пор, как ее впервые опубликовали, библией нового промышленного капитализма, является одним из великих синтетических

общественных заветов, сравнимых с ‘Summa Theologica’ Фомы Аквинского” [2: 549].

Прорыв Адама Смита – лишь небольшая часть мировоззренческой революции, охватившей все виды познания – как социального, так и естественнонаучного. Она привела к формированию новой картины мира, который уже не строится и не управляется “сверху” по какому-то замыслу, а растет “снизу”, как лес или трава, складывается в ходе самоорганизации, рука которой “невидима”. Результаты же такой самоорганизации не строго детерминированы, а в лучшем случае лишь предсказуемы с некоторой вероятностью.

Вот как писал об этом Норберт Винер. “Почти безраздельно господствовавшая с конца XVII до конца XIX века ньютоновская физика описывала Вселенную, где все происходит точно в соответствии с законами; она описывала компактную, прочно устроенную Вселенную, где все будущее строго зависит от всего прошлого... Теперь эта точка зрения не является больше господствующей в физике...” и далее: “Результатом этой революции явилось то, что теперь физика больше не претендует иметь дело с тем, что произойдет всегда, а только с тем, что произойдет с преобладающей степенью вероятности” [3: 23, 26].

Не удивительно, что все эти огромные перемены – и в самой жизнедеятельности людей, и в их мировоззрении – требуют нового структурирования знаний о мире “разными науками” – потому они и “являются”, вытесняя синкретический способ познания мира аналитическим. Описание, объяснение и морализирование, выступавшие прежде единым блоком, отделяются друг от друга, что понижает статус морализирования.

Но, разумеется, синкретизм и морализирование, будучи основательно потеснены анализом, отодвинуты на второй план как компоненты структуры социального знания, не исчезли вовсе. Это неизбежно хотя бы потому, что, как уже говорилось, и сами общества изменились еще не до конца, так что и объективно почти везде существуют основания для обеих картин мира – новой и старой. А на определенном этапе развития каждого общества происходит их столкновение, и тогда возможен временный реванш синкретизма и морализирования. Чистый реванш, конечно, невозможен, а вот компромисс возможен и почти всегда имеет место. Этот компромисс и выливается в пресловутую “научную идеологию” – с моей точки зрения, типичное *contradictio in adjecto*.

Компромисс проявляется в том, что аналитическое познание признается и даже одобряется, но перед ним ставится задача конструирования более совершенного мира, причем его априорное совершенство оценивается, исходя из не имманентных анализу

моральных критериев. Такой взгляд на задачи социального знания укрепляется по мере того, как аналитическое знание вообще демонстрирует свою практическую применимость. Поэтому не удивительно появление в середине XIX века знаменитого одиннадцатого “тезиса о Фейербахе” Маркса: “Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его” [10: 4].

Однако такая постановка задачи предполагает изначальное знание цели, к которой следует стремиться. А это – логика “ньютоновского” мира, заранее детерминированного непреложными законами причинности, а не “дарвиновского” мира, в котором результат есть следствие бесконечного количества проб и ошибок. Что бы мы сказали, если бы исследователю, наблюдающему эволюцию биологических видов на стадии земноводных, предложили спроектировать ее конечный результат? Мог ли он быть известен уже тогда, если исключить существование Творца?

“Конструктивистская” логика предполагает, что цель развития можно “научно” определить заранее, что есть “творец”, это, по существу, религиозная идея, даже если она облечена в совершенно нерелигиозные формы. Ей противостоит идея самоорганизации, предполагающая, что целеполагание “встроено” в сам процесс развития.

Демографические процессы: управление извне или самоорганизация?

Если сказанное верно вообще, то это верно и в частном случае воздействия на демографические процессы. Поэтому споры о таком воздействии становятся полем столкновения “теории” и “идеологии”. Более того, много лет участвуя в этих спорах, я постепенно прихожу к убеждению, что в них сталкиваются не столько разные взгляды на демографическую реальность, в частности, на настоящее и будущее рождаемости, сколько более общие мировоззренческие позиции, за которыми стоят разные картины мира: старая и новая.

Один из главных пунктов такого столкновения – вопрос о том, можно или нельзя воздействовать на прокреативное поведение людей с целью повышения рождаемости.

Этот вопрос, как отмечалось выше, волнует умы уже второе столетие. Выполняя “социальный заказ”, созданный падением рождаемости, эксперты во всех странах выстраивают кажущуюся вполне естественной цепочку действий: обнаруживается “непорядок” (в данном случае – неудовлетворительный уровень ро-

ждаемости) – выясняются причины “непорядка” – предлагаются меры по их устранению.

Следуя далее по этой цепочке, исследователи ищут конкретные “факторы”, которые вызывают падение рождаемости, что также кажется совершенно естественным. Вполне логично и не менее долгоживущее предположение, что устранение этих факторов или их видоизменение с помощью каких-то воздействий (демографической политики) может повлиять на уровень рождаемости, в частности, остановить его снижение, а может быть, и добиться его повышения. В рамках этой логики легко объяснить, например, снижение рождаемости в России в 1990-е годы, и кажутся обоснованными надежды на то, что, по мере преодоления кризисных явлений в экономической и социальной жизни, рождаемость будет снова повышаться.

Но главное звено цепочки – последнее, “конструктивистское”. Надо всем господствует идея вмешательства с целью исправления “неправильной” эволюции, убежденность в том, что все можно изменить. “От воли людей зависит, чем закончится процесс разрушения системы ценностей и норм многодетной семьи. Тут два пути – предоставить все самотеку девальвации семейности или же приступить к абсолютно новой политике государства – к исторически беспрецедентной просемейной политике укрепления семьи с несколькими детьми” [1: 127].

И вся цепочка, и каждое ее звено кажутся вполне логичными, особенно в рамках той картины мира, которая предполагает наличие совмещенного центра целеполагания и управления (в приведенной цитате таким уполномоченным центром признано государство), способного контролировать любые социальные процессы. А надо всем, конечно, стоит “теорик”, то бишь “идеолог”, который лучше других (“научно”) знает и подсказывает власти, что “нужно” обществу и как избежать “самотека”.

Однако не все, что логично, – верно, ибо то, что верно в рамках одной логики, может быть неверно в рамках другой. Вполне логично связывать движение паровоза с работой шатунно-кривошипного механизма, но можно ли объяснять с помощью этой логики функционирование систем, более сложных, чем паровоз? В частности, можно ли использовать ее, для объяснения взаимодействия экономических и демографических процессов и предполагать, что изменения в экономике автоматически влекут за собой однозначные подвижки в демографическом поведении людей и его результатах? Иными словами, правомерно ли считать, что демографические процессы не обладают никакой автономностью, а их изменения представляют собой простую реакцию на внешние по отношению к

ним экономические (социальные, политические и т.д.) возмущения?

В это трудно поверить. Демографические процессы относятся к основополагающим, фундаментальным для существования любого общества, они обеспечивают его физическое выживание. Само это предназначение требует достаточно высокой степени защищенности механизмов демографического воспроизводства от влияния экономической или политической конъюнктуры, и такая защищенность несомненно существует. На протяжении истории людям приходилось множество раз сталкиваться с экономическими и социальными потрясениями, куда более тяжелыми, чем российские реформы 1990-х годов, порой такие потрясения резко нарушали нормальный ход воспроизводства населения, но они не разрушали главных демографических механизмов и не изменяли основных принципов демографического поведения. Эти принципы выработаны тысячелетним опытом, закодированы в культуре, в морали, в системе ценностей общества и обладают устойчивостью, которую не могут поколебать разного рода конъюнктурные колебания в условиях жизни, идет ли речь об их ухудшении или улучшении.

То же самое можно сказать и в несколько иной форме. Как вся социальная система, так и ее основные подсистемы, к числу которых относится и демографическая, будучи весьма сложными и обладая развитой и дифференцированной внутренней средой, обнаруживают характерную для всех сложных систем способность к гомеостазу³, то есть к сохранению существенных переменных в некоторых заданных пределах, даже если во внешней среде происходят довольно существенные возмущения. Конечно, такие возмущения не могут совершенно не влиять на внутреннее состояние подсистемы (в частности, скажем, экономический или социальный кризис не может совсем не воздействовать на демографическое поведение), но получение сигналов об изменении внешних условий приводит к возникновению в подсистеме отрицательных обратных связей, которые значительно ослабляют эффект внешних воздействий. А защищенность от внешних воздействий, пусть и относительная, предполагает наличие внутренних, “встроенных” механизмов целеполагания.

Это фундаментальное свойство сложных систем следует учитывать не только тем, кто стремится найти прямую зависимость между демографической динамикой и ухудшением экономической или политической конъюнктуры. Его должны принимать во

³ “Процесс, благодаря которому мы, живые существа, оказываем сопротивление общему потоку упадка и разрушения называется гомеостазисом” [3: 103].

внимание и те, кто надеется повлиять на эту динамику изменением внешних условий в лучшую сторону, например, с помощью мер пронаталистской демографической политики. Такие меры – тоже внешнее воздействие, от которого массовое демографическое поведение, в принципе, защищено.

Кому доверять: массовому выбору или “идеологу”?

Гипотеза гомеостатического саморегулирования вовсе не отрицает существования внешних факторов, воздействующих на демографическое поведение. Весь вопрос в том, как много таких факторов и как они взаимодействуют между собой. Отказ от “факторной логики” как раз и связан с признанием того, что таких факторов очень много, так что вклад одного или двух из них, как бы важны они ни были, ничтожен. При этом все факторы не просто существуют параллельно, а теснейшим образом взаимосвязаны, изменение одного сразу же меняет и все остальные, и образуется новый, непредсказуемый, как в калейдоскопе, узор. Поведение же людей, в том числе и демографическое, откликается на интегральный результат взаимодействия огромного множества “факторов”.

Их было много всегда, но усложнение общественной жизни за два-три последних столетия привело к их тысячекратному умножению, так что множество факторов и их непрерывно меняющихся сочетаний стало просто необозримым. Поэтому стали неэффективными и прежние методы управления демографическим поведением “сверху”: прежние регуляторы недостаточно разнообразны, чтобы контролировать резко выросшее разнообразие поведения.

Ответом на эту новую ситуацию и стали новые механизмы детерминации индивидуального поведения, созданные современными промышленными и городскими обществами. Они намного меньше, чем прежние, связаны с априорным нормативным целеполаганием, жесткими внешними предписаниями, созданными раз и навсегда. Но это не значит, что индивидуальное целеполагание становится абсолютно свободным. Оно, как и прежде, подчинено внутренним целям системы, формирующимся на индивидуальном уровне в процессе массового взаимодействия людей, определяющих свое место в море безграничного выбора. Только теперь для них каждое решение в демографической области (напр., родить или не родить ребенка) зависит от огромного количества других решений, отнюдь не только демографических.

Иными словами, демографическими, да и многими другими формами социального поведения людей теперь управляет не жесткое, одинаковое для всех нормативное предписание, а “невидимая рука” “рынка выборов”.

Отсюда и особенности нового типа демографического поведения. Главное его отличие от прежнего – не количественное, оно заключается не в том, что раньше рожали много, а теперь – мало. “Сущность указанного перехода заключается в *качественной* перестройке демографического поведения. Важно не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей и время их рождения суть результат ее (или обоих супругов) *сознательно принятого решения*” [5: 144]. Важно, разумеется, для понимания различий в функционировании управляющих поведением социальных механизмов, а не с точки зрения оценки тенденций рождаемости.

Эволюционное преимущество такого типа поведения заключается в том, что он позволяет с гораздо большей полнотой и гибкостью, чем прежний нормативно-закрепощенный его тип, учитывать бесчисленные импульсы, поступающие к каждому из нас от всех бесчисленных “датчиков” социального поля, и принимать решения, более или менее точно отражающие реальную обстановку, складывающуюся систему приоритетов и т.д. В этом смысле новый тип поведения более эффективен.

Соответственно следует с доверием относиться к массовому выбору в любой сфере, в том числе и в демографической. Именно это я имел в виду, когда писал много лет назад: “Динамика демографических показателей, кажущаяся желательной, если рассматривать только кривую частного эффекта, вытекающего из изменения этих показателей, на самом деле может и не отвечать истинным интересам общества, а ориентирующаяся на обеспечение такой динамики демографическая политика оказывается внутренне противоречивой и безрезультатной. Рекомендующий такую политику теоретик-демограф выглядит более ограниченным, чем не очень образованная “средняя” женщина, решающая для себя вопрос о желаемом числе детей и не могущая при этом осознавать более или менее ясно все социальные роли, которые она выполняет. Массовое демографическое поведение управляется массовым демографическим сознанием, которое в свою очередь является частью всего общественного сознания, более или менее адекватно отражающего объективные интересы общества, и по самой своей природе не может быть столь односторонним, сколь односторонни бывают теоретические рекомендации, основанные на неполном знании и абсолютизирующие какую-нибудь одну сторону развития” [4: 304].

Всю эту логику совершенно не воспринимает идеолог-конструктивист. Не допуская мысли, что сам он может быть односторонен, он смело заявляет десяткам и сотням миллионов людей: ваш выбор неверен. “Нельзя обосновывать личный выбор бездетности или одноклеточности индивидуальным правом на безусловную свободу выбора – лишь бы этот выбор был рациональным или сознательным. Как ни странно, но именно так вопрос ставится некоторыми теоретиками. “Важно не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей и время их рождения суть результат... ее сознательно принятого решения”. Число детей как выражение экзистенциальных желаний человека, прямо связанных с существованием нации, человечества, может перемещаться вниз иерархии ценностей, заслоняться другими, более престижными приоритетами, такими как рациональность и свобода выбора, равноправие, справедливость и т.д. Это типичный пример игнорирования экзистенциального критерия, выдвижения каких-либо условий, кажущихся более важными, чем само существование” [1: 34].

Таким образом, “идеолог” приписывает себе понимание экзистенциальных критериев, в котором он отказывает человеческому обществу, просуществовавшему как-никак несколько десятков тысячелетий. Он отказывается принять картину мира, в которой нет демиурга, а есть процессы самоорганизации, пренебрежительно называемые им “самотеком”. Он сам не прочь занять место демиурга, выступает от лица нации и человечества (что, вообще говоря, совсем не одно и то же). Но не есть ли его позиция все то же “конструирование желаемой, но мнимой реальности, которая выдается за самую действительность”?

Ведь, по существу, единственное бесспорное звено аргументации пронаталистских идеологов – ее отправная точка: снижение рождаемости в некоторых странах – но до сих пор лишь у меньшинства человечества – ниже уровня простого замещения поколений. Главный аргумент: если так пойдет дальше, население вымрет. Аргумент достаточно серьезный, но лишь на первый взгляд. Пока на Земле происходит не сокращение населения, а его рост, причем рост небывало быстрый, и главная проблема – именно в этом. Почему же люди должны вести себя так, будто главная угроза миру – депопуляция? Почему человечество, прожившее всю свою историю в условиях, когда единовременное число живущих на Земле людей не достигало 1 миллиарда, должно впасть в панику по поводу грядущего обезлюдения планеты, когда численность ее населения перевалила за 6 миллиардов и продолжает расти?

На этот вопрос обычно следует ответ в том смысле, что нас должно волновать не то, что происходит в мире, а то, что происходит в отдельно взятых странах, в частности в России. Но существуют ли “отдельно взятые страны” в эпоху глобализации? И не улавливают ли рядовые граждане реальные требования и реальные опасности эпохи глобализации, не ориентируются ли они в меняющемся калейдоскопе выборов лучше, чем иные “идеологи”?

Скорее всего, так оно и есть. Но это не может смутить идеолога, избавить его от высокомерного отношения к коллеге-теоретику. Ибо инструмент “теоретика” – знание, его возможности велики, но ограничены. Он понимает, что мир развивается по своим законам, которые нельзя изменить, так что его выводы могут быть и неутешительными, неприятными. Инструмент же идеолога – морализирующая вера, ее возможности неограниченны. Идеолог всегда знает, как сделать, чтобы всем было хорошо, он всегда на коне.

Литература

1. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.
2. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.
3. Витер И. Кибернетика и общество. М., 1958.
4. Вишневский А.Г. Демографическая политика и демографический оптимум // См. настоящий том.
5. Вишневский А.Г. Демографическая революция. См. настоящий том.
6. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.
8. Идеология // БСЭ. 3-е изд. Т. 10.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1955. Т. 3.
11. Теория // БСЭ. 3-е изд. Т. 25.
12. Толстой Л. Путь жизни. М., 1993.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александров В.А. 293, 295
Андорка Р. 310
Андреев Е.М. 243
Апри Л. 96
Антонов А.И. 283, 284, 295, 312, 313, 315, 322, 327, 330, 331, 358
Араб-Оглы Э.А. 8
Ариес Ф. 279, 289, 328
Афанасьев В.Г. 331
Афиногенов А.О. 241, 279
Ачади Д. 24, 49, 50
- Бакланова Е.Н. 295
Баллод К. 245, 255
Барникот Н. 208
Бароян О.В. 208
Бартон 52
Безант Э. 131, 132
Белова В.А. 8, 312
Беннет М. 181
Беринг Э. 62
Бернал Дж. 208, 358
Бернулли Д. 56
Бессер Л. 245, 255
Бирабен Ж.-Н. 248, 249
Блюм А. 214
Болотов А.Т. 269, 279
Бондарская Г.А. 8
Борисов В.А. 96, 152, 210, 279, 283, 295, 312, 313, 314, 323, 325, 331
Борткевич В.И. 247, 248, 249, 255
Боряковский А.Г. 241, 279
Боярский А.Я. 207, 214
Брайант А.Т. 207
Брокгауз Ф.А. 275, 281
Брэдли Ч. 131, 132
Буныковский Б.Я. 245, 246, 255
- Буржуа-Пиша Ж. 75, 76
Бьерре Й. 28, 207
- Валлен Ж. 76
Варгентин П.-В. 186
Васильчиков А. 279
Вебер М. 277
Венецкий И.Г. 255
Вигглсворт 52
Вигдорчик Н.А. 210, 241
Винер Н. 351, 358
Вишневский А.Г. 148, 205, 207, 214, 217, 242, 279, 280, 295, 331, 332, 345, 358
Внуков Р.Я. 262, 279, 295
Вогралик Г.Ф. 209
Волков А.Г. 8, 210, 214, 280, 310, 311
Вольтер 130
- Галлей Э. 52
Ганди М. 106, 210
Гегель Г.В.Ф. 345
Геодакян В.А. 207
Георгий (митрополит) 272
Герман К. 245
Гиляровский Ф.В. 210, 235, 242, 273, 280
Губер П. 57
Гузеватый Я.Н. 207, 214
Гуревич А.Я. 295
Гуттер Я. 94
- Давыдовский В.И. 43, 209
Даламбер Ж. 56
Даль В. 264, 268, 280, 295, 358
Дарский Л.Е. 8, 230, 280, 283, 287, 290, 295, 312, 322, 324, 331
Дженнер Э. 61
Диккенс Ч. 283, 289

- Достоевский Ф.М. 289
 Драйсдель Ч. 131
 Дювийяр Э.Э. 52
 Дюпакье Ж. 51
 Екатерина II 224, 280
 Ефрон И.А. 275, 281
 Жбанков Д.Н. 232, 234
 Звидриньш П. 146, 211
 Земмельвейс И. 62
 Ивановская Т. 280, 295
 Инама-Штернегг К.Т. 186
 Иоани (митрополит) 266
 Казанова Д. 131
 Кастро (де) Ж. 48, 57, 209
 Квана А.Я. 202, 214
 Кенз Ф. 181, 186, 213
 Киреевский И.В. 280, 288, 295
 Козлов В.И. 104, 209, 210, 213, 295, 317, 325, 332
 Колдуэлл Дж. 258, 261, 276
 Кон И.С. 295
 Корнат Т. 61
 Корсаков 245
 Костомаров Н. 242, 280
 Коул Э. 142, 152, 157, 238, 242, 280
 Кох Р. 62
 Ксенофонт Н.Ю. 243
 Кулишер И.М. 186, 209, 213
 Куркин П.И. 214, 242
 Кучинский Р.Р. 110, 142, 173
 Ландри А. 19, 34, 40, 174, 200
 Ле Гро Кларк У. 23
 Левада Ю.А. 8, 105, 210
 Ледерман С. 51
 Ленин В.И. 20, 149, 207, 210, 211, 220, 242, 259, 276, 280, 333, 344, 345, 348
 Листера Дж. 62
 Ломоносов М.В. 260, 280
 Лоример Ф. 109, 110
 Лотка А. 169
 Луния Б.Н. 211
 Лэк Д. 207
 Майо Смит Р. 207
 Макфедьен Э. 207
 Мальтус Т.Р. 119, 211
 Маркарян Э.С. 17, 207, 339, 345
 Маркс К. 20, 33, 85, 112, 116, 177, 178, 198, 207, 208, 209, 211, 213, 278, 280, 296, 315, 318, 332, 345, 348, 352, 358
 Мартынова А.Н. 270, 280
 Массой В.М. 25, 208
 Матвеев П. 280
 Мацер Эмиллий 51
 Мацковский М.С. 315, 332
 Мерков А.М. 211, 213
 Мессане М. 119, 187
 Мечников И.И. 62
 Милытеньи К. 310
 Милютин В. 274, 280
 Мирабо-отец 181
 Миронов Б.Н. 232, 242, 277, 280, 295, 325, 332
 Митра А. 158
 Монтеши М. 289
 Монтеские 181
 Моо Ж.-Б. 129, 130
 Морг 52
 Мэлсон П. 62, 86
 Некрасов Н.А. 269
 Немешкери Я. 24, 49, 50
 Неру Дж. 55, 209
 Низар А. 76
 Нитти Ф.С. 282, 295
 Инфонт (епископ) 272, 273
 Новосельский С.А. 80, 82, 209, 247, 255
 Новосельцев В.Н. 345
 Ноткин А.И. 310
 Ноултон Ч. 131
 Ньютон И. 205
 Омбер М. 49
 Оуэн Р.Д. 13
 Павлик З. 7, 163, 207, 208
 Пасевский В.В. 150, 209, 211
 Палли Х. 242
 Панов Е.Н. 208
 Пастер Л. 62
 Петр I 224, 265
 Пирогов Н.И. 211, 242, 280
 Пискунов В.П. 297
 Плэйс Ф. 131
 Покровский В. 245, 256
 Полибий 186, 213
 Полоцкий С. 266
 Поляков Ю.А. 282

Прайс 52
Прео К. 50
Птуха М.В. 82, 209, 211, 213

Радищев А.Н. 265, 266, 280
Рассел Дж. 50
Рашин А.Г. 211, 213, 256, 280
Рентген К. 62
Риклефс Р. 345
Рихтер Д. 245, 256
Романов Б.А. 272, 280
Россет Э. 171, 172, 213
Руссо Ж.-Ж. 106, 129, 130, 211

Садвокасова Е.А. 280
Семевский В.И. 280
Семенова-Тян-Шанская О.П. 233,
235, 242, 263, 280
Синельников А.Б. 295
Синкевич Г.П. 280
Сифман Р.И. 8, 211, 213
Смит А. 350, 351
Сови А. 57, 130, 280
Соловьев С.М. 265, 280
Сорокин С.А. 358
Степанов В. 269, 280, 295
Стешенко В.С. 297
Суворов А.В. 259
Таннер Дж. 208
Татищев В.Н. 225, 242
Тацит К. 106, 211
Терещенко А. 242
Тихонов В.П. 295
Толстой Л.Н. 106, 211, 271, 273, 274,
280, 350, 358
Томилин С.А. 211
Тревилян Дж.М. 211

Уайнер Дж. 208
Уатт К. 208
Уин-Эдвардс В. 12, 13
Ульпиан 51
Урланис Б.Ц. 59, 118, 146, 186, 209,
211, 213
Успенский Г.И. 235, 236, 242, 261,
267, 270, 274, 281, 290, 296

Фейербах Л. 352, 358
Фландрен Ж.-Л. 277, 328, 329
Флеминг А. 62
Фома Аквинский 349
Фотий (митрополит) 224

Фролькис В.В. 43, 209
Фурастье Ж. 191

Хаджнал Дж. 118, 222, 242
Хаймс Н. 105, 132, 133, 236
Харрисон Дж. 208
Харузин Н. 280, 295
Харчев А.Г. 315, 332
Хлопин Г.В. 55, 209

Цеткин К. 149, 211

Чайлд Г. 26, 29, 208
Чемберлен Дж. 86
Чечулин Н. 281

Шейн П.В. 281
Шекспир В. 332
Шлиндман Ш. 146, 211
Шмальгаузен И.И. 340, 345
Шовен Р. 208
Шуйский В. 225
Шупер В.А. 346

Эйген М. 339, 345
Эйнжел Дж. 49
Энгельгардт А.Н. 260, 266–270, 281,
293
Энгельс Ф. 20, 54, 117, 197, 207, 208,
209, 211, 213, 280, 289, 316, 332,
345, 348, 358
Эрлих П. 62

Юстиниан 51

Якушкин П.И. 280
Янсон Ю. 142, 211
Ярослав Мудрый 265, 272
Ястремский Б.С. 256

Acsadi Gy. 208, 209
Agarwala Sh.N. 211
Ariès Ph. 281, 296, 332
Armengaud A. 208

Bennett M.K. 213
Bergues H. 211
Biraben J.-N. 211, 256
Birdsell J.B. 208
Bogue D.J. 212
Bourgeois-Pichat J. 209, 213
Braidwood R.J. 208
Brown R.G. 210
Bulatao R.A. 281
Bunle H. 212, 213

- Carr-Saunders A.M. 208
 Chauvin R. 208
 Childe G. 208
 Coale A.J. 212, 214, 242
 Coldwell J.C. 281
 Connell K.H. 212
 Cowgill D.O. 207

D'Alembert 209
 Demeny P. 214
 Dublin L. 209, 212
 Dupaquier J 209

Espenshade T.V. 281

Festy P. 212
 Flandrin J.-L. 281, 332
 Flieger W. 210, 214
 Fourastié J. 214

Glass D.V. 212
 Goubert P. 209
 Guillaume P. 214

Hajnal J. 212
 Hansluwka H. 210
 Helleiner K.F. 210
 Henripin J. 212, 214
 Henry L. 210, 212, 214
 Himes N. 212, 242
 Hoffman L.W. 281
 Hoffman M.L. 281
 Hofsten E. 212
 Hollingsworth T.H. 208, 210, 212
 Hopkins K. 210
 Houdaille J. 212, 214

Keylitz N. 210, 214
 Kuczynski R. 212, 214, 281

Landry A. 208, 214
 Laslett P. 214

 Levy Cl. 214
 Livi-Bacci M. 242
 Lorimer F. 212
 Lotka A. 209, 212

Malthus T. 210
 Marx K. 210
 Matthiessen P.C. 212
 McKeown T. 210
 Mitra A. 212
 Moheau J.-B. 212

Nemeskiri J. 208, 209
 Nizard A. 210
 Nougier L.R. 208

Pavlik Z. 208, 214
 Poussou J.-P. 214
 Preston S.H. 210

Record R.G. 210
 Reed C.A. 208
 Reinhard M. 208

Sauvy A. 210
 Schoen R. 210
 Shorter E. 296
 Spiegelman M. 209, 212
 Sundbärg G. 212, 214

Tacuber J.B. 212
 Tekse K. 242

Vallin J. 210
 Vichnevski A. 214
 Vishnevsky A. 214
 Višnevskij A.G. 214
 Voltaire 213

Wells R. 214
 Wischnevski A.G. 214
 Wrigley E.A. 213
 Wynn-Edwards V.C. 208

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Введение	5
Глава 1	
Воспроизводство населения и его исторические типы	9
1.1. Размножение популяций животных и воспроизводство населения	9
1.2. Исторический характер воспроизводства населения	18
1.3. Архетип воспроизводства населения	22
1.4. Первая демографическая революция	26
1.5. Традиционный тип воспроизводства населения и его историческая ограниченность	31
1.6. Современный (рациональный) тип воспроизводства населения	34
1.7. Краткие выводы	40
Глава 2	
Становление современного типа смертности	42
2.1. Сущность переворота в смертности	42
2.2. Смертность традиционного типа	44
2.3. Социальные предпосылки переворота в структуре причин смерти	53
2.4. Ограничение катастрофической смертности	57
2.5. Переворот в структуре причин смерти	60
2.6. Снижение повозрастной смертности и изменение кривых дожития	66
2.7. Рост средней продолжительности жизни	69
2.8. Завершение перехода к новому типу смертности	73
2.9. Новый тип смертности в СССР	80
2.10. Становление нового типа смертности в развивающихся странах	85
2.11. Краткие выводы	92
Глава 3	
Становление современного типа рождаемости	94
3.1. Основные факторы рождаемости: плодовитость и поведение	94
3.2. Рождаемость традиционного типа	100
3.3. Исторические предпосылки переворота в рождаемости. Изменение цели демографического регулирования	111
3.4. Исторические предпосылки переворота в рождаемости. Необходимость новых методов демографического регулирования	115
3.5. Изменения в брачном поведении	118
3.6. Изменения в репродуктивном поведении супругов	128

3.7. Динамика рождаемости в индустриальных странах	137
3.8. Новый тип рождаемости в СССР	145
3.9. Становление нового типа рождаемости в развивающихся странах	153
3.10. Краткие выводы	159

Глава 4

Переход к современному типу воспроизводства населения	161
4.1. Демографический переход, демографическая революция, демографический взрыв	161
4.2. Демографическое старение	169
4.3. Повышение управляемости и устойчивости воспроизводства населения	174
4.4. Переворот в экономичности воспроизводства населения	183
4.5. Рационализация индивидуального жизненного цикла	189
4.6. Краткие выводы	198
Заключение	200
Литература	207

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России (1977)	217
Оценка числа родившихся в Российской империи (1840–1913 годы) (1992)	243
1. Исходные данные и методы оценки	243
2. Результаты	248
Место исторического знания в изучении прокреативного поведения в СССР (1998).....	257
1. Введение	257
2. Экономическая ценность детей	258
3. Неэкономическая ценность детей	263
4. Отношение к рождению и смерти детей	267
5. Регулирование деторождения	271
6. Современное прокреативное поведение в свете знаний о прошлом	276
Образ прошлого в демографической литературе (1989).....	282

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Демографическая политика и демографический оптимум (1974).....	297
О мотивационной основе рождаемости (1979).....	311
1. Прокреационная и репродуктивная потребности	312
2. Внешнее и внутреннее в детерминации прокреационного поведения	318
3. Два типа прокреационной мотивации	321
Процессы самоорганизации в демографической системе (1986)	333
Иерархия целей демографической системы	334
Управление в демографической системе и культура	337
Социокультурный отбор	339
Социокультурный отбор и демографическая политика	342
Демографическая реальность в свете теории и идеологии (2004).....	346

CONTENTS

DEMOGRAPHIC REVOLUTION

<i>Introduction</i>	5
 <i>Chapter 1</i>	
Population reproduction and its historical types	9
1.1. Animal and human population reproduction	9
1.2. The historical character of human population reproduction	18
1.3. The archetype of human population reproduction	22
1.4. The first demographic revolution	26
1.5. The traditional type of human population reproduction and its historical limitation	31
1.6. The modern (rational) type of human population reproduction	34
1.7. Summary	40
 <i>Chapter 2</i>	
The making of a modern type of mortality	42
2.1. The nature of the revolution in mortality	42
2.2. Traditional mortality	44
2.3. The social preconditions of the revolution in the causes of death	53
2.4. The restriction of catastrophic mortality	57
2.5. The revolution in the causes of death	60
2.6. Age-specific mortality reduction and change in the curve of survival	66
2.7. The rise of life expectancy	69
2.8. Completion of the transition to a new mortality type	73
2.9. A new type of mortality in the USSR	80
2.10. The making of a new type of mortality in less developed countries	85
2.11. Summary	92
 <i>Chapter 3</i>	
The making of a modern type of fertility	94
3.1. Major determinants of fertility: fecundity and behaviour	94
3.2. The traditional type of fertility	100

3.3. The historical preconditions of the revolution in fertility. Evolution of the purpose of demographic regulation	111
3.4. "The historical preconditions of the revolution in fertility. The necessity of new methods of demographic regulation	115
3.5. Changes in matrimonial behaviour	118
3.6. Changes in reproductive behaviour of spouses	128
3.7. Evolution of the level of fertility in the industrialized countries	137
3.8. A new type of fertility in the USSR	145
3.9. The making of a new type of fertility in less developed countries	153
3.10. Summary	159

Chapter 4

The transition to the modern type of reproduction of the human population	161
4.1. Demographic transition, demographic revolution, population explosion	161
4.2. The ageing of population	169
4.3. The increase of controllability and stability of the population reproduction	174
4.4. The revolution in efficiency of human population reproduction	183
4.5. Rationalization of the individual life cycle	189
4.6. Summary	198
Conclusion	200
Bibliography	207

HISTORICAL DEMOGRAPHY

Early stages of formation of a new type of fertility in Russia (1977)	217
Evaluation of the number of births in pre-revolutionary Russia (1840–1913) (1992)	243
1. The sources and methods of evaluation	243
2. Findings	248
The role of historical knowledge in studying procreative behaviour in the USSR	257
1. Introduction	257
2. The economic value of children	258
3. The non-economic value of children	263
4. The attitude to the birth and death of children	267
5. Fertility regulation	271
6. Modern reproductive behaviour in the light of knowledge about the past	276
The image of the past in the demographic literature (1989)	282

THEORETICAL DEMOGRAPHY

Demographic policy and demographic optimum (1974)	297
On a motivational background of fertility behaviour (1979)	312
1. Procreative and reproductive needs	312

2. The external and the internal in the determination of reproductive behaviour	318
3. Two types of procreative motivations	321
Self-organization in a demographic system (1986)	333
The hierarchy of purposes of a demographic system	334
Regulation in a demographic system and culture	337
Cultural selection	339
Cultural selection and a population policy	342
Demographic reality in the light of theory and ideology (2004).....	346

Vishnevsky Anatoly. Selected demographic works. Vol. 1: Demographic theory and demographic history. – М. : Nauka, 2005. – 368 p.

This book contains works on demographic theory and demographic history published by the noted Russian scientist in various editions during last 30 years. The description and conceptualization of one of the major global processes of our epoch, the demographic revolution (demographic transition), as well as the consequential methodological approaches to understanding of motivation of modern demographic behaviour are the central subjects of the volume. The demographic transition in Russia since the middle of the 19th century is analyzed in the works on historical demography. The volume also includes articles on the theory of a demographic optimum and a theoretical approach to population policy. Some works included in the volume are published in Russian for the first time.

Научное издание

Вишневский Анатолий Григорьевич

**ИЗБРАННЫЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ**

Т о м I

**Демографическая теория
и демографическая история**

*Утверждено к изданию Ученым советом
Института народнохозяйственного прогнозирования
РАН*

Зав. редакцией *Г.И. Чертова*

Художник *Т.В. Болотина*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Т.А. Резникова*

Корректоры *Т.А. Печко, М.Д. Шерстеникова*

Подписано к печати 16.02.2005. Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печ.л. 23,0 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 23,9

Уч.-изд.л. 23,7. Тираж 450 экз. Тип. зак. 217

Издательство “Наука”. 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”. 121099, Москва, Шубинский пер., 6